
новое о происхождении человека
Виктор Тен
...из пены морской
гипноз и со-знание
тайна человека-амфибии
происхождение рас

ББК 28.71
Т33

Виктор Тен – историк, писатель, путешественник – посвятил работе над этой книгой почти десять лет. Первые идеи появились еще во времена, когда он, учась в университете, а потом работая профессионально, ездил по стране в составе археологических экспедиций. Предлагаемая им принципиально новая концепция происхождения человека полностью меняет традиционные представления об антропогенезе.

В отличие от непрофессиональных авторов, В.Тен – не дилетант, он прекрасно ориентируется в «накопанном материале», привлекает для обоснования своих идей много ярких и интересных научных фактов, рассматривая их с неожиданной стороны. В отличие от авторов-профессионалов, он не обходит «трудные вопросы» теории антропогенеза, ничего не оставляет «за скобками», наоборот: извлекает из нетей на свет божий такие проблемы происхождения сознания и тела человека, о которых до него никто и не задумывался. Это одна из самых новаторских и неожиданных книг столетия.

Иллюстрации:
1 страница обложки – картина С. Боттичелли «Рождение Венеры»;
4 страница обложки – изображение на древней инкской керамике.
Фото автора, коллекция автора
На титульном листе – изображение Кон-Тики
на андской окарине.
Фото автора, коллекция автора.

Научный редактор проф. Т.Ш. Басин

ISBN 5-902607-02-7

НЕМЫСЛИМАЯ АНАТОМИЯ HOMO SAPIENS

Придерживаясь самого строгого поста, Ирина сорок дней ничего не ела. Она невероятно похудела, но при этом — о чудо! — волосы ее стали гораздо пышнее, чем раньше, и приобрели блеск, уже было потерянный к сорока годам. Навестив ее с букетом морковки (выходя из голодовки, Ирина употребляла в качестве еды морковный сок), я впервые задумался о противоестественности человеческих волос и о том, что это явление никак не вписывается в известную, как дважды два, концепцию происхождения человека от обезьяны.

Эта концепция носит название «симиализм» от латинского «simia», — «обезьяна».

Она настолько утвердилась в науке и обыденном сознании, что стала синонимом эволюционизма в вопросе о происхождении человека. Подразумевается, будто любое сомнение в том, что человек произошел от обезьяны, означает отказ от теории эволюции. Вера в Обезьяну конкурирует с верой в Бога и Космический разум, — в буквальном смысле слова. Если все гипотезы антропогенеза распределить по полкам, то мы будем иметь три полки: от Обезьяны, от Бога и из Космоса. На полках, в свою очередь, будут перегородки. Обезьяна, например, может быть древесная (вроде шимпанзе, которая ближе всех к нам генетически), саванная (вроде бабуина; социальная структура стада этих обезьян некоторым исследователям представляется проточеловеческой), водная (только водные обезьяны Калимантана имеют длинные носы).

Креацианизм (концепции творения) тоже многолик. Принято думать, будто эволюционизм и креацианизм прямо противоположны друг другу. На самом деле это не так. Если видеть в промысле Божьем не столько исполнительную, сколько законодательную и судебную власть, то верующий человек вполне может быть эволюционистом. Ибо, говоря о «дне сотворения», мы не представляем себе длительность дня Бога. В ведической мифологии один день Бога вмещает в себя миллионы наших лет.

Космизм близок креацианизму по стилю мышления, не случайно первой формой космизма была тоже религия, — буддизм. Одним из основоположников т.н. «научного космизма» является католический монах Тейяр де Шарден.

Существуют «логический космизм» и космизм вульгарный. Вульгарным космизмом я называю все гипотезы прямого происхождения человека от пришельцев. Они — гипотезы — настолько популярны, насколько просты; потому и популярны, что примитивны. Ни одна из них не может перескочить через один барьер, а именно: генетически человек неразрывно связан со всем живым на Земле. Выдавая «на гора» очередную сенсацию о «пришельцах», об этом принято молчать. До тех пор, пока эта трудность не будет преодолена, невозможно всерьез воспринимать разговоры об инопланетянах, как физических наших предках.

Логический космизм исходит из внутренней логики Мироздания, которая, дескать, неизменно приводит к порождению Разума. Ноocентризм — вот достоинство и порок этой гипотезы происхождения человека (вспомним, например, Вернадского с его концепцией «ноосферы»). Разумеется, способность мыслить представляет собой главный эксклюзив человека, но не единственный. В физической природе человека, т.е. в теле, в его анатомии и физиологии, содержится множество эксклюзивов, которые на настоящий момент не способна объяснить ни одна концепция. Логический космизм высокомерно игнорирует вопрос о том, как возникло тело человека. Когда данное куцее учение именуют «глобальным эволюционизмом», это ошибка. Глобальный эволюционизм должен объяснять абсолютно все от подъема стопы до полета мысли. Нельзя объяснить последнее, не начав с первого. Проще говоря, я призываю не витать в облаках, а ходить по земле.

Надо отдать должное ученым-симиалистам, против которых направлен основной критический пафос этой книги: они одни уже более ста лет бьются над простыми вопросами, без решения которых невозможно понять антропогенез. Это вопросы морфологии и физиологии, среди которых в первую очередь выделяются три: каким образом возник мозг? как стало возможно прямохождение? благодаря чему сформировалась «рабочая рука», — четыре луча и отстоящий от них большой палец? За сто лет не решены даже эти три вопроса, а ведь они представляют собой малую толику той невероятной, несовместимой с обезьяньей, анатомии, которую еще только предстоит расшифровать.

Главным недостатком симиализма, которому привержено практически все академическое сообщество, является неспособность объяснить возникновение сознания. Кроме пошлой логики «мало-помалу», «потихоньку-понемногу», которую сами же симиалисты и критикуют, как убогую (например, Б.Ф. Поршнев), они ничего предложить не могут. При этом все понимают, что сознание не является продолжением инстинкта или рефлекса; что человеческое начало совместимо с животным только через предлог «анти»; что социальное представляет собой отрицание биологического. Все понимают, что картина антропогенеза не может выглядеть, как единый процесс поступательного развития, что где-то должен быть перелом, инверсия, «выворачивание вывернутого», момент выхождения наших предков за пределы самих себя, — но где искать этот момент, эту точку альфа или точку омега, смотря с какой стороны подходить, — этого никто не знает. Значительная часть данной книги посвящена именно этой проблеме. Предложенная здесь концепция именуется мной «инверсионная теория антропогенеза».

Уровень теории подразумевает способность объяснить большинство известных науке фактов, исходя из одного обобщающего начала. Главными ее качествами должны являться системность и безотказность в истолковании всех «трудных мест». До настоящего времени единственной работающей теорией антропогенеза являлась т.н. «трудовая теория», — эволюционная теория, основанная на симиализме. Основной ее постулат звучит так (прошу прощения за банальность): человек произошел от обезьяны благодаря труду. Впрочем, это не банальность, а ложь, причем, двойная. Ибо, — не от обезьяны и не «благодаря труду».

Главным достоинством трудовой теории была претензия на системную всеобщность. Она одна пыталась объяснить все, т.е. не просто деклариро-

вала сама себя, как другие концепции, а «работала» на изменчивой почве фактологии, везла научный тарантас, пока могла. Все прочие гипотезы развития однобоки, несистемны. Как правило, берется один какой-либо факт археологии или антропологии, который не способна истолковать трудовая теория, и отсюда делаются далеко идущие выводы. Таким образом, например, появился на свет антиэволюционизм. Он вырос из одного пункта, на котором «буксует» трудовая теория эволюции, а именно: в рамках отдельных родов и семейств гоминид наблюдается не прогресс, а явная деградация. Более древние гоминиды совершеннее тех, кто по времени ближе к нам. Атомарная логика «мало-помалу», «потихоньку-понемногу» полетела к чертям. Отсюда был сделан скороспелый вывод, в котором «смелость» отказа от «обезьяньей теории» сочетается с рабской прицепленностью к ней же: будто все приматы произошли от человека, а от обезьян, в свою очередь, по нисходящей произошли все земные твари вплоть до насекомых (т.н. «теория инволюции»).

Из этой научной трудности существует иной выход, не столь сенсационный, но удивительный, как все простое.

Мы обнаруживаем его, когда задумываемся над простыми вопросами, которые официальная наука, представленная симиалистами, старается не упоминать. Например, откуда у человека такой уникальный тип роста волос скальпа, которые растут непрерывно и могут достигать невероятной длины? От кого они нам достались, — от обезьян? В таком случае, почему в своих иллюстрированных талмудах антропологи изображают всех наших предков в шерсти и без волос, а потом вдруг исчезает шерсть, появляются длинные волосы? В чем заключается эволюционная необходимость длинных волос для сухопутных существ, какими являлись антропоиды и гоминиды? Почему наш организм так «запрограммирован», что в условиях катастрофического дефицита питания жертвует всем, но спасает волосы, которые даже не защищают нас от холода? Даже после гибели организма в человеческом теле продолжает работать программа роста волос и ногтей, что уникально и совершенно невероятно. Внешние покровы зверей и птиц жизненно необходимы своим владельцам, но при этом голодовка сказывается прежде всего на них. Переходя на режим экономии, организм животного перестает тратить питательные вещества на шерсть и перо, которые блекнут и редеют. В случае с человеком картина прямо противоположная: чем меньше он ест, тем крепче его волосы. Из этого можно сделать лишь один вывод: в период антропогенеза волосы для наших предков были ценнее жизни. Из этого вывода следует второй: преображение животных в человека имело место быть не в лесу и не в саванне, а там, где волосы не мешали, а были, наоборот, важным фактором выживания.

Спускаясь сверху вниз, мы натыкаемся на нос. Этот наш придаток разительно отличается от обезьяньего, превосходя по длине, а также тем, что ноздри направлены вниз, а не вперед и вверх. Если исходить из того, что человек эволюционировал в лесу или саванне, то подобный орган обоняния представляет собой, несомненно, порок развития. Наши предки были животными, которым нос был необходим, чтобы нюхать воздух, ловя ароматы возможной добычи и запахи хищников. Все обезьяны непрерывно делают это, просто поворачивая головы. Обезьяна, которой понадоби-

лось бы для этого задирать голову, теряя обзор и подставляя для нападения беззащитную шею, никогда б не выжила в дикой природе.

Недостаток – это когда чего-то не хватает. В данном случае речь идет об анатомических пороках. Разве длинные волосы не являются таким же пороком? Долговласая обезьяна погибла бы, запутавшись в сучьях.

Физиологический порок: наш способ издавать звуки. В целях маскировки (потому что во рту гниют остатки пищи) все без исключения наземные животные используют вдыхаемую струю. Один только Homo sapiens (о безумец!) издает звуки на выдохе и, если даже у современных людей, пользующихся средствами гигиены, дыхание зачастую нечисто, то что можно сказать о диких наших предках? Волк и леопард могли почуять эти «ароматы» издалека, даже не слыша звуков.

Губы – эти круто вывернутые наружу внутренние ткани – какова их роль в эволюции? Это еще один наш эксклюзив, о котором никто из знатоков теории антропогенеза ничего не может сказать. Уязвимость губ определяется тем, что это внутренняя ткань, слизистая, которая непонятно зачем выперлась наружу. Это, если хотите, геморрой переднего прохода. Зачем человеку этот геморрой? Цивилизация приспособила губы для поцелуев и губной помады, но дикари поцелуя не знают. Большая часть человечества не знала поцелуя до 18в. Жвачные животные тоже имеют губы, но это совсем другое: трудовые мозоли, более плотные по структуре, чем даже кожа. Один только человек имеет мягкие губы, цитологически определяемые, как внутренняя ткань. Потрогайте языком: между слизистой рта и губами нет никакой границы.

Далее нас начинает мучить щитовидная железа. Среди людей, живущих на континенте, эндемический зоб – чрезвычайно распространенная вещь. Полтора миллиарда имеют предзобное состояние, 200 миллионов страдают этим заболеванием, которое часто переходит в рак. Нам всем не хватает йода. На Земле 5 млн. идиотов, рожденных таковыми вследствие йододефицита. Йодное голодание – еще один наш физиологический эксклюзив, ни одно животное не знает такой проблемы. Кто кормил йодом наших предков, чтобы они смогли породить разум?

Впрочем, все это мелочи. Забудьте, хотя каждой из них в отдельности было бы достаточно для запуска эволюцией программы выбраковки. При этом далеко не все «мелкие» причины для такой команды могут быть перечислены в краткой форме предисловия.

Далеко не мелочью является наша уникальная среди животных потливость. Мы привыкли считать себя самыми чистыми существами на Земле, а это не так. Абсолютно все животные, включая фольклорную свинью, гораздо чище нас. На планете нет другого существа, к которому столь охотно липла бы грязь и болезнетворные микроорганизмы. Даже в состоянии полного температурного комфорта нормальный человек выделяет 0,7 литра пота в сутки; в тропиках, где, как считается, появился Homo sapiens, количество потовой жидкости доходит до десяти литров в день. Большое ведро! Наделив наших предков такой системой терморегуляции, природа как бы выкрасила их светящейся краской и выставила среди диких зверей, не дав для обороны ни клыков, ни когтей. Свою собаку, боксера, я не мою месяцами – и она ничем не воняет. Позволить себе не мыться хотя бы неделю я не могу. Свинья валяется в грязи, сохнет, потом подходит к забору – и спустя не-

сколько минут стоит чистая, белая и сухая. Человек не может обойтись забором, ему необходима горячая вода. Липкий пот буквально приклеивает к нашему телу молекулы грязи и источает резкий запах.

Было бы терпимо, если б мы платили такой монетой за благо пользоваться надежной и удобной системой терморегуляции. Отнюдь! О качестве такой системы терморегуляции, как потоотделение, говорят следующие факты. От холода она нас не защищает вообще. Когда нам жарко, уже через полчаса нас начинает изводить не столько жара, сколько наш собственный пот. Покрытый шерстью верблюд выдерживает диапазон температур в 100 градусов, — от минус 50 до плюс 50. Диапазон обнаженного человека примерно в 20 раз уже: от плюс 18 до плюс 23. Спрашивается: зачем эволюция «слизала» с обезьян шерсть, делая человека, если даже в тропиках холодно по ночам? Ни один антрополог не может дать вразумительный ответ на данный вопрос. Возникает вопрос: а имели ли предки человека когда-либо шерсть? Если не имели, то это были не обезьяны, потому что голых обезьян в природе нет.

Однако и такой порок, как безудержная потливость — ничто в сравнении с недостаточностью нашей костной основы, той подвески, к которой крепятся внутренние органы. Подсчитано, что дефицит ее прочности в условиях земной тяжести составляет примерно 40%. Большинство неспецифических заболеваний, начиная со среднего возраста, провоцируются хондрозами, включая сердечные. Достаточно сравнить скелет человека и скелет любого наземного животного, имеющего примерно такую же массу (большой волк, небольшой медведь, горилла, крупный козел, орангутан и др.), чтобы убедиться в том, что мы устроены гораздо субтильней. Особенно это касается устройства позвонков, которые очень хрупки из-за невероятно большого (для земных животных) калибра внутреннего отверстия. Этот 40%-й дефицит прочности является едва ли не основным аргументом сторонников гипотезы о внеземной природе человека. Думаю, что прежде чем вперять свои взоры в сторону Сириуса или Туманности Андромеды, следует поискать на собственной планете среду, в которой могло появиться существо с неземным костяком. Например, воду.

Симиалисты парируют доводы «пришельцев», говоря, что в целом костяк достаточен, а дефицит прочности определяется прямохождением. Мол, предок передвигался на четвереньках и не имел проблем. Это не ответ. Во-первых, позвоночник человека, даже если поставить его в позу козла, все равно проигрывает в прочности равновеликим животным. Во-вторых, переход к прямохождению сам по себе столь проблематичен, что симиалистам лучше оставить данный аргумент в покое.

Переход предполагаемых обезьяньих предков к двуногой локомоции был невозможен по анатомо-физиологическим показаниям. Дело в том, что все обезьяны, включая ископаемых, плоскостопы. Человеческая ступня представляет собой сложный рессорный механизм. Свод стопы — это пружинная рессора, которая сделала возможным прямохождение. Сводчатая стопа может перейти в плоскую, а вот обратный процесс невозможен. Хождением плоскостопие не ликвидируется, а усугубляется. Злоупотребление плоскостопых людей хождением без специальной обуви приводит к развитию костной патологии. В первобытном лесу ортопедов не было. Вопрос: каким образом плоскостопые обезьяны, перейдя к хождению по земле

на двух ногах, приобрели не артроз, а пружинный свод стопы, если это в принципе невозможно? Скорее всего, данный анатомический эксклюзив человека сформировался в другой среде, менее жесткой, и благодаря другим причинам.

Еще вопрос: зачем приматы покинули сравнительно безопасный ярус тропического леса ради хождения по земле на своих коротких, кривых, плоскостопых ножках? Это вопрос, который стоит в самом начале симиализма, как научной концепции. По идее, ни один симиалист не имеет права двигаться в своих рассуждениях дальше, не ответив на данный вопрос. Между тем, ответа нет. Симиалисты начинают свои рассуждения с «пиратской» по сути дела фразы: «Некогда какие-то человекообразные обезьяны, которые были, скорее всего, шимпанзеподобны, спустились с деревьев на землю и перешли к прямохождению». Фраза является пиратской, потому что не называются побудительные мотивы такого перехода. До тех пор, пока они не названы, обезьяны должны сидеть на дереве, а все диссертации, защищенные благодаря им, должны быть дезавуированы.

Среди называемых причин перехода обезьян к прямохождению наиболее солидно выглядит так называемая, пресловутая, ставшая притчей во языцех и роялем в кустах, — аридизация. Палеоклиматические реконструкции, которыми занимаются симиалисты, не могут вызвать ничего, кроме смеха. Как правило, их задача заключается в том, чтобы найти очередную «аридизацию», приуроченную к очередной находке древних гоминид. Полвека назад считалось, что человек появился в Азии 700 тыс. лет назад, потом — будто в Африке 1,5 млн. лет назад, еще позже появилась дата 3 млн. лет. Находки рубежа тысячелетий дали основания предполагать, что человек появился не в голоцене, а раньше и древность нашего рода насчитывает 6 млн. лет. Соответственно симиалисты перемещают и свой рояль в кустах, — аридизацию.

Думаю, что следует раз и навсегда освободить ученых от тяжкого труда по переноске рояля из одних кущ в другие. Слушайте сюда. В течение всего периода антропогенеза, который в масштабе геологического времени ничтожен по протяженности, на планете Земля сохранялась зона влажных тропических лесов, причем, именно там, где она и ныне располагается: вдоль по экватору. Там же обитают большинство видов обезьян, включая всех антропоидов. Палеоклиматических причин менять среду обитания для них не существовало никогда. Вариации границ тропических лесов не влекли катастрофических последствий для приматов. На Мадагаскаре и в Индонезии до сих пор живут тропические виды, которым насчитывается 70 млн. лет. Это настолько далекая эпоха, что в то время большинство видов животных даже еще не начинали свою эволюцию. Живут и живут, даже не пытаясь гулять на двух ногах.

Если хотите узнать, когда, где и каким образом появились сознание и тело человека, — прочтите данную книгу ●

РАЗДЕЛ I

ИНСТИНКТ–БЕЗУМИЕ–РАЗУМ

Основы инверсионной теории антропогенеза

«Гипноз является погружением в исходное состояние психики, которое Шерток называет «дуальным»... Не есть это дверка в «помещение», где хранится тайна возникновения сознания?..»

«Матрицей, на которой спаялось сознание, является диссоциированная психика некоего животного, но не обезьяны. Мы должны найти такое животное, у которого в одной черепной коробке — два мозга, независимых друг от друга...».

Глава 1. ПРОПАСТЬ ДЕКАРТА И ЩИТ ПЕРСЕЯ

1. Постановка проблемы

Антропологи не могут объяснить, как стало возможно тело человека с его эксклюзивными особенностями. По сути дела наука расписалась в собственном бессилии и открыла дорогу различным проявлениям ненаучного мышления.

Предлагаю начать ad ovo, с вопроса, чем человек отличается от животных. Уверен, что большинство ответит: главное различие заключается в том. что *человек обладает сознанием.* В таком случае мы просто не можем не поговорить о том, какие «наработки» имеются в науке по данной проблеме и существует ли общепринятая точка зрения на вопрос о происхождении сознания человека.

Бытует ли теория, разъясняющая поэтапно, *как* в процессе сапиентации происходило становление сознания. Был бы рад выявить такую психологическую теорию, даже если бы она была оторвана от морфолого-анатомических «абсолютных истин», которые антропологи реконструируют на основе археологических раскопок.

Ниже будет предложена поэтапная теория происхождения сознания, которая полностью согласуется с правильно понимаемыми данными антропологии. В предшествующей науке было бы интересно выявить хоть какую-нибудь серьезную теорию генезиса человеческой психики, хотя бы умозрительную.

По сути дела, это основной вопрос психологии, потому что основным предметом психологии, как бы не «отбояривались» от него отдельные психологи, является сознание. Никакой предмет невозможно понять, не узнав, «как это возникло». Поэтому экскурс в скучную сферу теоретической психологии для нас, увы, неизбежен.

2. Проблема сознания в истории психологии

Проблему сознания ввел в науку (тогда еще неразделенную по дисциплинам) Декарт.

До него единым предметом «царицы наук» теологии и ее «служанки» философии являлась душа, с происхождением которой все было ясно: Бог дал. Любая попытка иной постановки вопроса рассматривалась в качестве сурово наказуемой ереси.

Декарт избежал подобного обвинения, обозначив мышление в качестве главного атрибута души («cogito ergo sum»), что формально не меняло предмета познания. На самом деле предмет был радикально изменен. Душа, субстанция божественная, отошла на второй план, на первый план вышло мышление и, благодаря этому, стала возможна светская наука. Благо-

даря Декарту, была создана *видимость*, будто наука души «не замает»: занимается мышлением, то есть сознанием, а не душой, как таковой. Формально это выглядело не более, чем конкретизация предмета науки в отличие от предмета теологии, которая продолжала заниматься душой. Богословы проглядели, когда у них очень хитро отобрали монополию, внешне даже не покушаясь на нее.

Мышление становилось единственным предметом изучения, потому что Декарт в принципе не признавал бессознательного. Перестать мыслить для души означало перестать существовать. Это все равно, что для тела потерять протяженность, то есть последовательность своего расположения в пространстве.

Знаменитая «декартова пропасть» между сознанием и материей, атрибутом которой – материи – является «протяженность», позволяет сделать вывод о мышлении, как о таком явлении, которое не только лишено протяженности, но и качественно противоположно ей. Не случайно Лейбниц, опираясь на Декарта, ввел понятие о сознании, как об интеграле, а не простой арифметической сумме, которая характеризует протяженность. Лейбниц исходил при этом из противоположности протяженности и мышления, как двух атрибутов двух субстанций: материи и души. Если к протяженности применимо суммирование, то к сознанию – нет.

Лейбница, как ни странно, считают критиком Декарта, тогда как он на самом деле развивал картезианство. Впрочем, элемент критики тоже имел место: Лейбниц, в отличие от Декарта, признавал бессознательное в сфере психических явлений.

«Декартова пропасть» является началом разделения наук на гуманитарные и естественные с их собственной дериватной «пропастью». В эту пропасть, штурмуемую с обеих сторон, ссыпалось великое множество теорий, но она остается такой же глубокой, как и вначале. В настоящее время над ней висит без опоры эклектичная дисциплина «из новых» – т.н. «интегративная антропология».

Насколько я разумею, ее целью является интегральное знание о человеке. Но интегральное знание о человеке возможно только в трансцендентной форме или (допускаю) – метафизической. Оно присутствует для посвященных в Священных писаниях; неуловимо мерцает в озарениях великих философов. Другого «интегрального знания» о человеке не может быть по определению.

Любая сумма знаний о человеке, собранных по крупицам из позитивных наук, не может дать ничего, кроме эклектики. Это в лучшем случае. Покамест «интегративным человековедам» не удается даже суммировать. В подтверждение – цитата о «критериях человечности» из одного «интегративного» фолианта:

«Диагностического критерия практика до сих пор не имеет. Представления о «мозговом рубиконе», как четком разграничении массы мозга у ископаемых форм соответственно их систематическому положению, не выдержали испытания временем. Критерий «хромосомного рубикона» трудно реализуем на практике. Т.о. остается все та же «трудовая деятельность». Но здесь археология и антропология расходятся» (76, с.34).

Интегративная антропология покамест просто не существует, потому что не может существовать наука без критериев своего предмета. Следовательно, «декартова пропасть» зияет столь же провально, как и во времена Картезия. Между мертвой материей мира и душой с ее мышлением нет никакой связи. То есть, сама по себе она есть, но ученые ее не понимают. Они не могут объяснить: откуда взялось сознание и что оно собой представляет.

С подачи Декарта предметом науки вместо души стало сознание, а основным методом исследования его — интроспекционизм, постулат которого, сформулированный Локком, звучит так: «сознание есть восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме».

Интроспекция — это «внутри-себя-копание» или «внутрь-себя-смотрение»; исследование «в-себе-бытия» сознания самим сознанием. Этот, с позволения сказать, «метод», впоследствии получивший название «субъективного метода» (ибо о какой объективности можно здесь говорить?) надолго стал единственным методом нарождающейся психологии, которая еще находилась в утробе, вернее, в двух утробах одновременно: философии и медицины.

С началом эпохи Просвещения началось повальное увлечение образованных людей анатомией. Появилось понятие «анатомический театр», кощунственное в своей основе. Художники писали полотна на тему «расчлененки» (пример: Рембрандт, «Урок анатомии доктора Тюльпа»). Воровство свежих трупов с кладбищ приняло характер одновременно общественного бедствия и бизнеса. Богатые люди приглашали друг друга на сеанс расчленения, как на чашку чая или кофе и резали трупы за чашкой чая.

Успехи анатомии позволили еще более конкретизировать предмет еще не рожденной науки психологии, вследствие чего *психофизическая* проблема была заменена *психофизиологической.*

«Декартова пропасть», как проблема «сознание\материя» осталась философии. Предметом новой науки становилась дихотомия «сознание\тело человека». Физиологическое обеспечение актов сознания — вот что стало интересовать ученых. Начало развиваться учение о рефлексах, стали появляться программы построения психологии, как опытной науки.

При этом интроспекционизм долго еще оставался ее единственным методом. Ученые делали те или иные выводы, испытывая и изучая самих себя, опираясь на акты собственного сознания. Страной, где подобные исследования получили максимальное распространение, стала Германия, а апологетом интроспекции стал профессор Вундт, создавший огромную школу, которая рассыпалась еще при его жизни.

Изощренное духовное онанирование многочисленных учеников Вундта не выдержало проверку на научность.

Тогда впервые на повестке дня встала проблема объективного метода в изучении феноменов сознания. Постановка проблемы объективного метода является *началом* новой науки — психологии.

Вообще-то началом психологии, как науки, принято считать формирование категориального аппарата (46). Думаю, что это не совсем верный подход, постольку поскольку категориальный аппарат формируется и меняется непрерывно на протяжении развития науки. Какая-либо четкая грань здесь невозможна. В частности, отцом понятия о рефлексе — одного из

основных понятий психологии — являлся Декарт, а о психологии, как науке, в его время говорить не приходится.

Сердцевиной науки является ее методология, ибо — если подходить строго — все науки изучают один предмет: Универсум. Различие касается только метода. Категориальный аппарат — критерий скорее количественный, чем качественный. Категориальный аппарат современной физики настолько отличен от категориального аппарата физики времен Ньютона, что два физика, оперирующие категориями разных времен, не поймут друг друга. При этом мы знаем: замены и нововведения совершались постепенно. Еще показательней ситуация в философии. Каждый сколько-нибудь значимый философ создает собственный категориальный аппарат. Философ, оперирующий категориями Гегеля, отрицает категориальный аппарат Канта, а кантианец не воспринимает категориальный аппарат Гуссерля.

Отметим заслугу школы Вундта: она дала весьма значимый отрицательный результат. Этот результат сравним с тем, который дала в конце 20 в. трудовая теория антропогенеза, основанная на симиальной гипотезе. Труды антропологов и археологов, искавших предков людей в саваннах Африки, не пропали втуне, равно как и труды психологов, искавших истину о сознании в самих себе. Отрицательный результат в науке не менее значим, чем положительный, ибо ученые ищут истину, а не клады.

В 70-х годах 19 в. психология стала претендовать на звание самостоятельной науки и начало ее озарили два великих имени: Брентано и Сеченов.

Для Брентано, как католического мыслителя, вопрос о происхождении сознания не имел смысла. Основная идея Брентано представляла собой попытку преодолеть «декартову пропасть» между сознанием и материей.

Он смотрел на сознание, как на *интенциональный* акт. Интенция (от предлога «ин») означает неразрывную связь сознания и его объекта. Объект, утверждал Брентано, *включен* в акт сознания. Никакой пропасти между сознанием и его объектом нет, потому что в интенциональном акте сознание и объект представляют собой одно целое. А что за пределами? — спросит читатель. А ничего. Ибо мы можем судить только о том, на что в настоящее время направлено наше сознание. Способность к интенции представляет собой не продукт развития, а дар Божий, считал Брентано. Надо ли говорить, что мыслители, подобные Брентано, не могли даже ставить вопрос о *происхождении* сознания.

В разрезе идейной борьбы взгляды Брентано представляли собой антикартезианство. Это попытка католической церкви вернуть в свое лоно то, что «украл» у нее Декарт: душу. Это попытка восстановить умозрительное единство мира под эгидой Благодати. Никакой пропасти нет, сказал Брентано, есть гармония мира Божьего, потому что по-другому не может быть, если веришь в Создателя.

Вопрос о *происхождении* сознания в 19 в. могли ставить только материалисты, чем и определяется их ведущая роль на этом этапе развития психологии. Для того, чтобы узнать, что представляет собой та или иная вещь, надо узнать, как она возникла. Первым вопрос о сознании в таком разрезе поставил И. Сеченов. Он поставил задачу создания новой психологии, как науки, основанной на объективном методе, «родной сестры физиологии».

Сеченов отрицал разделение на рефлекторную и произвольную деятельность, когда под второй понималось собственно сознание. «Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы», — считал он. Сеченов выдвинул интересную идею об акте сознания, как о «незавершенном рефлексе», то есть не доведенном до физического действия ответе организма на внешний фактор.

Конец 19 в. стал временем борьбы между сторонниками интроспекционизма и сторонниками объективного метода. В бурной полемике становилась на ноги экспериментальная психология. Изобретались различные приборы. Были сделаны интересные открытия о способах функционирования сознания, но все это ни на йоту не приблизило к решению вопроса: что есть сознание и как оно возникло.

Эволюционная теория Дарвина предопределила вовлечение в экспериментальную работу нового объекта исследований — животных. Вопрос о том, *что такое* сознание, все чаще и чаще ставился как вопрос о том, как *возникло* сознание.

Поначалу казалось, что проблема проста и на нее легко будет найти ответ, изучив психику животных. Появились различные вульгаризаторские концепции «перехода», например, концепция Романеса, который заявил, что между психикой животных и сознанием ребенка нет качественной разницы, что различия существуют «по степени, но не по роду».

Если первоначальная психология являлась философской наукой, потом ее «делали» физиологи, то теперь наступил черед зоологов. Последние поступили следующим образом: налив своей воды в крестильное корыто с целью перекрестить «заблудшее дитя» психологию в «истинную веру», они выплеснули ребенка. Они объявили проблему сознания лжепроблемой, в качестве предмета психологии выдвинули акты поведения, а не сознания. Это явление получило название «*бихевиористский* бунт против сознания».

Бихевиоризм имел американское происхождение и прописку, хотя многие бихевиористы считают своим предтечей Сеченова, ибо он первым применил подход к актам сознания со стороны физиологии. Эти исследователи ставили перед собой конкретные задачи: разработать способы манипулирования поведением животных и людей. Бихевиористы внесли большой вклад в изучение мозговых механизмов.

Интересен, например, ***опыт Карла Лешли***, который заключался в следующем: у животных вырабатывался какой-либо навык, а затем удалялись различные части мозга с целью выяснить, зависит ли от них данный навык. В итоге Лешли выяснил, что мозг функционирует, как целое и его различные участки взаимозаменяемы. (Речь идет об ассоциативных полях мозга, ибо сенсорные центры имеют конкретную локализацию в коре мозга). Лешли выяснил, что ***специализация клеток не дает преимуществ, когда дело идет об ассоциативных способностях***. Нейроны ассоциативных полей неокортекса с успехом могут заменять друг друга. Для нас опыт Лешли очень важен, прошу читателей запомнить его выводы.

В Европе в это время (в ожесточенной полемике с бихевиоризмом) развивалась *гештальт*-психология. Гештальтистам (которые работали, в основном, в немецких лабораториях) не нравилось расчленение объекта исследований на отдельные поведенческие акты, они не видели отсюда

пути к познанию сознания, как тотальности. Для них характерен интегральный подход, намеченный в свое время их великим соотечественником Лейбницем. Кстати сказать, опыт бихевиориста Лешли где-то подтверждает правоту гештальтистов: когда речь идет об ассоциативной коре мозга, то при дроблении ее «осколки» заключают в себе не отдельные куски, а всю картину целиком, как осколки зеркала или магнита.

Для гештальт-психологии характерно оперирование категориями, подчеркивающими целостность и нераздельность восприятия. Они широко распространили такие понятия, как «инсайт», «короткое замыкание», «изоморфизм», «транспозиция» (реакция не на отдельные раздражители, а на их соотношение). Проводя, как и бихевиористы, опыты на животных, гештальтисты приходили к прямо противоположным выводам.

В плане происхождения сознания (нас интересует именно это) генеральной идеей гештальт-психологии является идея *изоморфизма*. По сути дела именно она дала название всему направлению. Изоморфизм означает, что психика является интегральным образом (гештальтом) физиологии.

Борьба направлений, буквально «съедавших» друг друга, привела психологию в начале 20в. к системному кризису, когда воцарился хаос в понимании не только предмета науки, но также ее метода и способов интерпретации результатов опытов.

В этот вакуум начали активно внедряться два новых направления: марксистская психология, развивавшаяся в революционной России, и фрейдизм с его психологией бессознательного.

Советская школа психологии основывалась на ленинской теории отражения, согласно которой все формы сознания являются отражением материи и материальных отношений. Строилась иерархия форм сознания (сознание индивида, группы, класса, общественное сознание), напротив выстраивалась иерархия материального. Проблема «кривого зеркала», «инаковости» отражения решалась через категорию «активность», под которой – активностью сознания – подразумевалась способность этого «зеркала» не столько привносить что-то свое, чего нет в отражаемом материальном мире, сколько творчески перерабатывать. Актуальна была проблема происхождения сознания, которая на первых порах даже заняла центральное место, ибо, доказав происхождение сознания через категорию отражение, можно было, по мнению коммунистических идеологов, одним ударом «убить» буржуазную «лженауку» и религиозное мировоззрение. Л. Выготский, главный идеолог советской психологической школы, выдвинул гипотезу происхождения сознания вследствие «*интериоризации*» (овнутренения) общественных отношений (47, сс.25-37).

Здесь вырисовывался порочный круг. Пока нет сознания, никаких общественных отношений быть не может. Пока нет общественных отношений, не может возникнуть сознание. Проблема была решена казуистически. Во второй половине 20 в. П. Анохин предложил концепцию «опережающего отражения», которая была тотчас принята на вооружение советскими антропологами, для которых вопрос о происхождении сознания тем самым оказался как бы решен и закрыт. Не могут не вызывать улыбку печатные высказывания советских авторитетов в области палеоантропологии, которые, комментируя работы западных ученых по этой проблеме, свысока

и с лысенковской хитринкой, пишут: *они*, дескать, не знают о теории опережающего отражения советского ученого Анохина!

Ни «теория интериоризации», ни «теория опережающего отражения» проблему не решают. Сами по себе они стоят не больше тезиса «Бог дал». *Механизм* возникновения сознания на базе психики животных в процессе *общения, отражения, опережения, овнутренения* советская наука обрисовать не смогла даже в самых общих чертах. Идея Выготского была и остается ничем не подтвержденной гипотезой. Предложив решение проблемы *«почему* возникло сознание», необходимо следом показать *как* это было в ретроспективе. Я могу сказать, что сознание прилетело на Землю с солнечным ветром и вошло в наших предков. Чего будет стоить подобное заявление, до тех пор, пока я не сумею детально разъяснить, как все происходило?

Наиболее интересным из всего, что было написано в Советском Союзе о происхождении сознания, представляется книга историка и психолога Б. Поршнева «О начале человеческой истории», который выдвинул «еретическую» гипотезу о том, что в начале сознания было безумие; что прямого перехода от психики животных к сознанию человека не может быть.

3. В поисках «зеркала»: Сознание и «его иное»

Каким бы ни было декларируемое той или иной школой психологии отношение к проблеме сознания, со времен Декарта именно оно – сознание – является основным предметом психологии. Развитие психологии можно представить в виде сменяющих друг друга попыток найти истоки сознания и определить сознание через «*его иное*». Предмет психологии в видении разных школ всегда представал, как дихотомия «*сознание* и *его диалектическая противоположность*». Исторически первой дихотомией была психофизическая проблема, та самая «декартова пропасть», которую предстояло преодолеть, и тогда тайна сознания была бы раскрыта, как представлялось тогда. Это *глобальная дихотомия сознания* и *материи.*

Второй дихотомией стали *сознание человека* и его *телесный носитель* в виде психофизиологической проблемы. Третьей – *сознание человека* и *поведение животных* в свете бихевиористского «бунта против сознания». Здесь, несмотря на внешние декларации, речь тоже шла об истоках сознания, осмысляемого в категориях поведения. Следствием этого низведения сознания человека до поведения животных стал антропоморфизм, очеловечение животных. Сознания стало слишком много. Таково было парадоксальное следствие «бунта против сознания».

Учение о рефлексах соединило в себе физиологию и поведенческую проблематику, оно синтетично, что надолго определило интерес к рефлексологической тематике и вызвало к жизни идеи о рефлекторном начале сознания. Сознание представало то в виде «незавершенного рефлекса», то в виде сложного рефлекса или суммы рефлексов. Но, в конце концов, психологи, потратив на эксперименты уйму денег и времени (практически все 20-е столетие), пришли к выводу, что рефлекторный и сознательный образы действий не только не подобны, но противоположны друг другу. Сознание возникает не там, где вырабатываются все более и более

сложные рефлексы, а там, где происходит отказ от инстинктивно-рефлекторного, животного образа действий. Сложные рефлексы, например, строительные рефлексы у муравьев, закрепляются в такие же сложные инстинкты, и это не только не способствует развитию сознания, но, наоборот, делает сознание невозможным.

Рефлекс и сознание не являются даже диалектической противоположностью, они не «мерцают» друг в друге; изучая рефлекс, невозможно выйти на начало сознания.

Советская психология предложила к рассмотрению психосоциальную проблему, представив сознание как интериоризацию общественных отношений. Таким образом выявилась четвертая по счету дихотомия. «*Свое иное*» *сознания* представало в виде «*ансамбля общественных отношений*» (было принято именно это выражение, идущее от Маркса, — 37, с.3).

В подобной формулировке этот путь оказался ложным. Общественные отношения, несомненно, играли огромную роль в *формировании* сознания. Однако необходимо различать *первопричину* и условия формирования. Происхождение сознания советская психология так и не смогла объяснить.

Пятой дихотомией стала «*сознание* и *бессознательное*». Ее ввел в круг психологической проблематики Фрейд. Казалось бы, бессознательное является (даже по звучанию) «своим иным» сознания, его диалектической противоположностью. Однако развитие психоанализа в 20 в. показало, что от бессознательного с его комплексами есть выход на истоки поведения, но не на начало сознания.

Антиномичность понятий «сознание» и «бессознательное» оказалась несущественной, внешней. На самом деле речь идет не о сознании и бессознательном, а о неосознаваемом и осознанном поведении, причем, в весьма узком аспекте: в мотивациях. Мотивы многих наших действий уходят в бессознательные комплексы, коренящиеся в подсознании, — только и всего, на большее фрейдизму претендовать не приходится.

Развитие психоанализа скользнуло «мимо» основного предмета психологии (каковым, невзирая ни на что, является происхождение и сущность сознания). Именно поэтому фрейдизм превратился в прикладную дисциплину, отрасль медицины. Он стал психиатрической, а не психологической школой.

Когда в школе Фрейда выявилась тенденция к уходу от глобальных проблем, к замыканию на обсуждении разросшейся врачебной практики; тенденция отказа от метода в пользу методики, движение к превращению психоанализа в психиатрическую дисциплину, — все это вызвало «взрыв» внутри школы Фрейда. От нее отпочковались направления, основатели которых претендовали на нечто большее. Прежде всего, речь идет о Карле Юнге, ученике и друге Фрейда, который впоследствии стал самым ожесточенным оппонентом (и едва ли не личным врагом) своего учителя.

Противоречия между Фрейдом и Юнгом часто сводят к личному конфликту, ставя обоих на одну доску. На самом деле это было системное противоречие. Юнг «отнял» у Фрейда главное, — психологию. После того, как он отпочковался вместе со своим направлением исследований, из фрейдизма ушла психология, осталась только психиатрия. До сих пор Фрейда именуют «великим психиатром», а Юнга «великим психологом». Учитывая, что Карл Юнг вырос на базе идей Зигмунда Фрейда, последнему было на что обижаться.

Сейчас я выскажу еретическую мысль относительно новизны идей Юнга, оказавших огромное влияние на мировую культуру. Лично мне кажется, что Юнг просто применил к психологии биогенетический закон Геккеля. У Геккеля онтогенез повторяет филогенез в анатомо-физиологическом аспекте, у Юнга – в психологическом. Личное бессознательное включает в себя комплексы, коллективное бессознательное – архетипы. Архетип – это «комплекс», свойственный не человеку, но человечеству и проявляющийся при определенных обстоятельствах в индивидуальной психике как реакция на некую «провокацию», которая вызывает архетип из подсознания (48, сс.68-69).

Практически юнгианство вышло из следующего. Когда в психоаналитической практике начали наблюдаться устойчивые повторения, логично было обратиться от индивидуальной истории к истории рода. Юнг исходил при этом из того, что отдельные комплексы невозможно объяснить историей личности, они коренятся более глубоко – в истории человечества, а именно в том ее периоде, когда происходило становление сознания.

«Мифология – это первоначальная история человечества», – этот вывод является истоком и тайной учения Юнга.

Еще одна авторская еретическая мысль заключается в том, что я усматриваю в идеях Юнга родство с идеями советской школы психологии. Ибо архетипы формировались в процессе интериоризации складывавшихся общественных отношений. Можно применить другой термин, не от Выготского, но суть останется: овнутренение общественных, то есть внешних для индивида, табу и санкций.

Не могу не воспользоваться отсылом к мифологии для одного сравнения на тему мифологии.

Мне кажется, что история психологии напоминает поиски Персеем щита, способного отразить лик Медузы (метафора сознания в данном случае). Этим щитом должно быть «свое другое» сознания, доступное для исследования объективными методами. Это как бы поиск путей для доказательства «от противного». Ибо исследование самого сознания, как такового, всегда представляет собой исследование сознания сознанием и возможно только в виде интроспекции (не зря Вундт насмерть стоял на этом. Чем можно изучать любой предмет, как не сознанием?! И что делать, если предметом сознания является само оно, – сознание?).

«Свое иное сознания» должно быть тем, в чем оно «мерцает» (знаменитый гегелевский Schein), во что рефлектирует (не путать физиологический рефлекс и философскую рефлексию), как в свою диалектическую противоположность.

Под каждое новое «зеркало», которое становилось парадигмой развития психологии на том или ином этапе развития науки, изобретались оригинальные методики. Школы ломали копья, споря о том, кто поворачивает щит правильнее. Побочные результаты, которые, как правило, превосходили достижения на основном направлении, отпочковывались в отдельные дисциплины. В том, что касается главного, – начала и сущности сознания, – здесь все неизменно приходили к отрицательному результату. По сути дела все теоретические психологические направления ныне принадлежат истории.

В настоящее время психология предстает, в основном, в виде орудийной дисциплины, излюбленным методом которой является тестирование. Разветвленная практика тестирования привела к обобщениям, которые приобрели доктринальный (и даже догматический) характер. Зачастую доктринерами в этой области выступают люди с дипломами психфаков, гуманитарный уровень которых ниже всякой критики. Они вполне серьезно считают предметом психологии дешевую прогностику, а именно: как поведет себя тот или иной «психотип» в той или иной ситуации выбора. Многие из этих «психологов» даже не слышали о «декартовой пропасти». Психология стала наемной служанкой политики, манипулирующей общественным мнением.

С другой стороны, в отдельную область познания выделилось изучение психосоматики; исследование нейрофизиологических, нейрохимических, нейроэндокринных и прочих звеньев и связей. Этот комплекс специальных дисциплин не имеет общественнонаучного звучания. Другой науки со столь разными лицами, как у психологии, нет.

4. Зов бездны

Муссируемость выражения «декартова пропасть» объясняется философской «начинкой» этого понятия. Философия была родительской плацентой для нарождающейся психологии, актуальность и собственный предмет которой выявились после того, как Декарт вывел из теологического монастыря «мыслящую душу», т.е. сознание, в качестве предмета светского познания. Далее психологию «выводили в науку» физиологи, зоологи, социологи. При каждой новой попытке углубления в собственный предмет психологии, которым является сознание, зияла новая пропасть. Мы имеем право толковать о «пропасти Павлова», «пропасти Джемса», «пропасти Выготского».

«Пропасть Павлова» вызывающе зияет между первой и второй сигнальными системами. Введя данные понятия для различения инстинктивно-рефлекторного образа действий, характерного для животных, и знаков человеческого языка, Павлов решил, что принципиального различия нет. Психология человека – это физиология нервной деятельности на уровне второй сигнальной системы (включающей в себя мышление-речь).

С другой стороны, научная честность не позволила Павлову и его школе пройти мимо такого факта, как антагонизм двух сигнальных систем. Оказалось, что вторая сигнальная система постоянно оказывает подавляющее и угнетающее воздействие на первую. Графически их следует представлять не как две трубочки для мороженого, удобно вложенные одна в другую, а как два конуса, обращенные друг к другу остриями.

Данный вывод школы Павлова можно считать методологическим основанием инверсионной теории антропогенеза, главным постулатом которой является следующий: сознание человека – не итог медленного поступательного развития психики животных; в его основе лежит преображение, инверсия, решительный перелом, обратный ход. Ниже читатели смогут убедиться в этом на конкретных примерах.

Павлов считал, будто качественным отличием человеческой психики является способность вырабатывать рефлексы на условные раздражители, т.н. «рефлексы второй степени». В лабораторных опытах животные показали свою способность вырабатывать рефлексы второй степени, а потом третьей, четвертой, пятой, шестой, седьмой. Поняв, что это путь «дурной бесконечности», Павлов прекратил опыты. Возникновение второй сигнальной системы невозможно объяснить, возводя первую сигнальную систему в какую угодно степень сложности. Пропасть. Более непереходимая, чем декартова, ибо – отталкивание, как между двумя полюсами магнита.

Называется, «упростили» проблему путем ее сужения (ясно, что психофизический дуализм по объему понятия шире психофизиологического). На самом деле еще более усложнили подходы к ней: вместо гати – топь еще одного отрицательного результата, причем, очень значимого.

Предтечей бихевиоризма следует считать, на мой взгляд, американского мыслителя Вильяма Джемса, работавшего в конце 19- начале 20вв. Он ввел в обиход понятие «поток сознания», ставшее культовым для целого поколения гениев, определивших культурное содержание эпохи (М. Пруст, Д. Джойс, В. Кандинский и др.). Отрицание дискретности сознания лежит в основе всего модернистского искусства первой половины 20 в.

В психологии это отрицание вылилось в «бунт против сознания», как предмета науки. Сознание, как непрерывный процесс, в котором нет никаких «остановок», – вот коренная идея Джемса, которого иногда зачисляют также в «родоначальники экзистенциализма» (хотя это, безусловно, преувеличение: доктринальная идея экзистенциализма отнюдь не «поток сознания»; следует различать форму самовыражения и содержательную сторону).

Поведение можно разделить на акты, поэтому здесь возможны эксперимент и применение объективного метода. Над сознанием экспериментировать бесполезно, ибо оно имеет только «транзитивные» (переходные) состояния. Субстантивов (этапно завершенных, своедостаточных статичных состояний) в сознании нет. Экспериментировать над ним – все равно, что резать ножницами текучую воду.

Джемс объявил всю экспериментальную психологию, имеющую предметом сознание, лженаукой. Вспомним, что еще недавно экспериментальная психология, именуя себя «объективной наукой», объявила лженаукой субъективную психологию интроспекционизма.

Ясно, что после такого «мозгового штурма» (а идея «потока сознания» очень быстро вошла в моду) психология вынуждена была поменять свой предмет (я бы сказал: изменить ему), перейдя от изучения сознания к исследованию поведения и «пошла по рукам» чужих для самой себя, как науки, специалистов, – зоологов.

Сам Джемс, выговорившись очень эмоционально, бросил заниматься психологией и целиком переключился на философскую проблематику. Это произошло не только потому, что психология ему «надоела». Он, гуманитарий чистой воды, не мог конкурировать с зоологами в исследовании поведения животных, а без этого уже никак нельзя было обойтись, ибо психология стала сравнительной наукой, не имеющей предмета в себе самой. Такова «ирония истории»: попытка поднять сознание на недоступную высоту обернулась низвержением сознания, как предмета науки.

С другой стороны, как говорилось выше, сознания «стало слишком много», оно «нашлось» даже там, где его нет, и не может быть. Зоологи, ставшие психологами, тут же начали проповедовать антропоморфизм, начиная чуть ли не с амебы. Вообразив себя Богом, американская наука щедро наделила разумом всех бессловесных тварей.

«Пропасть Джемса» – это непереходимая бездна между непрерывностью и прерывностью, между дискретностью и «потоком сознания». Соединить эти два начала можно только на спекулятивной метафизической базе единства противоположностей, в позитивной науке они в принципе несводимы вместе. Разводить такие стрелки можно только с той высоты, на которой стоял Гегель. Правда, с этой вершины не видно конкретных мозгов.

Психология переключилась на животных, потому что их поведение представало, как отдельные акты. Мотивы легко поддавались фиксации и интерпретации. Физиологический механизм был понятен, благодаря «рефлекторной дуге», имеющей начало, проводники (афферентные, эфферентные волокна) и конец. Психология, впрочем, не смогла уйти от человека и проблемы сознания. Она перетекла в другие сферы познания: литературу и искусство, которые, – видимо, в качестве замещения, – в начале 20в. определялись психологическими установками, обостренным вниманием к внутреннему миру с его вопиющими противоречиями. Психологическая интроспекция, как метод познания, перешла в литературу и искусство.

Подлинной психологией 20в. является творчество М. Пруста, А. Камю, Д. Джойса, С. Дали и других художников слова и кисти, а не антропоморфические фантазии зоологов, вообразивших себя психологами.

Утверждение марксизма с его гегемонией социального фактора развития вызвало выдвижение психосоциальной проблемы на первый план. Здесь тоже обнаружилась пропасть, хотя первым марксистским психологам казалось, будто они на шаг от решения проблемы сознания на базе диалектического материализма. Однако идея Выготского о сознании, как интериоризации общественных отношений, оказалась похожа на старую притчу о курице и яйце.

Бесконечные схоластические дискуссии о том, «что первично», «что вторично», попытки разбить «интериоризацию» на отдельные составляющие путем введения новых понятий, – вот что характерно для советской школы, которая настолько сама устала от своего начетнического «материализма», что обрадовалась явной «антиидее» (если судить с парадигмальной для материализма точки зрения). Речь идет об «опережающем отражении» П. Анохина. Между тем, как ни крути, но зеркало, хоть на одно мгновение опережающее предметный мир; содержащее в отражаемом то, чего в предметном мире еще нет, – это субстанция. Психология, совершив круг, возвратилась к старой «пропасти Декарта». Сознание предстает, как субстанция, содержащая в себе то, что вне протяженности и не имеет своего места в пространстве. Это «мыслящая субстанция» Декарта.

Не найдя исток своего предмета, т.е. сознания, психология возвратилась к истоку самой себя, как науки.

Для нас отсюда следует один непреложный вывод. При попытке реконструировать начало человеческой истории **исходить из такого человеческого эксклюзива, как сознание, невозможно.**

Во-первых, сознание представляет собой результат, а не исходный пункт антропогенеза.

Во-вторых, психология не смогла определиться с истоком сознания и, по сути дела, именно на этом «сломалась», перестав существовать, как самостоятельная теоретическая дисциплина на стыке философии и естественных наук. Имея в руках такой сокрушительный отрицательный результат, строить теорию антропогенеза, исходя из истока сознания, невозможно, потому что о самом истоке нет даже смутного представления.

Начало сознания — самая сложная из проблем синтетической теории эволюции. Подход к ней представляется возможным только после того, как наука определенно выскажется относительно того, как возникло **тело** человека с его анатомо-морфологическими и физиологическими эксклюзивами. Подход со стороны тела в любом случае более прост, а, значит, более оправдан.

Глава 2. ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНВЕРСИОННОЙ ТЕОРИИ АНТРОПОГЕНЕЗА

1. Посыл первый: Коренное отличие человека от животных

В поисках специфической природной ниши животных предков человека следует исходить из более элементарных вещей, чем сознание или социум; разговор о природе человека следует начинать, сводя объем понятия к чистой биологии, к натуре. Если хотите, к натуре-дуре, временно оставляя социум, индивидуальность и сознание за скобками.

До Декарта именно такой подход и преобладал в натурфилософии. Платон определил человека, как двуногое существо без перьев. Диоген Киник ощипал живого петуха и выбросил его из своей бочки, сказав: вот Платонов человек! Подобных «натурфилософских» определений человека, исходящих из разных анатомо-физиологических особенностей, существует множество.

Христианство порвало с натурой, объявив, что человека от животных отличает наличие души, а ее происхождение трансцендентно. Общественный гнет этого мнения надолго положил конец натурфилософии, но здорово способствовал самопознанию человечества, которое окончательно разорвало духовную связь с Природой, как матерью. Человечество впервые осознало себя не частью живой природы, а чем-то отличным от нее и даже противоположным.

Незамеченная церковью подмена души сознанием, которую — подмену — «пиратски» протащил Декарт, вновь сделало возможным философствование о природе человека, но это было уже иное философствование, в свете

которого древняя натурфилософия выглядела, как низкий уровень, как примитив. Религия смотрела на древнюю натурфилософию, как на идейного врага: картезианцы – как на примитив. Качественно различные подходы.

Последним западным натурфилософом был Б. Спиноза. Возможно, кому-то данное определение покажется неадекватным: философия Спинозы внешне выглядит, как самая радикальная теология, как всебожие, пантеизм. Но, как известно, материалисты 19 в. тоже считали Спинозу «своим», например, Маркс. В спинозизме Бога «слишком много», нидерландский философ поставил знак равенства между Богом и Универсумом по объему понятий.

Бог Спинозы везде и во всем, а это значит, что мышление может сделать его «фигурой умолчания», как личное местоимение в некоторых языках. О том, что само собой подразумевается, можно и не говорить. Бог стал банальностью, общим местом, оставалось только забыть его и запереть, как господа Раневские забыли Фирса.

С Богом так поступили материалисты 19 в., считавшие Спинозу своим предтечей в большей степени, чем Декарта, который был материалистом наполовину. Духовным отцом атеистов стал неистовый пантеист Спиноза; безбожники взросли на всебожии. Такова ирония процесса познания (вспомним бихевиористов с их простотой, которая обернулась усложнением проблемы; дезавуируя сознание, как предмет психологии, они добились того, что сознания стало слишком много).

О человеке ход рассуждений Спинозы таков: Бог есть Универсум; человек есть образ Божий; вывод о природе человека, – она **универсальна**. Просто, как все гениальное.

С одной стороны, Спиноза собрал все частные определения натурфилософов под одну понятийную «крышу». С другой стороны, данное определение трансцендентно в лучшем смысле этого слова. Оно логически вытекает из понятия о Боге и не может быть подвергнуто критике самым строгим богословом. Эвристическая ценность этого определения огромна. Оно одно только и может стоять у истоков человековедения и теории эволюции.

Напрашивается вывод: познание природы человека осуществлялось по схеме отрицания отрицания. Налицо три витка диалектической спирали:

1) натурфилософия, считавшая человека животным и искавшая отличие его от других животных в физической природе человека (тезис);
2) христианская теологическая антропология, где человек предстает, как образ и произведение Бога (антитезис);
3) философия Нового времени, снявшая это противопоставление (синтез).

Далее – вопрос: в картезианстве или в спинозизме состоялся синтез? Кто стоит на главной колее, а кто устроил пикник на обочине, – последовательный пантеист и систематик Спиноза, или дуалист Декарт, система которого заключается в отсутствии системы?

Конечно, Спиноза.

У Декарта отсутствует принципиально новое, а значит, нет и диалектического снятия бывшего знания.

Сознание (или мышление), которое он ввел в науку, – это все та же душа, выкраденная из монастыря и подвергнутая лабораторному препарированию. Подмена чисто внешняя, на уровне платья. Какая разница, что исследовать: субстанцию или ее атрибут? Атрибут есть неотъемлемое свойство субстанции, качество, без которого ее просто нет. Следовательно, она сама есть это качество; во всяком случае, являет себя в этом качестве и никаком другом. Если душа являет себя, как мышление (т.е. сознание), – какая разница, как называть предмет науки: душа ли, сознание ли, мышление ли? Из этого зерна выросла психология 19-20вв. и мы видели драматический исход этой науки.

Богословы поначалу не заметили этой подмены, потом долго возмущались; в конце концов, стали смеяться над «позитивной антиклерикальной наукой». Без Бога с душой не разберешься, как ее не обзывай. Безусловно, теологи выглядят в данном случае умней ученых-психологов.

«Универсальный человек» Спинозы, – вот истинно новое знание, представляющее собой диалектическое снятие всех предшествующих попыток познать природу человека. В нем гармонично слито все: знание натурфилософское и богословское (которое тоже научно, не советую смотреть на Святой Дух свысока), начало природное и начало божественное. Как всякое истинное знание, оно, не будучи изначально предназначено для практического применения, оказалось приложимо к самому элементарному и, одновременно, к самому высокому, что есть в человеке: от подьема стопы до полета мысли. Прикладное значение умозрительного философского определения, сделанного на пути богоискательства, не может не удивлять до самой глубины мыслящей души.

2. Посыл второй: Феномен гипноза и его сущность

Фрейд никогда не пришел бы к идее психоанализа, если б не занимался гипнозом и изучением гипнотических состояний.

Гипнология, как психологическое направление, активно развивалось на Западе с открытым обсуждением опытов, мнений, загадок. В СССР оно было подконтрольно спецслужбам и использовалось ими. Все психотерапевты, практикующие гипноз, состояли на учете, открытая полемика и дележка опытом были невозможны (разве только на уровне цирка, когда один фокусник-гипнотизер передавал мастерство другому).

Одним из крупнейших в мире авторитетов в области изучения гипнотических состояний является руководитель Центра психосоматической медицины во Франции Л. Шерток. У этого выдающегося ученого современности огромный практический опыт сочетается с талантом к обобщению данных науки. Шерток – автор ряда монографий о гипнозе (одна из них так и называется «Гипноз»), в которых теория и практика гипноза предстает в совершенно неожиданном освещении.

Прежде всего, это касается основного понятия фрейдистской концепции гипноза – трансфера (переноса). Смысл трансфера заключается в следующем: «В ходе погружения в гипноз гипнотизируемый временно отказывается от врожденных механизмов самозащиты и бдительности, отдавая

свою личность в руки другого» (Л. Кьюби, 49, с.127). Со времен Фрейда считалось, будто трансфер является причиной гипноза. В свою очередь, причиной переноса считалось внушение (суггестия). Казалось, что с этим все ясно. Уверен, что большинство людей, читающих эти строки (а понятие о гипнозе наличествует у всех сколько-нибудь образованных людей), по-иному себе гипноз и не представляют. Внушение — перенос личности гипнотизируемого на гипнотизера — гипнотическое состояние.

Изучение гипноза в 20 в. показало, что трансфер отнюдь не является переносом личности на гипнотизера, трансфер «включает некое третье лицо».

«Он предполагает известный опыт пережитого, завязывание клубка фантазматических и символических представлений. Возникает вопрос: не восходят ли отношения, складывающиеся в гипнозе, к отношениям гораздо более архаическим, строго «дуальным», «допредметным». Мы имеем в виду исходное биологическое состояние, уходящее корнями в животный мир, состояние, в котором коммуникация осуществляется на чисто аффективном уровне, еще не связанном с образным содержанием»(49, с.129).

Сильно «теплеет». Гипноз, — кто бы мог подумать, наблюдая «фокусы» из зрительного зала, — является «погружением» в исходное состояние психики, которое Шерток называет «дуальным». Дуальное означает двойственное, парное внутри психики человека, подверженного гипнозу. Не есть ли это дверка в помещение, в котором хранится долгоискомый «щит Персея»? Продолжу цитирование:

«Находясь под гипнозом, человек как бы отступает к более примитивным формам коммуникации, к чисто «аффективному регистру», соответствующему функциям наиболее архаических структур нервной системы, палеокортекса. Речь, стало быть, идет о врожденной исходной потенциальной способности к установлению отношений, составляющей некую как бы незаполненную матрицу, в которую в ходе дальнейшего развития будут вписываться все последующие системы отношений» (49, с.129).

Матрица! Великолепное определение. Вот бы допытаться, что это за матрица и как она начала быть. Возможно, **эта матрица и есть основа сознания, плата, на которой оно спаялось из двух составляющих.**

Основоположник психоанализа подозревал нечто подобное и даже высказывался по поводу «матрицы». Фрейд выдвинул гипотезу, «согласно которой гипноз является восстановлением состояния, некогда реально пережитого, включенного в филогенетическое наследие: оно воспроизводит первобытное отношение к «отцу», каким это отношение сложилось в период зарождения человеческой семьи». «Такая гипотеза, — пишет Шерток, излагая и оценивая идею Фрейда, — опирается на более чем спорные исторические и научные предпосылки, но она показывает, что Фрейд признавал специфичность отношений в гипнозе»(49, с.130).

Исключительная простота доктрины психоанализа часто «подводила» автора этой доктрины, который был склонен все отношения сводить к либидо. Возможно, именно поэтому Фрейд в штыки воспринял философичность идей Юнга.

Шерток, опираясь на данные многолетних международных исследований, отрицает «простое» объяснение Фрейдом того филогенетического наследия, которое выявляет гипноз. Однако объяснить этот «дуализм» он

тоже не в состоянии. Ясно, что на древней матрице закодированы две личности: «Я» и «Некто». Но кто этот второй, в сторону которого осуществляется трансфер?! Гипнотизер в данной системе отношений является третьим, вызывающим «Дух лампы». Он не Господин, а посредник. В какой борьбе сформировалось сознание человека, если следы этой борьбы до сих пор записаны на «матрице»? Откуда в гипнотическом состоянии аутизм и внутренняя речь?

«**Перенос**, — уверяет Шерток, — **не объясняет гипнабельность, а скорее объясняет ее отсутствие»** (49, с.130). Что означает этот неожиданный вывод о центральном понятии теории гипноза? Что все обстоит с точностью «до наоборот»? Что опытная наука разрушила трехчленную привычную схему: суггестия — трансфер на гипнотизера — гипнотическое состояние, — ничего не предложив взамен?

Не случайно в предисловии к книге Л. Шертока «Непознанное в психике человека», известный российский психолог профессор Ф.В. Бассин, отметив выход этой монографии «как заметное событие», пишет о «тупиках мысли», которыми «завершается» «драма» и «долгое развитие» теории психоанализа. Однако, это не тупик. Л. Шерток и другие теоретики психоанализа, изучавшие гипноз, сделали великое открытие, которое объяснимо только на базе инверсионной теории антропогенеза.

Если «развернуть» тезис Шертока, мы поймем, что в глубине нашего сознания, в самых древних его пластах, постоянно, непрерывно, интенсивно происходит перенос. Трансфер — он внутри нас. И если б его не было, мы с вами ходили бы, как сомнамбулы. Гипнотический сон наяву был бы нашим обычным состоянием, потому что мы были бы отвлечены от действительности внутренним диалогом. Только таким образом можно понять тот факт, что перенос объясняет не гипнабельность, а ее отсутствие. Отсюда логически следует непреложный вывод: в нас суще не одно, а, как минимум, два «Я». При этом одно из них постоянно доминирует, является Господином, непрерывно предъявляющим второму «Я» требование трансфера. Перенос есть дань Господину и выражение готовности повиноваться в любой момент. Только благодаря внутреннему трансферу мы сохраняем цельность своего восприятия и мышления, то есть вообще сохраняемся. Не случайно Шерток называет гипноз «четвертым состоянием организма» «наряду с состояниями бодрствования, сна и активности сновидений»(49, с.106).

Гипнотизер не создает гипнотическое состояние, а провоцирует его. Его искусство заключается в способности с помощью ключевых фраз «выключить» доминирующее «Я» и подставить свое собственное «Я» вместо него. Это, по сути дела, вторжение в чужой дом, захват. В отсутствие хозяина, который парализован словами гипнотизера, в доме хозяин — раб. Он привык подчиняться, поэтому гипнотизер, этот узурпатор, может делать с домом (т.е. телом человека) все, что угодно.

3. Наполеон и дети с улицы Вязов

Если речь идет о древних пластах психики, то не было ли в древности такого периода, когда борьба двух «Я» и эмоциональный внутренний диалог являлись обычным состоянием психики?

Дело идет о том, что на заре формирования сознания нормальным состоянием гоминид было не привычное нам бодрствование с его цельностью восприятия, а гипнотический сомнамбулизм с его «раздвоенностью», когда команда и исполнение разделены во времени; когда команда звучит, как требование гипнотизера. Современные нормальные люди не слышат «внутренний голос»; не замечают времени, тех мгновений, которые разделяют команду и исполнение; не слышат самих команд. Мы просто действуем, даже не думая: кто там в мозгу отдает приказы и кому.

Есть люди, которые слышат команды и сомнамбулически их исполняют, а зачастую и повторяют вслух. Даже если это обычные бытовые требования, все равно эти люди считаются психически больными. Аутизм, погруженность в себя, представляет собой внешнее явление напряженного внутреннего диалога. Действия таких людей замедленны. Они как бы погрузились в состояние гипноза и не могут выйти из него. Когда болезнь прогрессирует, второе «Я» вообще выходит из-под контроля и может начать выдавать себя за кого угодно. Отсюда берутся «наполеоны», «цезари» и другие великие люди. В силу связи психики и сомы (раньше считали, будто психические расстройства не вызывают соматических патологий, но теперь доказано, что права психосоматическая теория), происходят патологические изменения в мозге. Древние структуры активизируются и подавляют прогрессивные.

Еще Выготский заметил, что внутренняя речь предикативна (89, с.333). Она напоминает короткие, отрывистые команды хирурга ассистентам: «Нож!», «Зажим!», «Тампон!», «Пульс!», «Уходит!», «Кислород!», «Нож!». Это нечто безглагольное и, в то же время, побуждающее. В этом заключается парадоксальный характер внутренней речи. В безглагольности выражена претензия на безоговорочное доминирование. При этом подразумевается, что тот, кто должен подчиняться – это не кто-то внешний, пришлый, но второе «Я». Безглагольно можно отдавать команды только тому, кто является таким же, как и ты; тому, кто является почти тем же самым, что и ты сам.

Давно подмечено, что необратимее всех сходят с ума наиболее сильные и целеустремленные люди. До сих пор этому факту не находилось объяснения. Инверсионная теория антропогенеза позволяет интерпретировать данный факт. Целеустремленность и житейская «несгибаемость» объясняются силой воли, которая определяется, в свою очередь, степенью «внутренней тирании», силой, с которой доминирующее «Я» подавляет второе, рецессивное «Я». Такой человек не знает сомнений, но если он сходит с ума, восстановить его психику практически невозможно. Существует правило маятника. Внутренний «Раб», вырвавшись из-под спуда, крушит все вокруг, потому что он боится и не может допустить восстановления прежнего порядка. Он страдает манией величия и объявляет себя Наполеоном, Цезарем, Иваном Грозным. Как всякий натерпевшийся раб, он хочет не свободы, о которой не имеет понятия, а мести и ради нее готов погубить всех и вся, включая себя самого. В данном случае гибнет сознание человека, весь его внутренний мир, весь микрокосм.

Вышесказанное – не домыслы автора, «дедуцированные» из одного смелого высказывания авторитетного психолога. Психотерапевты широко

используют понятие «диссоциация сознания». И не только психотерапевты. Идея «раздвоения личности» – одна из самых востребованных в литературе и искусстве 20 в. Два «Я» фигурируют в философии Гартмана. Две памяти – в философии Бергсона. Сальвадор Дали построил все свое творчество на «расчлененном сознании». Если б речь шла просто о болезни, если б за всем этим не стояла древняя тайна человечества, в которую художественное и философское мышление пытается проникнуть своими методами, подобное искусство и подобная литература не могли б волновать и занимать сознание пытливых интеллектуалов. Именно среди мыслящей части человечества востребована эта (оценивая масштабы) «субкультура диссоциированного сознания».

«Диссоциация сознания – пишет Л. Шерток, – наглядно отражается в феномене постгипнотической спонтанной амнезии. И не случайно амнезия и вопрос множественных личностей находились в течение долгого времени в центре размышлений о гипнозе. Это явление отчетливо проявляется в свидетельствах лиц, перенесших состояние гипноза. Они часто говорят, что пережили состояние деперсонализации, раздвоения личности. «Словно все это происходило с кем-то другим». «Мне казалось, будто действовал не я, а кто-то другой», – такие заявления в различных формах часто встречаются в описаниях опытов с гипнозом» (49, с.115).

Практика психоанализа дала потрясающе интересные результаты, которые можно смело использовать в качестве исходных данных для проникновения в тайну начала сознания. Однако они оказались необъяснимы (прав Бассин, говоря о «тупиках мысли») на основе теории психоанализа. Фрейд с его идеей, будто внутренний трансфер связан с образом «отца» опровергнут, а новую идею психоанализ предложить не может.

Сейчас мы тонем в море информации. Среда, в которой мы тонем, – не просто вода разрозненных фактов, не эмпирия. Это «тяжелая вода» обобщенных и доказанных десятками различных способов закономерностей; выводы, подтвержденные «чистыми» лабораторными экспериментами, которые автор этих строк просто не стал приводить, чтобы не перегружать и без того непростое повествование. «Ползучий эмпиризм» с его вездесущностью давно уже отступился и утонул. Время новых идей пришло давно, потребность в них ощущается, равно как утопающий ощущает потребность в глотке воздуха без воды. То есть: не надо множить факты, это уже лишняя вода, давайте вначале объясним известные. Для этого и рождена на свет инверсионная теория антропогенеза и, в более узком звучании, – инверсионная теория становления сознания.

Расщепление сознания, характерное для состояния после сеанса гипноза, является формой кратковременного безумия. Это бесспорно, ибо человек теряет свое «Я», свою личность. Не является нормальным для психики и само гипнотическое состояние с его переносом личности гипнотизируемого; особенно если учесть, что объектом переноса является даже не гипнотизер, а Некто из глубин психики подопытного человека. Если вдуматься, это ужасно. Не случайно подобные ситуации широко используются в голливудских фильмах ужасов. Фреди Крюгер, как некий местечковый «архетип», выходит из глубин подсознания и, благодаря переносу, убивает

не в переносном, а прямом смысле. Это самый страшный фильм, который я когда-либо видел. Идея безысходности, нашей зависимости от какого-то древнего ужаса, пережитого не нами, а нашими предками (а наше сознание является порождением этого древнего ужаса), страшнее любых вампиров, мутантов и дракул. От последних можно удрать, но куда нам деться от нас самих?!.. Мы все – дети с улицы Вязов. Вернее, их потомки. Наши полудикие предки являлись погруженными в гипнотическое состояние существами с раздвоенной психикой.

Известны случаи, когда людей, введенных неопытными гипнотизерами в состояние глубокого гипноза, не смогли вывести из него, и они так и оставались с раздвоенной личностью и жили, вслушиваясь в свой «внутренний голос», переживая какие-то диалоги, неслышимые окружающими. Подобные факты являются страшным доказательством того, что объектом трансфера является не гипнотизер. Гипнотизер всего лишь «подстава». Гипнотизируемый воспринимает команды гипнотизера, как «внутренний голос» и исполняет их так, как будто все происходит не с ним. Загипнотизированный не видит гипнотизера и не воспринимает его, как автора команд и как реального хозяина. Получив команду идти, он может наступить на гипнотизера, если тот не уступит дорогу или не «прикажет» повернуть. Команды гипнотизера воспринимаются, исключительно, как внутренний голос. Опасность подобных экспериментов заключается в том, что «внутренний голос» может выйти из-под контроля.

4. Посыл третий: Безумие как «исток и тайна» разума

Психоаналитики в своих богатейших лабораториях и институтах, разбросанных по всему свету, пришли к тому же выводу, к какому независимо от них пришел в своей московской квартире Б.Ф. Поршнев.

В середине 20 в., проводя исследования по изучению неадекватных реакций животных в плане сравнения их с психикой гоминид, он пришел к выводу, что у истоков сознания находилось безумие. Поршнев опирался на многочисленные высказывания психосоматиков о том, что самое распространенное психические заболевание – шизофрения, – является следствием патологической активизации древнейших мозговых структур (Э. Кречмер и др.). Олигофрения (тремя стадиями которой являются дебильность, имбецильность, идиотия), часто бывает связана с микроцефалией и здесь следует вспомнить, что форма черепа микроцефалов часто повторяет формы черепов древних гоминид (56).

Значение идеи Поршнева трудно переоценить, т.к. по сути дела он предложил новую парадигму, новое «зеркало», новый «щит». «Своим другим» сознания, через которое можно выйти на его истоки, является сознание со знаком минус, «анти-сознание», сумасшествие. Внимательный читатель может сам подсчитать, что это уже шестой по счету «щит Персея».

Идея Поршнева (значимость которой не только для теории антропогенеза, но и для понимания судьбы науки психологии, надеюсь, понятна), заключается в следующем: сознание не могло появиться, как результат медленного развития психики животных. В своем становлении оно прошло

через некую точку сингулярности. Собственно говоря, удивляться следует не самой идее, а тому, что она родилась так поздно. Ведь мы уже давно знаем: все принципиально новое только так и появляется в мир, включая сам мир. Вспомним Большой взрыв.

Борис Федорович Поршнев являлся гениальным полемистом. Поэтому — слово ему:

«Загадка человека состоит в загадке начала человеческой истории, — уверяет он, напоминая пословицу «хочешь узнать что-либо, узнай, как оно возникло», и предлагает задуматься над следующей антиномией:

«Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического»

Поршнев считает, что решение этой антиномии возможно только на основе инверсии. «Последняя может быть кратко выражена так: некое качество (А\В) преобразуется в ходе развития в свою противоположность (В\А), — здесь все не ново, но все ново... ход истории представлял собой перевертывание исходного состояния. А этому последнему предшествовала и к нему привела другая инверсия: «перевертывание» животной натуры в такую, с какой люди начали историю. Следовательно, история вполне подпадает под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого» (50, с.17).

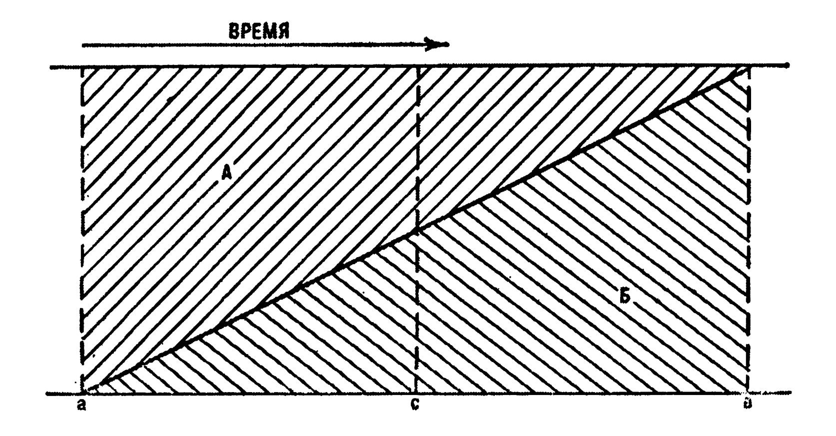

Схема историзма (по Поршневу)

«История приводит к тезису: на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным человеком, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития» (50, сс.16-17).

Поршнев уделяет много внимания проблеме «пропасти Декарта» (как мы показали выше, можно также говорить о «пропастях» Павлова, Джемса, Выготского) и резко критикует попытки «закидать пропасть между человеком и животным до краев: человеческую сторону — срав-

нениями с животными, но в гораздо большей степени животную сторону –антропоморфизмами (что стало очень модно: вспомним бихевиористов, а вслед за ними К.Лоренца и его этологическую школу; «мыслящие» животные – вот уж истинно притча во языцех, – В.Т.). Такой эволюционизм не столько ставит проблему перехода от животного к человеку, сколько тщится показать, что никакой особенной проблемы-то и нет; не указывает задачу, а снимает задачу; успокаивает совесть науки, словесно освобождая ее от долга... Главный логический инструмент эволюционизма в вопросах психологии (и социологии) – категория, которую можно выразить словами «помаленьку», «понемножку», «постепенно», «мало-помалу» (50, сс.51-52).

Опираясь на эти «логические кванты», как иронически определял их Поршнев, эволюционисты еще пытаются полемизировать с теологами. Но ведь чудо не перестает быть чудом в зависимости от времени своего свершения! Какая разница за сколько секунд, минут или часов ожил Лазарь? «Логические кванты» ничего не объясняют и представляют собой средство самоуспокоения для эволюционистов. Разве это объяснение: помаленьку усложнялась психика; мало-помалу разрастался мозг; постепенно стадные отношения переходили в общественные?.. Это – самообман. Надо открытыми глазами смотреть на тот факт, что переход от зоологического уровня к человеческому еще не объяснен, – считал Поршнев.

И это не удивительно, учитывая состояние науки об антропогенезе. «Все, подлежащее познанию в гигантском комплексе естественнонаучных дисциплин, касающихся становления человека, может быть поделено на три большие группы: а) морфология антропогенеза, б) экология, биоценология и этология антропогенеза, в) физиология высшей нервной деятельности» (50, с.20). Научно разрабатывается только первая группа, – считал Поршнев. Из второй группы исследуется лишь «малый сектор». «Но с третьей группой дело обстоит совсем плохо: тут перед нами почти нет действительной науки» (50, с.20).

Не приношу традиционных извинений за обилие цитат. Нарочно цитирую, чтобы продемонстрировать интенсивность мышления этого гениального русского ученого, обладавшего широчайшим кругозором, сочетавшего в себе историка, философа, психолога, всегда смотревшего в суть проблемы и умевшего видеть суть. Нарочно цитирую, чтобы показать в конце, как гора родила мышь.

«Для того, чтобы мыслить начало человеческой истории как противоположность современности, надо либо создать для древнейшего прошлого набор специальных слов и значений, которые исключали бы применение привычных нам понятий, либо же примириться с тем, что всякое общее понятие будет употребляться в исторической науке в двух противоположных смыслах – для древнейшей поры и для современности. Оба варианта крайне неудобны. Но, по-видимому, это неудобство перекликается с логическими трудностями многих областей современной науки. Уже нельзя обойтись без терминов «античастицы», «антивещество» и даже «антимиры». Смысл теории Н.Я. Марра как раз и можно было бы выразить сло-

вами: то, что лежит в начале развития языка, это — антиязык» То же можно сказать о понятии «человек» (50, с.57).

Б. Поршнев отказывался признавать за всеми гоминидами от австралопитеков до неандертальцев качество разумности, несмотря на то, что многие из них активно использовали орудия труда (неандертальцы — вне всякого сомнения).

«Троглодитиды (Поршнев вернулся к К. Линнею в обозначении ископаемых гоминид) включились в биосферу не как конкуренты убийц, а лишь как конкуренты зверей, птиц и насекомых, поедавших «падаль», и даже поначалу как потребители кое-чего остававшегося от них. Иначе говоря, они заняли если и не пустовавшую, то не слишком плотно занятую экологическую нишу. Троглодитиды ни в малейшей степени не были охотниками, хищниками, убийцами, хотя и были с самого начала в значительной мере плотоядными, что составляет их специальную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами. Разумеется, они при этом сохранили и подсобную или викарную растительноядность. Но нет сколько-нибудь серьезных и заслуживающих согласия аргументов в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите, есть лишь одни фикции. Троглодитиды, начиная с австралопитековых и кончая палеоантроповыми, умели лишь находить и осваивать костяки и трупы умерших и убитых хищниками животных. Впрочем, и это было для высших приматов поразительно сложной адаптацией. Ни зубная система, ни ногти, так же как жевательные мышцы и пищеварительный аппарат, не были приспособлены к занятию именно этой экологической ниши. (Вот уж истинно так! Убежденный симиалист Поршнев опровергает «обезьянью» гипотезу; у древесных обезьян, которые, якобы, являлись предками человека, ничто не было приспособлено к занятию той экологической ниши, о которой пишет Поршнев; почему было не допустить мысль, что это были не обезьяны? — В.Т.). Троглодитиды стали высокоэффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких органических покровов с помощью еще более крепких и острых камней. Тот же самый механизм раскалывания был перенесен ими и на сами камни для получения лучших рубящих и режущих свойств. Это была чисто биологическая адаптация к принципиально новому образу питания — некрофагии» (50, сс.109-110).

В то время, когда Поршнев высказал идею о первобытной некрофагии, она уже носилась в воздухе, робко проскальзывала в публикациях, но вот так смело была высказана впервые, — и была встречена со скепсисом. Сейчас, по прошествии тридцати лет, тезис о некрофагии гоминид не оспаривает никто в целом мире. Некрофагия «победила», что свидетельствует о научной смелости и даре провидения Б. Поршнева. В то же время, на его месте я бы подчеркивал не трупоедение троглодитов, но обратил основное внимание на добывание ими пищи, спрятанной под твердыми покровами. Раскалывание костей — вот что главное, вот для чего нужны были каменные «орудия труда» этим существам, которым Поршнев «отказал» в наличии разума.

Абсолютным доказательством неразумия троглодитид Поршнев считает следующий факт: «Ныне палеоантропологии вполне достоверно известно, что у всех представителей семейства троглодитид, даже самых высших, т.е.

палеоантропов (неандертальцев в широком смысле), не говоря о нижестоящих формах, в архитектонике мозга отсутствовали все верхние префронтальные формации коры головного мозга, а также те зоны височной и теменной областей, которые осуществляют второсигнальное управление и деятельностью, и восприятием» (50, с.175).

В то время, когда писалась книга Поршнева «О начале человеческой истории», еще не была известна находка Р.Лики с западного берега озера Туркана в Африке. Речь идет об останках подростка нормального человеческого роста, имеющих возраст 1,6 млн. лет. Слепок эндокрана выявил наличие зон Вернике и Брока. Выходит, что обладатель этого черепа (№3733) имел лобные доли и умел говорить. Перед нами обычная «перевернутая» картина: более древние особи имеют больше прогрессивных «человеческих» признаков, чем те, которые по времени ближе к нам. Неандертальцам «всего» 0,1 млн. лет по максимуму

О загадочном мальчике с западного берега озера Туркана мы будем говорить подробно. Здесь его пример приведен ради научной достоверности. Ибо — невзирая на данный факт — считаю, что Поршнев прав. Австралопитеки и неандертальцы не обладали сознанием. Более того: они, согласно моему убеждению, вообще не являются нашими предками. Поршнев же считал, что эти существа, не владевшие второй сигнальной системой, являлись нашими предками и ставил вопрос следующим образом. Троглодитиды обладали только первой сигнальной системой. Вторая сигнальная система является «наоборотной» по отношению к первой сигнальной системе и формируется на почве ее отрицания. Однако сама эта «почва» должна содержаться в первой сигнальной системе, иначе не будет преемственности, схема «отрицания отрицания» рушится и приходится возвращаться к старому тезису: «Бог дал», — а это для атеиста Поршнева было самое страшное. Цитирую:

«Реакции человека во второй сигнальной системе противоположны первосигнальным реакциям. Но что бы это могло значить? Что способно «отменять» машинообразные автоматизмы первой сигнальной системы? Барьер, который во что бы то ни стало надлежит взять, состоит в следующем: раскрыть на языке физиологии высшей нервной деятельности, какой субстрат может соответствовать слову «противоположность». Есть ли в механизме работы мозга еще на уровне первой сигнальной системы, т.е. в рефлекторном механизме, вообще что-нибудь такое, к чему подходило бы выражение «наоборот»? Если да, останется объяснить инверсию, т.е. показать, как оно из скрытой и негативной формы у животного перешло у людей в форму речевого внушения» (50, сс.199-200).

По сути дела речь идет о направлении научного поиска, обозначенном еще Сеченовым, а именно: искать зерно, из которого выросло сознание, в рефлекторном механизме. Но, если Сеченов, Павлов и другие практиковали позитивный подход, т.е. исходили из идеи подобия истока и потока, то Поршнев применил обратную методику. Он исходит из идеи противоположности зерна и колоса, из идеи преображения через смерть. Он исповедовал материалистическую диалектику, но ведь в Завете тоже сказано: зерно должно умереть, чтобы продлиться в новом качестве. Библейское подтверждение диалектических идей Поршнева свидетельствует о том, что в целом он был на верном пути.

5. Путем зерна («смертью смерть поправ...»)

Кисть руки обладает по отношению к туловищу семью степенями свободы. Всего в человеческом теле заключено 107 степеней свободы и это говорит о том, что оно представляет собой не один механизм, а множество механизмов. Каждый механизм характеризуется одной степенью свободы. Мы говорим о «механизме сгибания пальца», «механизме поворота головы», «механизме смыкания челюстей», «механизме эрекции» и т.д. Сотни отдельных механизмов, заключенных в теле, автономны друг от друга, но подчиняются мозгу. Работа различных механизмов сменяется калейдоскопически, бодрствующий человек постоянно переключается с одного движения на другое. Труднее всего дается полная неподвижность. Она вообще невозможна. И это ставит вопрос о некоем супермеханизме, — механизме блокировки. Для того чтобы завести какой-либо механизм, нам надо заблокировать другие.

Данной темой вплотную занялся А.А. Ухтомский в двадцатых годах 20 в. Вывод, к которому он пришел, ошеломил. Оказалось, что торможение составляет не малую часть и даже не половину усилий, оно поглощает большую часть рабочей энергии организма. И не только организма, но и мозга. Приводя в действие один механизм, мозг одновременно блокирует остальные и это «занимает» его больше, чем непосредственно выполняемая работа. Торможение обходится дороже возбуждения. Создание предпосылок для работы — тяжелее самой работы. Трудно представить себе такое расточительство природы. Вставал вопрос, как мы вообще можем что-либо делать?

А. Ухтомский нашел объяснение. «Мозговой очаг единственной степени свободы, открывающейся в данный момент, сам и тормозит все остальные степени свободы, так и оттягивает на себя (стиль науки вековой давности, — В.Т.) от соответствующих центров направляющееся к ним нервное возбуждение. Вот почему все поступающие раздражения, которые должны были бы вызывать одновременно множество всяческих рефлексов, не взрывают организм, а содействуют эффекту одной рефлекторной дуги, в данный момент господствующей, доминирующей, т.е. экспроприирующей все прочие возможные» (51, с.318).

А. Ухтомский назвал открытое им явление «**доминантой**».

Ухтомский писал, что доминанта действует, как ***экспроприатор*** (стиль двадцатых! — В.Т.) энергии ***многих очагов торможения*** с тем, чтобы направить все в «узкое горлышко» возбуждения в одном месте.

Умно предусмотрено, но проблему начала сознания это не решает отнюдь. Возникает вопрос: а кто «выдает ярлык» тому или иному рефлексу на доминирование? Мозг. Т.е. он шефствует над физиологической доминантой. Хорошо, но как отсюда выйти на исток сознания, преодолев вырисовывающийся порочный круг: мозг управляет доминантой, а она является «началом» сознания? Является ли? Поршнев считал, что да, — является.

Идем далее. Доминанта носит свою гибель в себе самой, ее губит собственная мощь. Приток энергий многих торможений, преобразуемых доминантой в одно возбуждение (которые — энергии — доминанта сама же и привлекает), вызывает необходимость нового торможения. В конце концов, получается совпадение по фазе собственной силы доминанты и торможе-

ния, вызванного ею же. Это состояние получило название «парабиоз» (автор открытия данного явления — Н. Введенский, современник и учитель Ухтомского). Физиологически это выглядит, как стойкое бездейственное возбуждение, когда ткань утрачивает проводимость нервных импульсов, то есть «тормозит». Думаю, что именно этим объясняются распространенные случаи мужской импотенции, когда мужчина «не может» не потому, что ему не хватает возбуждения, а потому, что он перевозбужден.

Здесь бессильно и сознание, увы. Известно, что перед свиданием с девушкой некоторые юноши занимаются мастурбацией, чтобы избежать перевозбуждения во время полового контакта, потому что в период ювенильной гиперсексуальности можно опростоволоситься перед девушкой по причине перевозбуждения и заработать невроз. За неврозом, как правило, следует импотенция, когда молодой человек отказывается от секса, потому что слишком хочет.

Понятие о парабиозе ударило по доминанте, как автопробег по бездорожью. Встал вопрос, как та вообще возможна? Выходило, что она возможна только в самом начале. Чем сильнее возбуждение, тем быстрее оно вызовет адекватное по силе торможение. (Разовьем мысль: выходит, что физиология — такой же «поток», как и сознание, в ней нет субстантивов, одни транзитивы. Джемс, который противопоставлял сознание и физиологию на данной основе, мыслил узко).

Н. Введенский и А. Ухтомский употребляли термин «сопряженные торможения». Б. Поршнев заменил ***множественное*** число на ***единственное***. «Не сопряженные торможения, а сопряженное торможение; не торможения в центральных областях, а торможение в некоторой центральной области; не торможение сопряженных с доминантным очагом (центром) других очагов (центров), но торможение сопряженного очага, или центра Эта перемена множественного числа на единственное помогает объяснить природу неадекватных рефлексов» (50, с.245).

Сверхзадача, которую поставил перед собой Поршнев, «барьер», который он брался осилить таким образом, — это объяснение происхождения сознания. Как мы видим, **в качестве первичного условия зарождения** сознания фигурируют **два центра в одном мозге**.

Психологи с разных сторон приходят к одному и тому же. Л. Шерток реконструирует палеопсихику, как дуальную, связанную через трансфер (перенос). У Шертока речь идет о ***субъектном*** двоецентрии, о двух «Я». Б. Поршнев исходит из наличия двух ***динамических*** доминант: возбуждения и торможения. Он переводит разговор в сферу ***реактивности***. Идея двоецентрия носилась в воздухе до появления инверсионной теории антропогенеза и это лишний раз подтверждает ее правоту, ибо, как читатель увидит, я тоже исхожу из идеи двоецентрия.

Вопрос заключается в том, как интерпретировать двоецентрие первобытной проточеловеческой психики? Не смея выйти за пределы навязанной антропологами-дарвинистами «обезьяньей» теории, психологи вынуждены объяснять раздвоение патологией, хотя сами, как показывают труды того же Л. Шертока, понимают порочность и недостаточность такого объяснения. Более того, психологи указывают на некую древнюю тайну, заклю-

ченную в раздвоении личности; еще более того, они говорят о том, что истоки психических болезней заключены в филогенезе сознания, а именно в его изначальной раздвоенности, диссоциированности. Слово за палеоантропологами, которые молча разводят руками. В мозгах обезьян нет ничего, что могло бы соответствовать этим высоким требованиям реконструируемой палеопсихологии.

Данные антропологии и данные палеопсихологии расходятся в разные стороны. Б. Поршнев является единственным ученым, который, будучи специалистом в обеих науках (он доктор истнаук и доктор психологии), попытался соединить эти два расходящихся контакта. Мы видим, что за основу он взял психологическую идею «**два динамических центра в одном мозге**», а сейчас будет притягивать к ней обезьяну, ибо он — симиалист. Посмотрим, загорится ли лампочка.

Порочность его рассуждений заметна уже в том, как он волюнтаристски «сколотил» второй центр. С первым все ясно, — это доминанта Ухтомского, концентрирующая импульсы торможения и направляющая их «на работу» в один центр возбуждения. Она способна доминировать при условии, что все остальные очаги в период ее господства — пигмеи. Доминанта сгоняет все импульсы, исходящие от них, и загоняет все стадо в нужное ей «узкое горлышко». Предположение Поршнева (чисто голословное, ибо он — теоретик, не имевший собственной лаборатории), будто наряду с доминантой возбуждения возникает сильная доминанта торможения не является дополнением учения Ухтомского о доминанте, а дезавуирует его. Доминанта перестает быть доминантой, если очаги торможения не множественны и не мелки. Множественность и мелкость сателлитов является условием любого доминирования.

Два мозговых центра действительно находятся у истоков сознания, но природа их совершенно иная. Она ближе к тому, о чем пишет Шерток, а не Поршнев. Именно для того, чтобы убедиться в этом, продолжим следить за тем, как Б. Поршнев «берет барьер» с обезьяной в руках.

Второй центр, который Поршнев назвал «тормозная доминанта», понадобился нашему симиалисту для того, чтобы объяснить «природу неадекватных рефлексов». О чем идет речь? В каждой лаборатории, изучающей рефлексы и проводящей опыты на животных, со временем накапливается корзина «отбросов». Их называют «рефлекторными извращениями», «неадекватными рефлексами», «экспериментальными неврозами», отмечают на полях дневников и забывают. Обезьяна, прежде чем подойти к кормушке, подбегает к двери. Собака отряхивается или чешется. Самец лягушки пытается «обнять» лапами воздух и т.д. и т.п. Поршнев провел опыты на двух своих собаках и одном гамадриле с целью добиться неадекватных рефлексов, что ему легко удалось. Собаку Ласку не выводили на прогулку то тех пор, пока она не начинала «энергично, быстро» топать передними лапами. Ее выводили. Когда данный рефлекс закрепился, на него перестали реагировать. Бедная Ласка топала напрасно и однажды, будучи в полном отчаянии, села на хвост и начала «передней правой лапой проводить себе по морде». Экспериментатор Поршнев предположил, что данное движение «является антагонистом первого» (вот оно — явление «тормозной доминанты»! — В.Т.) и начал закреплять его. Закрепил. Однако мучения собаки на этом не прекратились. «Однаж-

ды Ласка была озадачена, когда подошла ко мне, сделала «утирание носа», а я не шелохнулся» — пишет Поршнев (50, с.211). Ласка терпела-терпела, а потом начала «трюкачить». Сев, собака передними лапами накрест многократно взмахивала выше головы. Подобный опыт на гамадриле выявил и его способность на неадекватные реакции, только подкрепление в данном случае было другое, — еда. Мучить казенную обезьяну Поршневу не позволили.

Вопрос: насколько все эти реакции можно считать неадекватными, то есть противоестественными, то есть — переходными к реакциям, не являющимися чисто физиологическими?

Измученное позывами к дефекации животное всячески пытается обратить на себя внимание хозяина. Что в таком поведении неадекватно? Б. Поршнев считал, что каждый новый «трюк» представлял собой явление «тормозной доминанты», оттягивающей на себя «излишек возбуждения». Т.е. это следствие внутренней борьбы двух центров мозга собаки: центра возбуждения (на дефекацию) и центра торможения (табу «делать» на ковер), — считал Поршнев. К сожалению, все опыты проводились в присутствии экспериментатора и поэтому неизвестно: стала бы собака трюкачить, если б не пыталась привлечь внимание хозяина к себе и своей нужде, или просто наделала бы на ковер. Последнее вероятнее, учитывая мировой опыт содержания животных.

Впрочем, даже если считать подобные реакции неадекватными, дает ли это нам право выводить их за пределы физиологии животного? Всякая норма подразумевает и ненормальность. Физиологическая ненормальность сама по себе может и не быть истоком психической ненормальности и далее сознания. Вполне вероятно (и скорее всего), что разные реакции собаки объясняются быстрой сменой доминант, а не их борьбой. Ибо «трюки» разделены во времени, они не смешивались, а следовали один за другим.

Б.Поршнев считал, будто существует некое «депо неадекватных реакций», например, у горилл наиболее часто встречающейся реакцией на стресс является энергичное почесывание волос затылка (50, с.292); ниже я докажу, что данная реакция у горилл является адекватной и имеет свою первопричину, берущую начало в процессе антропогенеза. Благодаря способности животных к имитации, «неадекватные реакции» приобретают характер двигательных «архетипов» (определение мое, — В.Т.), то есть становятся как бы «видовым» явлением. Данный феномен Поршнев назвал «интердикцией». Далее слово ему:

«Вот на уровне троглодитид наступает час интердикции. Механизм «доминирования», полезный в стае, становится вредным и жизненно опасным в больших скоплениях; и его парирует интердикция. Какой-то главарь, пытающийся дать команду, вдруг принужден прервать ее: члены стада срывают этот акт тем, что в решающий момент дистантно вызывают у него, скажем, почесывание в затылке, или зевание, или засыпание, или еще какую-нибудь реакцию, которую в нем неодолимо провоцирует (как инверсию тормозной доминанты) закон имитации

Вот мы и описали с точки зрения психоневрологии великий канун» (50, с.350).

Все. Больше мы не будем цитировать Поршнева. Ибо гора уже разродилась мышью. Представьте себе это стадо, которое, вместо того, чтобы убегать или бороться, начинает дружно зевать или чесаться, заражая соглас-

но закону имитации своего вожака. И это и есть «великий канун»?!.. Если он в самом деле великий, то заслуживает большего внимания автора. Поршнев пишет о нем вскользь, что свидетельствует о том, что он сам не слишком-то верил в свою «интердикцию».

6. Резюме. Три начала инверсионной теории антропогенеза

В реконструкции начала человеческой истории мы будем исходить из следующих исходных посылок.

Первое. Первичное феноменальное качество, отличающее человека от животных, это ***универсальность.***

При этом речь не идет об универсальности сознания, которая, безусловно, неоспорима, но до нее еще надо добраться, развивая теорию из одного зерна. Для начала это слишком высокий уровень. Сознание – это джокер, бьющий всю колоду. Разумеется, оно универсально. Но мы, стараясь придерживаться научной честности, не будем извлекать джокер из рукава. В методологическом плане это было бы ошибкой, потому что теорию следует развивать из первичного зерна, а не из объедков изобилия.

Сознание по своей природе *ноуменально*, а мы сейчас обращены к *феноменальному*, к явленному, к непреложному, к примитивному. Иные подходы испробованы до нас и показали свою бесперспективность. Когда (с подачи Декарта) ученые сходу взялись за сознание, решив, будто оно и есть первичное качество, из которого надо исходить, – это было все равно, что, не зная ручного рубила, пытаться понять устройство ракетного двигателя. Наше исходное начало просто, – это универсальность **физической природы человека**, наших с вами общих, усредненных, нормальных анатомо-физиологических показателей.

Тело человека, о недостатках и пороках которого мы так много говорили, на самом деле прекрасно приспособлено к жизни на планете Земля именно в силу своей недостаточности. Читай: недостаточной специализации к жизни в определенной среде.

Мы не можем соперничать с морскими животными в скорости и дальности плавания, но ни одно из наземных животных не способно плавать и нырять, как человек. Мировой рекорд по нырянию в глубину – 157 метров, в скорости плавания – 8,64 км\час. (38, с.18). Даже лучшие пловцы из числа наземных животных (например, медведь) не способны продемонстрировать сравнимые результаты.

Нырять наземные животные вообще не способны, потому что вода проникает им в дыхала и уши. Человек не имеет такого недостатка (это, конечно же, не случайно) и может соревноваться в способности нырять даже с теми, для кого ныряние – это образ жизни.

Мы не можем соревноваться в беге с большинством наземных животных одного размера с нами, но ни одно морское или древесное животное не может передвигаться по земле с такой скоростью, как человек.

Мы не можем прыгать по деревьям, как обезьяны, но мало какие наземные животные могут поспорить с нами в способности быстро забраться

на дерево; о морских не приходится и говорить. Люди спасаются на деревьях даже от леопардов.

Наши ноги с бесполезными на первый взгляд пальцами, короткими, но крепкими, ширококостными — прекрасный инструмент для лазанья по скалам. Здесь мы не можем соревноваться с пресмыкающимися, но с кем угодно другим — пожалуйста.

Мы не способны прыгнуть так далеко, как кенгуру, но, вне всякого сомнения, делаем это лучше обезьян и многих других видов.

Мы не способны рыть быстро, как животные, живущие под землей, но в случае необходимости окопаемся с помощью одних только рук. При этом мы опередим не только всех морских животных, но и большинство наземных, исключая норных. Если мы используем минимальные приспособления, то опередим в этой работе даже многих норных животных.

Мы не можем переносить тяжести так долго и успешно, как муравьи, но, кроме них, нам нет равных в способности строить убежища из самых разных материалов.

Человек — он одновременно и амфибия, и ящерица, и обезьяна, и кенгуру, и крот, и волк, и муравей. Другого столь универсального существа в природе не существует.

Ни одно другое животное не имеет таких универсальных конечностей, какие имеет человек; конечностей, которые удваивают нашу природную универсальность, позволяя использовать любые приспособления. Для простейшего использования таких приспособлений, как палка, камень, веревка не требуется разума. При этом возможности освоения среды обитания возрастают кратно.

К этому всему следует добавить еще и универсальность питания, которая, кстати сказать, характерна для видов, сформировавшихся на границах природных сред. Самыми близкими человеку животными в плане строения и относительных размеров внутренних органов (сердце, легкие, печень, желудок, протяженность кишечного тракта, железы внутренней секреции) являются не человекообразные обезьяны, наши генетические родные братья, а довольно далекие от нас свиньи. Они, кабаны, сформировались, как вид, на границе воды и суши. Наша с ними морфологическая похожесть доходит до того, что именно свиней ученые используют в качестве подопытных животных, когда требуется организм, максимально похожий на человеческий. Разве это не доказательство того, что мы и свиньи «выросли» в одном «садке»? Если кто-то может предложить иное объяснение морфологического сходства людей и свиней — пожалуйста. Только до сих пор подобных попыток не было. В медицинских вузах, читая лекции, профессора упоминают об этом, как о курьезном факте. Зря, ибо за данным курьезом стоит серьезное дело: происхождение человека, который, конечно, сформировался не в африканских саваннах, сухих, как современная теория антропогенеза, не «размоченная» сочными фактами.

Второе. Матрицей, на которой формировалось человеческое сознание, была ***диссоциированная психика*** некоего животного, но не обезьяны. Среди приматов ничего подобного не наблюдается. Мы должны найти такое животное, у которого в одной черепной коробке функционируют два мозга, относительно независимых друг от друга.

Третье. До того, как появилось сознание, наши предки пережили тяжелейший период существования с расщепленным сознанием, включающим в себя две психические инверсии: первая – это преображение инстинктивно-рефлекторной психики животных в девиантную психику протолюдей. Вторая – преображение безумия в сознание человека.

Безумие шизофреника и лунатика не равнозначно неразумию животного, но в то же время это и не разум.

Речь идет о становлении человеческой психики на основе полуживотного-получеловеческого безумия. В этом контексте ***сингулярностью, переломом, первобытным хаосом, из которого выкристаллизовалось сознание, является безумие.*** Прямого перехода от инстинктивно-рефлекторной психики животных в человеческую психику нет. Миллионы и даже миллиарды лет не могут обеспечить того, чтобы животное стало разумным мало-помалу без инверсии, без схождения с ума (благодаря чему только и возможно отторжение природных инстинктов). Все это – нелепые химеры, а науки, занимающиеся ими, – лженауки. Имя им легион. Именно поэтому инверсионную теорию антропогенеза будут замалчивать люди, считающие себя специалистами в данном вопросе. Эта научная мафия долго еще будет доказывать, будто сознание человека сформировалось «мало-помалу» из психики обезьян. По-другому быть не может, ибо это их хлеб. Но любому мракобесию рано или поздно приходит конец.

Глава 3. ВОЗМОЖНОСТЬ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОГО БЕЗУМИЯ

1. Универсальность человека и вопрос о предках

Где могло появиться на свет универсальное существо, как не на границе природных сред? К. Маркс в свое время развил тезис Спинозы об универсальности человека, обозначив универсальность, как способность действовать по меркам других видов. Существо, ставшее нашим предком, в какой-то период должно было обитать в полосе прибоя, одновременно в трех природных средах: в море, на суше, на деревьях. Если рассуждать с точки зрения земных сфер, то речь идет даже о четырех элементах системы: в атмосфере (на дневной поверхности земли), в литосфере (гроты в скалах, магматические натечные каверны, карстовые полости), в биосфере (в зарослях тростника, прибрежных кустов и деревьев) и в гидросфере.

Еще одним доказательством того, что люди сформировались в условиях ландшафтного пограничья, является факт, что человек – слабовооруженное от природы существо. Наши дети беспомощны. Отпрыски млекопитающих, чей генотип сформировался в условиях саванн, как правило, встают на ноги в первые минуты жизни (дети хищников не в счет: они под надежной защитой). Сохранить себя и потомство гораздо легче, если можешь перемещаться из одной среды в другую. Отсюда возможность долго растить детей. В сухой саванне такой возможности не было.

Отсутствие мощных когтей и зубов заставляло искать среду, в которой имеется максимальное количество пищи, доступной именно универсальному существу. Граница воды и земли в этом плане вне конкуренции. Здешние биоценозы не только самые богатые по массе, но и самые разнообразные. При этом белковая пища доступна даже слабовооруженным существам. Пример из собственной жизни. В молодости для отдыха на юге всегда не хватает денег, сколько ни бери их с собой. Бывало, что в Крыму мы, отдыхая компанией, неделями питались тем, что Бог пошлет. Он посылал, в основном, мидий и рапанов, которых мы варили в ведре или жарили на камне. В последний раз это было в 1997 г. в Коктебеле, – чрезвычайно густонаселенном курорте. Тем не менее, на Лагерном мысу четыре человека за час легко набирали ведро мидий. Нырнув на глубину шести метров прямо на пляже, всегда нападешь на след рапана на песке, – и вот он уже в сетке.

Миллионы лет тому назад подобной легкодоступной для человека еды было еще больше. Хотя и ныне моллюски по численности и разнообразию уступают только членистоногим, подлинное их царство осталось в прошлом и по времени совпадает с периодом антропогенеза. Добавьте к этому многочисленные коренья и водоросли, почти все сплошь съедобные, а также рыб, крабов, раков, креветок, птиц и их яйца (птичьи базары), черепах и их яйца, ужей, ящериц и жирных червей, обожающих болотистую землю.

Как, где, когда, от кого? Сакраментальный вопрос. Так строгие родители пытают загулявших девушек. Кто «залетел» нами? От кого конкретно мы произошли, как, где, когда это произошло?

Многим памятен информационный бум 60-70 годов 20 в., связанный с дельфинами. Шумихе вокруг этих животных способствовала, как ни странно, холодная война. В поисках возможных подводных диверсантов и разведчиков, которых можно было бы использовать, прикрепив на корпус бомбу или аппаратуру, американские военные обратили свой взор на дельфинов, которые давно были известны своей общительностью и добрым отношением к людям. За всю историю человечества не зафиксировано ни одного случая нападения дельфинов на людей, зато известно много случаев помощи людям со стороны этих морских млекопитающих. На людей не нападает даже самый страшный хищник моря косатка, родственник дельфинов. Известен только один случай нападения косатки на серфингиста. Кит-убийца схватил человека, несшегося по волнам с огромной скоростью, но, поняв свою ошибку, выплюнул, не причинив вреда (38, с.124). Известно много случаев сотрудничества зубатых китов с людьми, особенно с рыбаками, которым дельфины помогают ловить рыбу, загоняя в сети косяки.

Готовность дельфинов к сотрудничеству с людьми решили использовать военные, с каковой целью началось финансирование работ по созданию дельфинариев. Опыты с дельфинами вызвали сенсацию. Оказалось, что у них чрезвычайно развитый интеллект, далеко превосходящий интеллект других животных, включая собак и обезьян. Журналисты дописались до того, что объявили дельфинов «братьями по разуму», носителями «морской цивилизации». Министр рыбного хозяйства СССР Ишков издал знаменитый приказ о запрещении убивать дельфинов ввиду того, что «их мозг поразительно близок к нашему» (69,с. 14) и призвал последовать Советс-

кому Союзу все страны мира. Собственно говоря, в этом не было большой необходимости, потому что дельфины никогда не являлись значимым объектом промысла. Люди всегда испытывали подсознательное отвращение к убийцам этих животных, которое, видимо, является зеркальным отражением доброго отношения дельфинов к людям. Еще античные авторы осуждали фракийцев, которые убивали дельфинов и употребляли их в пищу (Плиний Старший, Оппиан, – 70, с.30).

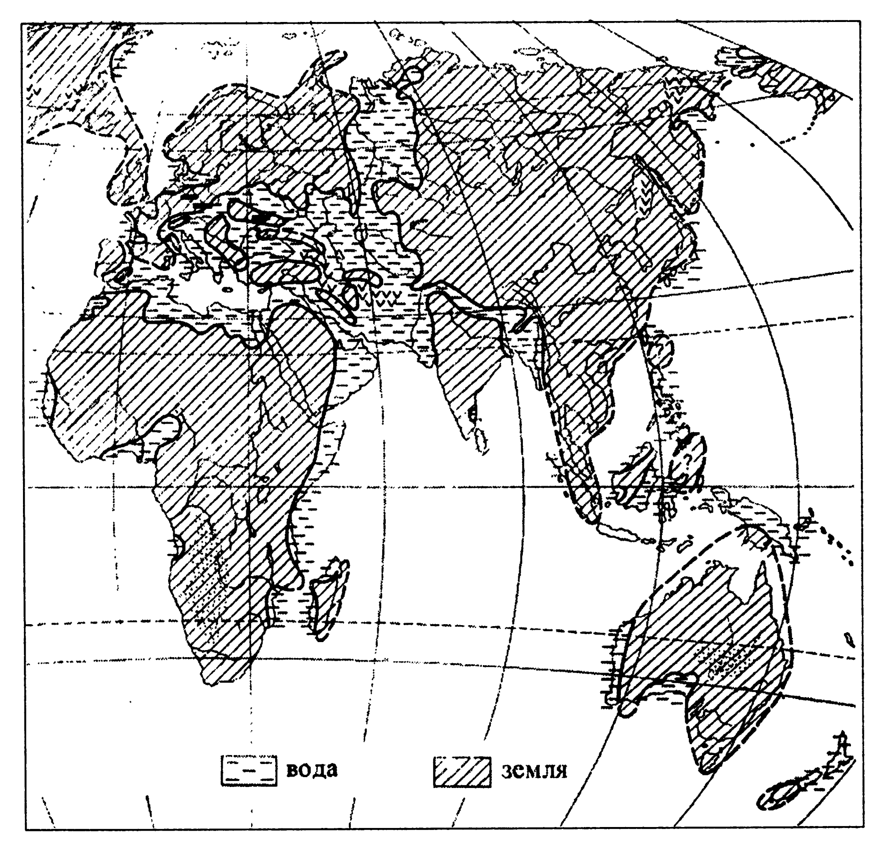
Однако вслед за сенсацией последовало разочарование. Выяснилось, что «странное» поведение дельфинов продиктовано не разумом, а инстинктом. Разочарование было вызвано тем, что любители сенсаций хотели видеть в дельфинах наших братьев по разуму, а не предков. И никто не задумался: откуда у зубатых китов, самых сильных и беспощадных хищников моря, инстинкт любви к людям?! Не является ли **инстинктивность** доброго отношения дельфинов и косаток к нам гораздо более незаурядным явлением, чем **осознанно** доброе отношение с их стороны, если б оно имело место? Что именно момент инстинктивности заслуживает самого пристального внимания и изучения? Конкретный вопрос: откуда мог взяться этот инстинкт, если филогенетически дельфины не имеют к нам никакого отношения?

Внешняя непохожесть не должна отвлекать от мысли, что нашими прямыми предками являются археоцеты. В природе масса примеров непохожести близких родственников. Например, среди слоновых. Морские сирены и мамонты совершенно не похожи друг на друга, хотя они родичи. Еще показательней пример с доманом, маленьким зверьком, обитающим в Южной Африке. Долго думали, будто доман – это грызун, тем более, что и повадки этого норного зверька весом до трех килограммов вполне соответствовали данному предположению. И вдруг у него обнаружились бивни! Доман оказался слоном! Если бы некое небольшое наземное животное поставили рядом с огромным синим китом и сказали, что это родственники, мало бы кто поверил своим глазам, а это так. Предком усатых китов, как считают палеонтологи, является древнее животное размером с корову. В заболоченной сельве Амазонии пасется мирная капибара, которую из-за ее внушительных размеров – 50 кг – долго считали оленем. Оказалось, что это – грызун.

2. Проблема происхождения дельфинов

Формирование морфологического типа зубатых китов началось около 60 млн. лет назад. Этот процесс непосредственно связан с самой масштабной трансгрессией Мирового океана, когда наряду с четырьмя известными нам океанами образовался из группы морей пятый, – Тэтис. Акваторией Тэтиса являлась вся Европа за исключением приподнятой части Скандинавии, Русская равнина, Западная Сибирь и далее на юг до Индийского океана. Не существовало нагорий и гор Передней Азии, Средней Азии, Кавказа, Гималаев. Все это занял разлившийся Тэтис, соединявшийся на юге с Индийским океаном, на севере – с Ледовитым, на западе – с Атлантическим, на юго-востоке – с Тихим (там, где ныне Зондский архи-

пелаг. В широтном направлении от того места, где ныне высятся Пиренеи, до современной Новой Гвинеи дно Тэтиса представляло собой геологически активную зону, которая термически подогревала акваторию. Это гигантская геосинклиналь, которая около 17 миллионов лет назад взбухла Альпийско-Гималайской складчатостью, породив крупнейшую в мире горную систему.

Океан Тэтис в эоцене

Здесь, на изрезанных и малопредсказуемых берегах Тэтиса, неизвестные науке сухопутные животные 60 миллионов лет назад начали эволюционировать в археоцет.

Понятно, что могло побудить их к этому: геологическое половодье. Вода подобралась и затопила места их обитания не за один день и даже не за одно тысячелетие. У них было время сориентироваться и изменить свои привычки сухопутных существ на привычки амфибий, а потом эволюционировать в чисто морские существа. На это у них было в запасе примерно 55 миллионов лет, ибо эволюция дельфинов, сделавшая их совершенными морскими хищниками, завершилась примерно 5 млн. лет назад.

В мнениях о происхождении китообразных до сих пор нет единства. Прежде всего, это касается вопроса о монофилетическом или дифилетическом происхождении зубатых и усатых китов. Впервые идея о дифилетическом происхождении китообразных была высказана в конце 19в. Смысл ее заключается в том, что китообразные представляют собой не один, а два различных отряда морских млекопитающих, происходящих от различных предков.

В течение 20в. данная версия постоянно находила новые и новые подтверждения. Этот вопрос обсуждался на I Всесоюзной конференции по проблемам эволюции в 1984 г. Там говорилось, что даже при отсутствии палеонтологических данных (предки зубатых китов, как, впрочем, усатых до сих пор точно не установлены), различия в строении мозга говорят о дифилетическом происхождении зубатых и усатых китов. «Это относится к местам выхода черепных нервов из ствола головного мозга, внутричерепным взаимоотношениям, местам и характеру выхода из полости черепа, внечерепным разветвлениям, топографии концевых ветвей, структуре нервно-тканевых отношений, рецепторных и моторных аппаратов» (52, с.146).

Строение мозга при прочих равных обстоятельствах имеет при установлении таксономических различий приоритет. Дело в том, что мозг – самая консервативная часть организма. Если с другими органами эволюция смело экспериментирует (вот почему нельзя полагаться на внешнее сходство, на чем основан симиализм; обезьяны в самом деле похожи на нас более других животных, но это сходство домана и сурка, оленя и капибары), то от мозга она никогда ничего не отщипывает, только добавляет сверху в случае ароморфоза. Отсюда такие понятия, как «старый мозг» (палеокортекс) и «новый мозг» (неокортекс). Новый мозг не сменяет старый, а вырастает сверху. Поэтому палеокортекс, как считает тот же Л.Шерток, может содержать тайны палеопсихики, когда человеческое сознание и неокортикальные структуры, являющиеся его носителями, были только в проекте.

Считается, что предками усатых китов являлось некое крупное копытное. «Некое копытное» палеобиологи зачисляют в число предков также и зубатых китов. В первом случае пишут «крупное копытное величиной с быка», во втором – «копытное млекопитающее величиной с волка». Почему? Без комментариев.

Совершенно непонятно, откуда все это взялось и влезло даже в глянцевые иллюстрированные издания (38, сс.10-11).

Ни один палеобиолог и любой другой специалист не знает предков археоцет.

Как часто бывает в науке, например, в палеоантропологии, исходный принцип один: внешнее подобие. Может ли в принципе быть научной дисциплина, исходящая из внешности, а не из сущности? Выше я прямо, четко и однозначно сформулировал свои исходные принципы, критерии инверсионной теории антропогенеза, на которые она опирается, развиваясь из одного зерна, системно. Пусть антропологи-симиалисты озвучат свои исходные критерии и прежде всего: на каком основании они считают обезьяну предком человека? Будьте уверены, кроме фразы: «Так ведь это самое... Похожа, вроде бы», – вы ничего не услышите. Генетику пока не будем трогать, это достижение последнего десятилетия, тогда как человечеству уже более ста лет внушают, будто человек произошел от обезьяны. Кстати сказать, генетика тоже свидетельствует о другом, но об этом поговорим позже.

В случае с китами тоже торжествует не научный подход, а обыденное сознание. Скажем, почему предком усатого кита не могло быть животное размером с волка, а предком зубатого — размером с быка? При чем здесь вообще размеры? За 50 миллионов лет 160-тонный синий кит мог «вырасти» из землеройки.

«Ненаучный подход», — это я мягко выразился. На самом деле подход *антинаучный, противоречащий основам теории эволюции* и прежде всего закону необратимости эволюционных изменений. Что я имею в виду?

Прежде, чем ответить на данный вопрос, задам еще один: кто-нибудь знает случай, чтобы копыто эволюционировало в многопальцевую конечность? Нет таких случаев, ибо это был бы «обратный ход», запрещенный законами эволюции. Конечности китов в своей костной основе, под кожей ласт, пятипалые. Их лучи очень длинные и очень изящные. Они никак не могли получиться из копыта, потому что копыто — это тоже бывшая многопальцевая конечность, которую сбила в кулак и согнула природа, а разогнуть уже не в силах, ибо это конечный итог, тупик эволюции.

В основе всех конечностей всех млекопитающих и птиц, населяющих Землю, та конечность, которая досталась им от ящеров.

В парке юрского периода такого разнообразия конечностей, как сейчас, не было. У всех динозавров был один тип: многопальцевая конечность с пятью или тремя (значительно реже) лучами. При этом большой палец отстоит от остальных на угол от 30 до 180 градусов, в зависимости от образа жизни.

У гигантских брахиозавров была конечность, называемая «столбообразной», но в своей костной основе она тоже имела лучи.

Конечности млекопитающих развились из кистей пресмыкающихся. Эта кисть дала в процессе эволюции конечности хищников с их подушечками, непарнокопытных, парнокопытных, ластоногих и иже с ними.

Собака и кошка бегают «на цырлах». Их подушечки представляют собой то же самое, что подушечки наших четырех пальцев, а большой палец редуцировался и остаток его можно видеть выше на лапе. Разверните конечность собаки и вы увидите кисть, ладонь, — вытянутую, удлиненную, но ладонь.

Другая эволюционная модель воплощена в конечностях парнокопытных животных: быка, оленя, козла, кабана и др. Они передвигаются на согнутых пальцах, на которых от трения об землю образовались роговые наросты. Пальцы срослись, а в одном месте, в центре, наоборот, разошлись.

Кисть оказалась потенциально очень богата в качестве «нуклеуса эволюции», ее универсальной заготовки.

Третий вариант ее реализации представлен у лошади и других непарнокопытных. Это полностью согнутая кисть, подобие кулака, на котором наросли копыта. Предки лошади имели на пальцах длинные когти, которые вынуждены были подгибать кверху, как ленивцы. Когда внешние стороны настолько зароговели, что кисти уже не разгибались, оказалось, что лучше не царапаться неловкими когтями, а лягаться копытами или быстро убегать на них же.

Четвертая модель представлена у водных млекопитающих. У них кисть осталась в своем первозданном виде, только удлинилась относительно размеров тела и обросла мышцами. Вначале была кисть с перепонками, потом ласты.

Все четыре модели получились из одной универсальной формы. Из той, которой вы сейчас переворачиваете страницы данной книги. Смотрите на нее, как на самую древнюю конечность млекопитающих и забудьте бред симиалистов, будто ей всего полмиллиона лет (иные уверяют, будто и того меньше). Псевдозухийскому токодонту 210 млн. лет, он имел кисть и являлся, кроме всего прочего, прямоходящим. Если исходить из определения Платона, это был человек. Во всяком случае, он был похож на нас не менее, чем обезьяна. Даже более, потому что у него шерсти не было.

Учитывая данный факт (имеется в виду поразительная древность пятипалой кисти и ее первичность по отношению к другим типам конечностей млекопитающих), можно говорить о предках китообразных. (При этом нас совершенно не интересуют морские гиганты – усатые киты, не имеющие отношения к антропогенезу).

Сейчас мы вернемся к вопросу о том, почему палеонтологи склонны считать предками китов копытных млекопитающих. Дело в том, что три таксона млекопитающих, а именно киты, быковые и приматы являются близкими родичами, имевшими общего предка, жившего 65 млн. лет назад. О родстве китов и быковых говорили давно, а вот ближайшими родичами приматов долго считали мышевидных (наверное, исходя из высокого интеллекта крыс). Однако, оказалось, что быковые к приматам ближе (71, с.182). Соответственно, произошло сближение приматов с китообразными.

Теперь вопрос на засыпку: кого вы сами выбрали бы в предки китов, исходя из внешнего сходства, особенно если учесть мнение, будто в такие далекие времена, как конец мелового периода, крупных приматов не было в природе? До недавнего времени были известны только карликовые формы приматов древностью более 60 млн. лет. Трудно себе представить в качестве предка трехтонной косатки десятисантиметрового лемура. Вот это «трудно себе представить» и стало основанием для палеонтологов. Других оснований нет. Палеонтологические данные, подтверждающие превращение копытных в китов, а копыт в плавники не обнаружены.

Утверждая эту теоретически и практически несостоятельную нелепицу, ученые «забыли» не только закон необратимости эволюции, но и факт относительной эволюционной молодости всех копытных. Копытные начали свой отсчет времени не раньше дельфинов. Приматы древнее и тех и других. Речь идет о полуобезьянах – лемурах и долгопятах, которые жили уже в эпоху эоцена, 65-70 млн. лет назад, т.е. за 10 млн. лет до того, как началась эволюция дельфинов. Причем, уже в то время наблюдается великое многообразие видов полуобезьян. Все они были (в отличие от копытных, предпочитающих сухие ландшафты), обитателями влажных тропических лесов, прибрежных мангровых зарослей и тростниковых болот.

Наряду с лемурами и долгопятами древнейшими млекопитающими являются яйцекладущие и сумчатые. У лемуров и долгопятов было то преимущество, что они являлись плацентарными. Это преимущество сыграло решающую роль, когда огромный метеорит, столкнувшийся с Землей в районе Америки около 60 млн. лет назад, уничтожил огромных ящеров.

До катастрофы лемуры и долгопяты прятались в прибрежных тростниках, не смея надолго выходить на сушу или пускаться в море. Катастрофа уничтожила крупных холоднокровных хищников, потому что вслед за ней

наступила полярная ночь. Тучи пыли, поднятые падением метеорита, заслонили солнце и на планете наступили мрак и холод. Отсюда должно быть понятно, почему именно Тэтис стал колыбелью новой жизни и очагом эволюции новых видов: он находился на противоположной стороне планеты, где меж черных туч могло иногда появляться солнце, согревая землю. Кроме того, весь океан пересекала обширная область вулканической активности, через которую на поверхность проникало внутреннее тепло планеты. Благодаря геотермальным источникам, теплилась жизнь простейших и моллюсков, которые питаются простейшими и которым свет не нужен вовсе. Что касается твердой поверхности земли, то на ней возможности существования сократились до минимума.

Лемуры и долгопяты устремились в теплую, но темную воду. Они питались, нащупывая в темноте чуткими длинными пальцами мелких моллюсков и разделывали их при помощи ногтей. Отсюда ногти (вместо когтей), чуткие, цепкие, супинаторно подвижные кисти с отстоящим большим пальцем (для противоупора, когда надо разорвать двустворчатого моллюска) и большие круглые глаза (впоследствии унаследованные человеком, почему мы удивительно похожи на долгопятов).

Эволюционно новый фенотип полуводных животных (ибо это были уже не лемуры и долгопяты) формировался исключительно для добывания и разделывания моллюсков в условиях пониженной освещенности в теплой воде, — тот фенотип, который впоследствии был унаследован людьми через несколько удивительных превращений.

Факт, что они являлись плацентарными, сыграл решающую роль в их эволюционном успехе в сравнении с яйцекладущими и сумчатыми. В условиях полярной зимы их потомство до родов было в безопасности. Здесь возникает вопрос: где они держали своих детей, когда земля была покрыта льдом и снегом? Наиболее вероятный ответ: в теплых заводях. Детеныши росли в воде и постепенно меняли внешний вид.

В теплой воде шерсть начала выпадать, редеть, пока не исчезла совершенно, а для «сугреву» стал накапливаться подкожный жир по типу морских животных. Скорее всего, в воде начала увеличиваться и масса. Ледниковая фауна всегда крупнее межледниковой. Чем больше масса, тем меньше вероятность замерзнуть. Постоянное пребывание в воде также способствует накоплению массы тела в связи с изменением силы тяжести. Таким образом были сделаны первые полшага к превращению в археоцет.

В настоящее время крупных лемуров, к сожалению, нет.

Особенно велико многообразие видов этих древнейших животных на о. Мадагаскар, осколке Гондваны, который в древности обмывался Тэтисом. Долгопяты обитают в Индонезии. Люди, имевшие счастье видеть это существо живьем, бывали шокированы. Это настоящий маленький человечек, имеющий кругленькую головку, большие очаровательные глазки и, главное, *человеческие руки* с длинными пальцами, оканчивающимися ногтями. Он производит впечатление нашего отражения, потустороннего обитателя каких-то сумрачных, окутанных паром, пространств зазеркалья. Туземцы избегают встреч с совершенно безобидными долгопятами, считая их заколдованными человечками и ожившими духами мертвых. Наверное, это и спасло долгопятов от уничтожения.

Полуобезьяны всеядны, как человек, в отличие от обезьян. Обезьяны – вегетарианцы, кроме маленькой хищной обезьянки галаго, которая является исключением, подтверждающим правило. Впрочем, даже если бы многие обезьяны являлись хищниками, это ничуть не приблизило бы их к нам. Исходя из критерия универсальности, мы должны признать, что по способу питания лемуры и долгопяты нам ближе, чем обезьяны. Хищничество и вегетарианство – это два тупика эволюции, это конечный итог специализации. Потенциально к дальнейшему ароморфозу способно не то животное, которое специализировано на каком-то продукте, а всеядное.

долгопят

Обезьяны (за исключением бесхвостых антропоидов) произошли от полуобезьян сравнительно поздно. Их эволюция началась позже эволюции археоцет, когда метеоритная зима окончилась. Они представляют собой конечные продукты специализации отдельных видов полуобезьян. Логично предположить, что от полуводного образа жизни на полностью морской фенотип перешли не все. Когда на планете восстановился тропический климат, часть лемуров и долгопятов продолжила наземную эволюцию, итогом которой стали хвостатые обезьяны.

Превращение полуобезьян в низших обезьян представляло собой не ароморфоз, а аллогенез. Интеллект низших обезьян не отличается от интеллекта лемуров и в десятки раз, на целый порядок уступает интеллектам дельфинов и человекообразных обезьян. Между высшими приматами (антропоидами) и низшими обезьянами (вроде мартышки и павиана) такая пропасть, что о родстве говорить не приходится. Бесхвостых антропоидов и низших хвостатых обезьян свели в один отряд совершенно неоправданно, исходя из внешнего сходства. Их происхождение и генезис абсолютно различны. Эволюционная схема: полуобезьяны – низшие хвостатые обезьяны – высшие бесхвостые обезьяны – человек, – представляет собой вульгаризацию и неоправданное спрямление эволюции. Она зиждется на заблуждении дарвинистов 19в., смотревших на эволюцию упрощенно, опираясь на обыденное сознание, на внешнее сходство тех или иных видов.

Лемуры (или долгопяты), бывшие всеядными обитателями прибрежных пространств, полуостровов и островов Тэтиса, имевшие развитые, подвижные конечности с длинными лучами, скорее всего, и стали предками зубатых археоцет. От питания древесными улитками, плодами, червями, тростником (до наступления пылевой зимы) они легко могли перейти к поглощению морских моллюсков и водорослей. Длинные конечности позволяли легко плавать. Очень важно то, что у них не было когтей, были ногти. Такими конечностями гораздо легче добывать и вскрывать моллюсков.

Для подобного вывода не имелось внешних оснований до тех пор, пока не было известно о существовании в древности крупных лемуров. Во второй половине 20 в. поступили сведения о существовании некоего вида гапалемура, который дожил до наших дней в тропических болотах. Гапалемуров описывают как «довольно плотных животных до 90 см. роста с ок-

руглой головой, широкой мордой и короткими ушами, сходными с человеческими» (57, с.78). В самом конце прошлого столетия на Мадагаскаре было сделано открытие, вызвавшее сенсацию: гигантский ископаемый лемур ростом более двух метров! Подобное существо за 55 миллионов лет вполне могло превратиться в дельфина.

Судя по эмбриональному развитию дельфинов, предком этих морских млекопитающих должно было быть наземное млекопитающее с круглой головой и пятипалыми конечностями. В настоящее время, кроме ископаемых лемуров и долгопятов, другие кандидаты на эту почетную роль неизвестны.

Наверное, многим приходило в голову, что симпатичные мордашки тюленей, морских сирен, котиков с круглыми внимательными глазками гораздо больше напоминают лица людей, чем обезьяньи морды. Это потому, что ластоногие тоже являются, скорее всего, потомками древних лемуров и долгопятов. Они представляют собой переходный морфологический тип (хотя, разумеется, уже прочно специализированы) от прибрежных животных к морским. Низшие обезьяны филогенетически дальше от людей, чем лемуры, представляя собой результат развития лемуров и долгопятов в условиях тропического леса в сравнительно поздние времена.

Морды лемуров и долгопятов более похожи на человечьи лица, чем обезьяньи. Так что и по такому основанию – по внешнему подобию – нам легче узнавать себя в них, чем в обезьянах.

3. Эволюция археоцет

Выводы об изменениях в строении тела и мозга дельфинов в процессе эволюции делаются на основе не только палеонтологических данных, но и на основе изучения эмбрионов современных дельфинов на разных стадиях их развития. Научным базисом последнего подхода является биогенетический закон Геккеля, который устанавливает воспроизводимость общей картины филогенеза в онтогенезе. Путь, пройденный видом, повторяется в стадиях развития эмбриона. Иначе говоря, эмбрионы животных в процессе развития в животе матери, быстро «проходят» путь, пройденный за миллионы лет эволюции всем видом. Путь, который проходит зародыш дельфина в животе матери, чрезвычайно интересен.

«Одна из групп архаических наземных млекопитающих перешла в водную среду», – пишет Г. Мчедлидзе, – «в конце мелового периода в период трансгрессии Тэтиса» (53, с. 110).

Это было животное, имевшее четыре развитые конечности с пятью лучами на каждой.

«Как известно, – пишет этот крупнейший специалист по палеобиологии китообразных, – зачатки задних конечностей закладываются в эмбрионе всех современных китообразных. Однако на определенных стадиях эмбриогенеза они исчезают. Так, например, у эмбриона дельфина, уже достигшего 75-дневного возраста, зачатки этого органа полностью утрачены. Совершенно очевидно, что сохранение на ранних стадиях эмбриогенеза китообразных зачатков задних конечностей является не чем иным, как рекапитуляцией признаков их наземных предков» (53, с.110). Передние конечности сохранились, преформировавшись в пятилучевые ласты.

Переход в водную среду вызвал выработку «гидродинамических и гидростатистических» приспособлений. «К гидростатистическим приспособлениям относятся все изменения, способствовавшие улучшению плавучести тела: увеличение общей поверхности животного, появление губчатой структуры во всех костях скелета, изменение ориентации конечностей по отношению к телу (горизонтальное взамен вертикального)» (53, с.111).

Выходит, что предки дельфинов, имевшие массу, сравнимую с массой человека, в воде начали грузнеть. В то же время у них менялась структура костной ткани, становилась губчатой. Вспомним приведенные выше данные о слабости костяка человека, который – скелет – не соответствует условиям наземного обитания. Это главное доказательство «неземного» происхождения людей для тех, кто считает, будто мы прилетели на Землю с иной планеты. Но не проще ли поискать поближе? То, что не соответствует литосфере, соответствует гидросфере. Для обитания в гидросфере наш костяк не только подходящ, но и имеет большой запас прочности, как и положено хорошей «подвеске» для внутренних органов.

Чрезвычайный интерес представляет изменение ориентации конечностей у дельфинов в качестве гидростатистического приспособления. Задние конечности заняли положение, *параллельное* туловищу, еще у археоцет и именно в таком виде закладываются у эмбрионов современных дельфинов. Впоследствии данное обстоятельство сыграет важную роль в процессе антропогенеза.

Еще одним важным гидростатистическим приспособлением является перемещение дыхательного отверстия в верхнюю часть головы. У предков дельфинов имелось парное дыхало, расположенное, как у лемуров (и людей), спереди. При этом, как уверяют палеонтологи, носовые кости нависали над дыхательным отверстием (т.е. наземные предки дельфинов имели нос или какое-то подобие носа). У современных дельфинов одиночное отверстие сверху. Перемещение дыхала вызвало изменение формы черепа: вытянутость вперед оказалась заменена вытянутостью вверх. Сверху появился *гребень*. (Палеонтологи, характеризуя верх черепа дельфинов, употребляют именно это слово, хорошо знакомое также и антропологам).

Отсюда своеобразная, никому более несвойственная в животном мире треугольная форма черепа китообразных. Впрочем, аналогии существуют. Они известны среди тех существ, кого принято считать предками или родственниками людей. Антропологи считают одним из самых архаичных признаков в процессе гоминизации черепные гребни, которые отличают массивных австралопитеков (например, зинджантропа бойсова, австралопитека робустуса). Среди антропоидов гребни наличествуют у горилл. Благодаря гребням, черепа массивных австралопитеков и горилл имеют форму, близкую к пирамидальной. Странно, что до сих пор никто не обращал внимание на сходство внешних форм черепов древних гоминид, современных антропоидов и дельфинов. В качестве рудимента гребни «дожили» почти до наших дней, украшая головы гоминид. Подобные черепа являются «визитной карточкой» неандертальцев. Еще один интересный факт: древняя «подтреугольная» форма черепа с редким постоянством рецидивирует у современных людей, страдающих микроцефалией (56). Это говорит об эволюционной исходности данной формы в разрезе антропогенеза.

К гидродинамическим приспособлениям относятся: «выработка торпедообразной, максимально обтекаемой формы тела, развитие наиболее

эффективного для скольжения наружного покрова» (53, с.111). Не тогда ли произошла редукция шерстного покрова? Он, безусловно, наличествовал у предков археоцет, так как эмбриончики дельфина (и, кстати, человека) покрыты мягкой шерсткой — лануго, которая потом исчезает (75, с.45).

Вообще эмбрион дельфина удивительно похож на маленького человечка. Не последнюю роль в поразительном сходстве играют наличие рук и круглой (!) головки. «Форма черепа в эмбриогенезе изменяется от округлой до вытянутой», — это научная информация об эмбриогенезе дельфинов (54, с.23).

Предки дельфинов еще более походили на человека, чем эмбрионы современных видов зубатых китов. У них, вне всякого сомнения, имелись руки. Как пишут палеобиологи, «миоценовые дельфины обладали длинными плечевыми костями» (53, с.115). Это были довольно странные на вид существа. Представьте себе дельфина с длинными руками.

Физическая утрата рук стала для дельфинов своеобразной «трагедией», постольку поскольку они до сих пор не могут отрешиться от того, что уже давно отсутствует. Так инвалид чувствует отрезанную ногу. «В конечностях китообразных — ластах — привлекают внимание две особенности:

1. Стойкое сохранение ряда структур наземной многопалой конечности (включая нервный аппарат)
2. Сохранение способности к использованию их в некоторых поведенческих актах. Образно говоря, центральная нервная система современных дельфинов «все еще помнит» о конечностях предков» (55, с.129).

Обратите внимание, речь идет не о копыте, а о многопалой конечности. Точнее — о пятипалой, потому что дельфины имеют пять лучей под кожей ласт.

Череп — та часть скелета дельфинов, которая пережила наибольшие метаморфозы за время приспособления к жизни в воде через водно-земной этап. У самых ранних предков дельфинов, обитавших на суше, имелись развитые лобные доли. Далее произошло следующее. «На начальных этапах приспособления к жизни в водной среде лицевая часть черепа предковых форм значительно вытянулась в длину» (53, с.30). (Еще одно эволюционное подтверждение того, что предки дельфинов имели круглую голову).

Этот гидродинамический сдвиг лицевой части повлек изменение краниальной части черепа. Произошло сплющивание мозгового отдела, лобные доли оказались задвинуты и сохранились только в виде небольших косточек.

Но потом (!) дельфинам вдруг вновь понадобились лобные доли: **произошло интенсивное, в эволюционном смысле взрывное увеличение мозговой капсулы**. Лобные доли вновь появились в виде широкой полосы (53, с.115). Два этапа развития черепа с их прямо противоположными тенденциями отражают этапы развития мозга, что крайне интересно.

4. Мозг дельфинов в эволюционом освещении

Прежде чем говорить о том, как стал возможен мозг человека, позволю себе привести две цитаты из публикаций в специальных изданиях.

«Современная наука не располагает возможностью воспроизвести с точностью эволюцию головного мозга человека начиная с его гоминидных предков, точно также, как и весь эволюционный путь Homo sapiens. Поэтому в своих суждениях мы очень широко пользуемся методом дедукций» (58, с.17).

Добавлю от себя: современная наука потому только «не располагает возможностью воспроизвести эволюцию мозга человека», что движется в ложном направлении и поэтому основным ее методом являются «дедукции», то есть вымыслы и домыслы. Хорошо уже то, что это осознается самими учеными.

Вторая цитата: «Зоологи и антропологи (особенно) определяют семейство гоминид по объему мозга. Столь же неправильно было бы в качестве диагностического признака семейства лошадиных назвать наличие одного пальца, хотя эта особенность представляет собой наиболее характерный анатомический элемент современной лошади. Но ведь более ранние представители лошадиных имели 3-5 пальцев. Поэтому наиболее характерную особенность семейства составляет редукция числа пальцев, как главная тенденция. Поэтому наиболее существенной особенностью семейства гоминид следует считать не наличие крупного мозга, а тенденцию к увеличению его объема» (М. Урысон, 59, сс.101-102).

С целью избежать обвинений в домыслах (т.е. в «использовании метода дедукций»), хотя ни один палеоантрополог без них не обходится, я буду говорить не столько о тенденциях, сколько о фактах.

Факт, что из всех известных науке ископаемых животных наиболее ярко выраженную тенденцию к увеличению объема мозга демонстрируют древние дельфины. В то время, когда началась эволюция человека, они одни во всем животном царстве демонстрировали показатели развития мозга, сравнимые с теми, что имеет Homo sapiens.

Существует несколько критериев оценки мозга. Абсолютный объем, т.н. «мозговой Рубикон», предложенный в 1948 г. А. Кизсом в качестве критерия, в настоящее время не применяется в таком качестве. Ученые пришли к выводу, что гораздо большее значение имеют такие показатели, как коэффициент цефализации («мозговитости»); индекс кортиколизации (соотношение неокортекса и общей поверхности коры); количество ассоциативных областей в коре; характер и число борозд; развитие мозолистого тела, как основной комиссуры мозга, и еще несколько показателей, объединяемых в понятие «архитектоника мозга».

Коэффициент цефализации изначально рассматривался как простая арифметическая дробь, где в числителе масса мозга, а в знаменателе масса тела. Однако данная пропорция имела слишком общий характер и не давала возможности «надежно» вычленить человека из животного царства по самому важному для вида Homo sapiens показателю. Еще в 1933 г. советский антрополог Я.Я. Рогинский предложил т.н. «квадратный указатель», который вроде бы расставил всех тварей на свои места. Вес мозга в числителе следует возводить в квадрат, — сказал Я.Я. Рогинский — и только после этого делить на массу тела. У него получилось следующее распределение среди млекопитающих:

- насекомоядные имеют коэффициент 0,01-0,06;
- полуобезьяны — 0,13-3,37;
- низшие обезьяны — 0,56-2,22;
- человекообразные обезьяны — 2,03-7,35;
- люди — 32,0 (10, с.54).

Обратите внимание: лемуры и долгопяты (полуобезьяны), имеющие 3,37, превосходят не только всех низших обезьян, но и некоторых антропоидов.

Методика Рогинского является в настоящее время общепринятой. Прислушаемся к тому, что говорят специалисты о «мозговитости» дельфинов.

«По коэффициенту цефализации зубатые киты входят в одну группу с человеком, ближайшие конкуренты — антропоиды — отстают в 3-4 раза» (60, сс.117,118). Выходит, что, если считать главной тенденцией приближения к человеку (по М. Урысону) увеличение мозга, то дельфинов следует предпочесть в качестве исходного материала даже человекообразным обезьянам, не говоря уже о низших приматах.

К моменту начала эволюции человека (назовем его точкой «альфа») на планете Земля жило только одно существо, имевшее достаточно серого вещества для того, чтобы в нем зашевелился разум. Это археоцет, эволюция которого началась 60 млн. лет назад и завершилась примерно 5 млн. лет назад появлением дельфинов и... людей.

«Весь комплекс имеющихся морфологических данных позволяет перейти от осторожной оценки уровня центральной нервной системы китообразных («где-то между собакой и обезьяной») к определенному утверждению, что этот уровень выше уровня развития мозга исследованных человекообразных обезьян и ближе к уровню человека» (60, сс.125-126).

Среди морфологических данных, кроме коэффициента цефализации, следует обратить внимание на развитие коры головного мозга. По абсолютному объему коры дельфины среднего размера близки к человеку и далеко превосходят всех прочих животных.

«В коре головного мозга китообразных находятся все шесть слоев, характерных для коры мозга других млекопитающих... Строение коры на некоторых участках у дельфинов оказывается более сложным, чем таковое у человека... Важной морфолого-физиологической характеристикой коры головного мозга дельфинов и человека является преобладание в ней так называемых «непроекционных» полей, т.е. тех областей, которые отражают возможности абстрактного мышления, ассоциативной деятельности. Относительная площадь областей коры, «молчащих» в ответ на раздражение органов чувств у неанестезированного животного, у афалины сопоставима с таковой у человека» (Морган, 60, с.123).

При движении вглубь вопроса о мозге, мы наталкиваемся на следующий важный критерий, а именно: какое место в коре занимает неокортекс, ведь именно в нем сосредоточена ответственность за самые сложные функции центральной нервной системы? У низших плацентарных (от насекомоядных до зайцеобразных) неокортекс занимает 30-50% площади всей коры. У хищных, копытных, ластоногих и верблюдов относительная площадь неокортекса больше, но у большинства отсутствует такой важный признак прогрессивного развития, как височное покрытие. Височные доли не имеют новой коры, она отсутствует именно там, где больше всего нужна существу с претензией стать когда-нибудь разумным. Височная оперкуляризация в этой группе животных, выделяемых по уровню развития неокортекса, имеется только у ластоногих. Очень интересный факт, подтвержда-

ющий, что обитание на границе разных природных сред способствует развитию интеллекта.

У человекообразных обезьян неокортекс занимает от 85% до 96% поверхности коры. У дельфинов – 97,8% процента и этот показатель наиболее приближен к человеческому! (Данные о развитии неокортекса, – 61, сс. 3-53).

По количеству борозд и сложности их поверхностного рисунка дельфины превосходят даже нас с вами, о чем можно судить по иллюстрациям, потому что это визуальный показатель. Тем не менее, многие специалисты зачислили мозг дельфинов в разряд «примитивных». Почему?

Дело в том, что дельфины, превосходя всех, за исключением человека, по относительному количеству нервных клеток, имеют чрезвычайно большое количество неспециализированных, архаичных, «первичных» нейронов.

Специалисты свысока отмечают «простоту организации дендритного аппарата нейронов» и присутствие в слоях коры «ретикулоподобных элементов» (61, с.53). Речь в последнем случае идет об элементах, выполняющих роль информационных фильтров (от латинского rete – сеть) и активаторов. У человека ретикулярная формация (особая структура мозга) тянется через весь мозг. Она получает информацию от всех органов чувств, фильтрует ее и передает коре мозга. Она активизирует кору в нужные моменты, но не пропускает привычные или повторяющиеся сигналы и играет огромную роль в механизме формирования целостных реакций организма.

Присутствие ретикулоподобных клеток *непосредственно* в новой коре является архаическим признаком, свидетельствующим об архитектурной незавершенности, недостроенности здания мозга. Но должны ли мы, исходя из этого признанного факта, «списывать» дельфинов с нашего «Ноева ковчега», на котором мы собрали всех возможных предков человека?

Возникает вопрос, – что вы возьмете за основу, желая возвести большой, красивый дом: большой недостроенный дом с прочным фундаментом, стенами, крышей, но без внутренней отделки и без специализации помещений, или маленький, но хорошо устроенный внутри теремок, подобный тому, в котором обитала мышка из сказки?

Мозг дельфина подобен первому варианту, мозги других претендентов – второму. Что с того, что у собаки или у обезьяны преобладают специализированные нейроны, в мозгах нет ничего «лишнего», все «подогнанно» «тютелька в тютельку»? Когда каждая клеточка выполняет только одну свою узкую функцию и не способна действовать по меркам других клеток, – это плюс сиюминутный в рамках геологического времени. (Мозг мал, но надежен и маловероятно, что он «сойдет с рельсов»). Потенциально – это большой минус. В плане эволюции перспективна именно способность сходить с ума, отвергая привычный образ действий. У дельфина был выбор, – вот что важно. Его «простые» нейроны могли развиваться в любом направлении. Главное, что этих стандартных «кирпичиков» хватало на дворец. У других выбора не было. Низший примат, как и собака, не мог стать существом разумным, благодаря крайней специализированности нервных клеток, а также общей недостаточности их, учитывая низкий уровень цефализации.

Позволю себе еще одну цитату. «Эти и некоторые другие данные позволяют думать, что, вероятно, именно у китообразных реализован тот способ построения нейронной системы, теоретически предсказанный Лешли

(в 1929 г. – В.Т.), при котором возможности системы к обучению и памяти определяются количеством функционирующей коры, а не ее анатомической специализацией. В недавнее время Ренш (в 1965 г. – В.Т.), исходя из других посылок, также пришел к убеждению, что число взаимодействующих элементов – самый важный показатель интеллектуальных способностей нервной системы» (61, с.53).

Выходит, что в случае с зубатыми китами природа пошла по другому пути, чем в случае со всеми другими животными. Она выделила их в какой-то свой эксперимент. Уже эта исключительность должна наводить нас на размышления, ибо человек тоже исключителен. Вместо небольшого количества узкоспециализированных нейронов природа дала дельфинам много универсальных нервных клеток, которые призваны были «брать количеством».

Известно, что когда природа хочет наказать, она дает слишком много. Дельфины не случайно выбрасываются на сушу, практикуя суицид, – невиданное явление в мире животных. Ниже я объясню его подробно, рассмотрев все бытующие на данный счет толкования, которые никуда не годятся. Здесь подчеркнем, что не случайно, говоря о дельфинах, мы оказались вынуждены использовать предикат универсальности в качестве объяснительного принципа. Универсальность является основным (и пока единственным для нас) отличительным качеством также и человека.

А вот что касается специализированности, то здесь, благодаря науке об антропогенезе (которая, занимаясь обезьяной, в целом пришла к отрицательному результату, но отрицательный результат – тоже результат; некоторые выводы науки неоспоримы),- здесь все ясно. Именно: специализация является самым страшным врагом эволюции. Там, где она выявляется, эволюция прекращает свою работу. Существует закон необратимости эволюции (т.н. «закон Долло»). Ситуация выбора дважды не воспроизводится никогда. Сделав выбор в пользу узкоспециализированного развития, вы попадаете в уютный тупик, который всем хорош, кроме одного: в случае резкого изменения природных условий вы вымрете-с. Что и произошло со многими видами. Человека всегда спасала именно его универсальность, которой он обязан своим предкам-археоцетам, имевшим большой мозг с универсальными нейронами.

Видимо, с этим связано явление, которое специалисты называют «удивительной курватурой» конечного мозга дельфинов. Такого количества извилистых мелких борозд неокортекса (курв) нет более ни у кого, включая человека. Борозды на поверхности коры мозга предназначены для разделения зон ответственности отдельных групп нейронов. В грубом приближении поверхность неокортекса можно сравнить с современными электронными платами. На заре развития электроники отдельные элементы схемы соединялись при помощи пайки проводами. Ныне схемы монтируются на плате-проводнике со штамповкой непроводящих борозд, разделяющих функциональные поля. Эти непроводящие борозды сравнимы с извилинами мозга, разделяющими гомологические поля. Дефицит специализации, то есть типологической различенности клеток, требует скрупулезного распределения их по зонам ответственности, чтобы они не пересекались и не мешали друг другу, составляя, тем не менее, одно целое, «единство во многообразии». «Курвы» мозга дельфинов, т.е. крутые повороты извилин, составляют сложный лабиринт, а не скопление тупиков.

В современной электронике наблюдается тенденция к унификации деталей, модульности. Современная полупроводниковая микросхема, являясь, в принципе, чрезвычайно простым устройством (гораздо более простым, чем былая ламповая схема), способна выполнять множество различных функций. У ламп была узкая специализация, они не были взаимозаменяемыми. Вопрос: не работают ли скопления простых нейронов мозга дельфинов по типу многофункциональных микросхем, избежав узкой специализации и это не недостаток, а, наоборот, прогрессивный признак? Не примитивизм, а, наоборот, качественно более высокий этап, чем тот, который явлен во взаимодействии узкоспециализированных нейронных систем у других животных? «Ламповый этап» в развитии электроники тоже ведь не являлся необходимым. Электроника, в принципе, могла бы и «обойти» его, развиваясь на полупроводниках. Вот что пишет по данному поводу крупнейший специалист в области изучения мозга Н.П. Бехтерева:

«Занимаясь физиологией психической деятельности человека со всеми ее особенностями быстродействия, не зависящего от пространства, невольно начинаешь думать о том, нет ли в мозгу механизма, аналогичного понятию когерентной работы, некой системы элементов, как в физике твердого тела. Я, разумеется, не одинока с этой ставшей почти навязчивой идеей. Именно об этом, по-видимому, думает и Эдди, упоминая в статьях о мозге «о туннельном эффекте», таком характерном для полупроводниковых диодов» (1, с.136). Вполне вероятно, что внутренние взаимодействия клеток мозга дельфинов осуществляются на основе подобного эффекта. В таком случае одни и те же нейроны оказываются способны выполнять различные функции. Один и тот же полупроводник, пропускающий сигнал в одну сторону, выступает в одном качестве; в другую сторону – в противоположном качестве; задерживающий сигнал – в третьем. Потенциально плюс бесконечность. Смена поколений в электронной технике означает момент, когда количество выполняемых функций, или быстродействие, или то и другое вместе возрастает на порядок.

Высокий интеллект дельфинов, превышающий уровень интеллекта животных, приближенных к ним по коэффициенту цефализации, невозможно объяснить, не учитывая эффект, компенсирующий такой «недостаток», как недостаточный уровень специализации нейронов. Причем, компенсирующий с избытком.

Когда присутствует «туннельный эффект», узкая специализация самих клеток становится излишней. Она приводит к росту массы мозга, ограничивая его быстродействие. Похоже, что эволюция «испробовала» этот путь и сама уничтожила свой «подопытный материал», как бесперспективный. Речь о неандертальцах, имевших очень массивный мозг, превышавший мозг современного человека примерно в полтора раза. Обладая огромным коэффициентом цефализации, неандертальцы отличались тугодумством, о чем свидетельствует отсутствие заметного прогресса в орудийной деятельности в течение всего периода мустье. И это, надо полагать, была не единственная попытка эволюции направить развитие мозга пресапиенсов по общему для всех животных пути.

Скорее всего, та же история имела место быть также с современными антропоидами. Человекообразные обезьяны имеют мозг «более прогрессивный» (как считают традиционно мыслящие ученые, цитировавшиеся выше), чем дельфины, но уступают последним в сообразительности. «Прогрессивность» в данном случае оценивается с точки зрения удельного присутствия «высокоспециализированных» клеток и структур. С точки зрения временной это действительно прогрессивный признак, а с точки зрения эволюционной – отнюдь. Антропоиды отделились от линии гоминид примерно 5-6 млн. лет назад, пойдя по пути узкой специализации, приспособившись к древесному образу жизни, и это завело в тупик узкой специализации также клетки и структуры их мозгов. Только таким образом можно объяснить противоречие между уровнями архитектоники мозгов человекообразных обезьян и дельфинов в пользу обезьян, и уровнями интеллекта в пользу дельфинов. Казалось бы, имея более «прогрессивный» мозг, антропоиды должны превосходить дельфинов. Но это «прогрессивность» такого же рода, как копыта лошади: итог узкой специализации, эволюционный тупик, конец развития вида.

5. Два в одном

По двум очень значимым показателям, характеризующим возможности мозга, дельфины намного различаются от человека. Настолько различаются, что отдельные «узкие» специалисты-антропологи (например, М. Урысон), основываясь на этом, призывают прекратить все разговоры о дельфинах, как родственниках людей. Речь идет о типе расположения борозд. У человека и человекообразных обезьян борозды расположены радиально, у дельфинов – циркулярно.

Мимо мнения одного из самых маститых антропологов, с которым по определению солидарны все симиалисты, пройти нельзя.

Мы уже говорили, что для биологии любое, самое маленькое различие в строении мозга имеет большее значение, чем различие в строении тела, даже если последнее весьма значительно.

Антропология является по большей своей части биологической наукой. Биологи-систематики давно перестали принимать во внимание такой фактор, как внешнее различие видов. Они знают: за сравнительно короткий геологический отрезок времени эволюция способна сотворить из слона мышь, из крысы оленя, но строение мозга при этом останется однотипным. Этот подход биологов-систематиков позволяет (спасибо М. Урысону с его решительным «нет», основанным исключительно на строении мозга), сходу опровергнуть все возражения против дельфинов, как возможных предков людей, основанные на внешнем несходстве. Внешность не имеет никакого значения. Человеческий облик за 5 миллионов лет могла бы принять даже лягушка, если б имела просторные мозги и начала эволюционировать, избегая узкой специализации.

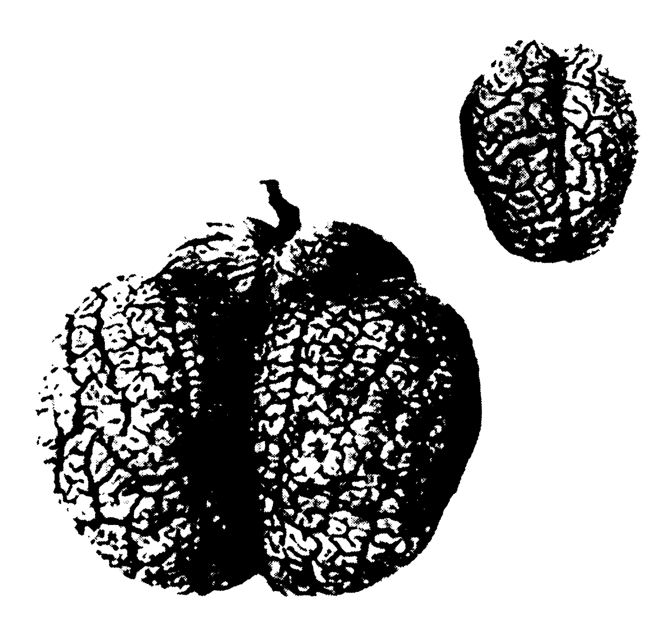
Я не только не намерен проходить мимо трудности, на которую ссылается М. Урысон, но приведу еще одну.

У дельфинов, в отличие от человека, слабо развито мозолистое тело – главная комиссура мозга.

Этот аргумент против близкого родства дельфинов и человека даже более значим, чем внешний рисунок неокортекса, потому что касается глубинных вопросов архитектоники мозга.

Впервые на такую особенность рода Homo (включая древних гоминид) и человекообразных обезьян, как радиальность (поперечность) борозд конечного мозга обратила внимание наш самый авторитетный палеоневролог В.И. Кочеткова, ученый с мировым именем (10, с.40). Ее «Палеоневрология» до сих пор является «культовой» книгой, во многом непревзойденной ни у нас, ни на Западе. Будем отталкиваться от нее, тем более, что М. Урысон в своем категоричном требовании «прекратить» все разговоры о дельфинах, опирается на нее же.

Если «радиальность» понимать, как поперечность (именно так разъясняет смысл данного термина Кочеткова), то как понимать «циркулярность»? Как продольность? С целью избежать двусмысленность, уточним понятия. Мы можем это сделать самостоятельно (В.И. Кочеткова, к сожалению, уже скончалась), потому что имеем фото мозгов дельфинов и человека.

Мозг дельфина и человека в сопоставимых размерах

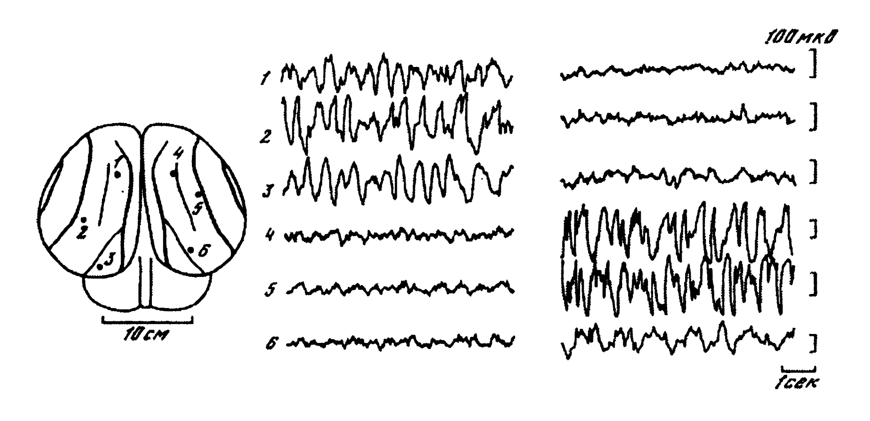
Думаю, что Кочеткова имела в виду под циркулярными бороздами те, которые очерчены как бы широко расставленным циркулем, неподвижная нога которого стоит не в центре мозга, а далеко за его пределами. Визуально они продольно-выгнутые. Главная отличительная особенность их заключается в том, что они не продолжаются на другом полушарии. В отличие от них радиальные (поперечные) борозды имеют тенденцию к продолжению, к переходу на другое полушарие.

Внимание: далее – о главном. Радиальные борозды свидетельствуют об **интерактивности полушарий**. Это свидетельство нацеленности полушарий на совместную работу, ибо функция борозд – вычленение гомологических полей мозга.

Особенность, на которую указала В.И. Кочеткова, касается только конечного мозга, неокортекса. Другой «недостаток» мозга дельфинов – недоразвитость мозолистого тела – касается всего мозга. При этом оба существенных различия сводимы к одному глобальному, а именно: полушария мозга дельфина не являются интерактивными в такой степени, как полушария мозга человека (и антропоидов). Они гораздо менее зависимы друг от друга. Это как бы **два автономных мозга** в одной черепной камере. Потрясающий факт.

Одна загадка, связанная с дельфинами, волновала ученых много десятилетий. Дело в том, что дельфины с момента рождения и до смерти ведут активный образ жизни. Это уникальное явление в мире животных, где спят даже рыбы. Известно, что мозг не может обходиться без отдыха. Чем более развит мозг, тем больше времени ему требуется для восстановления работоспособности. Человек проводит во сне треть своей жизни. Феномен дельфинов, очень мозговитых животных, которые при этом «никогда не спят», пытались раскрыть многие.

В 1978 г. в Советском Союзе на базе одного из дельфинариев на Черном море было выполнено исследование, которое немедленно было внесено в реестр открытий. Это поразительное открытие называлось следующим образом: «явление межполушарной асимметрии состояний мозга во время сна у дельфинов». Авторами его являются Л.М. Мухаметов и А.Я. Супин. Это открытие до сих пор не оценено по достоинству, ибо то, что оно дает для понимания происхождения сознания человека, тянет на Нобелевскую премию. Впрочем, часто бывает, что Нобелевскую премию дают ученым, сделавшим свои открытия десятилетия назад.

Энцефалограмма дельфина, демонстрирующая функциональную асимметрию мозга

Л. Мухаметов и А. Супин выяснили, что дельфины спят, причем, соответственно уровню развития своего мозга, подолгу. При этом они не теряют активности, потому что спят одним полушарием. **Субъектом отдыха является не весь мозг, а только одно из полушарий и никогда оба вместе,** иначе дельфин погибнет. Интерактивность полушарий заключается в том, что одно инактивирует другое, желая поспать. Один глаз у дельфинов открыт всегда (62).

Вот почему в ***каждом*** полушарии мозга дельфина присутствуют ретикулоподобные клетки, которые у человека сконцентрированы в ретикулярной формации, расположенной между полушариями мозга. Эти клетки — «часовые» и «фильтровщики информации». Они выполняют задачу своевременной активации заторможенного полушария, как быстродействующие дрожжи. Они в буквальном смысле слова «расталкивают» спящие нейроны. Наличие ретикулоподобных клеток в коре мозга дельфинов не является признаком «неразвитости», это очень разумное приспособление, позволяющее просыпаться мгновенно.

«Два мозга» дельфинов поочередно находятся на круглосуточной вахте. Один будит другого, какое-то время они обмениваются информацией, потом второй отправляется отдыхать. Вот почему два полушария дельфинов не имеют поперечных борозд, соединяющих их в одно функциональное целое. Вот почему у них не развита межполушарная комиссура. Вот почему поверхностные борозды неокортекса у них продольные, а «перетекание» борозд с одного полушария на другое только намечено, но не осуществлено, как у человека с его поперечными бороздами.

Межполушарная асимметрия, безусловно, является важнейшим гидростатистическим приспособлением предков дельфинов. Она появилась у археоцет, когда те перешли на исключительно морской образ жизни. В свою очередь, с ней связан ускоренный рост всего мозга (о чем, основываясь на палеонтологических данных, мы говорили выше), ибо та работа, которую у наземных предков дельфина выполнял весь мозг, теперь оказалась возложена на одно полушарие. Рост мозга вызвал, в свою очередь, рост мозговой капсулы, который отмечается палеонтологами.

Тогда и произошло вторичное появление широких лобных долей, которые на первом этапе перехода с земного на водный образ жизни редуцировались во имя лучшей гидродинамики. Здесь мы видим, как эволюция жертвует менее значимым во имя более значимого. Рост мозга, вызванный асимметрией полушарий, оказался важнее фактора гидродинамики; дельфины «отказались» от рыбьей морды, которую эволюция подарила им при переходе к водному образу жизни, и таранят воду лбом. У некоторых появилось такое гидродинамическое приспособление, как рострум, у некоторых (у гринд) — нет. Независимо от наличия или отсутствия рострума все дельфины — лобастые животные, что не слишком удобно при скоростном движении, учитывая высокую степень сопротивления воды. Потеря скорости — плата за интеллект.

Глава 4. ПРЕДЫСТОРИЯ АНТРОПОГЕНЕЗА

1. Акродельфиды – наши непосредственные предки

Болотные лемуры, с наступлением вод Тэтиса терявшие свои лиманы, тростниковые и мангровые заросли, постепенно переходили на водно-земный образ жизни, а потом на водный с периодическим возращением на землю для отдыха и деторождения.

Пришло время, когда им стало тяжело возвращаться на сушу и тогда начался процесс, который называется «эволюция археоцет». Начались гидростатистические и гидродинамические приспособления, о которых говорилось выше. Самым важным приспособлением к обитанию в водной среде животных, дышащих легкими, стала функциональная асимметрия полушарий, т.е. два автономных мозга в одной мозговой капсюле.

Однажды все эти замечательные адаптации начали создавать проблемы для археоцет. Проблемы, связанные с неуклонной, происходившей на протяжении всего кайнозоя, регрессией Тэтиса. До наших дней дожили далеко не все.

Палеонтологам известны три семейства ископаемых археоцет: сквалодонтиды, дельфиниды и акродельфиды. Расцвет всех трех форм падает на миоцен. В настоящее время два семейства – сквалодонтиды и акродельфиды – известны только в качестве ископаемых. От дельфинид произошли современные дельфины и косатки.

Между тремя семействами зубатых археоцет имеются солидные различия, касающиеся прежде всего строения зубного аппарата. Зубной аппарат сквалодонтид был очень специфичен: у них, как у акул, имелись, в дополнение к челюстным, еще и щечные зубы. У дельфинид щечные зубы отсутствовали, их зубной аппарат развивался в другом направлении: в сторону гомодонтизации. У дельфинид резко выросло количество зубов в сравнении с наземными млекопитающими, но спецификация зубов была утрачена. Не стало поверхностей, предназначенных для пережевывания пищи и дробления моллюсков, и клыков. Все зубы у дельфинид (а также у современных зубатых китов) – резцы. Дельфины не способны пережевывать пищу, они рвут добычу и тут же глотают. С такими зубами можно быть только результативным морским хищником, потребление растительной пищи и панцирных моллюсков исключено.

Наибольший интерес для нас представляют акродельфиды, имевшие гетеродонтный аппарат во рту. В отличие от своих гомодонтных родичей, акродельфиды имели не только резцы, но и зубы с плоскими площадками. Общее количество зубов было не увеличенным в сравнении с наземными животными. К сожалению, данных о точном количестве зубов у акродельфид мне найти не удалось, находки ископаемых археоцет вообще редки (море разъедает кости). Известно, что у наземных млекопитающих обычное число зубов три-четыре десятка. Т.е. речь идет о количестве зубов, сравнимом с тем, какое имеет человек (данные о зубном аппарате даются по Мчедлидзе, – 53).

Гетеродонтность акродельфид говорит о том, что они пережевывали еду, а это можно было сделать либо на мелководье, приняв вертикальное

положение, либо на берегу. Они занимали экологическую нишу, которую оставили дельфиниды и сквалодонтиды, устремившиеся в морские пучины. Скорее всего, нашими предками являлись акродельфиды, ибо они имели преимущественные возможности для возвращения к наземному образу жизни, когда Тэтис начал усыхать, превращаясь в цепь изолированных морских бассейнов. Один из последних останцов некогда великого океана – Аральское море – исчез на наших глазах. Осталось почти ничего: Средиземное, Черное, Азовское моря и Каспий.

В первом периоде кайнозойской эры, в палеогене, Тэтис был все еще велик, но в ряде областей, относящихся к центральной части этого океана, на месте открытого водного пространства появились шхеры. Нынешние Альпы, Карпаты, Большой и Малый Кавказы, хребет Эльбурс, Копет-Даг, Гималаи, – эти и ряд других географических областей, где ныне возвышаются горы, являли собой весьма живописные ландшафты. Бесчисленные, изрезанные бухтами острова; хорошо прогреваемые отмели; укромные нерестилища; теплые ключи, – и эта благодать посреди океана простиралась на тысячи километров. Само собой разумеется, здесь развились богатейшие флора и фауна простейших, моллюсков и всех тех, кто питается простейшими, моллюсками и водорослями. В свою очередь, те привлекали хищников, в том числе археоцет.

Особенно привлекательными были эти шхеры для акродельфид, которые, судя по гетеродонтному зубному аппарату, обожали именно эту еду. Плоские зубы использовались не только для жевания, но и для раскалывания мелких моллюсков. Этот прием известен с глубокой древности. Плоские зубы для разгрызания панцирей моллюсков и ракообразных имели пллакодонты, жившие задолго до акродельфид (44, с.74).

К тому же, в отличие от дельфинид, акродельфиды предпочитали мелководье. Это были обитатели шельфовой прибрежной зоны. Для того, чтобы поесть, им надо было плыть на мелководье, где водились в огромном количестве моллюски и где была возможность время от времени принимать вертикальное положение, чтобы прожевать пищу. Скорее всего, у акродельфид имелся не только гетеродонтный зубной аппарат, но и конечности.

Черепа ископаемых акродельфид тоже отражают их какую-то сугубую историю на поздней стадии развития.

Выше говорилось о том, что черепа всех археоцет в процессе адаптации к исключительно водному существованию приобрели треугольную форму. И вдруг эта идеальная для жизни в воде форма (идеальная тем, что позволяет иметь дыхало сверху) начала преформироваться незадолго до исчезновения акродельфид.

«Среди акродельфид, – пишет Г. Мчедлидзе, – можно выделить ряд форм, отражающих отдельные ступени сплющивания черепа, но, будучи полностью вымершей группой, и акродельфиды не дают представления об относительно поздних этапах филогенетических изменений черепа одонтоцет» (53, с.30).

Можно предположить, опираясь на это высказывание, что у *поздних* акродельфид начал плющиться гребень, который играл положительную роль до тех пор, пока *ранние* акродельфиды занимали во время движения

и отдыха *горизонтальное* положение. Вертикальная стойка (а она гораздо более выгодна, когда кормишься на мелководье моллюсками) сделал гребень излишним.

Можно представить себе этих существ. Я представляю их себе в виде небольших дельфинов типа афалин с длинными, ловкими передними конечностями и короткими, но мощными задними; с коротким и сильным хвостом и круглой (точнее, подокруглой) головой на шее, почти сросшейся с туловом. Они прекрасно плавают, но могут забраться на скалу или нависшее над водой дерево. Если Р. Гольдшмидт был прав, когда говорил о «многообещающих монстрах», то акродельфиды, несомненно, являлись ими.

В неогеновом периоде, примерно 17 млн. лет назад, начался главный геосинклинальный этап. Огромная широтная геосинклиналь активизировалась, начиная с Запада. Появились Пиренеи, Альпы Несколько позже — Карпаты, Кавказ, Гималаи. Как тогда выглядела среда обитания археоцет? Мгновение в геологическом времени растягивается на миллионы лет. Так, на главном геосинклинальном этапе ныне находится территория Индонезии (кстати, являя собой тот островной тип, какой некогда являли собой древние территории Альп, Кавказа и Гималаев).

Территория Зондских островов представляет собой восточный конец той огромной геосинклинали, которая была заполнена Тэтисом. Орогенный процесс, начавшись с Запада, на Востоке оказался незавершенным до сего дня. Земная кора здесь чрезвычайно активна, но люди живут, почти не замечая этого.

Один раз в пятьдесят-сто лет из моря восстанет новый островок; изменится береговая линия; пронесется цунами; извергнется вулкан, например, Кракатау. На месте горы Кракатау образовалась морская лагуна. Лет через тысячу благодаря медленному извержению магмы, вновь вырастет гора, закроет жерло, накопится энергия и произойдет взрыв. Последнее извержение состоялось столетие назад, а люди о нем уже забыли. Живут, как ни в чем не бывало, приглашают туристов. Если человечество доживет до того времени, когда на месте Зондских островов встанет огромный горный хребет, оно «заметит» данный процесс не более, чем заметило исчезновение Аральского моря, которое усохло за какие-то тридцать лет. Еще в семидесятые годы мой старший брат работал там в пароходстве. Если б Арал исчез в один день — была б мировая сенсация. За тридцать лет нас приучили к мысли об усыхании моря и, когда его на самом деле не стало, большинство из нас даже не заметили.

Наши предполагаемые предки акродельфиды имели много времени для того, чтобы возвратиться на сушу из моря и освоиться на суше. Фактически это весь миоцен длительностью 14 миллионов лет, а, возможно, также часть олигоцена. В последнем случае временной запас еще значительнее — около 20 млн. лет. Более чем достаточно, если учесть, что антропологи в свое время за какие-то 0,7 млн. лет из обезьяны «сделали» человека. Последний ископаемый акродельфид имеет возраст 5 млн. лет. Примерно такой же возраст имеет первый ископаемый гоминид.

2. Неотения и педоморфоз

Наиболее вероятный вариант ароморфоза, который хотелось бы предложить в качестве дискуссионного, я вижу в контексте консервации развития археоцет на какой-то стадии развития.

Речь идет о том, что имело место развитие по типу **педоморфоза**.

В таком случае возможны три варианта. Первый и второй: предки человека представляли собой неотеническую форму дельфинид или акродельфид; третий вариант, — акродельфиды и есть способные к размножению дети дельфинид.

В таком случае становится понятно, почему они исчезли. Исчезновение сквалодонтид, например, объяснимо вполне: те пытались занять ту экологическую нишу, которую уже давно занимали многочисленные акулы, и не выдержали конкуренции. Акулы более быстроходны. Археоцеты, как говорилось выше, из-за «взрывного» роста мозговой капсулы (которая выросла, чтобы вместить второй мозг) потеряли «рыбью морду», а вместе с ней и скорость в воде.

Сыграл свою роль, видимо, и такой фактор, как усыхание Тэтиса. Что касается акродельфид, то им — при их пристрастии к обрывам и отмелям — сокращение акватории было в определенный момент «на руку». Они ж исчезли. Почему? Скорее всего, акродельфиды не исчезли, а продолжились в нас.

Данные биологии говорят о том, что у дельфинид вполне могла быть неотеническая форма. Это связано с особенностью деторождения у зубатых китов, которая — особенность — называется «обратный ход новорожденных».

У современных дельфинов новорожденные выходят из материнского чрева *хвостом вперед*. Дельфинихи рожают в море при непременном участии и помощи своих родственниц и подруг, играющих роль «повивальных бабок». Их задача — вытолкнуть дельфиненка наверх, чтобы он мог глотнуть воздуха. Обязательное участие «повитух» говорит о том, что роды в воде для дышащих легкими дельфинов все еще опасны, хотя «обратный» ход новорожденных способствует их выживаемости.

«Обратный» ход новорожденных дельфинов представляет собой чрезвычайно сложное гидростатистическое приспособление, не менее сложное, чем мозговая асимметрия. У всех наземных млекопитающих дети выходят из матки *головой вперед*. Это обеспечивает значительную выживаемость при длительных родах. У большинства хищников, имеющих возможность рожать в достаточно комфортной обстановке и при этом не истощенных, смертность при родах практически отсутствует. У зубатых китов, хорошо обеспеченных пищей (они — самые эффективные хищники моря, практически не имеющие конкурентов), рожающих в защищенной среде (безопасность роженицы самоотверженно и эффективно обеспечивает все стадо) высокий процент смертности новорожденных. При затяжных родах дельфиненок задыхается в чреве, не успевая выйти. Это расплата за такое эволюционное приспособление, как «обратный» ход.

Как считают палеобиологи, древние дельфиниды очень долго были вынуждены возвращаться на какие-то постоянные нерестилища (53, с.115). Такое эволюционное приспособление, как изменение положения младенца в матке, позволяющее рожать в глубоких водах, не могло свершиться в

один миг. Кого археоцеты рожали – это тоже вопрос. Развитие эмбрионов дельфинов свидетельствует о том, что их отпрыски долго сохраняли руки, ноги и круглые головы на подвижных шеях, что делало их похожими на нас. Во всяком случае, дети дельфинид имели такой вид до тех пор, пока эволюция не изменила ход новорожденных на обратный, сделав возможным роды в глубоких водах. До тех пор, скорее всего, взрослые и детские особи дельфинид различались между собой внешне, как различаются взрослые и детские особи лягушек, стрекоз, саламандр. Выползая рожать на берег, археоцеты рожали существ, способных кормиться на берегу и на мелководье. Их дети были похожи на их далеких предков, когда предки дельфинид обитали в двух средах. Потом, пережив метаморфоз, выросшие археоцеты навсегда уходили в море.

Когда началась регрессия Тэтиса, многочисленные группы дельфинид в силу изрезанности ландшафта, начали попадать в ловушки: отдельные водоемы, не имеющие связи с океаном. Это были крупные внутренние моря, сравнимые по размерам с Каспием, которые сокращались, как шагреневая кожа на протяжении нескольких миллионов лет. Запертым археоцетам эволюция могла предложить только один выход: развитие по типу педоморфоза, через неотеническую форму. Второй выход – вымирание.

У многих животных наличествуют неотенические формы, в которых взрослые особи совершенно неузнаваемы. Например, у стрекоз, у лягушек. У лягушек рождаются лишенные конечностей «головастики», похожие на рыбок, у которых потом вырастают длинные конечности. Вполне можно представить и обратный процесс: метаморфоз взросления, сопровождаемый редукцией конечностей. Закономерность во всех случаях неотении такова: в новорожденных воспроизводится филогенетически более ранняя форма. У дельфинов (судя по онтогенезу) это должно было быть существо, похожее на человека. Половозрелые зародыши археоцет должны были походить на человека еще больше, чем зародыши современных дельфинов, потому что они находились ближе к исходной форме. Следует предполагать, что они не могли плавать с такой же скоростью, как сами археоцеты, но превосходили их в искусстве ныряния. Кстати сказать, именно такой способ «купания» является излюбленным для людей. Когда мы идем «купаться», мы идем нырять, а не плавать. Особенно это касается почему-то детей. Купание детей – это всегда ныряние. Даже умея плавать, они предпочитают нырять. В этом, как в любой мелочи нашего поведения в природном формате, тоже должен быть заключен какой-то эволюционный смысл, над которым стоит задуматься.

Известны случаи, когда, в силу изменения природных условий, развитие по типу педоморфоза начинает преобладать. Классический пример – аксолотль, обитающий в на юге Северной Америки. Долгое время аксолотли считались самостоятельным видом, пока не выяснилось, что это всего лишь половозрелые личинки амбистом. Аксолотли способны давать потомство, рожая таких же, как они сами. Коэффициент цефализации у них выше, чем у амбистом. Вообще более высокая цефализация в сравнении с родительской формой является закономерностью педоморфоза. Даже у людей дети имеют больше мозгов относительно массы тела, чем взрослые.

Причем, это не просто анатомический показатель. Дети гораздо смышленнее взрослых, они все — нераскрывшиеся гении. Бывают бесталанные взрослые, но не бывает бесталанных детей, это аксиома педагогики.

Наверное, многие читатели будут удивлены, узнав, что неотения является чрезвычайно распространенным явлением в мире животных, а педоморфоз — одним из главных инструментов эволюции. Благодаря «детскому сексу» и задержке развития появились не только отдельные виды животных, но даже целые таксоны. Например, все насекомые представляют собой итог развития неотенических форм древних многоножек (82, с.201). «Считается, что не только насекомые и некоторые другие группы беспозвоночных возникли путем неотении, но и некоторые группы позвоночных», — пишут в книге «Направление, скорость и механизмы прогрессивной эволюции» А.М. Зотин и А.А. Зотин (82, с.242).

«Явление неотении в случае измельчания вида или перехода его в неблагоприятные условия существования связано с трудностями борьбы за существование взрослых форм животных», — говорится в том же труде, а далее приводится закономерность: «Неотенические виды имеют преимущество при малых массах и недостаток — при больших по сравнению с предковыми формами» (82, с.242). Средняя масса людей меньше средней массы древних археоцет, причем, настолько, чтобы можно было считать людей их неотенической формой.

Распространенность неотении в качестве механизма прогрессивной эволюции связана с тем, что «неотения приводит к появлению животных с более высоким уровнем стандартного обмена по сравнению с предковыми формами» (82, с.241).

В настоящее время отдельные ученые-антропологи, например, Л. Больк и его сторонники считают, что без неотении происхождение человека понять и объяснить невозможно.

Разумеется, пребывая в плену симиальной концепции, они исходят из того, что человек является неотенической формой какой-то человекообразной обезьяны, скорее всего шимпанзе. Между мозгами антропоидов и мозгом человека такая пропасть, что заполнить ее представляется возможным только таким образом. У младенцев шимпанзе действительно более высокий коэффициент цефализации, чем у взрослых обезьян, но не намного.

Что касается ретардации, и, более широко — неотенической формы размножения, — то они возможны только у животных, ведущих универсальный водно-земной образ жизни. Среди наземных позвоночных животных случаи неотении неизвестны, во всяком случае, специалисты не приводят подобных примеров. Поэтому сторонники гипотезы, согласно которой люди являются неотеническими потомками шимпанзе, вынуждены в подтверждение ее приводить примеры с земноводными, которые в их устах звучат, как некорректные.

Наземные животные не могут позволить себе надолго задерживаться в детстве. У водно-земных животных возможностей продлить период детства больше настолько, насколько больше возможностей спастись от преследователей: в два раза. Обитание на границе двух разных ландшафтов обеспечивает возможность при минимальной затрате энергии в два раза эффективнее спасаться от естественных врагов.

3. Первородный грех педофилии

Когда большие группы дельфинид оказались заперты в границах внутренних водоемов Тэтиса, неотеническая форма археоцет оказалась более приспособленной к условиям изменившейся природной среды. Началась ретардация, которая зашла настолько далеко, что перешла в устойчивый педоморфоз – развитие по «детскому» типу. Дети дельфинид резвились в безопасных теплых заводях, занимаясь друг с другом «детским сексом», и не торопились взрослеть, приобретая сигарообразные массивные дельфиньи тела, которым негде было развернуться на мелководье. В сложившейся среде им было уютнее в эмбриональном теле с его ручками, ножками и головой, которой можно было вертеть, как хочешь.

Результаты многолетних наблюдений свидетельствуют о том, что феномен детской сексуальности в мире животных редок и наиболее развит у дельфинов.

«Результаты изучения половой активности у китообразных показывают, что накопление сексуального опыта начинается уже с детского возраста. Так, элементы полового поведения наблюдаются между матерью и ее детенышем. М. и Д. Колдуэлл упоминают о раннем проявлении полового поведения у афалин в неволе: попытки к совокуплению со взрослыми у малышей проявляются в возрасте нескольких недель. Молодые самцы спустя несколько недель после рождения пытаются спариваться с матерью» (60, с.50).

Эволюция позаботилась о том, чтобы неотеническая форма смогла давать потомство, а мутагенный фактор, который постоянно в небольших дозах поступал в организмы наших предков благодаря потреблению моллюсков, закрепил «успех» эволюции. Вот так появилось тело человека. (О моллюсках и радиации вы сможете прочесть ниже).

О том, что мы представляем собой результат эволюции по типу педоморфоза свидетельствуют красноречивые факты. Например, детская сексуальность, – редкое явление среди животных. Каждый, кто вырос не в гордом одиночестве, а в детском коллективе, знает, что Фрейд в свое время сказал правду о явлении, о котором все люди стыдливо молчат. Дети очень склонны к разврату, причем, не только в виде онанизма, но и к более «продвинутым» формам. Зачастую они пытаются спровоцировать взрослых к развратным действиям с собой; многие осужденные «педофилы» являются жертвами подобных провокаций (хотя взрослые, конечно, всегда виноваты, – в том, что уступили). В детских коллективах практикуется сексуальное общение друг с другом. Существует даже младенческая сексуальность, связанная с плотским влечением к матери. Казалось бы, откуда это? Природой подобное поведение не предусмотрено, эволюция всегда исходит из самого необходимого, в данном случае необходимостью является продление рода.

Младенческая сексуальность не может повлечь продление рода. С одной стороны, это доказательство нашего происхождения от дельфинов. С другой стороны, мы не можем утверждать, что детская сексуальность среди дельфинов является таким же навязчивым феноменом, как и среди людей. Психоаналитики уверяют, что она играет ведущую роль в формировании личности. Почти все нетравматические и неврожденные патологии психики

взрослых так или иначе коренятся в детской сексуальности. Что касается дельфинов, мы знаем, что среди них развит детский эротизм, но играет ли он в деле формирования психики такую же роль, как у людей, – этого мы не знаем.

Всеобщность детской сексуальности и ее роль «первой скрипки» в формировании нормальной или патологической личности человека говорит об огромном значении данного явления в филогенезе человечества; физиологическом значении, от которого ныне остался лишь «сухой остаток» психологического коррелята. Здесь я бы призвал вспомнить истинный в своей основе тезис гештальт-психологии, гласящий, что психика является сборным образом физиологии, хотя и не равна ей. Цельный художественный образ создается в фильме благодаря смене отдельных кадров, каждый из которых сам по себе не имеет никакого духовного значения, но это материальный субстрат духовного. Психика «снимает» физиологию, отрицая ее, но, в то же время, сама является ее «снимком», ее объемной голографией, стереоскопией ее бесчисленных личин, когда отдельных личин уже не видно и поэтому имеет место другое качество. Однако каждая личина, уйдя в небытие, оставляет свой след. Одно из самых значимых для формирования психики в онтогенезе последствий имеет детская сексуальность, *физиологически* сыгравшая огромную роль в становлении человечества. Не есть ли это тот самый «первородный грех», о котором говорится в Библии и который касается каждого человека, приходящего в мир? Грех, от которого не может избавить даже рождение методом неполового зачатия, даже рождение в пробирке; грех, тяжкие последствия которого мы, сами не осознавая того, искупаем всю жизнь.

Странным феноменом с биологической точки зрения выглядит явление, зеркальное по отношению к детской сексуальности, – педофилия. В этом мы, безусловно, превзошли даже дельфинов, не говоря о других животных: они детенышей не насилуют. В их мире есть детская сексуальность, но взрослая педофилия отсутствует.

Большинство людей-педофилов признаются психиатрами индивидами с нормальной психикой и только поэтому любители детского секса могут быть осуждаемы. Широкая распространенность педофилии, когда на каждого выявленного педофила приходятся тысячи невыявленных преступников, практикующих «детский» секс втайне, а на тех, в свою очередь, приходятся тысячи таких, которым мешают преступить роковую черту страх перед наказанием или моральные принципы, – это проблема не только криминальная.

Существует мнение, высказываемое вполне серьезно и даже научно, что все педагоги, любящие детей, то есть хорошие педагоги, – латентные педофилы. Педагог – одна из самых массовых профессий. Это люди, которые влияют на общество больше всех и, как правило, являются прекрасными – если не сказать лучшими – гражданами. Педофильская порнография представляет собой бизнес с миллиардными оборотами. Если учесть, что потребителями ее являются в массе своей психически нормальные люди, – возникает вопрос о происхождении этой склонности, который надо ставить не как вопрос о психопатологии, а как вопрос о филогене-

зе. От какого прошлого мы отрекаемся, решительно пресекая все попытки эротического использования детей, причем, не только взрослыми, но также и детей детьми?

В настоящее время в понятие «сексуальные перверзии» включаются все отклонения от т.н. нормы. Подход неверный, потому что извращения в строгом смысле только тогда являются извращениями, когда извращается природа человека. Под понятие «перверзия» подходят, например, зоофилия, некрофилия, фетишизм, садизм; и совершенно не подходят педофилия и гомосексуализм. Они – не извращения, а *преступления* общественных норм. Это отношения, на которые общество на определенном этапе развития накладывает гласное или негласное табу. С точки зрения природы человека они являются нормой. История показывает, что они широко практикуются во всех обществах, недавно вышедших на арену исторического развития (например, в Древней Элладе), имея длительную традицию, которая тянется через всю первобытность.

Здесь встает законный вопрос – а откуда и каким образом они попали в практику первобытных людей? До первобытности был антропогенез. Выходит, что истоки этих явлений (из которых сейчас нас интересует только педофилия) следует искать там.

Роман В. Набокова «Лолита», который сам писатель считал своим лучшим произведением, часто не включают в издания его сочинений. Порнографическим этот роман, весь сочащийся великой нежностью, назвать нельзя. Ныне огромными тиражами публикуются и свободно продаются книги, в которых по-всякому смакуются любые сексуальные извращения. Все части тела, привлекаемые к сексуальному общению, именуются без обиняков и описываются в движении. Не последнее место занимает педофилия. Авторов подобных произведений именуют «культовыми», пишут о них, как «писателях века».

Набоков в данном литературном контексте – просто евангелист Лука. Однако с точки зрения общественной морали он более «преступил», чем, например, Коэльо или Мураками. Почему?

Одно дело – описать извращение «со смаком», который так любят обыватели. Показать извращение, как *извращение.* Общество охотно принимает эту грязь, неразборчиво, наспех перемешанную с «высокими материями», заимствованными у Достоевского или Шекспира. «Интеллектуалы» из числа среднего класса передают подобные книги друг другу со словами: «Там та-а-кое!».

Другое дело – показать любовь взрослого человека к нимфетке не как извращение, а как красивое, человеческое, а не монстратическое чувство без смакования элемента извращенности. Образованный обыватель никогда не простит две вещи. Во-первых, без смакования извращенности «не так интересно». Люди любят, чтобы им показали нечто «из ряда вон», щекочущее нервы и удовлетворяющее их собственную похоть. Во-вторых, показав педофилию, как красивое и высокое чувство, Набоков «опрокинул» общественную мораль, которая требует, чтобы педофилию считали извращением и ничем иным. Смаковать откровенные подробности педофильских отношений можно, а сказать, что подобные отношения могут быть высокими и красивыми нельзя.

Целомудренный Набоков более преступил, более ударил по общественной нравственности, чем писатель-порнографист, смакующий подробности тайной жизни педофила, каковые тайно может смаковать читатель, глотая слюни.

И все же давайте задумаемся, — почему стал возможен этот роман? Почему о педофилии можно написать так, как невозможно написать о зоофилии или некрофилии, — нежно и пафосно? Художественная правда в чем-то выше научной. В художественном произведении, как ни странно, гораздо труднее лгать. Лживая поэзия невозможна по определению, а роман Набокова — это поэзия. Попытка создать подобное произведение на тему, например, любви к рогатой телушке, не вызовет ничего, кроме смеха или брезгливости. А ведь речь идет о двух формах того, что общество валит в одну кучу, именуя «сексуальными извращениями». Американский писатель Ивлин Во попробовал опоэтизировать некрофилию в романе «Незабвенная». Получилась тяжеловесная и скучная (невзирая на пикантные подробности) пародия на любовь.

Детская сексуальность и педофилия у людей представляют собой социальные пороки, содержащие в своей основе биологически-эволюционный фактор. Это не означает, что с данными явлениями не надо бороться всеми возможными средствами от педагогических до карательных. Наоборот, надо, ибо социальное представляет собой отрицание животного. Общество началось с этого отрицания и зиждется на нем. Человек непрерывно обязан делать над собой усилие, чтобы не поддаваться позывам, возвращающим нас в пережитое животное состояние. Не случайно в Библии говорится, что один раскаявшийся грешник дороже ста праведников. Это самое социальное изречение Завета, ибо человек становится социальным существом в непрерывной борьбе со своей животной природой. Стоит один раз дать слабину в этой борьбе — и она, как воронка Мальмстрема, затянет в свою пучину. Филогенетическое прошлое тяготеет над нашим настоящим и постоянно угрожает ему, ибо между человечески-социальным и животным нет и не может быть отношений покоя, это антагонистические отношения. Вспомним поршневскую инверсию «АВВА».

Возникает вопрос: если у животных вышеописанные явления отсутствуют, — чем объяснить их массовые проявления у психически нормальных людей? Детская сексуальность свойственна всем без исключения нормальным людям; педофилия многим; латентная педофилия — пусть меня казнят за правду — очень многим и не только учителям. Возможно, — большинству (благодарность прогрессивному человечеству за стойкое сопротивление этому древнему кошмару).

Не усматриваю иной возможности, кроме как объяснить детскую сексуальность и педофилию неотенией, лежащей в основе эволюции человека. Эволюция в свое время «подтолкнула» к этому наших предков, потому что в силу изменения природных условий неотенические особи перестали видоизменяться во взрослых дельфинид и возникла необходимость в «детском» сексе ради продления рода. Благодаря этому эволюционному приспособлению, неотеническая форма морфологически закрепилась и начала самостоятельное развитие, как отдельный вид, приведший в отдаленном будущем к появлению человека. Человек — это половозрелый зародыш не шимпанзе, а археоцет.

4. Человек играющий (homo ludens)

Еще одно доказательство педоморфоза – наше пристрастие к играм и к игровому поведению вообще, которое проявляется буквально во всех ситуациях. Философ и историк Й. Хейзинга (Нидерланды), изучив роль игрового поведения, призвал изменить название биологического таксона человека. «Homo ludens» («Человек играющий») вместо «Homo sapiens» («Человек разумный»), – вот так должен называться наш биологический вид по мнению Хейзинги. Взрослый человек в гораздо большей степени ребенок, чем взрослый волк или олень, или любое другое животное. Игривость, сравнимую с нашей, проявляют только дельфины в бассейнах, но у них это может быть замещением нормальной жизнедеятельности, поскольку игровое поведение подкрепляется едой. Казалось бы, домашние кошки и собаки, игривые в детстве, как все хищники, должны продолжать играть всю жизнь, постольку поскольку им, избавленным от добывания еды, больше делать нечего. Однако, повзрослев, они в значительной степени теряют интерес к игре. Люди испытывают необъяснимую тягу к игре всю жизнь. В романе «Игрок» Достоевского, который сам был рабом игры, фигурирует старая солидная женщина, которая в несколько дней проиграла в рулетку все свои немалые поместья. О чем говорит «игровая зависимость» человечества? Скорее всего, о том, что оно в своем развитии прошло через педоморфоз, в силу чего инфантильность является непременным компонентом сознания человека.

Индивид, абсолютно лишенный этого начала, подчеркнуто неинфантильный, навязчиво серьезный, менторски-«взрослый», – это не норма, а патология. Подобная особь – мизантроп, Собакевич, «человек в футляре» – была бы нормальной среди животных, но не среди людей. Когда «серьезный» человек упрекает всех и вся в том, что они «ведут себя, как дети», – следует вспомнить о предыстории человечества. Нередкий психотип зануды представляет собой рекапитуляцию той филогенетической стадии, когда наши предки являлись только животными в их «царстве необходимости» и никем более. И это тем более верно, что «человек в футляре» претендует на роль наставника, это его постоянная навязчивая идея, его комплекс, и это не случайно. Подсознательно он испытывает дискомфорт от своей недостаточности и пытается ее компенсировать. Являя собой филогенетически гораздо более отсталую форму, чем те взрослые «дети», те легкомысленные шалуны, которых он стремится поучать, он вынужден узурпировать более высокую ступень, чтоб никто не видел его онтической низости. Вечное менторство – это социальные «ходули» несчастного носителя самых примитивных архетипов. Все родовые филогенетические архетипы в индивидуальном развитии проявляются, как комплексы.

С другой стороны, среди людей распространена такая социальная болезнь, как инфантилизм. Надеюсь, читатели понимают, что в данном случае речь идет не о нормальной «детскости» и игривости взрослого человека, а о пороке, дорого обходящемся окружающим. Инфантильный человек не просто взрослое дитя, он всегда «анфан террибль» – «ужасное дитя». Психологи, социологи объясняют распространенность инфантилизма избыточной комфортностью воспитания, утверждая, будто данный порок является

прямым следствием отсутствия забот и трудностей у маленького человека. Вряд ли с ними согласятся педагоги, работающие с юными девиантниками, которым не приходится жаловаться на излишний комфорт, а также сотрудники исправительных учреждений. Инфантильность в социальных низах — такое же распространенное явление, как и в верхах. Даже, пожалуй, более распространенное, т.к. «верхи» умеют корректировать пороки правильным воспитанием.

Многие массовые преступления, — кражи, грабежи, убийства — порождены инфантильной безответственностью преступников, а ведь их совершают, в основном, представители социальных низов. Даже следователи с телеэкрана говорят о многих из них, как о взрослых детях. Один документальный фильм из цикла «Криминальная Россия» врезался мне в память. Ион Продан убил в Петербурге, Москве и Подмосковье 89 человек. Следователь Генпрокуратуры рассказывал о том, что во время следствия, длившегося не один год, жестокий убийца вел себя, как ребенок. Например, охотно рассказывал об очередном убийстве за лакомство в виде банана. Его признали вменяемым и осудили, но даже с телеэкрана Ион производил впечатление «надутого» и обиженного ребенка. Подобное ощущение возникает очень часто, когда показывают преступников. Самая кошмарная жестокость часто является обратной стороной детской сентиментальности и ранимости.

Широко известна концепция Ломброзо о связи формы черепов преступников с их криминальными наклонностями. Уже и до меня писали о том, что черепа, особо выделенные Ломброзо, имеют признаки архаики. Так, для преступников характерны черепа с продольной выпуклостью макушки, которую можно рассматривать, как костный остаток гребня; черепа с выпуклыми надбровьями, похожими на рудименты надбровных дуг. К сожалению, статистика связи архаических форм черепов с психической инфантильностью отсутствует, но предположение о том, что связь есть, кажется довольно основательным. Во всяком случае, было бы интересно взглянуть на психотип «анфан террибль», как на рекапитуляцию филогенетического прошлого, — более продвинутого, чем психотип «футлярного человека», более близкого к нам, но тоже представляюшего собой древний кошмар.

Кстати сказать, «футлярный человек» не менее склонен к преступлениям, чем «анфан террибль». Разница в том, что второй убивает вследствие безответственности или озорства, для него это продолжение игры, когда он «убивал» игрушечных солдатиков. «Футлярный человек» не просто убивает, он казнит. Кажется, Марсель Пруст сказал: страсть к порядку рождает потребность в убийстве. Яркий образчик подобного типа преступника явлен Агатой Кристи в романе «Десять негритят». Это безжалостный и совершенно уверенный в своей правоте судья, считающий, будто, сея вокруг себя смерть, он исправляет общество.

5. Следы педоморфоза в строении человека

Последний довод в пользу неотении, как физиологической основы становления человека, возможно, самый важный, потому что основан на данных морфологии. Дело в том, что анатомические признаки мозгового

черепа человека, отражающие «адаптацию к речевой деятельности (угол изгиба основания черепа) и прямохождению (положение большого отверстия)», судя по онтогенезу, являются неотеническими. Читай: данная анатомия стала возможна, благодаря ретардации, задержки в состоянии детскости и закрепилась в итоге педоморфоза.

Авторы приведенной выше цитаты в докладе на IV Международном конгрессе по интегративной антропологии, именуют эти признаки строения человеческой головы «*традиционно* относимыми к неотеническим» (63, с.140; выделено мной, — В.Т.). Доклад был посвящен противоречию, которое существует между традиционными представлениями о филогенезе человечества и бесспорными данными об онтогенезе. Положение большого отверстия черепа и угол изгиба основания черепа являются чрезвычайно важными признаками сапиентности. Если большое отверстие черепа будет расположено, как у собаки, ходить вы сможете только на четвереньках, потому что речь идет о креплении головы к туловищу. Вот как формулируется противоречие:

«Те признаки, которые могут рассматриваться как филогенетически-примитивные — малая степень изгиба основания черепа и приближающийся к «положительному» угол большого отверстия — одновременно могут рассматриваться как онтогенетически-продвинутые. И наоборот» (63, с.140).

Что из этого всего следует? Во-первых, это очередное опровержение симиальной концепции, которая во многом опирается на биогенетический закон Геккеля (ему же принадлежит также первое научное обоснование симиализма). Получается, что мы должны отказаться либо от биогенетического закона, либо от симиализма. Но биогенетический закон имеет более широкое применение, чем теория антропогенеза. Он подтверждается на примерах развития других животных. Отказавшись от него в применении к человеку, придется говорить о чуде рождения, а не об эволюции. Вопрос о происхождении человека выпадет из череды закономерностей.

Подход может быть один, а именно: несоответствие представлений о филогенезе человечества тому, что демонстрирует онтогенез, должно рассматриваться, как проблема теории антропогенеза, а не общей теории эволюции.

Филогенетически-примитивные признаки, — это те черты, которые, как полагают ученые-симиалисты, должны были наблюдаться у «предков человека» — диких обезьян, четвероногих и неговорящих, — и которые были изжиты в процессе развития рода. Ход этого исторического прогресса, по идее, должен быть отражен в развитии эмбриона современного человека.

В случае со строением мозгового черепа гипотеза о развитии человека из обезьяны «мало-помалу» не подтверждается. Здесь все с точностью «до наоборот». На ранних стадиях развития эмбриона современного человека его череп имеет признаки **более** «продвинутого» Homo sapiens, чем рожденный человек. Поздние стадии онтогенеза демонстрируют, наоборот, примитивизм. Это удивительный факт.

Противоречие снимается, если принять во внимание изначальность прямохождения и речевой деятельности. Говоря о речевой деятельности, имевшей место быть до того, как человек стал разумным, т.е. до появления вида Homo sapiens, я имею в виду не речевое общение индивидов, а

внутреннюю речь. Она, на мой взгляд, предшествовала речевому общению, как социальному явлению. *Внутренняя речь появилась раньше общения и раньше человека.* Вначале было слово, а потом человек, – говорится в Библии.

Прямохождение берет начало в том изменении положения задних конечностей, которое произошло после адаптации наших (и дельфиньих) наземных предков к водной среде, когда ноги заняли положение, параллельное телу. Неотенические детеныши археоцет изначально опирались на две ноги в своих мелких заводях, в тех садках, где проходило их детство под охраной родителей, которые не допускали в свой «родильный дом» морских хищников, а наземным хищникам он был недоступен. Потом происходил метаморфоз в дельфинид, потом он перестал происходить.

Вот эта филогенетическая картина и отражается в онтогенезе человека, в развитии его эмбриона. Как мы видим, инверсионной теории антропогенеза оказалось под силу объяснить то, что симиальной концепции непосильно даже усвоить.

В таком случае все становится на свои места, биогенетический закон обретает свои права, но «обезьянья» концепция летит при этом в тартарары (интересно было бы узнать, что самому Геккелю было дороже).

Интригует фраза из доклада группы ученых, о том, что признаки изменчивости мозгового черепа, отражающие адаптацию к речевой деятельности и прямохождению, «традиционно» относятся к неотеническим. Перед нами морфологическое подтверждение того, что без учета педоморфоза трудно растолковать, как появился морфологический тип человека.

Глава 5. ЗАРОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ. ПЕРВАЯ ИНВЕРСИЯ

1. Конец функциональной асимметрии полушарий

Нобелевский лауреат Р. Сперри писал о мозге современного человека: «Каждое полушарие имеет как бы отдельное собственное мышление» (3, с.111).

Физиологической основой возникновения сознания является автономия полушарий, которая могла достаться человеку в наследство только от археоцет. Социальный фактор, прежде всего общение, не менее значим, но уже на втором этапе развития сознания, во время второй инверсии. Преобладающее влияние социальный фактор приобрел еще позже.

Первотолчком послужил переход от чисто водного образа жизни, когда археоцеты спали в море, используя эффект функциональной межполушарной асимметрии, к водно-земному образу жизни. Обмеление водоемов заставило «вспомнить» тот филогенетический этап, когда предки археоцет жили и отдыхали на суше, возвращаясь в море только для добывания еды.

Отдых на суше, – в скальных гротах, на плавучих островках, которых много на мелких водоемах, в тростниках, на крупных камнях и т.д., – привел к тому, что оба автономных мозга получили возможность в одно и

то же время спать и в одно и то же время бодрствовать. Они начали функционировать в одном ритме.

Теперь представим себе последствия функциональной симметрии двух автономных мозгов одного животного, которая пришла на смену функциональной асимметрии. Неотеническая форма археоцет столкнулась с мощным психопатогенным фактором: с полным нарушением межполушарного баланса. Это была настоящая революция в психике животных: «верхи» не могли управлять по-старому; «низы» — органы движения и чувств «не знали» кому подчиняться, чьи команды выполнять.

Известно, что сон — это небездеятельное состояние. Представим себе животное, которому одновременно снятся два разных сна. Образы пересекаются, вступают в невозможные связи, конфликтуют друг с другом и так изо дня в день. Из сна в сон. Животное «сходит с ума». Бодрствование не приносит ему избавления от ночных кошмаров. Два мозга продолжают «познавать» друг друга, раздирая психику на части и вновь собирая ее из осколков. Психика животного становится калейдоскопической.

Известно, что мозг растет у человека во сне. Почему? Очень просто. Мускулы растут благодаря тренировкам. Мозг «качается» и накачивает массу именно во сне, во время и посредством напряженного внутреннего диалога.

Что значит сознание? Это Со-Знание. Во всех языках понятие «сознание» подразумевает «что-то с чем-то». Это как бы двойное знание в одном. И это не случайно. Со-Знание — это знание двух автономных интеллектов друг о друге и через друг друга — о себе самих, когда оно выступает, как самосознание. Это подразумевает открытость, пластичность, взаимозаменяемость. Только так и могло появиться «Я»: когда другое мое «Я» вознамерилось **меня** каким-либо образом задеть и поэтому было вынуждено дать **мне, то есть себе** определение. Два мозга, подобно двум малолетним братьям-близнецам, ощутили себя сущими тогда, когда впервые крепко повздорили. На смену неощущаемому тождеству с миром пришло осознание индивидуальности, а вслед за ним — осознание того, что необходимо както налаживать отношения.

Имеются удивительные различия между мозгами ребенка и взрослого человека (кстати сказать, кроме тезиса, который я сейчас доказываю, эти различия подтверждают неотению и педоморфоз). Н.П. Бехтеревой «пришлось наблюдать... случай повторных операций на левом полушарии по поводу злокачественной опухоли у ребенка. В результате было последовательно удалено практически все левое полушарие, причем речь, утрачиваемая после каждой операции, последовательно восстанавливалась. Даже не предположительно, а вполне утвердительно можно сказать, что утрачиваемые функции восстанавливались за счет правого полушария, хотя первоначально речевые зоны развивались у этого мальчика, судя по результатам первых операций, как и у большинства людей, слева» (1, с. 53).

Данный факт подтверждает также и опыт Лешли, о котором мы писали, и вывод, следующий из него: клетки мозга, избежавшие специализации, являются универсальными, и это их достоинство, а не порок.

Мозг взрослого человека не обладает подобной пластичностью. В нем существуют постоянные устойчивые связи, которые затрудняют восстановление утраченных функций на новой тканевой основе. Удаление левого

полушария у взрослого человека делает его инвалидом, не умеющим говорить, не воспринимающим чужую речь.

Детская пластичность мозга наших предков (ибо они являлись неотеническими существами) сыграла огромную роль, когда между двумя автономными мозгами началась «разборка» по вопросу доминирования. Скорее всего, именно эта разборка вызвала тот «сдвиг по фазе», который являлся отличительной чертой первых индивидов на Земле.

2. Многоликая шизофрения

Этот сдвиг, подобно всем другим значимым, переломным моментам филогенеза, оставил свой след в индивидуальном развитии. Сейчас это, разумеется, воспринимается, как патология. Речь идет о распространенном синдроме расщепленного сознания, а в качестве нозологической формы, в качестве системного заболевания, – о шизофрении.

«Среди психических заболеваний, относимых к большой психиатрии, – пишет известный детский психиатр М.И. Буянов, – наибольшее внимание привлекает к себе шизофрения, – особая душевная болезнь, проявления которой самые разнообразные: тут могут быть и бред, и отсутствие тяги к общению, и катастрофическое снижение волевой активности. Как только не называли шизофрению, какие только метафоры не использовали! В частности, мышление больного шизофренией сравнивали с оркестром без дирижера, книгой с перепутанными страницами, машиной без бензина... Интерес к этой болезни вызван многими причинами. Во-первых, ее происхождение неизвестно (подчеркнуто мной, – В. Т.), а то, что не изучено, всегда привлекает к себе особое внимание. Во-вторых, шизофрения – это идеальная модель для изучения общих закономерностей клиники и лечения всех других душевных расстройств. В-третьих, шизофрения, как многоликий Янус, как хитрый хамелеон, принимает каждый раз новое обличье» (2, с.42).

Термин «шизофрения», предложенный Э. Блейлером, означает «расщепление психики». В последнее время психиатры склоняются к мнению, впервые высказанному еще в начале 20 в. Крепелином, что т.н. «раннее слабоумие» тоже представляет собой шизофрению. «Вся беда заключается не столько в наличии шизофрении, – пишет М. Буянов, – сколько в том, что, пока ребенок болен, его мозг функционирует вполсилы, ребенок не усваивает необходимую информацию, он мало умеет, хотя временами знает много. Потом болезнь проходит, а признаки отставания в интеллектуальном развитии уже выходят на первый план. Поэтому некоторые из таких пациентов кажутся не больными, перенесшими приступ шизофрении, а умственно отсталыми, т.е. олигофренами. Это явление выдающийся советский детский психиатр Т.П. Симсон назвала «олигофреническим плюсом» (2, с.45).

Многоликость шизофрении настолько непостижима, что французская школа психиатрии вообще отказалась от нозологического подхода. Там возобладал синдромологический подход к диагностике и лечению. В настоящее время синдромологическое направление является преобладающим в мире, за исключением Германии и России. Психиатры других стран считают, что доискиваться до нозологии и ставить диагнозы «шизофрения», «паранойя», «олигофрения» – эта деятельность имеет не больше смысла,

чем искать имена дьявола. В принципе, это и в самом деле похоже на средневековое изгнание бесов, когда лекари-монахи спорили у постели больного, какой бес в него вселился: Люцифер ли, Вельзевул ли... Имя им легион. Они считали, что, правильно определив имя дьявола, смогут назначить верное «лечение»: бить, жечь, или топить больного. В зависимости от способа лечения душа несчастного могла попасть в ад или в рай, а о бренном теле никто не заботился.

Даже если нозологический диагноз и ставится, современные врачи все равно лечат синдромы, т.е. такие симптомокомплексы, которые образуют устойчивую клиническую единицу. Поэтому статистика в психиатрии имеет весьма относительное значение. Синдромы учесть возможно, а вот нозологические формы – те самые имена дьявола – ускользают. И если я здесь скажу, что наиболее массовым заболеванием психики, имеющим устойчивые начала в геноме человека, является шизофрения, – никакая медицинская статистика не сможет опровергнуть данное утверждение. Напомню еще раз, что шизофрения – это ничто иное, как «расщепление психики». Позволю себе еще одну цитату во имя избежания голословности:

«Из-за того, что шизофрения многолика и носители этой болезни не похожи друг на друга, многие психиатры стремятся более жестко определить ее границы, выделяя ядерные (истинные) формы этой болезни и отличая их от других форм, весьма условно относимых к шизофрении. Другие психиатры, напротив, расширяют границы этой болезни, относя к шизофрении все случаи нервно-психической патологии (подчеркнуто мной, – В. Т.)... проблема эта очень сложная, малоизученная и противоречивая, как и все проблемы, находящиеся на стыке биологического и социального в человеке» (2, с.44).

Итак, шизофрения находится на стыке биологического и социального в человеке. Многоликость ее простирается от бредоподобного фантазирования до аутизма, полного ухода в себя. Еще одним признаком шизофрении является синдром двойника, когда человеку кажется, будто он раздвоился. Шизофренический бред и аутизм также связаны с расщеплением психики. Больной воображает себя кем-то другим. В 1923 г. французские психиатры Капгра и Ребуль-Лашо, изучая больных с манией преследования, заметили, что эта мания всегда сопровождается симптомом двойника, когда человеку кажется, будто он сам либо кто-то из близких раздвоился. Немецкий психолог Э. Кречмер впервые еще в начале 20в. высказал предположение, что подобные состояния психики являются филогенетическим наследием человечества и представляют собой рекапитуляцию досознательных форм психики. Мнение отечественных психиатров, что шизофрения находится на стыке биологического и социального в человеке, подтверждает этот тезис.

Здесь следует вспомнить то, что выше говорилось о гипнозе и гипнотическом состоянии, а именно: гипнотический трансфер представляет собой филогенетическое наследие, которое объясняет не сам гипноз, а отсутствие его. В состоянии гипноза сознание человека раздвоено. Люди, подвергавшиеся гипнозу, вспоминают, что все происходило как бы не с ними. Мы сохраняем единство сознания благодаря трансферу «на другого», который постоянно осуществляется в подсознательном.

У всякого «Я» всегда есть «Не-Я», только поэтому «Я» есть «Я». Понятие «собственность» является производным от «Я». Обратите внимание: оно имеет смысл, только тогда, когда граничит с другой собственностью другого «Я». Если нет собственности другого, нет и моей собственности. Впрочем, отсылаю к своей ранней книжке, где понятия «Я» и «собственность» рассмотрены подробно (64).

Психика человека подобна магниту, который, сколько б он не претерпевал дроблений, всегда имеет два полюса. Она внутри-себя диалектична и являет собой тождество противоположностей.

Психика пресапиенсов, которых я бы выделил в особый род «человек безумный», была многолика, как шизофрения. Разборка двух претендентов на доминирование внутри одной особи в худшем случае приводила к гибели, в лучшем – оканчивалась очередной маленькой победой кого-то одного, которая наследственно закреплялась (напомню, что шизофрения тоже передается по наследству). В конце концов, сформировалось хрупкое единство, основанное на частичном разделении функций при доминировании одного полушария, – левого в большинстве случаев. Единство настолько хрупкое, что «Я» постоянно требует от «Не-я» сигналов, подтверждающих подчинение. Это и есть внутренний трансфер, в который вмешивается гипнотизер. Сеанс гипноза удается тогда, когда гипнотизеру удается настроиться на «волну», на которой осуществляется трансфер и отождествиться с доминирующим субъектом. В таком случае второе «Я» (или «Не-я») будет вынуждено выполнять все его команды, а гипнотизируемый будет ощущать это так, как будто все происходит не с ним. И это, в самом деле, так, ибо его личность, его доминирующее, его ответственное «Я» узурпировано гипнотизером, а его команды выполняет несамостоятельный «Не-я».

Отсюда можно сделать вывод как о возможностях успеха в лечении гипнозом, так и о катастрофических неудачах. Лечение бывает успешным, если врачу удается разрушить устойчивую связь и вместо доминирующего «Я», принявшего патологическую форму, подставить другое «Я», вызванное из подсознания. В случае, если разорвать связь получается, а новую связь во главе с другим доминирующим «Я» создать не удается, надо говорить о провале лечения и даже о нанесенном больному вреде: ему придется жить с расщепленной психикой. Не случайно психиатры осторожно применяют гипноз. Можно сказать, что это радикальная операция на психике человека.

3. Первая инверсия: Анатомический аспект

Выше говорилось о том, что разговоры о дельфинах, как наших «братьях по разуму» прекратились после того, как исследования мозга зубатых китов показало «архаичность» его строения в плане недостаточно «высокой специализации» нейронов и отдельных структур. Мы пытались показать на грубом сравнении с электроникой, что за «примитивностью» может стоять универсальность и в таком случае, она – не примитивность, а аристократическая простота. Полупроводниковый диод в сравнении с электронной лампой тоже устроен просто и даже примитивно. В случае с дельфинами природа пошла по иному пути, чем в случае с большинством

животных: во главу угла был поставлен принцип многообразия и разнонаправленности связей, а не развития специализации самих нейронов.

Специализация представляет собой более простой вариант. Современные опыты со стволовыми клетками показали, что важна основа, из которой можно получить, что угодно. Желая наглядно представить эволюцию в качестве настольной игры, не придется строить что-то, похожее на бильярд. Игра должна заключаться в том, чтобы прокатить шар по холмистой местности таким образом, чтобы он не скатился с вершин и перевалов, постоянно балансируя на грани. Внизу – ямы-ловушки, называющиеся «специализация». Скатился – игра «Эволюция» для тебя окончилась.

Именно поэтому в конечном мозге дельфинов присутствуют ретикулоподобные клетки, являющиеся активаторами связей и фильтровщиками импульсов. Не их ли прошлая деятельность лежит в основе тех элементов мозга человека, которые обеспечивают «туннельный эффект», отмечаемый Н.П. Бехтеревой? Функционально они более других клеток подходят на подобную роль в филогенезе.

Отмечая достижения науки, необходимо сказать, что в последнее время ученые открыто говорят об «относительной ценности традиционных критериев, по которым морфологи привыкли судить о степени структурной сложности коры. Как раз **у дельфинов был найден целый ряд архитектонических и нейронных признаков, считавшихся до сих пор характерными для людей»**... (выделено мной, – В. Т.).

А ведь мозг дельфинов называли «архаическим»!

Не завершаю пока цитату из книги Л.С. Богословской и Г.И. Полякова «Пути морфологического прогресса нервных центров у высших млекопитающих» (который – конец цитаты – интригующе интересен), чтобы в промежутке задать вопрос: как теперь быть с мозгом человека? Обращаюсь к антропологам-симиалистам, которые, подобно М. Урысону, призывают прекратить всякие разговоры о филогенетической родственности мозгов дельфинов и людей; которые даже возможности такой не допускают. Книга Богословской и Полякова вышла в 1981 г. Может быть, теперь следует мозг человека тоже признать «архаическим» по сравнению с мозгами обезьян, если «архаичен» мозг дельфина?

Завершаю цитату: «как раз у дельфинов был найден целый ряд архитектонических и нейронных признаков, считавшихся до сих пор характерными **для людей с тяжелыми, обычно врожденными изменениями центральной нервной системы»** (61, с.148).

Великолепно! Вот мы и пришли к подтверждению догадки психолога Э. Кречмера, которую многажды пытались опровергать, но вновь и вновь возвращались к ней психологи и психиатры, – что врожденные болезни ЦНС являются рекапитуляцией древних форм психики и имеют филогенетическое значение. Опровержения, кстати сказать, были беспомощными. Пример – фундаментальный труд Б.В. Зейгарник «Патопсихология». Высказав свое негативное отношение к идее Кречмера, Зейгарник, имеющая огромный опыт работы в психиатрии, никак не опровергает ее, – ни логически, ни практически. В книге, имеющей такое обобщающее название, следовало бы привести хоть какую-то аргументацию ради полноты карти-

ны. Она отсутствует не потому, что авторитетный специалист Б.Зейгарник не владеет предметом. Скепсис в отношении идеи Кречмера не обоснован не только в ее книге, но нигде. Высказывается часто, не аргументируется ничем. И это, идя от противного, является доказательством истины.

Подведем итог. Идея Кречмера, на которую, в свою очередь, опирался Б. Поршнев в своей теории антропогенеза (правда, не упоминая Кречмера), имеет морфологическое подтверждение, но не в строении мозга обезьян, а в строении мозга дельфинов. С обезьянами Б.Поршнев потерпел сокрушительное фиаско и остается только сожалеть, что этот гениальный историк, являвшийся к тому же доктором наук в области психологии, не обратил свой взор в нужную сторону. Он гораздо основательней меня сумел бы обосновать инверсионную теорию антропогенеза, первенство в выдвижении которой, безусловно, принадлежит ему.

4. Общество безумных

Встает вопрос, каким образом смог выжить человек безумный, как биологический вид? Еще в 19 в. великий русский психиатр В.К. Кандинский заявил, что болезнь – это та же жизнь, только в измененных условиях. Если лягушка с отрезанной головой реагирует на неприятные раздражители, то тем более способен на реагирование человек с измененной психикой. У большинства больных инстинкт самосохранения развит даже в большей степени, чем у здоровых людей. Опыт войн показывает, что оставшиеся без надзора обитатели скорбных домов в большинстве случаев вполне способны к самовыживанию наравне с нормальными людьми. Более того, иногда они оказываются даже «хитрее» нормальных. У идиотов часто наблюдается «хитренький» прищур глаз и их не так-то просто бывает «провести на мякине», потому что они привыкли жить с опаской, что их обманут.

Н.М. Белый, работавший директором специнтерната для взрослых психохроников в самые трудные годы реформ, рассказывал мне об их потрясающей приспособляемости и нацеленности на выживание любой ценой. «Порой мне кажется, – говорил он, – что это не они дураки, а мы». Среди обитателей интерната были также люди с нормальной психикой. С ними, как ни странно, возникало больше психологических проблем, чем с психохрониками. Последние не напивались, не скандалили, не доводили друг друга до попыток суицида, не отбирали друг у друга пенсии и т.д и т.п. Почти все они, в отличие от т.н. «нормальных» охотно возились с живыми животными на подсобном хозяйстве, тогда как «здоровых» свиньи и телята интересовали только в виде мяса.

Н.М. Белый заметил такую особенность психохроников, как влюбчивость. Их склонность к общению далеко превосходила нормальную. Любой знак внимания со стороны, любое проявление доброты, они склонны воспринимать, как шаг к отношениям особой духовной близости. Побывав в интернате, я лично убедился в том, что все они поголовно, как женщины так и мужчины, по-детски влюблены в своего директора, которого ласково называли «Миколаич». Уверен, что каждому казалось, будто «Миколаич» особенно выделяет именно его и со своей стороны придает

судьбоносную значимость этим духовным «двусторонним» отношениям. На самом деле этого, разумеется, не было и не могло быть. То, что «психи» воспринимали, как персональные знаки внимания, являлось проявлениями служебного долга и обычной человеческой доброты.

Кроме того, необходимо учитывать великое разнообразие самовыражений людей с измененной психикой. Перефразируя Л. Толстого, можно сказать: все здравомыслящие здравы одинаково, все ненормальные ненормальны по-разному. «Один параноик окажется признанным ученым, а другой – душевнобольным, – писал выдающийся психиатр П.Б.Ганнушкин, – Один шизоид – всеми любимый музыкант, поэт, другой – невыносимый бездельник» (4, с.69). Думаю, что естественный отбор способствовал выживанию людей первого, а не второго типа в то время, когда на Земле еще не было Человека разумного, а был Человек безумный.

Глава 6. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЗНАНИЯ. ВТОРАЯ ИНВЕРСИЯ

1. Парадокс устойчивого патологического состояния

Мы рассмотрели в общих чертах процесс превращения животного в Человека безумного. Не менее интересна вторая инверсия: превращение Человека безумного в Человека разумного. Для понимания этого процесса особую значимость имеют идеи школ В.И. Бехтерева и Н.П. Бехтеревой.

Сознание – это самосознание. Осознание самого себя является ядром духовного микромира. Самосознание появляется не сразу. Большинство людей начинают осознавать себя примерно с четырехлетнего возраста, и если до этого момента можно было говорить о младенце: «в мир пришел человек», то с этого момента уже можно добавлять: «человек разумный».

В нашем случае филогенетическое наследие отпечаталось не только в онтогенезе, как таковом. Разумеется, младенческое состояние психики в принципе тоже было бы интересно рассмотреть в качестве рекапитуляции первобытных состояний. Озарение самосознания у ребенка бывает настолько внезапно, что не может не заключать в себе момент диалектического снятия. Отсюда: на то, что было «до», можно смотреть как на противоположность того, что наступило «после»; во всяком случае, такая попытка была б интересна.

Однако нельзя зацикливаться на онтогенезе, как таковом. В соответствии с изложенной здесь концепцией, биогенетический закон должен преобладающе проявляться в другом: в патогенезе.

«На материале работ школы В.М. Бехтерева было выявлено, – пишет Б. Зейгарник со ссылкой на В. Белозерцеву, – как измененное самоощущение в ходе отражательной деятельности больного мозга порождает новую для субъекта деятельность – деятельность самовосприятия. Эта деятельность в связи с постоянством необычных чувствований и их особой значимости для человека становится смыслообразующей, ведущей в иерархии других

видов деятельности. Больные забрасывают свои прежние дела и ни о чем не могут думать, кроме собственных необычных состояний и причин их возникновения» (4, с.56).

Эта деятельность самовосприятия, которая настолько занимательна, что отвлекает на себя все духовные способности психически больного человека, должна быть по своей природе зеркальной. Не случайно речь идет об отражении, продуцирующем «постоянство необычных чувствований».

До сих пор психология не могла быть самодостаточной дисциплиной, потому что в ее руках был только один конец. Все знали, что ядром сознания является самосознание; догадывались, что сознание по своей природе двойственно, что оно диалектично, но как оно стало возможно?! Ответ на этот вопрос подразумевал ответ на другой вопрос: где стояло то зеркало, в котором впервые отразилось расплывчатое «Я» пресапиенса, ставшее источником таких необычных чувствований, что все, бывшее до этого, было забыто? До сих пор это было непонятно и вот вам ответ: оно стояло рядом. Первичное «Я» отразилось в себе подобном, не выходя за пределы одного тела. Разумеется, настоящим человеческим «Я» оно стало только после обработки в тигле социума, но это уже другой вопрос, если хотите – третья инверсия, которая выходит за пределы данной работы.

Эта неистовая деятельность самопознания, проявляющаяся в патогенезе у психически больного человека, безусловно, имеет филогенетические корни. После третьей инверсии, когда социальное начало довлеть и требовать своей дани в виде соблюдения условностей общественной жизни, она – эта деятельность самовосприятия, полная необычных чувствований, – попала в разряд патологии наряду со многими другими видами первичной психической деятельности.

Понятие «устойчивого патологического состояния», широко используется психиатрами для обозначения самых разных форм хронического помешательства. Н.П. Бехтерева отметила его парадоксальность. «Устойчивое патологическое состояние – один из важнейших факторов адаптации организма к среде, процесс биологически положительный – играет в лечении роль осложняюшего фактора, – пишет она. – Это один из многих парадоксов в диалектике проблем жизни, определяющих общие принципы здоровья, выживания, болезни и смерти!» (1, 81).

Н.П. Бехтерева старается обходиться без упоминания традиционных нозологических форм, как-то шизофрения, паранойя, олигофрения... Для нас важно подчеркивание ею **адаптационного значения УПС** (устойчивого патологического состояния). И она совершенно справедливо отмечает парадокс, связанный с этим, потому что на той биологической основе, которая подразумевается в качестве филогенетического фундамента психики человека – будто «потихоньку-постепенно» из узкоспециализированного мозга обезьяны величиной с локоток образовался мощный универсальный инструмент мыслительной деятельности человека разумного (без перелома, превращения в «свое иное», отрицания отрицания), – остается ссылаться только на парадокс.

Именно тем, что психиатры в своей работе постоянно сталкиваются с необъяснимым парадоксами и можно объяснить высказывания вроде следу-

ющего: «Психиатрия знает только совокупность симптомов, происхождение их знает приблизительно, а механизма не знает совсем» (Гризингер, 6, с.9).

Устойчивое патологическое состояние, на мой взгляд, потому имеет такое адаптационное значение, что в филогенезе оно представляло собой именно адаптацию к изменению условий функционирования головного мозга в связи с тем, что функциональная асимметрия полушарий у наших предков приказала долго жить. Имея глубокие филогенетические корни, патологическое состояние чрезвычайно устойчиво и эта устойчивость становится при лечении осложняющим фактором. При такой интерпретации феномен УПС, отмеченный Бехтеревой, становится понятен и парадокс снимается.

Устойчивое патологическое состояние психики, т.е. хроническое безумие в самом широком смысле слова, берет начало в архаической форме адаптации пресапиенсов к изменившимся условиям функционирования их психики на стадии первой инверсии, а у людей проявляется, как рецидив. «Вспомнившись», оно пытается вернуть себе утраченные «права» и заместить собой нормальное самосознание. В таком качестве оно проявляется, как форма адаптации, что и затрудняет лечение.

Н.М. Белый отмечает, что все эти «Мани», «Кати», «Вити», будучи признанными по суду людьми, не имеющими личности, обладают при том очень яркой индивидуальностью, в которой безумие странным образом сочетается с инстинктивным здравым смыслом. Именно поэтому они не безлики, к ним легко прилипают клички, отражающие их странные индивидуальности. Они очень дорожат своими индивидуальностями.

Именно поэтому легче бывает вылечить «буйного», чем «тихого». Устойчивое патологическое состояние психики в большинстве случаев является не болезнью, равнозначной по последствиям соматическим заболеваниям. Болезнь не может быть способом адаптации, а психопатология в устойчивом состоянии, – может. В известном смысле это даже не заболевание, а эволюционный сбой, представляющий собой «соскальзывание» с той эволюционной горы, на которой зиждется шар сознания (вспомним аналогию с настольной игрой). И там, куда пришлось скатиться, в известном смысле легче жить. Точно так же на пути эволюции выигрывали те, кто скатывался в отстойник узкой специализации. Они выигрывали в онтическом комфорте, потому что для них облегчалась адаптация к тем условиям, которые имеют быть здесь и сейчас.

Задача врача заключается в том, чтобы «вкатить шар» обратно в гору, при том, что он не хочет катиться вверх и постоянно стремится скатиться в свой полуживотный уют. Можно представить себе, какой это Сизифов труд.

Теряя перспективы, «психохроники» не осознавали этого и были вполне счастливы. Человек без перспектив не может быть счастлив. Сознание – величина векторная, а устойчивое патологическое состояние психики – скалярная. Идиот не потому идиот, что не умеет читать и писать, а потому, что он счастлив в том, что нормальный человек с ужасом отвергает: в тупике без всяких перспектив. Однако сам идиот этого не понимает и подсознательно прикладывает усилия к тому, чтобы его не вывели из состояния устойчивого патологического равновесия. Он адаптирован, он приспособлен, он живет, даже не зная, что живет. И это, если хотите, высший комфорт. Ибо знание о жизни подразумевает параллельное знание о смерти.

Если бы УПС было болезнью, ни о какой адаптации не могло быть и речи. Болезнь – это нечто *приобретаемое*, устойчивое патологическое состояние представляет собой нечто *восстановленное*, является рекапитуляцией после-животного и не-до-человеческого. Это нечто такое, с чем вполне можно жить и если бы не современные представления о нормали, данная аномалия была бы высшей формой психики, чем она некогда и являлась. У животных в принципе не может наблюдаться УПС, потому что им нечего рекапитулировать, для них любая психическая аномалия – это болезнь, приводящая в конечном счете к гибели (например, бешенство). Только у человека может наблюдаться устойчивое патологическое состояние, как фактор адаптации к среде.

2. Синтез сознания

Вторая инверсия должна была сопровождаться морфологическими изменениями, смысл которых должен был заключаться в сближении двух «автономий» одной ЦНС, из которых вначале должна была образоваться «конфедерация», потом «федерация», потом унитарное «государство» и даже деспотат. О «тирании» приходится говорить, памятуя о том трансфере, который обеспечивает единство нашей психики, а источником его является деспотическая требовательность доминирующего «Я».

«Полушария обмениваются информацией через скопление нервных волокон, называемое мозолистое тело» (41, с.120).

Мозолистое тело является главной кортикальной комиссурой. Оно наличествует у всех млекопитающих, за исключением самых низших представителей класса. Плотность волокон, составляющих этот сгусток, одинакова у животных и человека, а вот их число чрезвычайно вариабельно. В связи с одинаковой плотностью волокон можно судить о степени развития мозолистого тела по площади сечения. У ежа оно 1,85 мкм^2, у крысы 4-5 мкм^2, у человека 753 мкм^2. Общее число нервных волокон в мозолистом теле мозга человека достигает астрономической цифры 200-350 миллионов (Блинков, Глезер, – 7, с.222).

Еще немного анатомии. Выше говорилось о том, что в последнее время морфологи пересматривают традиционные представления об архитектонике мозга, которые базировались раньше, в основном, на иерархии нейронов. Считалось, что уровень сложности устройства самих нервных клеток и дендритных систем является основным показателем уровня интеллекта. Начиная с Лешли, начался пересмотр старых представлений, источником которых являлся лабораторный микроскоп.

Специалисты начали говорить о том, что самым «отчетливым признаком уровня развития животного» является «величина соотношения сагитальных сечений мозолистого тела» при том что, плотность волокон, образующих мозолистое тело «примерно равна у человека и животных (400 тысяч в 1 мкм сечения)» (7, с.222).

Немалую роль в пересмотре старых представлений сыграла психология, изучавшая поведение животных, а также этология, особенно развившаяся во второй половине 20 в. Практика, являющаяся, как известно, крите-

рием истины, показала неистинность лабораторных классификаций. Сложность нейронов зачастую отражает не уровень интеллекта, а их – нейронов – узкую специализацию, совершенно не влияющую на интеллект. Наступило время следующих заявлений «узких» специалистов-мозговедов:

«Внутренняя структура неокортекса в целом является более единообразно построенной, чем предполагали раньше, и отличие в цитоархитектонике и функциях коры мозга отражает специфику организации связей» (7, с.224).

Или: «антропогенетическая перестройка мозга касалась прежде всего обогащения и качественной реорганизации систем связей» (8, с.113).

Делаем вывод: **уровень интеллекта определяется не специализацией нейронов, а их общим количеством и качеством связей. Процесс становления сознания человека – это прежде всего развитие системы связей на уже имеющейся клеточной базе.**

Вновь встает вопрос: как подобное развитие могло осуществиться на базе обезьяньих мозгов? Ни одна обезьяна, включая антропоидов, которых, впрочем, не существовало в то время, когда начался антропогенез (следовательно, мы имеем право привлекать только низших обезьян) не имела достаточной клеточной базы для развития такой комиссуры, какую имеет человек. Это было бы все равно, что к старой ЭВМ с объемом 20 килобайт приделать интерфейс современного компьютера: ничего б не было.

Еще раз повторю: из всех животных, живших на планете к моменту начала антропогенеза только дельфины имели «избыточный» мозг, потому что они имели два мозга, а не один. Для развития разума не хватало только мощной комиссуры, системы связей.

Заключение специалистов-неврологов, сделавших вывод о том, что в историческом плане, в плане реконструкции процесса становления сознания, надо говорить не о росте массы мозга, а о развитии связей на имевшейся клеточной базе, – это заключение полностью меняет подход к проблеме антропогенеза. До сих пор бытовал подход, который исходил из массы серого вещества и уровня специализации клеток. Прогресс в развитии мозга понимался, как постепенное накопление нервных клеток по мере превращения обезьяны в человека и их специализации «мало-помалу». Оказывается, что это неправильный подход: необходимая масса серого вещества была набрана давно, еще до начала сапиентации, а что касается специализации нервных клеток, то это вообще не вопрос антропогенеза. **Сапиентация – это развитие внутренней комиссуры мозга.**

Следует предположить (судя по уровню развития мозолистого тела современных дельфинов и человека; у дельфинов оно очень мало развито), что главное морфологическое содержание второй инверсии в процессе антропогенеза составило интенсивное развитие мозолистого тела, как главной комиссуры мозга.

Чрезвычайно развитый мозг дельфинов на порядок уступает человеческому из-за отсутствия того единства и того быстродействия, которое обеспечивают миллионы волокон мозолистого тела, этого уникального природного интерфейса. Но не только.

Огромное значение имеет также общий рисунок борозд неокортекса. Циркулярно-продольное расположение борозд у дельфинов отражает изолированность полушарий, радиально-поперечное у человека отражает их

интерактивность. Эти перемены свершились также во время второй инверсии и были прямым следствием драматичного общения двух автономных структур психики археоцет после падения межполушарной функциональной асимметрии. Они – прямое следствие проникновения в зазеркалье друг друга, той «деятельности самовосприятия», которая некогда буквально поглотила наших безумных предков.

Отрицание отрицания, спиралевидность развития имеет в данном случае такой вид: нормальная психика животных, имеющих два мозга в одной черепной коробке (тезис) – психопатология, связанная с разрушением нормальной функциональной асимметрии полушарий (антитезис) – сознание (синтез).

Слово синтез в данном случае можно понимать буквально, как «соединение», как формирование нового качества без добавления новой материи, благодаря одним только связям. Морфологически синтез выразился в развитии и формировании глубоких и прочных взаимосвязей между двумя конфликтующими полушариями, превратившимися в единый орган управления организмом.

Сознание человека в буквальном смысле слова **синтезировано**, а не выращено «мало-помалу».

3. Место бессознательного в психике человека

Скорее всего, через мозолистое тело осуществляется внутренний трансфер, чем определяется локализация бессознательного в подкорке. Это тоже один из «туманных» вопросов психологии. Когда говорят о локализации бессознательного вне конечного мозга, «в подкорке», всегда всплывает вопрос: как могут столь сложные проявления психики локализоваться там, где им «невместно»? Мозг представляет собой чрезвычайно иерархическую структуру. Это связано с тем, что в процессе эволюции ничто, включаемое в понятие «мозг», никогда не пропадало. С мозгом природа избегала экспериментировать безоглядно, никогда не отказывалась от достигнутого, ничего не «сбрасывала с парохода современности». Она надстраивала более сложные структуры над архаическими, причем, всегда сверху.

Данное явление получило название «принцип дополнительности». В устах специалистов оно формулируется следующим образом:

«В мозге млекопитающих не наблюдается «отрицания» старых форм клеток, отделов и целых систем. В процессе эволюции они дополняются. Они не только не угнетаются развитием новых отделов мозга, но, напротив, стимулируются ими благодаря появлению новых связей, а, следовательно, и новых функций» (61, с.137).

Успешной эта архитектоническая деятельность глобальной эволюции могла быть, разумеется, при соблюдении строгой функциональной иерархии структур мозга.

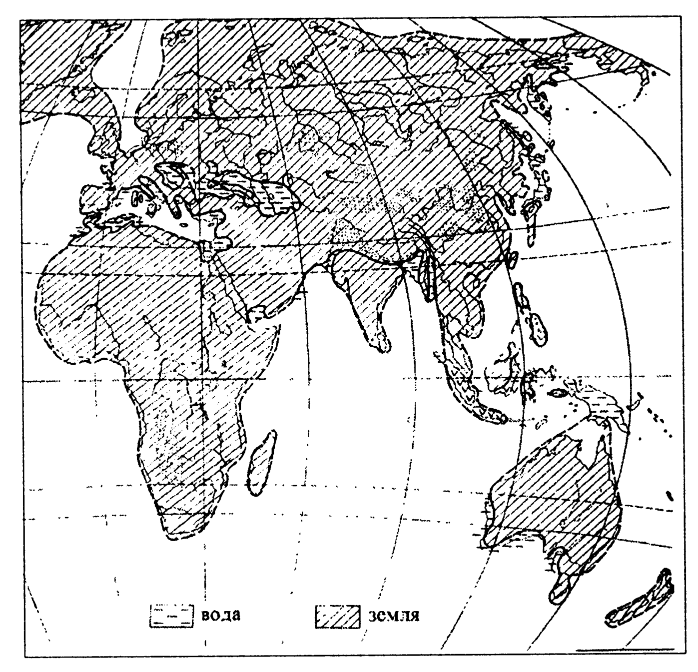
«Загнав» бессознательное, которое зачастую бывает сложнее, чем осознаваемое, в подкорку, Фрейд в свое время поступил, как еретик от неврологии. Морфологам всегда было трудно согласиться с этим. Здесь и теперь этот парадокс, как и другие парадоксы функционирования психики, может быть разъяснен: «бессознательное» суще на переходе, а не в преслову-

той «подкорке». Оно представляет собой «волну», проходящую по волокнам и существует, подобно фотону, только в движении. Остановка означает смерть. Смерть означает переход в другое состояние, что и происходит, когда волна достигает своей цели. В этот момент и происходит экспликация в ассоциативной коре.

Глава 7. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ АНТРОПОГЕНЕЗА

1. Средиземная колыбель человечества

Акродельфиды окончательно исчезли около 5 млн. лет назад. Отталкиваясь от этой даты, нижней границей антропогенеза следует считать время 6-7 млн. лет назад, что согласуется с последними данными о находках древних гоминид. Толчком к очеловечению морских млекопитающих послужил процесс, обратный тому, который привел предков акродельфид в море. Тех привела в море около 60 млн. лет назад трансгрессия Тэтиса, имевшая место в конце мелового периода. В течение всего неогена Тэтис неуклонно сокращался из-за происходивших то тут, то там поднятий земной коры.

Средиземное море и Паратэтис в период антропогенеза

Орогенные процессы на территории первобытного океана способствовали формированию очень благоприятного для развития высших форм жизни ландшафта на территории будущей Евразии. Обширные пространства мелководных бассейнов, буквально кишащих живностью, перемежались с живописными скалами и вечнозелеными островами, предоставляющими надежные убежища. Дно Тэтиса за десятки миллионов лет покрылось толстенным, в километры, слоем известняка и мела – останками панцирных моллюсков и рачков. Карстовые, а также вулканические явления определяли причудливый характер рельефа. Берега были изрезаны фиордами и гротами. Лагуны и лиманы были гораздо более теплыми, чем окружающие воды, хотя климат и в целом был намного теплее, чем ныне. Геотермальных источников на единицу площади было примерно столько, сколько сейчас в Исландии

Удивительным образом природа выстроила высочайшую горную систему, как бы имея в виду защитить колыбель человечества от неблагоприятных природных факторов. Имею в виду альпийскую горную цепь: Пиренеи, Альпы, Карпаты, Балканы, Крым, Кавказ, Эльбурс, Копетдаг, Памир, Гиндукуш, Гималаи. Горы высятся полукруглой стеной, защищая от самых холодных северо-восточных ветров и собирая влагу, которую несли теплые юго-западные муссоны. Где именно под их защитой появился первый человек?

Эволюция акродельфид началась еще на пространствах мелеющего Тэтиса, от которого ко времени начала собственно антропогенеза остались два больших водоема: собственно Тэтис и Паратэтис. Тэтис располагался на территории Средиземного моря и сообщался с Атлантическим океаном, хотя периодически эта связь прерывалась. Паратэтис занимал место от венской котловины до Аральского моря. Азовское, Черное и Каспийское моря являлись его глубоководными впадинами. На севере Паратэтис доходил до середины Украины. С юга Паратэтис был ограничен горами Малой Азии и Малого Кавказа. Большой Кавказ являлся одним огромным островом; полуостровом были Карпаты. На том месте, где ныне текут в разных направлениях Кура и Риони, располагался широкий, в несколько десятков километров, морской пролив, соединяющий Каспий с западной частью Паратэтиса. Великие армянские озера являлись заливами Паратэтиса. Широкий пролив соединял две части Паратэтиса севернее Большого Кавказа на месте Кумо-Манычской впадины. Паратэтис временами соединялся с Тэтисом через Босфор (35, с.41).

Все горные системы были тогда гораздо выше, чем теперь, и защищали гораздо надежнее. Представьте себе Альпы, Карпаты или Кавказ, столь же высокие, как Гималаи, – под их защитой не были страшны никакие северные ветры.

Ища место, где впервые возгорелась искра человеческого безумия, предвестница разума, которая перечеркнула несвободу животного существования, мы должны выбирать между Средиземноморьем и Паратэтисом.

Прошлое Средиземноморья удивительно и трагично.

«В результате глубоководного бурения с судна «Гломар Челленджер» в 1970 г. был открыт средиземноморский мессинский эвапоритовый бассейн,

простирающийся от Гибралтара до берегов Передней Азии Это большое событие в мировой геологии позволило пересмотреть уже, казалось бы, устоявшиеся представления о новейшем этапе развития средиземноморских бассейнов. Можно отметить, что ни один этап геологической истории в рассматриваемом сегменте Земли не является на сегодня объектом столь многостороннего изучения и дискуссий, как мессинское время во всем многоообразии свойственных ему процессов», — говорится в книге «Земная кора и история развития Средиземного моря. Результаты исследований по международным геофизическим проектам» (97, с.108).

«Мессинский эвапоритовый бассейн площадью 2,5 млн. кв. км., — говорится там же, — вмещает в себя около 1,5 млн. куб. км. солей при их максимальной мощности в восточной части Средиземного моря до 3,5-4 км. По данным, полученным в Средиземноморье и увязанным с результатами глубоководного бурения в океане, продолжительность мессинского века определяется коротким интервалом — от 6,5-6,3 до 5,4-5,3 млн. лет — и, таким образом, составляет всего около 1 млн. лет» (97, с.108).

О том, что происходило в течение этого миллиона лет в Средиземноморье популярно изложил в своей книге палеогеограф Н. Ясаманов. «Во время т.н. мессинского кризиса в результате отсутствия притока воды и усиленного испарения произошло значительное возрастание солености и постепенное усыхание Средиземного моря. Ежегодно за счет испарения Средиземное море теряло более 3 тыс. кв. км. воды. При отсутствии связи с открытым океаном это вызвало сильное понижение уровня моря. На месте Средиземного моря появилась огромная ванна, уровень воды в которой был на несколько сот метров ниже уровня Мирового океана. Осушенная поверхность огромной пустыни была покрыта толстым слоем каменной соли, ангидрита и гипса.

Спустя некоторое время перемычка в виде Гибралтарского хребта, соединявшая Европу с Африкой, рухнула, воды Атлантики хлынули в чашу Средиземноморской впадины и довольно быстро заполнили ее. Благодаря большому перепаду высот между уровнем воды в Атлантике и поверхностью Средиземноморской низменности, напор воды в Гибралтарском проливе-водопаде был очень сильным. Пропускная способность Гибралтарского водопада в несколько сот раз превышала способность водопада Виктория. Через несколько десятков лет чаша Средиземноморской впадины вновь заполнилась» (98, с.105).

Чаша Средиземноморья была закрыта с севера высоким альпийским поясом, поэтому столкновения холодных и теплых воздушных масс не происходило, а значит, дождевые тучи не образовывались. Из-за интенсивного испарения создавалась исключительно благоприятная для жизни атмосфера умеренно теплой бани.

В период антропогенеза подобная атмосфера была только в Средиземноморье.

Раньше подобная атмосфера должна была существовать на другом конце Тэтиса, — в Гималайской впадине, где сложилась примерно такая же, как в Средиземноморье, геологическая ситуация. Древние Тибетские горы защищали с севера саблевидную гималайскую впадину, представлявшую

собой в конце мелового периода залив Тэтиса, а в эоцене – саблевидный пролив, который постепенно заполнялся осадочными породами с гор и с подошедшего вплотную с юга Индостана. Однако уже 17 млн. лет назад на месте впадины начали вставать Гималайские горы. Во всяком случае, такую абсолютную дату дают альпийские породы (т.е. породы времен альпийской складчатости) в Гималаях (30, с.248).

Думаю, что педоморфоз дельфинид начался около 20 млн. лет назад на пространстве южной части всего Тэтиса, неуклонно мелеющего, в шхерах, фьордах и лагунах начавшей свой подъем из океана великой горной цепи. В том числе – в Гималайском «заливе».

Предметными доказательствами являются находки именно вокруг Средиземного моря самых древних существ, отдаленно напоминающих человека. Это известный уже более 10 лет египтопитек древностью 10 млн. лет и недавно открытый экземпляр в Испании примерно такой же древности. О последнем стало известно по телевидению в то время, когда писались эти строки. Последняя строка сообщения звучала так: «ученые предполагают, что наш предок попал в Испанию из Африки». Непонятно: зачем делать такие далекие предположения на только что открытом материале? Складывается впечатление, будто авторы открытия панически «забоялись», как бы ученый мир не заподозрил их в такой ереси, как отрицание африканской прародины.

Позволю себе предположить, что плиоценовые питеки (египтопитек, испанский питек, а также давно известные рамапитек, сивапитек и самбуропитек), – это результаты развития акродельфид по типу педоморфоза. Рамапитек и сивапитек, обнаруженные на севере Индии – это «выходцы» из гималайской впадины, где на какое-то время сложились такие же условия, как в западной части Тэтиса. Их линии не имели продолжения.

Собственно об антропогенезе, на мой взгляд, надо говорить применительно к мессинию. Обратите внимание: возраст самых древних ископаемых гоминид полностью совпадает с периодом мессинской регрессии: 6,5-5,3 млн. лет. При этом надо учесть, что в течение по крайней мере половины этого срока, т.е. более полумиллиона лет, возникшая на месте Гибралтарского пролива перемычка создала невероятно благоприятные, сказочные климатическо-ландшафтные условия в Средиземноморье. Ученые уверяют, что «период иссушения Средиземного моря и формирования здесь мощной эвапоритовой толщи отвечает интервалу времени 0,5 млн. лет» (97, с.108).

Ясно, что это был второй период мессиния. В течение первых 0,5 млн. лет берега и многочисленные острова этой природной теплой ванны представляли собой царство солнца и теплого тумана. Прекрасное укрытие для любой жизни и надежная колыбель для зарождения ее высших форм. Островов было гораздо больше, чем сейчас, потому что море неуклонно, хотя и медленно, мельчало. Количество островов исчислялось тысячами и десятками тысяч. Наконец, пришло время, когда соленость моря начала превышать биологически допустимые нормы. Благоприятные биоценозы сохранялись только в устьях рек, особенно в дельте Нила, который, теряя связь с морем, наводнял отдельное большое озеро. Вода в нем была, скорее всего, нормальной солености: осевшая на дне моря соль разбавлялась водой

Нила. Дно Средиземного моря превратилось в топкий солончак, а потом в пустыню. Благодать обернулась экологической катастрофой. Земной рай превратился в гиблое место.

И все же можно уверенно говорить, что в мессинский период было и место для протекания процессов антропогенеза в тепличных условиях, и время. Ибо полмиллиона лет вмещают в себя ни много, ни мало 25 тысяч поколений людей. Если учесть педоморфоз, когда спаривание происходило задолго до достижения современного среднего возраста деторождения (20 лет), то в полмиллиона лет вместятся 30-35 тысяч поколений.

Природные условия Паратэтиса (французы именуют его «Лак-Мер», – «Озеро-Море») были иными. Он переживал периоды трансгрессий и регрессий, но никогда не пересыхал. Дело в том, что в него впадало много крупных рек (Дунай, Днестр, Днепр, Дон, Волга с Камой, Урал, Эмба, Сыр-Дарья и Узбой с многоводными горными притоками). Кроме того, над ним сталкивались теплые и холодные воздушные массы, что приводило к непрерывному формированию дождевых облаков. Паратэтис был холоднее Тэтиса (всего на несколько градусов теплее современного Черного моря), но условия жизни для организмов в нем были стабильнее. Он никогда не был похож на теплую парную ванну, а представлял собой нормальное южное море.

Стабильность хороша до определенных пределов. Она необходима узкоспециализированным организмам, которые погибают при любом изменении природных условий. Для существ, вставших на путь универсального развития, нестабильность является стимулирующим фактором. Медленное усыхание Средиземного моря вызывало сокращение ойкумены и ожесточенную борьбу за существование, в которой выживали сильнейшие и умнейшие, – тоже благоприятный фактор для антропогенеза. По мере усыхания моря гоминиды были вынуждены концентрироваться в тех местах, где еще сохранялись благоприятные условия для развития. Слабых убивали или изгоняли. В свою очередь, изгнанные старались следовать по караванным путям водоплавающих птиц. В основном, конечно, уходили в Африку, потому что там было теплее. Там их теперь и находят, каждый раз делая сенсацию из отбросов антропогенеза.

2. Прямохождение по морю и за моря

Мы можем себе представить картину медленного усыхания моря. На протяжении, скажем, 10 тыс. поколений гоминид береговая линия становилась все более и более изрезанной. Изрезанность берегов создавала идеальные условия для размножения рыб и моллюсков, а, значит, и гоминид. На протяжении следующих десяти тысяч поколений формировался шхерный ландшафт с неисчислимым множеством больших и малых островов, разделенных проливами, с береговой линией, изрезанной лагунами и фьордами. Настоящий земной рай для любых форм жизни. На протяжении следующих десяти тысяч поколений шхерный ландшафт постепенно переходил в лиманный. Глубоководные впадины оставались в отдельных местах, на огромных площадях уровень воды был человеку по грудь и менее того.

Совершая длительные переходы по мелководью, где плавание было затруднено, гоминиды укрепляли соответствующие мышцы ног, у них формировались суставы, приспособленные для прямохождения, а позвоночник при этом не страдал.

Только так и могло появиться прямохождение, которое вообще дается человеку очень тяжело. Двуногая локомоция является сложнейшим эволюционным приспособлением, для формирования которого необходимы были переходные этапы, какие-то облегченные варианты. Сойдя с дерева, кривоногая, коротконогая, плоскостопая обезьяна с непропорционально большим животом не могла сама пойти по земле. Даже если б ей ничто не угрожало, переход к прямохождению для обезьян невозможен физически.

Назовем этот облегченный, благодаря подъемной силе воды, вариант хождения «лиманной бипедией». Он заслуживает сравнения с хождением младенца в специальном садке. В этом садке, на помочах эволюции, наши предки провели сотни тысяч лет.

В течение всего этого времени гоминиды активно размножались, потому что их ареал расширялся. Если в периоды трансгрессии Моря они могли жить лишь на прибрежном мелководье, то в периоды обмеления они постепенно занимали весь бассейн. Их численность возрастала кратно. Однако далее начинались проблемы.

Море мелело настолько, что разделялось на несвязанные между собой бассейны. Для того, чтобы попасть из одного в другой, надо было преодолеть километры посуху, а это для первых гоминид должно было представлять большую проблему, ведь они являлись амфибиями, у которых ни конечности, ни кожа не были приспособлены для длительных путешествий по земле. Возникшая потребность способствовала формированию соответствующих приспособлений. В демографическом смысле распад Моря на несколько бассейнов был губителен для популяции гоминид, в эволюционном смысле эта экологическая катастрофа способствовала очеловечению.

В этом смысле обострение борьбы за существование тоже можно считать прогрессивным фактором. Невероятно размножившиеся в благоприятные годы гоминиды убивали или изгоняли слабых в борьбе за пригодные для обитания бассейны.

Самые первые были вынуждены бежать еще до того, как в Средиземноморье остался только один большой водоем: нильское озеро. Больше всего находок самых разных гоминид в восточной части центральной Африки вблизи *истоков Нила*. И это, само собой разумеется, не случайно.

Севернее Александрии Египетской плескалось в периоды пересыхания Средиземного моря огромное и богатое пищей озеро-море; берега его, скорее всего, достигали Кипра и Палестины. Здесь концентрировалась большая часть тогдашнего человечества. Отсюда бежали после ожесточенной борьбы за существование все «лишние» вверх по Нилу, а уже потом растекались по всей Африке, теряя человеческий облик от поколения к поколению.

Выжили и стали полноценной частью человечества те переселенцы, которые нашли выход к Индийскому океану. Отсюда они по береговой линии добрались до Юго-Восточной Азии. Здесь они нашли примерно те же благоприятные условия, какие были в Средиземноморской котловине. Вполне вероятно, что часть их «тормознула» на Индостане.

В Африку волнами перемещались не только человеки разумные, но и предчеловеки, которые успели пройти лишь первую инверсию. Путь в Азию нашли только те, кто уже мог говорить и мыслил разумно, а не безумно. Поэтому в Африке мы находим останки архантропов двух биологических родов (австралопитеков и эректусов), тогда как в Азии находятся только эректусы, часть которых одичала и превратилась в обезьян, – гиббонов и орангутанов.

Сохранили разум и эволюционировали в людей желтой расы (как и почему сформировались расы, я расскажу потом) те, кто «отбил» себе место у моря. У моря, уровень которого был ниже современного на 200-300 метров. Соответственно на 200-300 км. была отодвинута береговая линия. Не надо забывать, что исход из Средиземноморья был связан именно с тем, что мировой океан переживал длительную регрессию. Именно поэтому оказался «заперт» Гибралтар и пересыхало Средиземное море.

Знание о самом древнем прошлом человечества – в руках подводной археологии. Археологи-палеолитчики, копающиеся в земле, извлекают на свет божий отбросы антропогенеза, деградантов разных видов, и предков обезьян. Антропологи по ним делают свои реконструкции, настолько изощренные и немыслимые, что археологи уже не могут их воспринимать.

3. Потливость, как филогенетическое наследие

Каковы же доказательства того, что колыбелью человечества является Средиземноморье? Об этом свидетельствует не только археология, но и физиология человека. На мой взгляд, существуют доказательства того, что тело человека сформировалось в атмосфере, по степени влажности и количеству солнечного тепла близкой к парной бане. Второй важный фактор – избыточное поступление морской соли в организм; во всяком случае, избыточное для животных, которые раньше соль вообще не употребляли. Только при таких условиях могли образоваться человеческие потовые железы – совершенно уникальный физиологический аппарат, аналога которому не имеет ни одно другое животное на Земле. Этот аппарат настолько уникален, что иногда приходится читать следующие заявления, которые иначе, как безумными, не назовешь:

«Такого эффективного терморегулятора, как потовые железы человека, нет ни у одного из животных» (25, с.43).

Для того, чтобы осознать всю нелепость подобных заявлений, представим себе на минуту, каким терморегулятором мы владеем. Представим себе, будто это некий кондиционер, который вне нас.

Наши тела, – это помещения, где включен кондиционер и мы, благодаря этому, некоторое время ощущаем себя комфортно, атмосферная жара не дает о себе знать. Правда, дает себя знать одна неприятность: от работы кондишена наши тела покрываются неприятно пахнущей слизью. Причем, ее охлаждающий эффект длится всего несколько минут. Далее сам пот становится дополнительным фактором дискомфорта, угнетая нас больше, чем даже сама жара. Кому нужен такой кондиционер? Вряд ли фирма-производительница подобных приспособлений для «эффективной терморегуляции» имела бы коммерческий успех.

В жарком климате человек выделяет до 10 литров этого продукта, который — пожалуй, единственный продукт животного происхождения на Земле — никому не нужен, кроме болезнетворных бактерий. В этом отношении пот поистине уникален, ибо даже каловые массы находят применение и активно участвуют в биоценозе. А если стенки условного помещения, где мы условно укрылись, на самом деле условны и вокруг бродят свирепые хищники, которые сбежались за много километров на остро пахнущие выделения наших желез? Это называется «эффективным терморегулятором»? Через мгновение он будет регулировать нашу температуру в желудке хищника.

Не случайно большинство наземных животных, *имея потовые железы* (они есть у всех наземных животных, автор процитированной книги об антропогенезе этого, видимо, не знает), «предпочитают» иные способы терморегуляции, когда жарко: полипноэ, облизывание.

Человеческий организм ведет себя «предательски» по отношению к нам. В этом плане он действительно уникален со своей потливостью. Даже в самых комфортных температурных условиях мы выделяем в сутки не менее 0,7 литров пахучей, липкой жидкости (3, с.144). Разве данный факт не является подсказкой, что мы не можем иметь общее происхождение с наземными животными?

Свинья, которая считается символом нечистоплотности, валяется в грязи. Проходит какой-то час. Грязь высохла, свинья потерлась о плетень — и стоит чистая, белая и ничем не воняет. Пусть человек попробует проделать подобный фокус и воспользоваться забором вместо ванны. Увы, если «венец природы» однажды запачкался, то без теплой воды он уже никак не сможет привести себя в порядок, потому что из его кожи постоянно источается природный клей для всякой гадости. В природе нет более жалкого зрелища, чем человек, не имеющий возможности помыться. В этом смысле природа сама предопределила нас стремиться к цивилизации. Можно утверждать, что человек обрел разум из-за необходимости бороться с выделениями потовых желез и их запахом. Человека сделал пот, — уверяю я.

В древности человек мог избавляться от своих липких выделений, неприятных по ощущению и опасных для жизни, если он обитал у теплого водоема. Во всяком случае, в период антропогенеза, когда об организованной бане он еще не мог помышлять. Если б он не имел возможности совершать омовения в теплой воде несколько раз в день, он не мог бы выжить физически.

Вопрос о появлении потовых желез следует подразделять на два: почему и как они появились?

Ответ на первый вопрос должен, по идее, содержаться в функциях этой системы. Считается, что их две: функция выделения и функция терморегуляции.

В качестве выделительной системы потовые железы не являются монополистами. По значению они стоят на третьем, если не четвертом месте. Выделением лишнего из организма занимаются также тонкий кишечник, почки, эпидермис (который постоянно отбрасывает омертвевшие клетки) и глаза (слезоточение). Существует мнение, что женщины живут дольше мужчин, потому что чаще плачут. Мужчины продлевают им жизнь.

Факт, что массы братьев наших меньших, живя в одних условиях с нами, успешно обходятся без постоянной эксплуатации такой системы

выделения, как потовые железы, доказывает, что крайней необходимости в них не было. Многие животные имеют потовые железы, но только у человека они являются *основным средством терморегуляции.* У некоторых животных они «включаются» только во время бега. Другие, например, собаки, потеют на порядок меньше людей, а охлаждаются учащенным дыханием. Ни одно природное существо «не хочет» источать аромат пота.

Много ли реальной пользы организму от такого способа терморегуляции?

Покрытый шерстью верблюд легко переносит диапазон температур от плюс 50 до минус 50 градусов. Голый человек — от плюс 18 до плюс 23. За пределами этих температур мы уже начинаем страдать, испытывать холод или избыточное тепло. Разумеется, речь идет об обычном человеке, не о «морже» или космонавте. У обычного верблюда преимущество по диапазону перед обычным человеком в 20 раз (100 градусов против 10).

При этом потовые железы в качестве терморегулятора не обладают универсальностью. Они помогают нам кое-как переносить жару. Точнее, даже не жару, а небольшое — всего на несколько градусов — превышение температуры над комфортной. От холода наша «эффективная система терморегуляции» не спасает нас никак. Хуже: повышенная потливость становится на холоде причиной переохлаждения и смерти. Подхватив легкую простуду, многие люди умирали из-за пота, который становился фактором сильного переохлаждения, усугубляя заболевание.

Безусловно, самой эффективной природной системой терморегуляции являются внешние покровы в виде шерсти, пуха и пера. У людей, как потомков морских животных, этого блага быть не могло. От переохлаждения нас защищают отложения жира под кожей, как у всех морских млекопитающих.

В том, что работа потовых желез не является природно-необходимым феноменом, убеждает сравнение с гориллами и шимпанзе. По генотипу мы синонимичны этим обезьянам. Замены в цепи ДНК различаются не более, чем один заменитель сахара от другого. В одни продукты добавляется ксилит, в другие сорбит, в третьи сахароза, — это все синонимичные замены. Приматы, как все нормальные животные, обходятся в тропиках без интенсивной эксплуатации потовых желез. Антропоиды могли избавиться от этого, когда отделились от эволюционной линии человека, в пользу шерсти.

Как вообще возникло это невозможное приспособление, — неумеренная потливость? Невозможное, если исходить из факта, что для природного существа отрицательные последствия такого способа терморегуляции явно превышают положительные. Почему мы потеем даже в комфортных температурных условиях, когда о терморегуляции говорить не приходится?

Видимо, в прошлом человечества был такой период, когда наши предки жили в условиях теплой бани, требующей постоянного выделения пота. Нам патологическая потливость досталась в качестве филогенетического наследия.

Академическая эволюционная антропология не способна дать на это, как на многое другое, никакого ответа. Однобоко занимаясь мозгами и конечностями наших предков, эволюционная антропология игнорирует эту проблему, как и многие другие проблемы эксклюзивной физиологии и анатомии человека. Между тем, именно наши анатомо-физиологические эксклюзивы — прямейший путь к познанию тайны происхождения чело-

века. Ни одного специального исследования на тему формирования потовых желез в разрезе антропогенеза мне лично обнаружить не удалось в фондах двух крупнейших библиотек: РГБ (Москва) и РНБ (Петербург).

В этой книге данная проблема, как и некоторые другие, поставлена впервые. Она имеет право на существование, потому что вопрос о происхождении человека смело можно ставить таким образом: как и зачем появились анатомо-физиологические эксклюзивы человека? Если у нас есть то, чего более на Земле ни у кого нет, значит, именно этим мы и отличаемся от прочих организмов.

4. Почему дельфины гибнут на берегу?

Итак, будем искать ответ на вопрос, каким образом появились *такие* потовые железы у предков людей, имея в виду, что разъяснения требует их невероятная для животного царства интенсивность.

У дельфинов потовых желез нет вообще, но это не означает, что они не закладываются у их эмбрионов. Предками дельфинов были наземные животные, которые в большинстве своем имеют такое приспособление, даже если оно не используется совершенно. Мы имеем право с большой вероятностью предположить, что неотенические особи дельфинид, бывшие предками людей, имели такой аппарат хотя бы в зачатке.

В дальнейшем он стал им необходим. Иначе в период высыхания Моря они могли б погибнуть, как гибнут дельфины.

Почему гибнут дельфины на суше?

Никто до сих пор достоверно не знает, – почему. Одна версия гласит: от тяжести собственного тела. Данное объяснение можно принять в отношении больших китов, но в отношении дельфинов вряд ли. Согласно другой версии дельфины гибнут от обезвоживания. Она еще менее похожа на истину.

Это человек может быстро погибнуть от обезвоживания, потому что его потовые железы помимо его воли непрерывно источают влагу из организма, а ведь все наоборот: погибает дельфин, а не человек. В большом теле дельфина содержится намного больше влаги, чем в теле человека. Кожа дельфина держит ее, как полиэтилен. Грубо говоря, человек представляет собой открытый сосуд, дельфин – закрытый. Давайте рассуждать без лукавого мудрствования: откуда влага испарится быстрее? Кто первый должен гибнуть от обезвоживания?

Гибель дельфинов от обезвоживания не подтверждает также хронометраж. Для того, чтобы клетки были обезвожены, должно пройти достаточно много времени, а дельфины гибнут за считанные минуты, если их не поливать водой. Взятые на анализ пробы мягких тканей не дают при этом картину обезвоживания клеток.

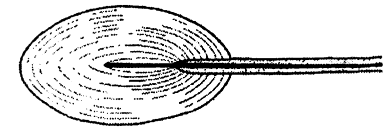
Может быть, дельфины погибают от жары или холода? Но они гибнут даже тогда, когда на улице стоит умеренно-теплая погода, а температуры воды и воздуха почти совпадают.

Видимо, дело в другом. Дельфины, выброшенные на сушу, погибают не от обезвоживания, перегрева или переохлаждения. Факты наблюдений не подтверждают эти версии.

Предлагаю совершенно новое объяснение.

Причина гибели дельфинов на суше носит нежное название «тельце Паччини». Это особые рецепторные клетки, которых в организме мириады, но особенно много в коже. Они реагируют на сжатие или напряжение тканей.

«В результате многочисленных экспериментов были разрешены некоторые загадочные аспекты процесса, при помощи которого давление, оказываемое на паччиниево тельце, преобразуется в нервные импульсы, – пишет А. Бертон в книге «Чувства животных», – Мы располагаем ясной картиной этого процесса преобразования, хотя и не понимаем до конца, как он осуществляется. Можно провести аналогию между рецепторной клеткой и микрофоном. В нервном окончании тельца Паччини, как и в других рецепторных клетках, имеется постоянный электрический заряд, который меняется по мере деформации мембраны, покрывающей окончание нерва.

Тельце Паччини

Этот постоянный заряд сенсорной клетки обусловлен различными концентрациями ионов (заряженных атомов или молекул) по обе стороны мембраны. На внешней поверхности мембраны концентрация положительных ионов больше, благодаря чему внешняя поверхность клетки оказывается заряженной положительно по отношению к внутренней. Когда клеточная мембрана деформируется, она как бы «дает течь», и положительные ионы устремляются внутрь, инвертируя при этом электрический заряд клетки» (29, с.13).

Итак, на суше с дельфином происходит следующее. Его кожа начинает стягиваться из-за поверхностного подсыхания, совсем как у человека с патологически «сухой кожей» или экземой. Стягивание кожи вызывает деформацию телец Паччини, чьи мембраны «дают течь». Положительно заряженные ионы с их поверхности устремляются внутрь клеток и происходит электрический разряд, как в батарейке. Животное при этом должно ощущать жуткое жжение и зуд по всему телу. Несчастные дельфины погибают от болевого шока.

Теперь должно быть понятно, каким спасением для наших предков стала повышенная потливость. Отнюдь не функция терморегуляции, отнюдь не функция выделения, – это все побочные положительные моменты, ради этого природа не стала бы затевать свои лабораторные опыты по поиску какого-то физиологического эксклюзива. Она приспособила бы свой обычный «ширпотреб» для «эконом-класса»: шерсть, пух, перо... Тот набор, который всегда на подхвате и на потоке у ее конвейера эволюции. Творя универсальное животное, способное одинаково хорошо чувствовать себя как в воде, так и на суше, она проявила себя, как художник.

5. Соль как фактор эволюции

Нам остается ответить на вопрос о внешнем стимуле формирования *таких* потовых желез. Ответ на него важен не только сам по себе в разрезе общей теории антропогенеза. Он подведет нас к тому, чтобы уяснить, почему именно в Средиземноморье следует искать нашу прародину.

Механизм появления потовых желез заключен в биохимических процессах, происходящих в организме. Первопричиной стало испарение Моря,

которое привело к выпадению соли и общему росту ее концентрации в воде. В известном смысле, можно сказать, что человека сделала соль.

Потребление соли с пищей, например, с водорослями не могло не вызвать рост концентрации соли в мягких тканях пралюдей. Это, в свою очередь, резко повысило интенсивность преобразований, потому что соль ускоряет обменные процессы. Впрочем, это очередной *побочный* положительный эффект общего хода событий.

Для ответа на наш вопрос важно то, каким образом соль вызывает ускорение процессов обмена. Она вызывает ускорение метаболизма, потому что буквально «выбивает» жидкость из клеток, которая должна замещаться новой порцией жидкости. Это свойство соли, скорее всего, сыграло важную роль в первичном «выбивании» влаги на поверхность кожи и формировании специальных каналов «утечки», трубчатых образований в коже. Не случайно человеческий пот *всегда* соленый, даже если человек избегает соленой пищи.

Соленость пота, а также слез человека, – очень яркие свидетельства нашего морского происхождения. Подобные выделения наземных животных почти не содержат соли.

По мере обмеления Тэтиса-Средиземноморья пралюди все чаще и чаще вынуждены были задерживаться на суше. Например, для того, чтобы совершить переход из одного изолированного водоема в другой. Тут и проявился жизненно-необходимый эффект нового приспособления, которое эволюция, начав с малого, с того, что имели дети дельфинид, начала трансформировать в специальные железы, функционирующие уже вне зависимости от того, достаточно ли в организме содержится соли и даже влаги. Устройство их примитивно, они представляют собой «простые трубчатые железы» (3, с.144).

Теперь мы уже являемся заложниками этого приобретения. Наши потовые железы источают свой секрет даже тогда, когда мы гибнем от дефицита воды, лишая нас остатков влаги. Но иначе мы еще быстрее погибли бы от болевого шока, вызванного электрическими разрядами «телец Паччини».

Потовые железы человека сформировались не сразу. Это сложный механизм, возможность его формирования обеспечила атмосфера теплой парной бани, которая защищала кожу пралюдей, когда те оказывались на суше.

Больше всех выигрывал тот из наших предков, кто не уступал никому свой ареал обитания на побережье. Наверное, это были самые сильные и умные. Таким образом циклы Моря способствовали естественному отбору. Уходящие на материк особи вырождались и гибли. Вполне вероятно, что спустя некоторое время успешно эволюционирующие люди встречали их уродливых потомков и приходили в ужас.

Не потребляя соль, не зная ее огромного значения и не умея употреблять ее в виде специальной добавки, гоминиды с их *соленой* потливостью не могли долго оставаться на прежнем уровне развития. Поскольку йод поступал в организм с морской солью, они начинали испытывать хронический йододефицит. Самым неприятным последствием дефицита йода для эволюции является расширенное воспроизводство дебилизма. Родители, испытывающие хронический или острый дефицит йода, рожают умственно

отсталых детей. Через несколько поколений в мигрантах уже нельзя было узнать бывших гоминид, «венцов творения» своей эпохи. Их взгляд был бессмыслен, зачатки речи пропадали, скелет утолщался и становился уродливым, возвращались животные инстинкты.

Однако пришло время, когда мигранты на материке перестали вырождаться и даже начали развиваться эффективнее, чем «пляжные» люди. Пришло время, когда переселение на материк стало возможно, а преодоление трудностей, связанных с освоением новой среды обитания, ускорило прогресс.

Это время наступило тогда, когда люди начали употреблять соль в качестве специальной добавки к еде. Как это произошло, как им пришло это «на ум»?

6. Человека «сделал» не труд, а досуг, любовь и сладкое

Первоначально нашим предкам просто понравилась соленая пища. И это сам по себе удивительный фактор, потому что соль не улучшает вкус большинства употребляемых современным человечеством продуктов (включая мясо и рыбу), а ухудшает.

Известно, что дикари, не употребляющие соль в качестве специальной добавки к еде, с отвращением выплевывают соленые мясо и рыбу. Не случайно самые изысканные кулинары, японцы и китайцы, исповедуют принцип «минимум обработки» и предпочитают есть рыбу несоленой, что нисколько не уменьшает питательной ценности данного продукта, поскольку в морской рыбе содержатся йод и все необходимые микроэлементы.

Что сейчас пишется о начале употребления соли в качестве добавки? Якобы некий дикарь, живший во тьме веков, занимавшийся «охотой и собирательством» в африканской саванне, «однажды» посолил кусок мяса и понял, что соленое вкуснее. Это такой же бред, как и вся официальная теория антропогенеза. Употребление соли имело огромное значение для антропогенеза, но материковые гоминиды (имевшие, как считается, чисто материковое происхождение) начать солить мясо не могли. Сомневаюсь, что они стали бы есть соленое мясо, даже если б им его подали какие-нибудь повара с Марса, озабоченные тем, что на подопечной им Земле тормозится процесс антропогенеза из-за того, что кто-то не солит еду. Американские рабовладельцы приучали индейцев и негров употреблять соль с мясом и кашей жестокими порками. А кто порол дикарей сто тысяч лет назад, когда плантаторов не было?

Предполагаю, что в качестве пищи, которую начали присаливать первоначально, выступали не мясо и не рыба.

Вкусовые рецепторы людей устроены таким образом, что «вкусное» у нас ассоциируется со сладким. Это немаловажное обстоятельство, связанное с антропогенезом. Настолько, что я говорю: человек стал человеком благодаря сладкому.

Вкусовые рецепторы у всех людей устроены одинаково, так как достались нам от общих предков. У пралюдей «вкусное» точно также ассоциировалось со «сладким», как и у нас. Даже в большей степени, в этом они были настоящие дети. Ибо у них, как у детей, происходил интенсивный рост

мозга. Сахароза была им жизненно необходима в качестве строительного материала для клеток серого вещества.

Но как же связаны между собой сладкое и соленое? Мы решим задачу, если найдем природный продукт, который, будучи присолен, приобретает сладкий привкус; становится «вкусным», согласно «мнению» человеческих рецепторов.

Такой продукт, существовал и существует в огромных количествах именно там, где, как я считаю, происходило таинство рождения человечества: на морском мелководье и в прибрежных лиманах. Это моллюски и ракообразные.

Природа в очередной раз подстелила человеку соломки в нужном месте в нужное время.

Период, когда она активно работала над своим проектом «человек», совпадает со временем расцвета фауны моллюсков. Плиоцен и плейстоцен – это их закатный «золотой век», когда уже сформировалось все их великое многообразие видов. (Интенсивное видообразование происходило в начале и середине кайнозоя). Тип моллюсков уступает по распространенности только членистоногим. Это трудно себе представить, потому что мы их меньше видим, чем, например, насекомых, которые представляют собой всего лишь один из классов типа членистоногих. Выходит, что моллюсков больше, чем насекомых, которые стоят в основании пищевой пирамиды на земле и превосходят по биомассе всех зверей, пресмыкающихся и птиц вместе взятых.

Летом 2004 г. я отдыхал на Оке в Подмосковье, именно в Калуге. Заходя в воду на песчаном пляже полумиллионного города, при каждом шаге я ощущал подошвами какие-то твердые овалы. Наклонился, поднял, думая, будто это гальки. Оказалось – беззубки, которыми усеян весь берег, причем, настолько плотно, что двустворчатые моллюски производят впечатление упакованных в песок с расчетом, чтобы больше влезло. Многие экземпляры были достаточно крупные, в полладони. Мальчишки собирают их и жарят на кострах. Если ныне моллюсков столько, во времена, когда малакофауна потеснена более продвинутыми видами животных, – сколько ж было этих милых существ, фильтровавших теплый океан, во времена расцвета?!

Вот такие «мидии» жили в древнем море

Это была практически неограниченная кормовая база для видов, занимавших данную экологическую нишу. Доминировали среди них наши предки, потому что имели полный комплект приспособлений для добывания моллюсков и извлечения их вкусного мяса. Последнее представляет собой нелегкое предприятие, поэтому в настоящее время у панцирных моллюсков почти нет естественных врагов, кроме паразитов. Единственное животное, являющееся эффективным малакофагом – человек – использует в настоящее время отдельные виды моллюсков, да и тех, как правило, выращивает на плантациях.

Среди приспособлений, которые природа дала нашим предкам для успешной охоты на моллюсков — четыре сильные, длинные конечности, благодаря чему можно было охотиться не только на панцирных, но и на головоногих моллюсков. В свою очередь, это развивало интеллект, потому что кальмары и осьминоги отличаются среди животных большим умом и признаются в настоящее время (наряду с дельфинами) первыми кандидатами на роль разумных существ, если цивилизация людей погибнет. Среди прочих приспособлений — сильные и чуткие ступни и ладони, имеющие великолепную супинаторную подвижность. Супинаторная подвижность ступни обеспечивается ее сводом, в основе которого находится пружина. Она позволяет обнаруживать панцирных моллюсков наощупь. Кстати, это еще один эволюционный резон, почему природа устроила человеку ступню с «пружинами». Вы когда-нибудь думали, что ступня может быть орудием добывания пищи? А ведь может. Это тоже «эксклюзив» человека. Второго такого существа в природе нет.

Неопытные ловцы мидий на море поначалу нащупывают их руками, каждый раз погружаясь с головой в воду. Это очень утомительно. Скоро приходит мысль использовать для охоты ступни и пальцы ног. Вы начинаете нащупывать крупные экземпляры ногой, наклоняясь только для того, чтобы сорвать крупную мидию. В это время можно даже беседовать с приятелями. Охота на мидий превращается в приятный и легкий процесс принятия солнечных и морских ванн в предвкушении ужина из ведра вареных в соленой воде мидий с ведром пива. Если даже сейчас в наших холодных водах наблюдается такое изобилие, то в древнем океане наши предки не имели необходимости трудиться в поте лица. Скорее всего, одного часа, потраченного на сбор моллюсков, хватало, что насытиться на весь день. Я уверяю, что человека сделал не упорный, изнурительный труд, а досуг и досужее общение.

Изнурительный физический труд ради пропитания еще никого не выводил в люди и не обогащал ни материально, ни духовно. Разум, культура и цивилизация являются следствиями досуга и, разумеется, любви. Расхожая «правда», будто «человека сделал труд» является тупоумной кривдой недалеких идеологов, которым в конце 19 в. надо было как-то возвысить пролетариат, как класс. Не случайно автором «трудовой теории» является Энгельс. И даже тот факт, что победивший пролетариат ополчился на разум (пароход с философами), культуру, цивилизацию и секс («в СССР секса нет»), — даже он косвенно является опровержением «трудовой теории антропогенеза», как тупой и выгодной одному лишь Врагу рода человеческого.

На любовь тратили наши предки свое свободное время, которого у них было более, чем достаточно. Питание моллюсками, в клетках которых содержатся гены гиперсексуальности, сделало их настоящими половыми гигантами. Считается, будто люди являются исключением в мире животных по такому признаку, как сексуальное поведение. Дело в том, что другие наземные животные спариваются сезонно-спорадически. Круглогодично способен спариваться только человек. На этот эксклюзив ученые обращают внимание, не зная, чем его объяснить. У приматов, от которых, как считается, произошел человек, эротические привычки по-животному стан-

дартны. Самка шимпанзе приходит в охоту один раз в пять лет. Она подходит к самцу, который делает свое дело как бы по обязанности. Родив, самка воспитывает дитя, не обращая на самцов никакого внимания.

Объяснение человеческой гиперсексуальности, как эволюционного эксклюзива, проще пареной репы. На самом деле никакого эксклюзива нет. Кроме нас на планете существует многочисленный тип «моллюски», которые тоже отличаются гиперсексуальностью и внесезонностью спаривания. Так устроила их природа, а их гены любви, усвоенные человеком от предков, которые питались моллюсками миллионы лет, передались нам. Мы тоже постоянно жаждем любви. Можем или нет, — это другой вопрос, но хотим всегда. Среди животных пристрастием к круглогодичному сексу на нас похожи одни лишь дельфины. Вот кто умеет любить, невзирая на сезон.

Человека сделала любовь, а не труд и терпение. В том простом факте, что женщина не хочет, как сука, нравиться мужчинам только два раза в год, а тем более раз в пять лет, как обезьяна, — именно в нем заключен источник всяческого прогресса. Жажда любви вызывает постоянное желание обращать на себя внимание, а, значит, ухаживать за своим телом и украшать себя. Она определяет непрерывную конкуренцию, а это ускоряет и оптимизирует отбор. Наконец, она становится фактором интенсивного общения, что способствовало становлению речи, а, значит, мышления. Впрочем, как любовь сделала человека — это отдельная большая тема, о которой можно написать тома. Отсылаю к книге Элейн Морган «Рождение женщины» (31). Разумеется, речь идет не только о физической любви, но и о духовной, явление которой в мир только и придало ему смысл; не только человеку, но и всей Вселенной.

7. Развитие руки

Прошу прощения за долгое отступление, уж очень тема приятна. Продолжим перечень приспособлений, которыми природа наделила человека для охоты на моллюсков. Наиглавнейшую роль в этом деле играла, разумеется, рука с отстоящим большим пальцем. Та самая, та пресловутая, та легендарная «трудовая ладонь», которая не дает спать уже пятому поколению ученых-антропологов, которые никак не могут разобраться с вопросом: как, когда и почему произошло «противопоставление большого пальца»? «Энергии заблуждения», потраченной на многочисленные попытки объяснить, каким образом эта рука «получилась» в процессе обтесывания валунов, хватило бы на сотни томов «Войны и мира». И они, антропологи, продолжают генерировать энергию заблуждения с неослабевающим энтузиазмом, достойным лучшего применения.

Абстрагируемся покамест от большого пальца, в который столь пристально «уперты» симиалисты, рассмотрим человеческую ладонь, как таковую, в комплексе. Ибо там есть на что обратить внимание, кроме первого пальца.

В отличие от обезьяньей, кисть руки человека *расширяется к основанию.* Рядом с бугром мышц большого пальца возвышается равновеликий ему бугор мышц тыльной стороны ладони. Это довольно крепкая мышца, ак-

тивно используемая в боевых единоборствах. Тренированные люди способны разбивать ею пирамиды из кирпичей. Обычные люди без тренировки могут колоть этими мышцами грецкие орехи, согнув ладонь в кулак. И вообще не проблема – раздавить улитку, даже крупную. Думаю, что эти мышцы активно использовалась нашими полуводными предками, которые зажимали моллюсков между двумя ладонями и давили их, напрягая мышцы. Бугор мышц на той стороне ладони, что противоположна большому пальцу, можно считать еще одним физиологическим эксклюзивом человека, потому что у обезьян ладонь в этом месте скошенная.

Значение «рабочей руки» заключается не только в отстоянии большого пальца от прочих. Это очень узкий взгляд, характеризующий узкий кругозор ученых людей, зацикленных на вопросе о «противопоставлении большого пальца».

Приматы не умеют обращаться с панцирными моллюсками. Однажды по каналу «Дискавери» показывали научно-исследовательский фильм об африканской саванне. Показали выгоревшее болото, на которое пришли мангусты и бабуины, чтобы полакомиться двустворками, в изобилии лежавшими на земле. Они вели себя *одинаково,* хотя мангусты – это не приматы. Пытались применять когти, но безуспешно. Били двустворок о собственные ноги с минимальным успехом. Затраченная энергия явно не компенсировалась добытым кормом.

Наших предков природа снабдила так, что они могли эффективно манипулировать моллюсками. Улиток человек мог давить мускулистыми основаниями ладоней. Двустворок раскрывать, просовывая между створками ногти (когти в этом случае бесполезны, – сам видел на примере бабуинов). Самых крупных моллюсков можно было заставить раскрыться, вытаскивая их из воды на солнцепек. Для этого опять-таки нужны хваткие руки.

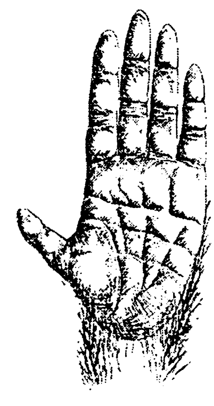
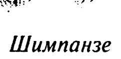
Еще раз взглянем на ладонь, чтобы увидеть еще один *эксклюзив, не замеченный антропологами.* Четыре малых пальца по совокупной мускульной силе примерно *равны одному* большому. Почему? У обезьян большой палец не выдается по силе среди остальных, он почти редуцирован. Следовательно, надо говорить не только о самостоятельности большого пальца, но и о его *равновеликости* по силе остальным, взятым в сумме.

Если бы речь шла только о поддерживании, большой палец не мог получить такого развития. Когда рассуждают на тему, как в процессе обработки камней сформировалась «рабочая рука», говорят, в основном, о функции захвата с целью поддерживания камня, которым работал гоминид. При этом ясно, что если б каждый палец был бы силен, как большой, – было б еще лучше. Но ладонь такова, какова она есть. Силы большого пальца и остальных равны, как *противоупоры.* Скорее всего, они и были противоупорами в процессе открывания двустворчатых моллюсков типа мидий.

Причиной противопоставления большого пальца остальным стало его статическое напряжение в направлении противоупора. Ежедневное, на протяжении миллионов лет, открывание природных консервных банок дало бы «рабочую руку» кому угодно.

«Рабочая рука», которая характеризуется противоупором большого пальца четырем остальным, является изобретением природы, выходящим

за рамки антропогенеза. Это самая первая форма хватательной конечности млекопитающих, которая досталась им, в свою очередь, от пресмыкающихся. Судя по сохранившимся до наших дней долгопятам, которые жили еще в эоцене, «рабочей руке» млекопитающих не менее 65 млн.лет. Первые млекопитающие были настолько уязвимы в мире, где правили хищные драконы, что выжить они могли только на границе двух природных сред, суши и воды, прячась в густых тростниках и питаясь моллюсками, которые для большинства ящеров не представляли интереса. «Рабочая рука» древних млекопитающих, подобных современному долгопяту, приобрела свою окончательную форму (впоследствии доставшуюся людям) в практике лазанья по гладким вертикальным стволам тростников.

Шимпанзе *Гоминид*

Ветви тропического леса, куда переселялись группы людей, покидавших побережье, а также изменение характера питания, – все это потребовало другой формы руки. Ветви в лесу или саванне растут горизонтально или наклонно. Это способствовало изменению способа захвата. Большой палец постепенно потерял свое значение противоупора и свою мускульную силу, потому что он бесполезен при хватании за горизонтальную опору. Попробуйте долго повисеть на турнике, и вы это поймете. Необходимости в том, чтобы большой являлся противоупором для четырех других пальцев, уже не было у дичающих гоминид, предков антропоидов, потому что моллюски из рациона пропали, следовательно, исчез труд по вскрыванию панцирей. Укороченный большой палец принял почти то же направление, что и четыре малых. Таким образом эволюционно сформировалась та ладонь, которую мы наблюдаем у современных человекообразных обезьян.

Банальная механика, проистекающая из коренного различия вертикали и горизонтали, является главной причиной как формирования «рабочей руки», так и ее преображения в обезьянью. Предки людей жили в тростниках и хватались за вертикали. При этом большой палец в качестве противоупора был им необходим также, как и при вскрывании моллюсков. Обезьяны хватаются, в основном, за горизонтали, а моллюсков не едят вообще.

Когда человек несет тяжелое знамя — короткий, но сильный большой палец, противостоящий остальным, ему необходим. Когда человек несет тяжелый чемодан, вся нагрузка падает на четыре малые пальца, а самые мощные мышцы ладони, ответственные за манипуляции большого пальца, пропадают втуне. Поэтому ручной способ переноски клади — самый неэффективный, люди традиционно изобретают всякие приспособления, чтобы избежать такого насилия над собственной природой.

Статическое напряжение представляет собой очень результативный метод тренировок. Особенно активно его используют в бодибилдинге, что, как известно, переводится словами «строительство тела» (34). Этот же принцип используется в методике наращивания сломанных костей при помощи аппарата Илизарова.

8. Значение статического напряжения

В эпоху антропогенеза статическое напряжение дало нам не только «рабочую руку», но и сводчатую стопу.

Нельзя объять необъятное. Концепция симиализма с ее «трудовой теорией» настолько уязвима, настолько нелепа, что всего не перечесть. Я вынужден походя говорить о таком существенном, в общем-то, факте, как человеческая форма стопы. Учитывая наш способ передвигаться, это, согласитесь, очень значимый фактор. Перед ним пасуют даже неумолимые военкомы, рыскающие повсюду в поисках новобранцев. Плоскостопие делает непригодными к службе даже самых бравых молодцов.

Так вот, подьем стопы человека является предметом дискуссий антропологов, которые — споры — до сих пор ни к чему не привели. Академическая наука не в силах объяснить, каким образом плоская стопа обезьян преобразовалась в пружинистую стопу человека с ее ярко выраженным сводом. А вот обратный процесс легко объясним как в части причинности, так и в части протекания патологического процесса.

Интересная наука — эволюционная антропология. Она не способна объяснить не только возникновение сознания, но и происхождение тела человека с ног до головы. Начиная от свода стопы, заканчивая волосами макушки — ничто до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Имеется в виду все специфически человеческое: губы, нос, цветное зрение, зубы, потовые железы, форма рук, форма ног, позвоночник, отложения подкожного жира Не зная, как все это объяснить, говорят о «врожденных аномалиях».

«Врожденные аномалии», вызванные разными «мутациями» — это все равно, что рояль в кустах для эволюционистов. Будучи неспособны дать вразумительные разъяснения, они обычно рассуждают в общем плане: «обезьяна эволюционировала в австралопитека, тот в питекантропа, последний в человека, опровержение этой концепции невозможно». Когда дело доходит до конкретики, до физиологии, до частей тела, — начинает звучать никогда не заканчивающаяся пьеса для механического пианино в кустах: это мутация, блин... Аномалия, понимаешь ли!.. С точки зрения академической науки мы состоим из сплошных аномалий. Она одна нормальная, как будто создана не людьми, а инопланетянами, слепленными из другого теста.

Сводчатая стопа – отнюдь не аномалия. Чтобы понять, как она появилась, достаточно взглянуть на ласты морских млекопитающих. В них заложен тот же самый принцип пружины, который обеспечивается прогибистостью отдельных костей, или групп костей, в той или иной степени.

Благодаря прогибистому, пружинному, упругому своду, стопа человека способна принимать как горизонтальное, так и вертикальное положение, что необходимо для успешного плавания. Благодаря своду, мы можем вытянуть пальцы ноги таким образом, что линия стопы полностью совпадет с линией берцовой кости. Быстрое плавание без этого невозможно, ноги не смогут обеспечить «моторный эффект». Люди, страдающие плоскостопием, не способны на такие манипуляции. Я не только консультировался со специалистами, но и лично проверял этот факт на своих знакомых: плоскостопые не могут вытянуть стопу так, чтобы ее верхняя линия совпала с линией вытянутой ноги.

Физиологи уже давно доказали, что плоская стопа не может перейти в сводчатую в процессе хождения. Наоборот, длительное хождение усугубляет этот порок, что вполне понятно по динамике. Более того, хождение плоскостопых без специальных ортопедических приспособлений отрицательно сказывается на их осанке, приводит к деформации костяка, и даже молодые люди начинают страдать артрозом. К примеру, плоскостопие является первопричиной развития артроза таранно-ладьевидных и таранно-пяточных сочленений. В конце концов, прямохождение становится мучительным процессом. Один этот факт ставит жирный крест на симиализме. Плоскостопые обезьяны не могли освоить прямохождение, потому что никогда не могли это сделать. Ибо ортопедов при них не было.

Свод стопы появился оттого, что древние млекопитающие, переходившие во время трансгрессии Тэтиса в начале кайнозоя к водному образу жизни, старательно вытягивали лучи своих конечностей, чтобы научиться плавать. Потом точно так же поступали их потомки, переходившие от водного к водно-земному образу жизни. Человеку сводчатая стопа досталась точно так же, как и рабочая рука. К антропогенезу данное приспособление отношения не имеет, оно представляет собой *предпосылку, а не результат* очеловечения, важную тем, что сделала возможным прямохождение.

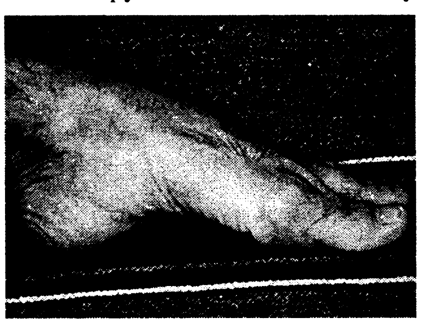
Если искать наших далеких предков по такому редкому признаку, как свод стопы, то мы выйдем опять-таки на долгопятов, род которых носит имя тарзиус («тарзиеобразные или долгопяты»). «Едва ли найдется другое научное и тривиальное название, столь точно отражающее одну из главных особенностей животного, как в случае с долгопятами, – пишет приматолог Э. Фридман, – В стопе очень длинных задних конечностей имеется весьма удлиненный пяточный отдел – тарзиус. Отсюда произошло название примата» (57, с.100). Вытянутая пятка представляет собой у людей элемент свода стопы. Только у людей и у долгопятов имеются пятки. Возможно, в древности существовал крупный долгопят, который вел водно-земный образ жизни и стал родоначальником дельфинид?

«Тарзиевые представляют филогенетическую загадку среди приматов, – пишет Э.Фридман. – Известно, что долгопяты жили еще в эпоху эоцена, т.е. 65-70 млн. лет назад. Следовательно, они являются как бы живыми ископаемыми среди приматов. Долгопяты еще и анатомическая загадка... У долгопятов глаза обращены вперед больше, чем у всех полуобезьян. Голова округ-

лая и более вертикально сидящая на позвоночнике, сравнительно большой мозг... Резцы направлены не вперед, а вверх. Все это способствовало тому, что иногда долгопятов сближали с высшими приматами» (57, с.101).

Высший примат, живший в эоцене, когда большинство видов млекопитающих еще не существовало! *Низших* обезьян не было и в проекте! У него, у долгопята, плюс ко всему перечисленному еще и «рабочая» рука, с большим пальцем, отстоящим на 90 градусов, как у человека!

Группа музыкантов использовала в качестве названия для своего ансамбля известное выражение «ногу свело», которое хоть раз в жизни произносил каждый. А вы задумывались, почему при плавании судорога сковывает исключительно ноги и никогда не сковывает руки? Объяснение этому факту таково. Мышцы рук при плавании выполняют работу, для которой прямо предназначены, там нет никаких непривычных, противоестественных для земного существа выворачиваний и напряжений. Ногами мы не только делаем волнообразные движения, что вполне естественно. Мы одновременно старательно вытягиваем ступни, придавая им форму ласт. В воде каждый становится балериной. То, что мы вытворяем со своими ступнями в воде, называется «пуанты». Верхняя линия стоп совпадает с линией ноги, а это изгиб на 90 градусов. Нижняя линия становится овальновогнутой. Чем тяжелее нам плыть, чем больше мы устаем, тем судорожней мы искривляем стопу, используя мускулы икр. В конце концов, мышцы, которым подобная работа стала непривычной, потому что мы уже давно являемся наземными животными, впадают в ступор.

Благодаря такому статическому напряжению появился свод стопы

Именно икры чаще всего «сводит» в воде. Но усилия наших предков даром не пропали. Сводчатая, пружинистая стопа не только позволяет хорошо плавать, но и прекрасно ходить на двух ногах. Она обладает замечательной супинаторной подвижностью, а это тоже важный фактор. Наши предки добывали еду, используя супинаторную подвижность стоп. Вообще человека сделали ступни его ног. Они выкормили и выходили его в прямом смысле слова.

Далее. У человека имеется ярко выраженный подбородочный выступ. Ни один из видов обезьян, включая ископаемых, не имеет ничего подобного.

Очередное отступление. Подбородок представляет собой одно из «трудных мест» симиализма. Ни одна из попыток антропологов объяснить, каким образом тупорылые обезьяны приобрели подбородочный выступ и зачем он вообще был нужен в разрезе эволюции, не увенчалась успехом. Истинность и прочность платформы, на которой я стою, позволяет объяснить это одним абзацем. Вы сами легко объясните эту загадку, о которую «разбилась» не одна диссертация. Вам стоит только вспомнить, в каких

обстоятельствах вы прикладываете статическое напряжение, чтобы вытянуть нижнюю часть лица. Верно: при плавании. Причем, в любом положении и любым стилем. И стоя в воде по горло, вы тоже вытягиваете низ лица вперед и вверх. За миллионы лет подобной физкультуры сформировался выступ, именуемый подбородком, а потом выяснилось, что он имеет смысл, защищая от попадания воды рот и дыхало. Точка.

Кормление на прибрежном мелководье или в лимане могло выглядеть таким образом. Гоминиды нащупывали мидий ступнями; отрывали их руками от камней и водорослей; подгрызали тонкий край, чтобы сделать щель; вставляли в него два больших пальца, остальными упирались в основание панциря. От таких ежедневных упражнений и сформировалась «рабочая рука». Параллельно формировались другие анатомические особенности, отличающие человека от животных, в частности, небольшой, но очень подвижный язык и выпуклые нежные губы. Язык человека идеально приспособлен к тому, чтобы вылизывать внутренность небольшой раковины, а губы — высасывать содержимое. Удивления достойно не то, каким образом сформировались эти органы, а то, как они потом пригодились для любви и речи.

Объяснение губам мы тоже находим на этой стезе. Животное, не имеющее губ, не сможет высосать устрицу или, например, мякоть из клешни рака или краба. Ткани, окружающие ротовую полость большинства млекопитающих, являются типичными наружными покровами, они уступают по эластичности тем внутренним тканям, которые природа вывернула наружу у человека с целью создания естественного «насоса». Без эластичной прокладки не сможет работать никакой, даже самый мощный насос. Губы и есть такая эластичная прокладка. Сама того не ведающая природа, создав губы, сделала возможной речь, ибо мы говорим не только благодаря языку, но и благодаря подвижности губ. Неартикулированная речь членораздельной не является. По сути дела активными органами говорения являются не только язык, но и две губы.

Отсюда — от питания моллюсками — и первые формы труда. Если в этом смысле, — то я готов подписаться под тем, что «человека сделал труд». Вообще процесс еды трудом не считается. А если для того, чтобы достать еду из-под крепкого панциря надо поработать, да не просто так, а со смекалкой? Вот вам исток и труда и ума человеческого. Из естества, из желания поесть. Разнообразие моллюсков огромно и к каждому виду надо было найти свой подход.

Сравните эту простоту с традиционной теорией антропогенеза с ее бесконечными натяжками и некорректными допусками. Непонятно, почему обезьяна слезла с дерева и пошла жить в голую степь. Здесь она, якобы, начала тесать камни. Почему? Зачем? Она еще животное. Человека из нее должен сделать труд по обработке камней. Но в саванне все животные добывают еду, не обтесывая камни. Выходит, что не голод, не желание поесть стало причиной труда. А что в таком случае? Желание слетать на Луну в 1978 году? Предвидение так сказать? Даже идея креационизма, будто человека сотворил Бог в один день, — она более правдоподобна, чем академическая эволюционная антропология 21-го века. Ибо можно допустить, что будущее предвидит Высший разум, но не безмозглая обезьяна.

Только у моллюсков, раков и крабов такое мясо, что при добавлении соли оно становится сладким. Можно подумать, что эволюция специально устроила эту конфетку для человека, чтобы ему легче далась наука солить еду. И соли подкинула, испаряя Средиземное море.

Говоря, будто мясо сластит только у одних моллюсков, я кое-что утаиваю. Если верить каннибалам, сладким становится при готовке также человечье мясо. Причем, так говорят все людоеды и нет никаких оснований не доверять их опыту, потому что они не теоретики, а практики. Не потому ли мы делаемся сладкими, будучи сваренными с солью, что наши предки сформировались в людей, сидя на малакодиете?

Как они заметили, что моллюски становятся сладкими, если их приготовить с солью? Мне нравится моя концепция антропогенеза именно тем, что на ее основе можно все объяснить до мелочей без некорректных допусков, не запуская время от времени в игру «рояль в кустах». В принципе заданный вопрос можно было бы обойти, — заметили и заметили, — но я готов обсудить и его. Это связано с использованием огня.

9. Освоение огня

В этом месте мы вновь вступаем на зыбкую почву теории антропогенеза. Дано: все наземные животные боятся огня панически, а освоение огня сыграло огромную роль в процессе антропогенеза. Некоторые антропологи считают, что роль огня была решающей (Вейнерт, 74). Вопрос: как могли освоить огонь наземные обезьяны?

Тут опять не стыкуются два начала и все рассуждения начинаются с некорректного допуска: обезьяна стала человеком, потому что освоила огонь. С горящим факелом в руках она настолько осмелела, что отважилась слезть с дерева и пойти на двух ногах в саванну. Дальше уже проще, по заведенной схеме: в степи у нее освободились руки, она начала тесать камни, от этого рука стала «рабочей» и пошел расти мозг. Главное — стащить обезьяну с дерева и здесь огонь как нельзя кстати. Действительно, обезьяна с горящим факелом могла бы распугать в саванне всех и стать хозяйкой положения, потому что все наземные животные панически боятся огня. Загвоздка заключается в том, что обезьяна сама является наземным животным и панически боится огня. Очередной порочный круг.

Попробуйте научить разжигать костер какую-нибудь обезьяну. Легче научить ее писать научные статьи про то, как она это сделала. Теория ей будет поддаваться легче, чем простое действие: взять горящий факел и поднести к куче хвороста. Было бы любопытно, если б какой-нибудь теоретик все-таки научил шимпанзе управляться с огнем. Почему бы не провести такой опыт в интересах подтверждения теории антропогенеза, основанной на симиализме? Думаю, я не первый, кому эта мысль пришла в голову. Что только не делают с подопытными обезьянами в многочисленных институтах и лабораториях. Научили рефлексам семнадцатой степени сложности. Но никто до сих пор не научил шимпанзе простому действию: разводить огонь. Вот конкретный пример витания теоретиков в облаках.

Только амфибии могли освоить огонь. Ибо могли его наблюдать, сидя в воде или на скалах, и при этом не бояться. Морским животным огонь неведом. Наземные панически его боятся. Сознательное положительное отношение к огню, свойственное человеку, могло сформироваться только у существ, ведущих универсальный водно-земный образ жизни.

Прибрежные заросли тростников прекрасно горят. Еще лучше горят моховые болота. В периоды усыхания Тэтиса подобные лиманные ландшафты занимали огромные площади в Средиземноморье. Представим, что удар молнии привел к пожару. После выгорания прибрежной растительности на какой-то площади всплывала сваренная и поджаренная живность, в основном, моллюски и раки. Они были сладкими. И эта перемена не могла не понравиться нашим предкам. И если где-то на каком-нибудь островке оставалась тлеющая кучка тростника, они уже сами могли поджечь какой-нибудь участок своего ареала, взяв оттуда головешку. Наземное животное никогда не стало бы играть с огнем.

Вот так наши предки узнали вкус мяса, сладкого от соли. Они легко могли научиться поддерживать безопасный огонь на каком-нибудь островке в лимане и бросать в него моллюсков. Наверное, приятным открытием для них стала установка факта, что моллюск сам раскрывает створки при высокой температуре. Что крупный моллюск, килограмм двести весом, который раньше доставлял много хлопот, раскрывается, если его обложить тростником и поджарить. Что в большом панцире можно варить мелких моллюсков, бросая в него раскаленные камни. Что у огня можно погреться и что он дает надежную защиту от зверей.

Недалек тот час, когда они пойдут на материк не как изгои, а как новые хозяева планеты. У них уже есть огонь, разнообразные орудия на основе нити (об это ниже) и, скорее всего, собака, которая приблудилась к людям, потому что у них еды всегда было в избытке. Дело за немногим: научиться использовать соль, как специальную добавку к пище, а не случайный компонент, попадающий в еду с морской водой. Они уже привыкли к ней, заметили благотворное действие (это нетрудно заметить, потому что хлор, содержащийся в соли, участвует в образовании соляной кислоты желудка; если соль долго не употреблять, а потом ввести ее в рацион, это заметно скажется на аппетите, пищеварении, и, соответственно, на росте и здоровье — при активном образе жизни) и не могут есть пресную пищу.

Думаю, что специально солить пищу наши предки научились на Нильском озере, в котором вода была пресной, потому что основным источником пополнения водоема были воды Нила. Гоминиды, которые по мере усыхания Моря собирались вокруг него, не могли не заметить разницу во вкусе моллюсков, сваренных в пресной воде и в морской. Нетрудно было догадаться добавлять соль, которая была вокруг в изобилии, как сухой остаток моря.

Соли, богатой йодом и другими необходимыми микроэлементами и на материке, в частности в Европе, — тьма тьмущая. Наша часть света почти 50 миллионов лет была покрыта океаном — Большим Тэтисом, который оставил после себя не только многокилометровые толщи известняка, быв-

шего ранее панцирями моллюсков, но и залежи каменной соли. До эпохи цивилизации человечество употребляло темную каменную соль, содержащую много йода и микроэлементов.

Успех на материке ожидал тех, кто научился солить еду.

10. Почему мы чешем затылок и трогаем нос?

Волосы скальпа человека непрерывно растут со скоростью 13 сантиметров в год (41, с.46). Именно это обстоятельство стало причиной первых догадок о том, что человек появился не в глубине какого-либо континента, а на побережье.

Разумеется, волосы появились не для того, чтобы вить из них веревки, столь далеко эволюция не заглядывает, хотя люди в конце концов додумались и до подобного использования своей природной нити, и до плетения из нее различных приспособлений: сетей для ловли рыбы, колыбелек, головных уборов, тросов для того, чтобы коллективом вытянуть крупного моллюска из моря.

Природа прежде всего заботится о безопасности. При этом она довольно изобретательна. Чего только она не дает своим «подопечным»: возможность изменить цвет (хамелеон), применить зловонную (скунс, хорек) или маскировочную (осьминог) жидкость; рыбе — взлететь; птице — нырнуть... Человека, обделив в эффективных средствах самозащиты и скорости бега, она наделила во имя спасения своего излюбленного чада волосами.

Вообразим, кто был для наших предков наиболее опасен. Это были не морские хищники, хотя и они тоже. От них люди могли спастись на земле. От наземных хищников спасением было море. Поэтому наибольшую опасность для гоминид представляли хищные птицы и змеи. В древности существовали летающие хищники, способные поднять в воздух человека, а уж о детях и говорить не приходится.

От птицы не так-то просто уйти в море на мелководье из-за высокой скорости ее атаки. Известно, что хищные птицы обладают способностью к прицельному падению на жертву и их скорость при этом составляет 9,8 м/сек. Убежать человек или его ребенок не мог, но мог присесть в воде, распустив волосы, закинув их вперед одним движением руки, — и вот они уже развеваются подобно водорослям, дезориентируя хищника и скрывая своего обладателя.

Маскировочное приспособление, подобное человеческим волосам, наблюдается только среди морских существ. Наиболее известные из них актинии. Длинные тонкие щупальца, развевающиеся подобно водорослям, используются ими как для маскировки, так и для захвата добычи. У человека иной способ захвата добычи, но для маскировки в воде длинные волосы подходили вполне.

От крупной змеи типа анаконды подобный прием, разумеется, не спасет. Но есть одна хитрость, кстати, объясняющая, почему весь человек гол, а волосы скальпа растут «за всех». Хитрость в том, что волосы скальпа, в отличие от шерсти, растущей на теле, имеют температуру и запах не тела, а среды. Змеи, которые хозяйничали в той среде, где первоначально оби-

тал предок человека, ориентируются по запаху и инфракрасному излучению, они очень плохо видят очертания покоящихся предметов. Заметив змею, человек приседал и резким движением руки выбрасывал волосы вперед, создавая температурно-ароматическую завесу. Длинные густые волосы на какое-то короткое время делали человека невидимым для змеи. На снимках живых голых людей, сделанных в инфракрасном спектре, области, занятые волосами, остаются синими, сливаясь с окружающими холодными предметами. В отличие от них, обнаженные части тела прекрасно видны, потому что выглядят красными или оранжевыми.

Кроме того, известно, что крупные удавы «парализуют» свои жертвы немигающим взглядом. Страх перед змеей и неизбежностью гибели сковывает жертву. Поэтому завеса из волос являлась для наших предков еще и защитой от самих себя, от страха жертвы, который заставляет объятых ужасом обезьян лезть в смертельные объятия змеи.

Свои защитно-маскировочные функции волосы могли выполнять, благодаря периодическому постоянному контакту с теплой водой. Засаленные выделениями потовых желез, имеющих специфический острый запах, волосы, наоборот, демаскировали и выдавали своего хозяина. То, что представляло собой эволюционное преимущество в условиях водноземного образа жизни, становилось пороком в условиях жаркого тропического леса и знойных саванн. Именно пороком, а не недостатком. Недостаток означает отсутствие чего-то полезного. Когда наличествует что-то лишнее и при этом опасное для жизни — это более, чем недостаток, это порок. Наши предки не смогли бы выжить в лесу и в саванне с таким пороком, особенно если учесть еще и пожароопасность длинных волос. Три негативных фактора, из которых каждый мог в одиночестве погубить всю немногочисленную популяцию предков человека: остро пахнущая демаскировка, помеха при бегстве в лесу и в саванне, пожароопасность. При этом мы говорим о факторах, представляющих собой непосредственную угрозу. О том, что немытые волосы негигиеничны и представляют собой большой аккумулятор болезнетворной флоры и фауны, расположенный вблизи семи отверстий тела (не случайно во времена эпидемий практикуется массовое полное удаление волос) — об этом распространяться не будем.

Разумеется, наши вымышленные обезьяньи «предки» могли бы избавляться от волос, начиная с рождения. Существует много способов, как-то: пережог, перекус, длительное перетирание, наконец, выдирание. Но для этого им надо было прежде обрести рассудок и овладеть огнем. Чем не идея для симиалистов: обезьяны обрели разум и овладели огнем для того, чтобы бороться с собственными волосами? С которыми, кстати сказать, в саванне и в лесу они б не дожили до высекновения и одной искры разума.

У гориллы есть такой человекоподобный жест: в состоянии стресса она чешет затылок. Б.Поршнев относил его к «неадекватным реакциям», подтверждающим его теорию происхождения сознания через неадекватные реакции обезьян. Отнюдь не так. Данный человекоподобный жест гориллы — не ее изобретение. Это безусловный рефлекс, доставшийся ей от гоминидных предков.

Представим себе другую ситуацию: гоминид стоит на скале и вдруг замечает подкрадывающуюся змею или зависшую над головой хищную птицу. Если у него еще есть мгновение, чтобы перевести дух, он наберет в легкие воздух и прыгнет вниз головой в воду. Вот почему у людей большие длинные носы с ноздрями, смотрящими вниз. С коротким обезьяньим носом (причем, ноздрями вверх) в воду вниз головой не прыгнешь. Если у нашего предка нет даже мгновения на то, чтобы перевести дух, он одним движением зажмет нос и прыгнет вниз «солдатиком», как все мы делали в детстве. В незнакомом месте, где нет уверенности в достаточной глубине, такой способ ныряния всегда предпочтительнее. Опять-таки длинный нос легче зажать рукой.

В лесу и в саванне все животные постоянно нюхают воздух. Это и привычка и жизненная потребность: с потоками воздуха доносятся нужные запахи. Не случайно органы обоняния у животных «смотрят» вперед. Лишь человек, испытывающий в первобытном состоянии такую же потребность нюхать воздух, как и животные, имеет орган обоняния, направленный вниз. Для того, чтобы принюхаться, первобытный человек вынужден задирать голову вверх. Отсюда следуют два неприятных факт. Во-первых, вынужденная остановка: бежать с задранной вверх головой невозможно (если антропологи-симиалисты заранее не проложили асфальт в первобытном лесу). Во-вторых, — потеря на одну-две минуты кругового обзора. Надо ли говорить, как часто эти минуты решали вопрос о жизни и смерти. Выходит, что длинный нос с нюхательными отверстиями, направленными вниз, представляет собой не менее опасный порок развития, чем волосы скальпа. Одного его было вполне достаточно, чтобы неразумный предок человека приказал долго жить, если бы он жил в лесу или саванне. Многие виды исчезли с лица Земли из-за гораздо меньших пороков развития.

Выходит, что эволюция делала все для того, чтобы человек не смог появиться. На ум приходит роман А. и Б. Стругацких «День затмения», главный герой которого «Гомеостатическая Вселенная» активно действовала против людей, слишком далеко продвинувшихся в познании ее тайн. Разум угрожает Вселенной гибелью и Вселенная принимает превентивные меры, уничтожая гениев.

Со своим длинным носом наш предок мог сунуться в лес и в саванну только тогда, когда он уже стал человеком, приобретя такое решающее преимущество, как разум.

В отличие от наземных антропоидов, у человека разумного не просто длинный нос, он имеет довольно необычную для животного царства форму. У большинства животных внутренняя полость носа пещерообразная. У нас две ноздри, разделенные хрящевой перегородкой, представляют собой два грота, расширяющиеся книзу. Форма каждого из них близка к форме колокола и это не случайно. Не случайно для водолазных работ используется именно колокол, расширенный низ которого позволяет создать достаточное давление в верхней части, чтобы не допустить полное заполнение внутреннего пространства водой. Форма носа человека представляет собой подобное «гидроприспособление», имеющее целью сделать комфортным и безопасным процесс ныряния. Благодаря колоколообразному расширению на входе, при погружении человека в воду с головой, в узком внутреннем

проходе создается повышенное давление воздуха, которое является пробкой, не дающей воде проникнуть вглубь.

Существуют люди, у которых это приспособление не работает, или работает плохо. Подобное бывает, как правило, из-за врожденного или приобретенного искривления хрящевой перегородки, когда нарушается идеальная эволюционная колоколообразная форма ноздрей. В таком случае при нырянии люди испытывают очень неприятные ощущения. Попадание воды в нос не только дискомфортно, но и опасно. Дело в том, что нос — единственный орган, имеющий прямую связь с мозгом. От всех других органов мозг отделен особой системой циркуляции крови и т.н. «энцефалобарьером». Очаги воспаления в мозге трудно поддаются излечению, потому что энцефалобарьер, эти особые «секьюрити» мозга, уничтожают микроорганизмы, включая антибиотики. Но у монарха всего организма, каким является мозг, имеется своя «ахиллесова пята». Это нос.

Природа обоняния до сих пор не раскрыта. Известно, что эту внешнюю функцию организма — только ее одну — обеспечивают непосредственно клетки мозга. Отсюда легкая доступность мозга через нос.

Все наземные животные избегают погружения с головой. Ваша собака плавает рядом с вами не хуже вас. Но при этом вы имеете огромное преимущество: можете нырнуть, а она — нет. Попробуйте окунуть ее мордой, — ваш пес пулей устремится на берег, где будет долго отфыркиваться. Нос вашей собаки не является гидроприспособлением, в отличие от носа ее хозяина. Поэтому в воде слабый человек легко одолеет самого сильного и свирепого пса: достаточно поднырнуть и погрузить животное в воду с головой. Обезьяны, имеющие короткие носы, воды боятся панически. Хорошо плавают и ныряют только водные обезьяны Калимантана. Они — заметьте, — имеют длинные, карикатурные носы, превосходящие человеческие. Благодаря этому у них при нырянии не возникает проблем.

Животным, ведущим водный образ жизни, эволюция дала приспособление в виде особой группы мышц, перекрывающих носовое отверстие при погружении. Наземных животных природа ничем подобным не обеспечила. Вариант, имеющий место быть у человека — две колоколообразных ноздри — является эволюционно усредненным. Эволюция, как ей вообще свойственно, ограничилась необходимым и достаточным для полуводного существа, добывающего пищу и спасающегося от врагов как на суше, так и в воде. Длинный нос человека — это гидроприспособление для ныряния и кратковременного погружения, но не для длительного плавания под водой. И это полностью соответствует нашим представлениям об универсальном образе жизни наших далеких предков. Для нас, их потомков, очень хорошо, что природа не дала им больше возможностей оставаться под водой, ибо тогда предок человека мог потерять свою универсальность жителя разных сред, а утрата универсальности равнозначна катастрофе антропогенеза.

Сформироваться сознание и тело человека могло лишь там, где длинные волосы и длинный нос с ноздрями, направленными вниз, являлись не пороком, а эволюционным преимуществом: на границе двух природных

сред, — моря и суши. Утверждая, будто *такой* человек мог появиться в саванне от древесных приматов, обезьяноцентричные эволюционисты ничего не доказывают, но плодят антиэволюционистов, потому что здравый рассудок восстает против этого абсурда. Лично я не приемлю симиализм именно потому, что являюсь эволюционистом и не хочу его смерти «под панфары» таких ученых как, например, доктор наук А. Зубов, утверждающий (в 2003 г.!) будто «дарвиновская симиальная теория» «выдерживает испытание временем» и будто «20-й век сделал ее опровержение невозможным».

Ученый, защитивший две диссертации, утверждает это в журнале «Вокруг света», издающемся огромным тиражом (18). В таком случае остается только посоветовать взглянуть в зеркало, чтобы там увидеть вполне научное (если инструментом науки является логика, а не произвольная, почти «насильственная» подгонка фактов под господствующую концепцию) — опровержение симиализма. Если, разумеется, на месте и нос и волосы.

Что мы делаем перед тем, как нырнуть в воду? Мы делаем большой вдох и ***автоматически напрягаем крылья носа***. Тем самым мы придаем своим ноздрям колоколовидную форму. Вы можете попробовать нырнуть, сознательно не сделав этого рефлекторного акта. Уверен: вы тотчас вынырнете с неприятными ощущениями в области переносицы, куда попала вода, и мыслью: «Да, мой нос — это не просто дыхало, но и замечательное гидроприспособление».

До сих пор никто не рассматривал нос человека, как гидроприспособление. Здесь ситуация, аналогичная ситуации с рукой. Морфологи обращают внимание лишь на то, что бросается в глаза, — отстоящий большой палец, и никто не видит «за деревьями леса», а именно то, что все строение руки уникально. Каждый бугорок имеет свое эволюционное значение. В случае с носом обращают внимание на его величину и на то, что ноздри смотрят вниз. Об эволюционном значении колоколовидной формы ноздрей речь идет впервые.

Эволюция дала человеку длинные волосы и большой нос не по прихоти, а потому что без этих приспособлений он не смог бы выжить в условиях «пограничья» двух основных сред. Вот почему мы в мгновенье стресса непроизвольно тянемся к затылку или трогаем кончик носа. Эти привычки в течение многих веков пытаются уничтожить воспитанием, но они воспроизводятся с удивительным постоянством. И это является доказательством правильности высказанного предположения. Равно как и другого: если б наши предки, еще не обладающие разумом, оказались в чисто материковых условиях, они б погибли, или были б лишены длинных волос и длинного носа, как обезьяны-антропоиды.

Уши человека тоже представляют собой гидроприспособление. Обратите внимание: ушная раковина заканчивается колоколообразной нишей, в которую идеально входят указательный палец или мизинец. Люди обожают вставлять в уши эти пальца, хотя этикет запрещает подобные действия. Этикет — это поздняя фантазия. Возможно, это расширение ушной раковины образовалось именно потому, что наши животные предки затыкали

уши пальцами, ныряя в воду? Человеку этот колоколообразный грот необходим, потому что он создает эффект воздушной пробки.

Если у вас есть собака или кошка, можете провести опыт: пропальпируйте ухо. Ничего подобного колоколовидному гроту у сухопутных животных нет. Не только дыхала, но и устройство ушных раковин не позволяют им нырять с головой.

Ушные раковины человека, заканчивающиеся колоколовидным гротом, могли появиться только в воде.

11. Причина появления цветного зрения

Способность к различению цветов является одним из самых заметных и бесспорных эксклюзивных преимуществ человека. Появление этой способности, отсутствующей у всех млекопитающих, за исключением вида Homo sapiens sapiens, до сих пор не имеет (вернее, не имело) эволюционного объяснения. Попробуем объяснить.

С этой целью вспомним, что говорил Б.Ф. Поршнев об экологической нише троглодитид. Речь идет о его догадке, что единственной экологической нишей, которую могло занять крупное животное с универсальным способом питания, появившееся на планете в то время, когда многообразие видов уже сформировалось, была некрофагия. В настоящее время она принята в качестве истины большинством палеоантропологов.

Разумеется, эффективно конкурировать с такими хищниками, как махайрод или волчья стая, первобытный человек, как существо от природы слабовооруженное, не мог. С другой стороны, вряд ли он был способен соперничать с многочисленными падальщиками, которые, например, гиены, были опасны для человека, и, главное, опережали в скорости обнаружения остатков пиршеств крупных хищников. Здесь, безусловно, первенствовали птицы и мелкие хищники. Для первых людей, переходивших к наземному существованию, сама ходьба по земле представляла собой изрядный труд.

Обитая на морской акватории, наши предки потребляли, в основном, панцирных моллюсков. Эта экологическая ниша являлась экологическим эксклюзивом человека. С тех пор, как гоминиды ее оставили, вплоть до сего дня она остается незанятой. Не существует ни одного животного, способного эффективно добывать и раскрывать моллюсков, ибо для этого необходимы:

- супинаторно подвижные, чуткие ступни ног;
- значительная вертикальная вытянутость тела;
- умение плавать и нырять (скорее даже последнее, чем первое);
- способность к двуногой локомоции (чтобы мобильность в воде сочеталась с возможностью нащупывать моллюсков на значительной глубине);
- способность достаточно долго находиться под водой, чтобы отрывать прикрепленных моллюсков;
- крепкая кисть, обладающая точным захватом и противоупором в виде отстоящего большого пальца для того, чтобы раскрывать моллюсков;

- крепкие коренные зубы с плоскими поверхностями, чтобы раскалывать мелких моллюсков и дробить края панцирей более крупных;
- ногти, которые можно просовывать в щели надкушенных покровов.

Подобного существа, кроме человека, чье тело сформировалось в условиях данной экологической ниши, на планете больше нет. Есть макак-крабоед, который ловит мелких крабов на песчаных дюнах, но моллюски ему недоступны; ни добыть их, ни съесть макак не способен.

Логично предположить, что, переходя с акватории на территории, окружавшие Средиземное море, наши предки стремились занять *подобную* экологическую нишу. Имеется в виду некий наземный природный аналог тому способу добычи еды, какой у потомков акродельфид был на море. Определяющим моментом является при этом **способность извлекать мягкие ткани из-под твердых покровов.** В природе все расписано таким образом, что защищенные твердыми покровами ткани являются наиболее ценными и легкоусваиваемыми продуктами питания, потому что иначе не было бы необходимости прятать их столь тщательно. У всех животных, например, наиболее хорошо защищенными тканями являются мозги.

В способности добывать мозги из-под костей гоминиды не имели конкурентов. Они могли успешно осваивать все новые и новые территории, потому что никого не теснили. При этом их способ питания был почти таким же, как на акватории, только вместо панцирей моллюсков им приходилось раскалывать кости животных, в первую очередь черепа.

В пещере Чжоукоудянь, где были вскрыты многометровые наслоения с остатками костей, среди находок преобладают пробитые черепа гоминид и обезьян. Уже во время раскопок в тридцатые годы 20 в. было высказано предположение, что преобладание черепов можно объяснить только одним: это остатки трапез, а в меню был мозг. Длинные кости, скорее всего, дробились на месте нахождения добычи, а головы приносились в пещеру, чтобы насладиться жирной и витаминной едой на досуге, поджарив ее на костре постоянно горящего очага. К тому же голова — это природный сосуд, прочная упаковка, содержащая много жирной и вкусной пищи внутри. Головы приносили детям, которых тоже кормили мозгами. При этом тащить в пещеру издалека голову быка или слона представлялось нерациональным: груз тяжелый, а мозга мало. Головы гоминид и обезьян компактны и содержат относительно костной массы достаточно много мозгового вещества. Поэтому они и накопились в пещере в огромном количестве за тот миллион лет, что она была обитаема.

Как выглядел трудовой день гоминид, а впоследствии и людей, перешедших к континентальным условиям обитания?

Выходя из пещер на рассвете, они наблюдали за поведением птиц и животных. Большинство крупных хищников охотятся по ночам, а наутро на остатки их трапез начинают отовсюду собираться падальщики. Они обгрызают и обклевывают костяки, причем, ввиду конкуренции падальщиков, их коллективные трапезы сопровождаются большим шумом. Обнаружить это место для наших предков не представляло труда. Они были спо-

койны, зная, что их добыча от них никуда не денется. Костный мозг, кроме них, никто не способен извлечь на свет божий. Головной мозг могли бы съесть грызуны, но те боятся птиц и мелких хищников и долго не приближаются к месту, где сохраняются их запахи.

Мозги во многих отношениях являются гораздо более ценным продуктом питания, чем моллюски, особенно в разрезе происходившей сапиентации. Эта пища содержала в себе полный комплекс протеинов и витаминов, необходимых для строительства мозга. Если ее солить, восполняя недостаток микроэлементов, необходимых морским существам, каковыми являлись гоминиды, то она становилась идеальной едой. Ароморфоз полетел галопом. Коренное изменение условий обитания ставило перед нашими предками проблемы, которые надо было решать, напрягая при этом собственные мозги.

Далеко не у всех переход на материк вызвал ароморфоз. Катагенез, а потом эволюцию в обезьян-антропоидов, пережили те, кто ушел с побережья слишком рано и не умел солить еду, обогащая ее необходимыми микроэлементами, прежде всего йодом. Таких было подавляющее большинство, они сами становились едой для более успешных гоминид, а потом и для людей. Отсюда в пещере Чжоукоудянь, а также в пещере Макапансгат в Южной Африке такое огромное количество круглых черепов.

Перемена рациона имела иные важные последствия, кроме перечисленных выше. Дело в следующем. Два органа тел животных содержат концентрированное количество витамина А: печень и мозг. Витамин А считается «глазным» витамином, потому что он необходим для нормального функционирования зрения. Не случайно все хищники, убив животное, начинают трапезу с печенки. Они могут, насытившись, оставить падальщикам мясное филе на костях, но печенку всегда съедают сами.

При этом ни один хищник не страдает гипервитаминозом А, ибо потребность в этом витамине в связи с высокой активностью глазного аппарата, через который поступает большая часть информации о внешнем мире (у человека 80%), чрезвычайно велика. Для того, чтобы наступил гипервитаминоз А, печенку надо потреблять ежедневно, а у большинства хищников такой возможности нет. В свете этого простого факта выглядит нонсенсом заявление, автора которого я не стану называть, чтобы не конфузить ученого. После находки останков женской особи очередного гоминида в Африке, кости которой – женщины – имели явные признаки гипервитаминоза А, ученый «сделал» потрясающее «открытие». Он сделал для печати заявление, будто «древняя дама любила полакомиться печеночкой».

Интересно, кто ее готовил для гоминид миллионы лет тому назад? Печень на улице не валяется. И никогда не валялась, особенно в таких количествах, чтобы гипервитаминоз А «пробрал до костей».

На улице в те времена могли валяться одни только кости, полные жирных и вкусных мозгов с концентрированным содержанием витамина А. Именно их и употребляли в пищу наши предки, отчего кости большинства ископаемых гоминид имеют признаки гипервитаминоза А.

Цитирую: «Некоторые пороки костей эректусов говорят о неумеренном потреблении костного мозга» (Терра Амата, 0,5 млн. лет, Франция); «типичные признаки переизбытка витамина А обнаружили при исследовании бедренной кости из Кооби-Фора» (1,5 млн лет назад, Африка) (44, с.209).

Переизбыток витамина А стал основной причиной появления у наших предков способности различать цвета. Основное физиологическое последствие гипервитаминоза А, связанное со зрением, заключается в эффекте «двоения», «троения», «четверения» видимых предметов. Белый свет, разложенный на четыре составляющих, уже дает эффект полноцветной радуги, потому что все цвета мира содержатся в белом свете, который является потенциально самым богатым. Дисперсия световых волн делает возможным видение луча обычного белого света в красках. Специалисты, знакомые с издательской техникой, знают: для создания полноцветной картины необходимы всего лишь четыре черно-белых пленки, на каждой из которых воспроизведена одна и та же картина с незаметными глазу смещениями границ. На офсетном станке через эти четыре черно-белых пленки пропускает поток света, а на отпечатке получается полноцвет.

Причиной цветного зрения стал эффект смещения световых волн, попадавших в глаза в качестве отражения окружающих предметов. В свою очередь, способность различать цвета стала великим эволюционным преимуществом, которое начало генетически закрепляться.

12. Реконструкция первичного общества

В характере обволосения, как известно, присутствует половой диморфизм, который тоже может многое подсказать в плане реконструкции обычаев наших предков. Если представить себе длинные волосы, закрывающие спину; большую бороду, скрывающую грудь; длинные усы, которые заполняли слева и справа просветы между волосами скальпа и бородой, мужчина предстает в виде гривастого льва. Судя по рудиментарному обволосению груди и спины мужчин, растительность верхней части тела была в древности более интенсивной, что еще более подчеркивало сходство со львом.

Среди современных животных гривы имеют мужские особи разных отрядов млекопитающих: хищники (львы), приматы (бабуины, павианы, макаки); копытные (зубры, бизоны, некоторые антилопы).

Они чрезвычайно разные, но в образе жизни есть нечто общее. Они все – общественные животные, живущие небольшими устойчивыми коллективами с численным преобладанием самок. Самцов может быть двое-трое или один, главное – самок всегда кратно больше. Второе: забота о потомстве возложена на самок. У львов на самок возложена забота не только о детях, но и о прокормлении самцов, которые не охотятся.

Главная функция самцов в подобных сообществах – защита территории и самок от посягательств других самцов. В случае нападения естественных врагов самки принимают в обороне и защите потомства такое же активное участие, как и самцы. При этом главным объектом их заботы являются дети, тогда как для самцов сохранение детей имеет второстепенное значение, они дерутся за своих самок и свою территорию.

Создается как бы двойная линия обороны потомства: самцы защищают самок, самки — детей. Если бы для самцов главную ценность представляли дети, они занимали бы линию обороны не впереди самок, а рядом с ними. В таком случае шансов выжить у них было бы больше, чем у самок, поскольку самцы крупнее, сильнее и лучше защищены в самых уязвимых местах (горло и сердце прикрыты гривой). Но природа позаботилась об обратном, а именно о том, чтобы самки имели больше шансов выжить, чем самцы. Самцы погибают первыми.

В случае нападения других самцов-претендентов, самцы с той или другой стороны всегда либо погибают, либо исключаются из процесса размножения; самки *всегда* выживают. И это очень разумный порядок с точки зрения развития вида. Скорее всего, реконструируя первичный облик человеческого сообщества, надо исходить из данной картины, а не той, которая рисуется на основе изучения диффузных сообществ шимпанзе, где самцы нисколько не привязаны к самкам.

У льва есть грива, а у тигра — нет. Тигр, совершив половой акт с самкой, бросает ее и детеныша на произвол судьбы. Лев привязан к своим самкам и всегда борется за них. Между самками и самцами тигров почти нет внешних различий, даже в росте. У всех животных, где самцы имеют гривы, самки заметно меньше, но ловки и сильны и способны защитить свое потомство. Они дерутся не хуже самцов, но во второй линии обороны. Все, как у людей.

Мужчины не любят «возиться» с детьми, а ведь любовь проявляется именно в этом. Они любят «возиться» с женщинами. А вот женщины обожают нянчить своих детей. Мужчина, желая завести ребенка, исходит из того, что «возиться» с ним будет не он. В этом проявляется древнее «квадратичное» уравнение жизни: главный предмет заботы мужчины — женщина и собственность (в древности — территория); главный предмет заботы женщины — ребенок.

Это то самое уравнение, которое позволило нашим предкам выжить и стать людьми. Которое до сих пор чрезвычайно значимо. Женщинам в семьях почти всегда «кажется», будто их мужья «недостаточно любят» общих детей. Это не кажется. Это так и есть.

Мужчина любит детей умом, осознавая, что дети — его второе «я», его шанс на бессмертие, его «кровинушка». Это любовь не без эгоизма. Пожалуй, эгоизм является основой отцовской любви. Когда разума еще не было в помине, мужские особи гоминид вообще не любили детей, они их только терпели, примерно так же, как терпят львят львы, позволяя им лазать по своему телу, но не лаская. Зато мужчины любили женщин, которые любили детей.

Женщины любят детей безрассудно, сердцем, поэтому только материнская любовь и может называться святой. Женщины не должны сравнивать две разные любви по интенсивности, бескорыстию и чистоте чувств. Эволюционно любовь к детям мужчин и женщин — это два разных явления. Количественное сравнение здесь невозможно в принципе. Мужчины любят детей не менее, чем женщины, потому что в своих детях любят прежде всего себя, а больше самого себя невозможно любить никого. Любить себя

в другом – социально очень значимое отношение, но предикат святости к нему не применим, ибо это эгоистическая любовь. Святой бывает только материнская любовь, так как женщины любят не себя в детях, а самих детей. На этом основании женщины считают себя вправе упрекать мужей: «ты не любишь их так, как я». Данная фраза верна настолько, насколько несправедлива, учитывая, сколько мужчин пошли на смерть ради того, чтобы женщины имели возможность любить детей. Женщины всегда были во второй линии обороны, а когда враги убивали мужчин, женщины становились продолжательницами рода бывших врагов. Это поведение безупречно? Абсолютно.

Если б львы умели говорить, они б имели больше прав сказать «все бабы – суки», чем мужчины. Когда львиный прайд бывает захвачен другим самцом, львицы прячут львят. Новый хозяин их находит и поедает на глазах у матерей. После этого все львицы становятся его верными женами и подругами.

Не было ли чего-то подобного у людей в древности? И не отсюда ли миф о Кроносе, поедавшем детей?

13. Происхождение рас

Удовлетворительной теории, почему на одной планете живут люди с разным цветом кожи, не существует до сих пор. Данное обстоятельство создает почву для постоянного воспроизводства расизма с его требованием апартеида.

Научным обоснованием расизма является полигенизм, который уверяет, что белые, черные и желтые люди происходят от разных видов гоминид. Археология «подбрасывает поленья» в их костер: видов ископаемых гоминид, на самом деле, находят множество. Соответственно, на Земле живут несколько зоологических видов разумных существ, которые формировались параллельно в разных центрах – считают полигенисты.

Приведу цитату из коллективного труда авторитетных ученых, археологов и антропологов, которые доказывают обратное:

«Параллелизм не мог привести к столь большому сходству между человеческими расами даже по стадиальным признакам. Нет современных рас без подбородочного выступа (у многих видов гоминид, например, у питекантропов и неандертальцев, он отсутствует, – В.Т.). У всех рас отсутствует надглазничный валик, у всех рас самый крупный коренной зуб – первый, а не второй. Соотношение ширины затылка с высотой черепа, а также длины основания черепа с высотой черепа сходны у всех рас и резко отличны от палеоантропов. То же можно сказать о небольших размерах верхней ширины лица и межглазничной ширины у ныне живущих рас по сравнению с палеоантропами.

Есть основание предполагать очень большое сходство в порядке прорезывания постоянных зубов у основных рас человечества. Как правило, вторые коренные зубы (Mr) прорезываются всегда предпоследними, т.е. перед третьими коренными. У неандертальцев и синантропов, по указанию

А. Шульца, М2 режется раньше клыка. У синантропа длинные кости были очень толстостенными и имели узкий мозговой канал. У современных монголоидных групп длинные кости в этом отношении не отличаются от европейских» (21, с.149).

Генетика также опровергает полигенизм. Согласно данным «молекулярных часов» все люди произошли от одной женщины, жившей на Земле примерно 250-300 тысяч лет назад. Мужчин у этой дамы, которую ученые окрестили «митохондриальной Евой», могло быть много. Правда, мне не совсем понятно, почему «митохондриальная Ева», а не «митохондриальный Адам»? У потомков Адама было гораздо больше шансов выжить и избежать кровосмешения, потому что Адам мог родить от разных женщин гораздо больше детей, чем Ева. Впрочем, не будем учинять разборку. Для нас важно лишь то, что у истоков стоит одна человеческая особь, а пол в данном случае не имеет значения.

В животном мире окраска определяется, как правило, мимикрией. Прочие мотивации, как-то: предупреждение или угроза, — являются менее распространенными. В известном смысле, это специфические виды окраски. К ним можно отнести и брачную яркую окраску птиц. Преобладающим видом окраски является маскировочная.

Нас постигнет неудача, если мы попытаемся найти какую-либо иную мотивацию окраски для человека. Несомненно, окрас людей определяется мимикрией. Вопрос: к чему? Негры живут в джунглях. Выходит, что они должны быть зелеными? Но они черные. Вьетнамцы тоже живут в джунглях, но они желтые. Вообще, если принять мимикрию, как мотивацию окраса людей, то все мы должны быть зелеными или серо-коричневыми, под цвет деревьев. В исторические времена средой обитания большинства людей была лесная зона. Поэтому теория происхождения рас и уперлась в тупик. Выход из тупика видится пока только один: к полигенизму и расизму, а далее, — фашизм и общая гибель, ибо ни одна раса не даст себя в обиду. Представители всех рас имеют ныне возможность уничтожить всю планету одним нажатием кнопки.

Условие решения задачи: найти ландшафты, идентичные по природным условиям, но разные по преобладающей окраске. Причем, окрас должен быть ярким, сочным. В одном случае должен преобладать белый цвет, в другом черный, в третьем красный и желтый цвета. Около ста тысяч лет назад люди, живя в одной ландшафтной среде, видели вокруг разные по цветам пейзажи. Их кожа мимикрировала к преобладающим цветам. Только так могли получиться расы.

На первый взгляд условие кажется невыполнимым. Но если немного взлететь над землей, тогда многое станет понятным. Обратите внимание на то, насколько **окрасы человеческих рас соответствуют колоритам береговых обрывов**. Побережья теплых стран, одинаковые по природным условиям, но контрастные по цветовой гамме — вот искомый ответ на вопрос: почему один вид животных — человек разумный — имеет такой разный окрас.

Белая раса сформировалась на юге Европы, в Средиземноморье. Здесь все береговые обрывы — белые. Возвышаются белые горы. На пляжах преобладает белая галька. Это морские отложения Большого Тэтиса, Тэтиса-океана.

Желтая раса появилась в Юго-Восточной Азии. Преобладающий цвет берегов здесь – красно-желтый. Меконг называют «красной рекой», а есть еще «желтая река» – Хуанхэ. Когда писались эти строки, разрушительная волна цунами обрушила берега стран, расположенных вокруг Индийского океана. Был разрушен антропогенный ландшафт и берега предстали в первобытном обличии. Картина разительная. Вот камера показывает тайский или суматранский берег, – они желтые и красные. Тут же кадры, отснятые на Цейлоне и Индостане. Мы видим черные берега.

Негры в Африке являются пришельцами, причем, очень поздними. Этому существует масса доказательств: археологических и этнографических. За пределами нескольких тысяч лет предки негроидов не прослеживаются по материальной культуре в Африке. В фольклоре почти всех племен имеются легенды о другой прародине (особенно интересен фольклор догонов).

Прародиной негроидов является Индия, – вот где истинный «черный континент». Именно негроиды создали цивилизацию в долине Инда, – города Хараппу и Мохенджо-Даро. Пришедшие в начале 2 тыс. до нашей эры арийцы разрушили негрские города, а их самих оттеснили далеко на юг: на Цейлон и юг Декана. Современные тамилы и дравиды являются потомками древних цивилизаций. Культура древнего Элама является негрской по этнической компоненте. Негроидным является также население Андаманских островов в Индийском океане.

В том, что черная раса сформировалась у берегов Индостана, убеждает также география расселения негроидов. В верхнем палеолите их находят в средней полосе Евразии. Речь идет о палеолитической стоянке Сунгирь под Владимиром. Помню, как опешила научная археологическая общественность в начале 70-х годов, когда об этом стало известно. «Негр? Не может быть! Африка-то где?!..». Удивлялся и я. Теперь знаю: наш негр – не из Африки, из Индии. В Африке негров тогда не было, а на наших северах уже были, добирались и осваивали, конкурируя с европеоидами.

С другой стороны, к негроидной расе принадлежат папуасы, живущие на Новой Гвинее. С третьей – Африка... Географический центр такого расселения находится на Индостане.

Чернота береговых ландшафтов зеленого субконтинента Индостан имеет геологическое происхождение. «В конце мелового периода грандиозный процесс траппового вулканизма охватил Индостан (36, с.165). Толщина вулканических отложений на Индостане достигает двух километров. Трапповый вулканизм дает другую картину отложений, чем мощные извержения вулканов. Спрессованные выбросы мощного извержения хорошо видны на разрезах острова Санторин в Эгейском море. Считается, будто извержение вулкана Санторин в 17 в. до н.э. погубило Крито-Микенскую цивилизацию. Разрезы Санторина представляют собой слоистый пирог из черных и белых слоев. Черные – застывшая лава, белые – пепел. Трапповый вулканизм – это когда из многочисленных земных разломов медленно вытекает раскаленная лава и застывает, стекая куда ей заблагорассудится. Горячо было на Индостане в начале кайнозоя. Это был настоящий земной ад.

Трапповый вулканизм оставляет после себя, по-преимуществу, черно-серые ландшафты со сглаженными формами камней.

Когда люди пришли сюда по берегу моря, Индостан уже остыл, а береговые обрывы были черные. Для черных базальтов характерны сглаженные, «кудреватые» формы, потому что они образовались из кипящих натеков. Не отсюда ли специфические прически негроидов? Их пышные шевелюры с большим количеством воздуха внутри хорошо скрывали их черные тела среди вспененных черных базальтов на берегах Индостана●

РАЗДЕЛ II

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПЛЮС

Подтверждение инверсионной теории антропогенеза в науке и опыте

«В настоящее время я не вижу путей опровержения инверсионной теории антропогенеза со стороны ученых-эволюционистов... А вот сторонникам идей «прыжка» есть что сказать. Остался один аргумент в пользу тезиса о внезапном и немотивированном возникновении сознания.

Речь идет об «избыточных» возможностях мозга, который, как известно, используется людьми не более, чем на 10%. Эволюция не создает таких запасов. Необходимо внести ясность насчет этой трудности эволюционной теории антропогенеза, и я не заставлю ждать».

Значительная часть научных подтверждений инверсионной теории антропогенеза была дана читателям в ходе изложения самой теории в первом разделе. Однако их, этих доказательств, так много, что приведение всех чрезмерно усложнило бы повествование. Пришлось все, что не относилось к ходу изложения теории напрямую, выделить в отдельный раздел. При этом логично было бы изложить концентрированно естественнонаучные аспекты (включая медико-биологические и генетические), антропологические, археологические и этнокультурологические подтверждения (включая мифологию). При этом последний раздел настолько необъятен, что требует написания отдельной книги. Надеюсь найти время для нее. Прошу прошения у читателей за реферативный стиль изложения. Фактология, стремящаяся «высказаться» в пользу инверсионной теории необъятна, как будто вся она давно ждала появления этой теории, чтобы «выстроиться» под нее. Я нахожу подтверждения своей концепции, открывая любую книгу, посвященную перечисленным отраслям знания.

Глава 1. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МЕДИЦИНА

1. Интеллект и проблема отсутствия предков антропоидов

Давно подмечено, что четыре таксона мира животных, относящиеся к разным отрядам, классам и даже типам, имеют труднообъяснимые параллели. Речь идет о моллюсках, дельфинах, людях и приматах-антропоидах. Впору думать о «горизонтальном переносе генов» в духе гипотезы В. Кордюма (80).

Речь идет о «горизонтальной» похожести по двум таким важным критериям, как половой инстинкт и коэффициент цефализации. Думаю, что в разрезе горизонтального сравнения, т.е. отвлеченного от линнеевского «родословного древа», более важных критериев и нет. Половое поведение определяется основным инстинктом. Уровень интеллекта – это то, что сближает «наверху». Если абстрагироваться от внешней похожести и непохожести и не слушать обывательских фраз «ах, как можно сравнивать человека с осьминогом!» то можно выйти на очень интересные вещи.

Например, говоря, будто макроэволюция, определяемая тенденцией развития Космоса, приводит любую биоту *неизбежно* к порождению разума, стоит подумать о том, кто из современных обитателей планеты Земля может претендовать на роль носителей разума, в случае, если человечество погибнет?

Оно погибнет, потому что, как лирически определил один поэт, «мы – дураки и дуры», а поэзия (именно лирическая) всегда права и всегда сбывается.

Оказывается, что на роль создателей следующей земной цивилизации могут претендовать осьминоги и дельфины, но не обезьяны. Во всяком

случае, так считают авторы книги «Направление, скорость и механизмы прогрессивной эволюции» (82). Они уверяют это, основываясь на следующем факте: «Наибольший коэффициент цефализации имеют человек, дельфины и осьминоги» (82, с.261).

Высшие обезьяны отстают по уровню интеллекта не только от дельфинов, но и от осьминогов, которые, как известно, являются моллюсками. Следовало бы ожидать, что следующую ступеньку «ниже» антропоидов по индексу цефализации будут занимать их якобы родственники — низшие хвостатые обезьяны. Отнюдь. Самые умные низшие обезьяны «интеллектуально» уступают умным лемурам и долгопятам. Выходит, что ароморфоза на переходе от полуобезьян к низшим обезьянам не было, был «въезд» в тупик узкой специализации. От универсальной среды обитания и универсального питания — к древесной жизни и вегетарианству.

В свою очередь, пропасть разделяет антропоидов и всех других приматов. Их интеллект в разы выше, а переходных звеньев нет. Самый естественный ответ на эту загадку следующий: антропоиды не имеют прямых родственных связей с низшими обезьянами. Их объединяет только похожесть эволюционной судьбы. Низшие обезьяны двадцать миллионов лет назад «скатились» в тупик узкой специализации с линии полуобезьян, антропоиды скатились в тот же тупик с линии гоминид 2-4 млн. лет назад.

Доказательством этой гипотезы является факт отсутствия обезьяньих предков антропоидов, который не перестает удивлять ученых вот уже более полувека. Будучи уверены, что человек произошел от человекообразных обезьян, они хотели бы обнаружить общего предка, от которого пошла «дивергенция». Если предков человека как будто «находят» в лице знаменитых африканских и азиатских гоминид, то с другой стороны — полный провал. «Нет данных» о предках шимпанзе, — уверяют специалисты приматологи и антропологи (Фридман, Дерягина, — 83, сс.50-70).

Вот что пишет по данному поводу известный американский антрополог Д. Джохансон:

«Современные гориллы, орангутаны и шимпанзе возникают как будто ниоткуда. Сегодня они с нами, но вчерашнего дня у них нет» (20, с.269).

Удивительно, что подобное может быть на фоне следующих заявлений специалистов:

«В отличие от многих других отрядов приматы представлены всеми основными подразделениями отряда, которые почти моделируют (минус черты специализации) основные этапы его эволюции» (22, с.88).

Парадокс: приматы настолько хорошо сохранились с глубокой древности и настолько хорошо изучены, что их история известна до мелочей. За исключением одной *далеко не мелочи*: предков антропоидов среди приматов выделить не удалось. А ведь это самый интригующий вопрос, ибо речь идет о предках существ, от которых якобы произошел человек.

Наша собственная родословная нам гораздо интересней чужих. Обыватель имеет право рассуждать так: мне плевать, откуда взялась мартышка; даже если вы это знаете до мелочей, господа ученые, не надо мне об этом говорить, забивать мозги. Вы скажите одно: откуда взялась шимпанзе, от которой, как вы уверяете, произошел я?

Разве не обидно обывателю, что историю мартышки и любой другой экзотической хвостато-мордато-красногузой обезьяны живописуют до мелочей, а об антропоидах ничего сказать не могут? Это при том, что исследованием мартышек занимаются единицы, которых можно по пальцам перечесть, а антропоидами в разрезе антропогенеза – толпы ученых во всех странах мира. Все едят обывательский хлеб, не имея, что сказать обывателю о его ближайших родственниках.

Лично я уверен, что давно пора делать выводы и оргвыводы. Среди приматов никто и никогда не найдет предков антропоидов, потому что, если б таковые были, то уже давно были б хотя бы намечены. Отсутствие даже намеков на предков антропоидов в недрах наиболее изученного отряда млекопитающих говорит о том, что пора прекратить пустые поиски и тратить на них деньги. Абсолютно ясно, что антропоиды не происходили от низших обезьян, а человек – от антропоидов.

Среди приматов предков шимпанзе, гориллы и орангутана не найдут никогда, потому что они, эти предки, уже давно найдены. Это всем хорошо известные гоминиды Азии и Африки, имеющие абсолютный «возраст» от 6,3 до 0,5 млн.лет. Они прекрасно заполняют провал, как временной, так и морфологический. Провал начинается со времени 8 млн. лет назад.

«Ископаемые останки дриопитеков исчезают 8 или 9 млн. лет назад. Промежуточные типы между ними и современными антропоидами неизвестны. После 8 млн. лет нигде не найдено окаменевших костей человекообразных обезьян», – пишет Д. Джохансон (20, с.269).

Джохансон скромничает, ибо он лично нашел в Африке предка шимпанзе бонобо возрастом около 4 млн. лет, которого ошибочно объявил праматерью людей (об этой истории, истории легендарной гоминидки Люси, будет рассказано ниже).

Рамапитек (9 млн. лет), сивапитек (8 млн. лет), египтопитек (10 млн. лет), самбуропитек (9,5 млн. лет) и недавно найденное в Испании антропоидное существо, которое оказалось старше всех на сегодня (14 млн. лет), считаются предполагаемыми предками как людей, так и человекообразных обезьян. С этим я готов согласиться, считая этих «дриопитеков» и «лимнопитеков» прямыми потомками акродельфид, вышедших из моря на берег с тем, чтобы вести универсальный водно-земный образ жизни. Не случайно их находят вокруг бывшей Гималайской впадины и вокруг Средиземного моря.

Скатывание предков шимпанзе, горилл, орангутанов и гиббонов с универсальной гоминидной линии в тупик узкой специализации сопровождалось ускоренным катаморфозом, как и всякий спуск. Поэтому они отстали по уровню интеллекта даже от осьминогов и дельфинов, равно как низшие обезьяны отстали от лемуров, хотя считаются эволюционно более прогрессивным отрядом млекопитающих.

2. Половое поведение. Гиперсексуальность и бисексуальность.

Половой инстинкт, который со времен Фрейда принято называть основным, проявляется в двух аспектах: время и способ реализации пола.

Не секрет, что у подавляющего большинства животных, птиц и растений размножение имеет ярко выраженный сезонный характер. Данная природная директива настолько довлеет, что внесезонность спаривания выглядит, как исключение. Исключением являются, например, собаки, которые бывают способны спариваться внесезонно два раза в год.

Повторяю: внесезонно, но *всего* два раза в год.

Известно, насколько проблематично спаривание и получение потомства от животных в зоопарках. Эта проблема во многом связана с перемещением животных в пространстве. Им создают условия, максимально приближенные к тем, к которым они привыкли в природе, кормят привычными кормами, а они не хотят проявлять основной инстинкт — и хоть плачь... Живут и живут, «забыв» об «основном инстинкте». Не только о гиперсексуальности, но и о самом рутинном сексе даже не помышляют. Почему? Может быть, температурный баланс не соответствует их «природному градуснику» в тот период, когда у них должен начинаться сезон размножения, может быть, звезды на небе не те... Факт, что трудно размножаются животные в зоопарках, особенно крупные. Крупные млекопитающие — почти все являются «сезонниками». За исключением, пожалуй, дельфинов и людей.

Человек, чем хуже условия жизни, тем активней размножается, — пример малоразвитых стран. Чем лучше условия, тем меньше размножается, но еще больше предается сексу, — пример высокоразвитых стран. Куда его ни загони, он всегда найдет возможность проявить «основной инстинкт», хоть на необитаемом острове.

Редчайшим исключением является способность к оплодотворению в течение всего года. Она подразумевает такое качество, как гиперсексуальность. «Гипер» в данном случае следует понимать так: более, чем необходимо для сохранения и развития вида. Это когда секс становится не просто способом отправления некой животной потребности, приносящей *попутно* физиологическое наслаждение, как, например, мочеиспускание. Это когда секс приобретает самодовлеющее значение, переходя из разряда *средств* существования в разряд *целей*. Несмотря на то, что мочеиспускание сопряжено с удовольствием, нам и в голову не приходит мочиться во имя наслаждения. Сексом мы занимаемся в большинстве случаев во имя одного лишь наслаждения, а не во имя продления рода.

Гиперсексуальность человека представляет собой такой природный эксклюзив, который роднит нас с дельфинами и моллюсками. С другой стороны, это не чисто *природный* феномен, потому что в нем имеет место выход за рамки необходимости. Здесь имеет место элемент выхода за рамки того, что естественно и необходимо. Элемент личного произвола, свободы, чего-то извращенно-высшего. Об этом написаны горы литературы. Например, романы маркиза де Сада, где главное — не садизм, как проявление патологической жестокости, а идея абсолютной свободы, воплощенной в сексе.

А ведь все начиналось с моллюсков, это их гены бушуют в нас.

Моллюски занимаются сексом все время. От самого рождения и до смерти, пока могут шевелиться, они только это и делают, если не едят или

не испражняются, хотя и во время еды тоже. Большинство моллюсков – гермафродиты, поэтому даже отсутствие партнера не является препятствием для наслаждений. Часто можно видеть гроздья сцепившихся моллюсков. Они сцеплены через половые органы. Это их «групповуха».

Давно доказано, что мягкие ткани моллюсков содержат гормоны гиперсексуальности и являются сильным афродизиаком. Не случайно именно французы имеют славу эротоманов среди людей белой расы: они едят устриц. Возьмем две линии желтой расы: американских индейцев и жителей Восточной Азии. В рационе китайцев, японцев, вьетнамцев, корейцев, индонезийцев моллюски всегда занимали огромное место, а в рационе индейцев – нет. Две равноправные ветви одной расы продемонстрировали разные прогрессии роста численности. Индейцев никогда не было много, иначе белым плантаторам не пришлось бы завозить рабсилу из Африки. В страны ЮВА они негров не ввозили.

У дельфинов «накопление сексуального опыта начинается уже с детского возраста». «...Попытки к совокуплению со взрослыми у малышей проявляются в возрасте нескольких недель» (60, с.50). Достигнув половой зрелости к 6 или 7 годам, молодые дельфины все свое свободное время посвящают сексуальным играм.

Моллюсков, дельфинов и людей в разрезе основного инстинкта связывает не только гиперсексуальность, но и бисексуальность.

«...Прикрепленные двустворчатые моллюски, – пишет Л. Долгов, – характеризуются лабильной реализацией пола, т.е. в зависимости от конкретных условий одна и та же особь может функционировать, как самец, как самка или как гермафродит, а также менять свой пол в течение жизни Наиболее распространенной формой лабильной реализации пола считается протандрический гермафродитизм, при котором пол особи сначала реализуется, как мужской, а с возрастом меняется на женский» (85, с.1).

Когда моллюск уже не способен выполнять активную роль в сексе, он отказывается не от секса, а от мужского начала.

«У дельфинов, – пишут Крушинская и Лисицына, – широко распространены гомосексуальные отношения и мастурбация. Особенно широко распространены гомосексуальные отношения среди молодых неразмножающихся самцов. В течение большей части года гомосексуальные отношения были обычны для молодых афалин. М. Таволга отмечала, что при гомосексуальных взаимоотношениях самцы включали отдельные элементы системы ухаживания взрослых дельфинов, такие, как трение, прикосновение рострумом, потирание генитальной области, перекрестное плавание, при этом у них отмечалась эрекция. Пары молодых самцов могли продолжать эту деятельность до нескольких часов подряд с перерывами для приема пищи» (60, сс.50-51).

Среди высших млекопитающих гомосексуальные отношения вообще встречаются часто. Вопрос заключается в том, что они собой представляют, – вынужденное замещение нормального гетеросексуального контакта, или самостоятельную форму реализации пола? И вот что интересно: в качестве самостоятельной формы реализации пола гомосексуализм имеет место быть только у **дельфинов, людей и антропоидов** (И.С. Кон, 84, с.418).

У остальных млекопитающих гомосексуализм прекращается тотчас, как только появляется возможность вступить в половую связь с особью противоположного пола. Например, молодые бычки прыгают друг на друга только до тех пор, пока рядом нет доступных телок.

Опять какая-то загадочная, но явственная связь.

В том, что касается антропоидных обезьян, то их скатывание со стези гоминизации сказалось на способах реализации пола. Они в значительной степени утратили гиперсексуальность. О том, что в прошлом развитии, в филогении, гиперсексуальность имела место, говорит факт очень ранней эрекции у самцов, – в возрасте 48 часов от рождения. Кстати сказать, точно, как у дельфинов (60, с.50). Это совпадение в часах удивительно, как удивителен факт столь раннего пробуждения полового инстинкта на фоне равнодушия самок и самцов друг к другу во взрослом состоянии. Антропоиды спариваются лишь для деторождения. Самки, вынашивающие и кормящие детей, вообще не проявляют интереса к половым контактам, а самцы мастурбируют или занимаются гомосексуализмом.

Сходство способов реализации пола и внесезонности спаривания между столь разными таксонами, какими являются моллюски, дельфины, люди и антропоидные приматы, объясняется, разумеется, не «горизонтальным переносом» генов при помощи бактерий, а непосредственно-генетической связью. Гены гиперсексуальности были усвоены, благодаря потреблению моллюсков в течение миллионов лет, еще предками дельфинов, рукастыми лемурами и долгопятами, для которых моллюски служили основным продуктом питания. От дельфинид через их неотенических детей гиперсексуальность, сопряженная, во-первых, с ранним половым созреванием, во-вторых, с сексуальным интересом буквально ко всему, «что движется», перешла к гоминидам, а от них к людям и антропоидам. Люди получили дополнительную порцию генов гиперсексульности еще и в период антропогенеза, когда их основной пищей в Средиземноморье опять-таки были моллюски. Благодаря этому, мы, наверное, превосходим всех на Земле в желании кувыркаться друг с другом и обмениваться жидкостями организма.

3. Мутагенный фактор и роль мутаций

Сказав о связи четырех таксонов – моллюсков, дельфинов, людей и антропоидов, ниже мы будем рассматривать судьбы названных «братьев наших меньших» в разрезе антропогенеза.

О моллюсках нам надо поговорить еще в двух аспектах: в плане их роли в формировании человеческой руки и в свете очень спекулятивного вопроса о роли мутаций. Вначале о последнем.

В настоящее время на фоне трудностей симиальной концепции антропогенеза значительное количество сторонников приобрел сальтационизм. Проще всего объяснить антропогенез, *ничего не объясняя,* сводя все непонятности к влиянию радиации и мутациям (пример: Г. Матюшин, 14).

Считаю, что мутагенный фактор имеет положительное значение только в качестве первотолчка и закрепителя наследственных изменений. В качестве «скульптора» этих изменений должен работать естественный отбор,

иначе ни о какой кумулятивности их (а тем более об общей прогрессивной направленности, об арогенезе) говорить не приходится.

Мутагенный фактор способен положительно влиять на отбор в качестве закрепителя приобретенных свойств, в случае, если имеет место быть не жесткая радиация. Жесткая радиация порождает уродов, не похожих друг на друга и не может быть фактором видовых изменений.

На наших предков радиация влияла мягко, потому что они жили в воде, которая поглощает радиоактивные ионы, осаждает их и т.д. При этом они регулярно потребляли легкий мутаген с пищей. Речь идет о моллюсках, которые обладают свойством накапливать в мягких тканях радиоактивные ионы в пределах, совместимых с активной жизнью. Может быть, благодаря этому столь велико их разнообразие? Причудливость форм? Каких только не бывает раковин!

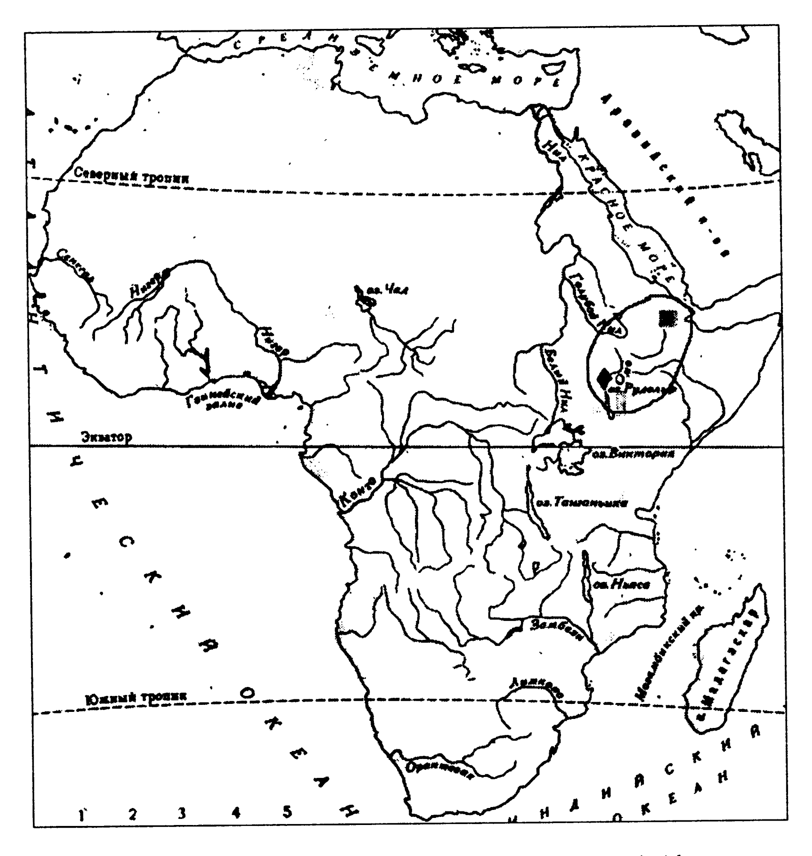
И.Е.Воротницкая, «изучая вопросы биогенной миграции урана в озере Иссык-Куль, показала, что из бентосных организмов озера наиболее всего поглощают уран моллюски» (40, с.4). «И.В. Старик, В.В. Чердынцев, сравнивая содержание урана в раковинах современных и ископаемых моллюсков, пришли к заключению, что содержание урана в раковинах ископаемых форм в среднем выше, чем в современных» (40, с.5). Исследовав более тысячи проб из коллекций Средиземного, Черного, Балтийского, Японского морей, Атлантического и Индийского океанов, К.Оглоблин выявил закономерность: чем ближе к экватору, тем больше урана в моллюсках. В Индийском океане его в 4 раза больше, чем в Балтийском море (40, с.7). При этом существует прямая зависимость количества урана и содержания органического вещества. Молодые моллюски более концентрируют уран, чем старые, поскольку они менее кальцинированы. «Уран ассоциируется главным образом с органической составляющей» моллюсков, — уверяет К.Ф. Оглоблин (40, сс.12-13).

Наши предки жили на южных морях и потребляли органическую составляющую моллюсков. Это был тот самый мягкодействующий, неопасный для здоровья, благотворный мутагенный фактор, который и стал дрожжами того теста, из которого слеплен человек.

Эволюция в сторону человека стала возможна, благодаря моллюскам. Дело в том, что ламаркизм с его тезисом о наследовании приобретенных признаков не получил подтверждения в наблюдениях и опытах натуралистов и потерпел крах. Приобретенные признаки не наследуются сами по себе. Ароморфоз немыслим без мутаций. Мутагенный фактор представляет собой дрожжи процесса эволюции. Однако скорые мутации под воздействием жесткой радиации приводят к появлению уродств, а не к ароморфозу. Именно поэтому трудно согласиться с археологом Г. Матюшиным, который объяснил происхождение человека в зоне Великого африканского разлома мутагенным воздействием излучения, которое являлось в древности, как ему кажется, очень сильным в этом районе. На мой взгляд, мутагенный фактор должен был воздействовать настолько длительно и мягко, чтобы не оказывать негативного влияния на здоровье наших предков, но способствовать закреплению приобретенных признаков в течение многих поколений. Подобным фактором могло стать постоянное поступление небольших доз мутагенов в организм с пищей.

«При всей сложности проблемы, – пишет академик Л.П. Татаринов, критикуя Г. Матюшина, В. Кордюма, О. Шиндевольфа и других «сальтационистов, – нам кажется возможным утверждать, что прямолинейный сальтационизм на уровне возникновения высших таксонов не выдерживает проверки фактами. Тем не менее мы встречаемся со все новыми попытками популяризации вульгарного сальтационизма. Конечно, сейчас трудно полностью согласиться с излюбленным Дарвином выражением «природа не делает скачков». Многие процессы и в эволюции и в жизнедеятельности организмов настолько сложны, что мы с трудом приближаемся к их пониманию Однако вульгарный сальтационизм, стремящийся объяснить все качественные различия в природе независимо от их глубины более или менее мгновенными скачками, явно бесперспективен» (33, с.35).

Выше он говорит о том, что даже те ученые, которые настойчиво проповедуют сальтационизм, не могут не признавать, что «прежде чем мутанты дадут начало новому таксону, они должны подвергнуться доработке под действием естественного отбора» (33, с.30).

Район концентрации ископаемых гоминид в Восточной Африке

У меня имеется другое объяснение, почему останки гоминид концентрируются в восточной части Центральной Африки. Великий Африканский разлом имеет к этому отношение, но только косвенное. Благодаря разлому появилась цепь крупных озер, откуда берет начало Нил. Гоминиды из Средиземноморья спускались по реке, а здесь, в центре Африки, превращались в обезьян-антропоидов. В этом им, кстати сказать, тоже «помогал» мутагенный фактор. Какой? Да тот самый, который способствовал ароморфозу тех поздних гоминид, которые эволюционировали в людей. Вспомним, как появилось цветное зрение: благодаря потреблению костного мозга. Но ведь белое мозговое вещество – это основной накопитель радиоактивных ионов в любом организме, имеющем скелетную основу. Получив большую дозу жесткого облучения, человек подвергается операции по пересадке костного мозга.

Естественный отбор указывал направление мутаций. Под мягким влиянием радиоактивных ионов, поступающих в организмы гоминид с пищей, мутации свершались и закреплялись мутагенами. Разумеется, были вредные мутации и линии, развивавшиеся под их воздействием, выбывали из эволюционного процесса. Отсюда такое великое разнообразие гоминид.

4. Почему дельфины выбрасываются на берег?

Вообще подобное суицидальное явление присуще всем китообразным. 11 августа 2004 г., в то время, как я писал эти строки, в телевизионных новостях передали информацию о выбросившемся на сушу горбаче. Люди, используя технику, спасали кита три дня, несколько раз возвращая в море. Горбач упрямо возвращался на берег, где и умер «под тяжестью собственного тела», как сообщил диктор. Причины самоубийства кита, как всегда, остались загадкой. Косаток в данном случае не было вблизи, да за три дня они уже ушли б с того берега. Горбача-самоубийцу никто не преследовал.

Версий самовыброса китов существует множество, повторять их нет смысла, их легко найти в популярных изданиях. Наиболее общепризнанной (после того, как была отвергнута версия, связанная с косатками) на настоящий момент является версия магнитных бурь. Якобы, китообразные, ориентирующиеся по магнитным линиям, во время магнитных бурь теряют ориентацию и устремляются на сушу.

За пределами этой версии остаются следующие факты. Первое. Основными способами ориентировки китообразных являются эхолокация и зрение, а не магнитное «чувство». Это птицы ориентируются по магнитному полю и, кстати сказать, никогда не падают на землю даже во время сильных магнитных бурь, потому что подстраховываются зрением. Среди морских обитателей ориентацией по магнитному полю отличаются скаты. Никто никогда не видел ската, выбросившегося на берег.

У дельфинов отсутствует нюх, но зрение очень острое. Не видеть землю они не могут. Ультразвук, который является главным «проводником» дельфинов в толще воды, не подвержен влиянию магнитных линий.

Если бы дельфины и другие китообразные выбрасывались, теряя ориентацию на большой скорости (на малой скорости катастрофа маловеро-

ятна), они разбивались бы о камни и скалы. Они же никогда не разбиваются, они именно *выбрасывают себя* на берег, подобно тому, как люди, желая утонуть, бросаются в воду.

Второе. Операции по спасению китообразных длятся порой по несколько дней, когда буря уже прошла, а животные все равно возвращаются к гибели. Часто во время выброса китов на берег приборы вообще не фиксируют магнитных бурь. Тем не менее, спасательные операции далеко не всегда бывают успешными, потому что животные упрямо возвращаются на сушу, ища смерть.

Третье. Если бы аппарат ориентации дельфинов был столь ненадежен, как его представляют авторы «магнитной» гипотезы, мы бы после каждой магнитной бури, которые происходят почти еженедельно, были б вынуждены собирать трупы дельфинов, разбросанные по берегам всех континентов (а также скатов и птиц).

Скорее всего, эхолокация и зрение дельфинов и других китовых достаточно надежно ориентируют их в пространстве.

Ненадежных способов ориентации в мире животных не существует вообще. Такое животное не могло выжить.

Чрезвычайно редкие, но неизменно впечатляющие случаи самовыброса китов на берег – это именно стремление к суициду. Это то, что делает им великую честь, уподобляя людям. Это ничто иное, как плата за высокий интеллект. Никакие другие животные, кроме **них** и **нас**, не способны к самоубийству.

Несмотря на дифилетическое происхождение зубатых и усатых китов, природа и тем и другим была вынуждена дать по два автономных мозга, хотя и разной мощности. Зубатые киты неизмеримо «мозговитее». Однако сам механизм отдыха и бодрствования в принципе одинаков. По-другому и не могло быть. Морские млекопитающие, не выходящие для отдыха на берег, не смогли бы выжить в воде, если б «отключались» полностью. Дыша легкими, они б захлебнулись в воде во время глубокого сна.

Но, с другой стороны, все положительные моменты имеют оборотные стороны. Чем значимее плюс, тем опаснее минус. В сказке А. Волкова «Семь подземных королей» семь королей правили по очереди. Каждый, отцарствовав свой срок, будил следующего, сдавал ему дежурство по стране и шел спать. Теперь представим себе, что один из королей взбунтовался и отказался спать в то время, как другой царствует. Два короля отдают противоречивые приказы. Что будет со страной? В государстве начнется смута и хаос. В данном случае государство – это психика несчастного животного, наделенного таким опасным преимуществом, как два автономных мозга.

Здесь впервые предлагается следующая версия одного из самых загадочных природных явлений. Причиной суицида китообразных является стрессовое или патологическое нарушение нормальной асимметрии полушарий, их дисфункция. Возможно, речь идет о внутреннем конфликте двух «Я». О нарастающем напряжении, которое умножается агрессивной реакцией Другого. Но при этом Другой – внутри.

Два автономных, но сообщающихся, способных инактивировать друг друга мозга в одной черепной коробке – это явление, чреватое психопа-

тологией. Но, с другой стороны – нет худа без добра – это и есть то самое первичное ультрапарадоксальное состояние сознания, та форма безумия, которое лежит в начале сознания вообще. Разумеется, речь идет только о дельфинах. Усатые киты в данном случае являются обычными жертвами эволюции. Их суициды – это издержки эволюции, когда плюс оборачивается минусом.

Усатые киты, как правило, выбрасываются поодиночке. Дельфины практикуют групповой суицид. Это может быть связано не только со стадным образом жизни (некоторые усатые киты тоже формируют стада), но и с более развитой психической организацией, которая подразумевает возможность групповой истерии. Подобное явление до сих пор отмечалось в подлунном мире только в сообществах людей. Широко известен случай группового самоубийства тысячи американцев в джунглях Гайаны в 1978г. В Гонконге в 1980г. имел место яркий случай групповой истерии одновременно в трех соседних школах. Дети, числом более четырехсот, начали неукротимо рвать и корчиться от каких-то болей в животе. Разнесся слух, будто школьников отравили. Когда детей доставили в больницы, выяснилось, что болезнь, вызвавшая спазмы в животах сотен человек одновременно, называется истерия (2, с.24).

У пресапиенсов, тоже переживших издержки эволюции в виде психопатологии, связанной с нарушением нормальной функциональной асимметрии, развитие психики пошло по схеме отрицания отрицания. Издержка эволюции мозга, т.е. первичная острая психопатология стала вначале хронической, а потом – зачатком сознания. Для того, чтобы острая психопатология могла перерасти в хроническую, длящуюся сотни поколений, нужны были особые условия существования, – не водные и не земные, а пограничные, как самые безопасные и богатые в плане возможностей причудливой самореализации.

Вывод: такая странность поведения дельфинов, как стремление (и способность!) к суициду, является подтверждением инверсионной теории антропогенеза, исходящей из того, что исток разума коренится в безумии.

5. Почему дельфины любят людей?

Это, пожалуй, самая интригующая загадка природы.

Дельфины и косатки – единственные крупные животные, которые ни разу за всю историю нашего сожительства на планете Земля не причинили *физического вреда ни одному человеку*. При этом – что самое удивительное – они являются мощными, ловкими, хитрыми, коварными и прожорливыми хищниками, а люди являются для них легкой добычей.

В настоящее время на них не охотятся, во многих странах действует запрет на убийство этих животных, но так было не всегда. В древности малые зубатые киты являлись объектом массового промысла, например, у фракийцев, за что тех осуждали цивилизованные греки, но даже и тогда дельфины не нападали на людей *даже в целях самозащиты*. Перед табу на причинение вреда людям пасует даже *инстинкт самосохранения* этих красивых и свирепых хищников. Откуда взялся этот запрет, этот могучий пси-

хологический барьер в мозгах дельфинов? Их ловили сетями и без всякой опаски вытаскивали на берег. Акула и крокодил в такой ситуации хватают всех подряд, до кого могут дотянуться. Вытаскивая морских хищников на берег сетями, люди применяют всевозможные предосторожности, используют удавки на шестах, чтобы не подходить близко. Дельфинов берут голыми руками. Дельфин даже не раскрывает пасть, хотя и на мелководье способен перекусить человека надвое. В схватках с *другими* хищниками, например, кальмарами, дельфины не отдают свою жизнь так легко. Они нападают и защищаются эффективно и бесстрашно, и борятся за жизнь до конца.

Известен лишь один-единственный случай нападения на человека косатки. Она проглотила серфингиста, которого приняла за какое-то *другое* животное. Поняв свою ошибку, косатка выплюнула человека, который выжил, побывав в пасти самого свирепого хищника моря, который ест всех подряд: от анчоуса до большой белой акулы и крокодила. Случаев нападения на человека дельфинов не известно.

Дельфин – не министр Ишков, он не мог знать и не мог прочитать в газетах, что наши мозги, дельфинов и людей, «удивительно похожи». Да и вряд ли, знай он это обстоятельство, оно могло связать дельфина до такой степени, чтобы даже не защищаться, когда люди тебя убивают. Мотив простого филогенетического родства тоже не может служить объяснением. Косатки являются самыми близкими родичами дельфинов, однако нападают на них и охотно поедают.

Дельфины способны жестоко преследовать друг друга, не менее жестоко, чем люди преследуют друг друга и почти столь же коварно, потому что очень умны. Желая извлечь скользкую и юркую мурену из убежища, дельфин специально убивает колючую скорпену, а потом, осторожно зажав ее во рту, «выкалывает» мурену из убежища. В бассейне дельфины с помощью кафельных плиток сгребали водоросли в кучи и поедали (60, сс.81, 143). Они воспроизводят человеческую речь, но в другом диапазоне. Они способны запомнить такое количество команд, какое не под силу самой умной собаке: до 700. У них, оказывается, даже есть зачаточная речь: из семи исходных сигналов они формируют 31 слово (60, сс.144-156). Поэтому мы погрешим против истины, если скажем, что дельфины позволяют людям убивать себя, потому что «недотепы». Они бывают изощренно жестоки: один дельфин может забить другого до смерти.

Только с людьми они ведут себя, как *нежные родители.* По-другому и не скажешь, настолько их поведение по отношению к нам необъяснимо нежно.

Существует еще одно предположение, почему дельфины любят людей. Оно идет от свидетельств визионеров, таких, как Е. Блаватская. Визионеры (кстати сказать, почти все, а не одна Блаватская) уверяют, что первая земная цивилизация была морской, у наших предков были подводные огороды и прирученные морские животные, которые паслись на подводных пастбищах. Отсюда пошла легенда о дельфинах, как собаках моря, живших давным-давно бок о бок с людьми. Но это не объясняет их великую нежность к нам.

Одомашнивание генетически неустойчиво и «забывается» уже во втором поколении. Домашние собаки защищают только хозяев, у них нет табу

на причинение вреда всем людям вообще. Доместикация представляет собой вид селекции, а не генетики. Посредством ее, используя искусственный отбор, можно изменить внешний облик, сформировать безусловные рефлексы, но генная основа при этом не меняется. Собака, видя, что хозяин намерен причинить ей болезненную смерть, будет защищать себя даже от него. Известно много случаев, когда собаки кусали хозяев. Убивают своих хозяев домашние быки. Домашние кошки часто нападают на людей. Часто нападают на людей верблюды, жеребцы, гуси, петухи. *Не существует ни одного домашнего животного, у которого было бы «в крови» табу на причинение вреда человеку.* «Любовь» домашних животных к человеку представляет собой не инстинкт, а рефлекс, который быстро утрачивается с возвращением к дикому образу жизни. Дикая собака так же опасна, как и волк, хотя происходит от домашнего животного.

Их табу в данном случае – это рефлекс, который в принципе преодолим и преодолевается более мощным – инстинктом – самосохранения. Судя по тому, что у дельфинов ввиду человека пасует даже инстинкт самосохранения, надо предполагать вмешательство генов. То есть: их доброе отношение к людям – это не рефлекс, а инстинкт, причем, более сильный, чем инстинкт самосохранения. Но мы знаем, что инстинкт самосохранения является самым стойким в мире животных. В природе известен лишь один инстинкт, способный «перебить» инстинкт самосохранения. Это **родительский инстинкт**, требующий оберегать потомство, защищать его и не причинять ему вреда ни при каких обстоятельствах. Он особенно силен у высших млекопитающих, которые часто, не задумываясь, жертвуют собой ради своих детей. Иных мотивов для самопожертвования у животных нет и не может быть в принципе.

Дельфины *не забыли,* они помнят о тех временах, когда (до появления такого гидростатистического приспособления, как обратный ход новорожденных) приплывали рожать в мелкие, теплые, защищенные заводи, где производили на свет маленьких голеньких монстриков с ручками и ножками, которые не могли тотчас плыть за родителями в море. Им предстояло кормиться под нежной опекой стада на мелководье, чтобы потом пережить метаморфоз и уйти в море навсегда. Дельфины *помнят,* а мы *забыли.* Почему?

Потому что у нас есть история. Мы познали от древа добра и зла, и если бы помнили все добро, то должны были бы помнить и все зло. Но это, слава Богу, невозможно. История работает, как ластик памяти. Она стирает все, что нам не надо помнить для жизни здесь и сейчас, а особенно – поскольку сама по себе социальна – все, что относится к предыстории, к животному существованию. Мы уже не помним, кто наши родственники в мире животных и чествуем «невольных узурпаторов» – обезьян.

У животных истории нет, поэтому они помнят все. Тысячелетия пролетают для них незаметно, незаполненно. Для них не существует ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Для них мы все *те же*, особенно когда раздеваемся, чтобы искупаться. Скорее всего, филогенетическую память дельфинов более всего тревожит вид детей, потому что они более похожи на тех, кого дельфины рожали в древности. У взрослых слишком длинные руки и ноги, их «вытянула» эволюция.

Дельфины любят подплывать к пляжам и курсировать на виду у купающихся. Они нападают на акул, когда те подбираются к местам омовения людей. Они любят сопровождать корабли. Они, наконец, спасают тонущих. Другие киты ничего подобного не делают. Это говорит о нашем близком родстве именно с дельфинами.

Плиний Старший в «Естественной истории» рассказывает о том, что дельфины загоняли рыбу для рыбаков. Охотно приплывают помогать рыбакам амазонские дельфины – инии. В Африке рыбаки вызывают дельфинов на помощь ударами палок по воде. Возможно, древние дельфиниды подобным образом проявляли заботу о своем «лагунном» потомстве: загоняли в их заводи рыбу, чтобы дети учились ее ловить.

Говорят о рекапитуляции органов. В данном случае можно говорить о рекапитуляции чувств.

Легенды и были о тесной дружбе людей с дельфинами всегда очень трогательны и почти невероятны. Во времена Римской империи в городе Гиппоне в Северной Африке (кстати, родине Августина Блаженного) произошло следующее. «Как-то раз один наиболее отчаянный мальчик заплыл очень далеко, и вдруг возле него появился дельфин. Сначала он плыл впереди мальчика, потом за ним, потом стал кружить около него. После этого дельфин опять поднял ребенка на спину и, к ужасу мальчика, поплыл вместе с ним в открытое море. Однако вскоре он повернул обратно и отнес мальчика на берег к его товарищам На следующий день масса людей собралась на берегу, не сводя глаз с бухты. Как и ожидали, дельфин появился и направился к мальчику, но тот удрал от него... Так было и на другой день, и на третий и продолжалось до тех пор, пока жители Гиппо не устыдились своего страха перед животным. Они приблизились к дельфину, стали играть с ним, научились звать его. Они даже трогали его, и он с удовольствием разрешал себя гладить. Постепенно люди становились все смелее и смелее. А мальчик, который первым встретился с дельфином, подплывал к нему, забирался ему на спину, и дельфин катал его по морю» (70, с.18).

Весть о красивой дружбе мальчика и дельфина разнеслась по свету и в Гиппон повадились туристы со всей империи. Необходимость принимать гостей истощила кошельки гиппонцев и тогда было принято решение тайно убить дельфина. Этот исторический факт красноречиво опровергает известную версию Мессинга, будто Древний Рим являлся страной капиталистической. Будь там капитализм, гиппонцы не тратились бы на прием гостей, а обогащались бы за их счет.

Что и имело место быть в 60-е годы 20 в. в г. Опонони в Австралии. Там самка дельфина приплывала на пляж и нежно играла с детьми, особенно выделяя одну девочку. Существует множество фотографий дельфина Опо. Город наводнили туристы, настолько многочисленные, что на дорогах, ведущих в Опонони, образовались пробки. Среди туристов нашлись маньяки, пытавшиеся стрелять в дельфина. В гостиницах и ресторанах не было где упасть яблоку. Опононцы образовали комитет защиты дельфинихи, которая приносила им бешеную прибыль. «Общение с кротким дельфином, – пишет Э. Олперс, – делало массу людей добрее и лучше... При всем огромном количестве людей, когда на пляж набивалось более полутора ты-

сяч народа, там не бывало ни пьянства, ни драки, ни ссор. Все находились в самом веселом праздничном настроении» (70, с.101). Однажды дельфиниху Опо нашли среди скал мертвой... Возможно, ее убили конкуренты, ибо пляжи соседних городов опустели.

Количество подобных случаев не ограничивается двумя рассказанными историями. Дельфины вступали и вступают в тесный контакт с людьми во все времена и на всех континентах. Ничего подобного не делает никакое другое дикое животное.

6. Человек и шимпанзе или синдром Лайэля

В конце 20 в. в научно-исследовательскую практику вошли генетические методы установления родства между видами животных. Появился метод «молекулярных часов». Благодаря ему, генетики начали выстраивать вторую, параллельную систематику, основанную на таких критериях, как скорость эволюционных преобразований и время дивергенции разных видов. Результаты их исследований о человеке и его предках вошли в противоречие с бытовавшими представлениями о морфологии и фенотипии человека и приматов. При этом генетики выдали один шокирующий результат: вывод о *генетической тождественности человека и шимпанзе.*

Когда началась эволюция человека, антропоидов не существовало в природе. Это доказанный факт и одна из необъяснимых загадок симиальной теории антропогенеза. Сторонники симиальной теории были б честны, если б искали возможных предков людей среди низших обезьян, а не среди антропоидов. Ибо это означает поиск среди тех, кого не было и в помине, когда начался процесс антропогенеза. С другой стороны, совершенно ясно, что переход от низших обезьян к людям невозможен в принципе. Существуют пределы перехода количественных изменений в качественные. Собака, имея индекс цефализации, сравнимый с таковым у низших обезьян (и даже повыше) является другом человека на протяжении почти всей его истории. Однако даже тесное общение с человеком не сделало собаку разумным существом, а ведь человек этого всегда хотел. Искусственный отбор на протяжении миллионов лет был направлен на то, чтобы сделать из собаки настоящего друга, способного не только на автоматическое выполнение команд, но и на восприятие смысла слов. Увы

Открывая разные виды гоминид, ученые вначале радовались каждой новой находке, а потом начали приходить в уныние от их многообразия. Безудержное ветвление «древа жизни» никак не позволяло вычертить более-менее убедительную линию происхождения одного-единственного вида Homo sapiens.

На 1-й Всесоюзной конференции по проблемам эволюции, которая состоялась в Москве в 1984 г. в тот период развития антропологии, когда господствовала эйфория по поводу «молекулярных часов», известный антрополог Е.Н. Хрисанфова из МГУ высказала скепсис в истинности «определений древности человеческой линии эволюции по результатам сопоставления биомолекулярных и морфологических признаков».

«Известно, — сказала она, — что данные молекулярной антропологии используются для обоснования «шимпанзоидной гипотезы» антропогене-

за, согласно которой общий предок гоминид и африканских понгид был по существу шимпанзеподобен. Однако отсутствие полного совпадения темпов молекулярной и фенотипической эволюции, особенности морфологии древнейшего афарского австралопитека не позволяют приписывать «шимпанзоидный» облик общему предку гоминид и понгид» (11, сс.144-145).

Приведу одно из самых категоричных заключений одного из самых авторитетных антропологов: «По материалам сравнительной морфологии нужно считать исключенной возможность преобразования верхней конечности шимпанзе в конечность, свойственную гоминидам» (В.В. Бунак, 13, с.303).

Это мнение очень радикально в том смысле, что отрицание «шимпанзоидной гипотезы» антропогенеза в настоящее время означает автоматическое отрицание истинности биомолекулярных методов, которые претендуют на статус «точного знания».

Если молекулярный метод демонстрирует генетическую тождественность шимпанзе и человека, – какой вывод единственно и можно сделать, оставаясь в рамках симиализма? Что общим предком человека и шимпанзе являлась шимпанзеподобная обезьяна. Однако морфология и данные фенотипической эволюции просто вопиют о том, что этого не могло быть.

Как повести себя в такой ситуации? Должны ли мы отринуть все, что было сделано антропологами до сих пор, – или имеем право изменить исходную посылку, т.е. отказаться от симиализма?

Многие антропологи еще не поняли, что вопрос стоит именно так. Они наивно полагают, будто именно отказ от симиализма означает крах эволюционной антропологии. Отнюдь!

Если мы признаем, что у человека и шимпанзе действительно был общий предок, но это был **не понгид**, а **гоминид**, – только тогда у эволюционной антропологии есть шанс сохраниться в качестве науки. Иначе молекулярный метод начнет функционировать вне рамок эволюционной антропологии, которая окажется на задворках познания, ибо генетика на самом деле является точным знанием, без учета которого все рисуемые многочисленные схемы «эволюции человека» становятся пустыми фантазиями досужих людей.

В популярном журнале «Вокруг света» недавно, в середине 2003 г. был опубликован материал, подготовленный при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований доктором наук, известным антропологом А. Зубовым. Упомянув о т.н. «синдроме Лайэля», французского ученого 19 в., который говорил, что не согласен с симиализмом из-за отвращения к обезьяне, автор пишет:

«Впрочем, такой подход держится только на эмоциях – подлинно научная современная аргументация в упомянутом синдроме близка нулю. Ведь для того, чтобы утвердить радикально новую теорию, нужно прежде всего опровергнуть доводы старой... 20-й век сделал такое опровержение невозможным» (18, с.106).

В качестве главного доказательства А. Зубов приводит факт потрясающего генетического подобия человека и шимпанзе. Приводит мнение Гудмэна, который считает, что человек и шимпанзе принадлежат к одному виду животных, различаясь на уровне подвида.

Ни в коем случае не собираюсь оспаривать этот довод. Более того: двумя руками голосую за то, чтобы официально вывести не только шимпанзе, но всех антропоидов из отряда обезьян и ввести их в состав биологического рода Homo. Гудмэн предложил для шимпанзе наименование Homo pan (человек обезьяний). Прекрасно! Прекрасно и справедливо, ведь от шимпанзе можно переливать человеку кровь. И если б вы видели великолепного шимпанзе в зоопарке Сантьяго — гордого, вертикальностоящего, расправив плечи, на двух ногах (правда, держась одной рукой за столб) — вы бы поверили, что это — человек. Эмоционально поверили бы, как верят чилийские дети, по-детски влюбленные в этого джентльмена и взбирающиеся на гору Сан Кристобаль специально для того, чтобы пообщаться с ним.

Недавно всплыла проблема. «С момента дивергенции человека и шимпанзе, произошедшей примерно 5 млн. лет назад (согласно молекулярным часам 5-6 млн. лет, — В.Т.), они разошлись лишь на 1,4%, да и те обусловлены, в основном, нейтральными мутациями (синонимичные замещения). Более того, повторы каждого гена внутри палиндрома идентичны друг другу более, чем на 99,9%! Небольшое расхождение, наблюдаемое между человеком и шимпанзе нельзя объяснить интенсивным отбором, поскольку даже нейтральные Alu последовательности внутри палиндромов показывают очень низкий темп эволюции» (16, с.14).

Далее авторы статьи К. Попадьин и Л. Амирова приводят математический расчет темпов эволюции, согласно которому за 5 млн. лет между человеком и шимпанзе должно было накопиться на порядок больше генетических расхождений.

Генетика опровергает теорию эволюции, основанную на морфологии, и, в то же время, обезоруживает саму себя. Выходит, что мы не можем верить даже молекулярным часам.

Мы должны решить эту проблему.

Она решается, если исходить из того, что никакой эволюции от шимпанзе к человеку не было в природе, что шимпанзе — это одичавший, утративший свою универсальность, специализировавшийся, приспособившийся к древесному образу жизни человек.

Одичание и одомашнивание не равнозначны биологической эволюции. В итоге их появляются новые виды, имеющие другие фенотипы, другой облик, но генная основа воспроизводится из поколения в поколение, все замещения имеют, в основном, синонимичный характер. Одичание и одомашнивание отличаются от биологической эволюции так же, как селекция отличается от генной инженерии: они приводят к изменению фенотипа, существенно не затрагивая генотип. Это два вида селекции с противоположными знаками, но одинаковые в основе.

В 1681 г. в Германии впервые был документально зафиксирован случай, когда человеческое дитя жило с дикими животными в лесу. На сегодня известны около сорока феноменов «маугли», когда человеческие дети воспитывались животными и потом возвращались в общество. Они все свидетельствуют о том, что одичание совершается уже в первом поколении. Ни один «Маугли», попав к людям ребенком (даже не взрослым!) так и не стал полноценным человеком, несмотря на затраченные воспитательные

усилия. Они не могут освоить членораздельную речь и уверенное прямохождение, зато любят вставать на четвереньки. Жизнь в лесу или саванне среди диких зверей давалась им легко, а возвращение в общество — трудно.

В современной России одна девочка прожила в конуре вместе с собакой 4 года, попав под опеку суки младенцем. После этого ею под наблюдением врачей и ученых 11 лет занимались педагоги и логопеды. Девочка едва выучилась говорить, почти нечленораздельно, не смогла отучиться лаять и прыгать на четвереньках. В 15 лет она мечтала только об одном: жить среди собак. При этом она была совершенно нормальной.

Угандийский мальчик Джон Себунья попал в обезьянью стаю в возрасте, когда уже умел ходить и говорить. Через 4 года его вернули к людям. Самое удивительное вот что: все его тело было покрыто густым серым подшерстком, который сошел спустя несколько лет жизни среди людей.

Вопрос: как могло в столь короткий срок появиться обволосение тела? Надо учитывать, что человеческие зародыши (как и эмбрионы дельфинов) покрыты мягкой шерсткой — лануго. Спящие волосяные луковицы у нас имеются по всему телу. Видимо, ускоренное обволосение Джона Себуйи было вызвано горячим желанием «быть, как все» среди обезьян. Лично я верю в это, потому что нечто подобное произошло некогда и со мной. По матери я принадлежу к белой расе, а по отцу к желтой. Как известно, у мужчин желтой расы волосы растут менее интенсивно, чем у белых. Когда я поступил в университет, чтобы получить профессию археолога, у меня появился друг Сашка Чигарьков. В нем наряду с русской текла, скорее всего, еще и какая-то горская кровь, поэтому он был красиво волосат. Особый предмет его гордости составляла т.н. «тещина дорожка» из коротких густых волос, лентой спускавшаяся от пупка вниз. В душевой Сашка дразнился: «А у тебя такой дорожки нет!» И я, семнадцатилетний пацан, страстно захотел иметь нечто подобное! К моему немалому удивлению, желание привело к тому, что спящие луковицы пустились в рост и через полгода, к началу второго курса, я имел «тещину дорожку» почти такую же густую, какая была у Сашки. Ни у одного из моих двух братьев нет ничего подобного, их животы голы.

Кстати сказать, феномен «маугли» является очень явственным подтверждением того, что в лесу и саванне прямохождение не практикуют не только неразумные существа, но и разумные. Последние, наоборот, отказываются от него в пользу более выгодного передвижения на четырех конечностей, несмотря на то, что они — конечности — не приспособлены к этому. Но если «маугли» оставить в лесу и дать возможность размножаться, то через 5-6 поколений все будет прекрасно «приспособлено» для жизни в лесу в качестве диких зверей..

К сожалению, мы не можем привести достоверные примеры одичания длительностью в миллионы лет, хотя бытует мнение, что виды современных диких собак произошли от одичавших домашних псов. Это произошло миллионы и сотни тысяч лет назад, потому что собака была спутницей человека в течение всего времени, когда он осваивал землю. Она была не нужна только в период, когда человек вел водно-земный образ жизни. Скорее всего, уже тогда люди стали прикармливать собак. Первые километ-

ры вглубь континента человек прошел в сопровождении собаки и с тех пор не расстается с ней. Я совершенно убежден в том, что без собаки человек никогда не смог бы освоиться на материке.

По составу ДНК дикие и домашние собаки идентичны, несмотря на огромную разницу в поведении, в морфологии, в фенотипе. Глядя на мопса и дикую собаку динго, с трудом верится, что это один вид животных. Но ведь они не более разнятся между собой, чем человек и шимпанзе.

Собака – это другой вид животных, чем волк. Однако различие в генах у них меньше, чем даже у человека и шимпанзе, а ведь разошлись они примерно в то время, когда разошлись человек и шимпанзе. Предок шимпанзе пережил одичание, предок современной собаки – одомашнивание. Два процесса с противоположными знаками, но близкие по конечным результатам: происходит разительное изменение внешних и некоторых внутренних признаков без ревизии генотипа. Сравните пекинеса и волка по морфологии, размерам, внешнему облику. Если б мы имели только ископаемые скелеты этих животных, сделали б вывод, что они даже не родственники. А они – одно и то же: скрещиваться могут.

7. Причины деградации гоминид

А.Зубов в своей статье не ограничивается генетическим «доказательством» симиализма, которое, как мы показали выше, более чем сомнительно. Вернее, поразительное генетическое тождество человека и шимпанзе скорее доказывает обратное, а именно антисимиализм. Человек не происходил от обезьяны, ибо подобный эволюционный скачок не мог обойтись одной лишь селекцией, в отличие от «эволюционного спуска», от одичания.

Утверждая последнее, нельзя говорить в общем плане. Понимаю, что должен привести в качестве доказательств медико-биологические причины деградации гоминид в обезьян, и я их приведу. Но прежде – объективности ради – предлагаю рассмотреть другие аргументы Зубова, ибо его статья представляет собой очень краткую, превосходно изложенную, популярную проповедь симиализма. Симиализма со всем богатством его «аргументации» на текущий момент.

А.Зубов упоминает знаменитый «хиатус» – временную пропасть между плиоценовыми «питеками», от которых можно тянуть линию гоминид, и гоминидами, найденными в Африке в 50-80 гг. 20 в. Последний питек исчез 8 млн. лет назад, а первый гоминид имел до 90-х годов прошлого века «возраст» 3,8 млн. лет. Около 5 млн. лет составлял временной провал – «хиатус». И вот вам подарок: на рубеже веков были сделаны выдающиеся открытия, среди которых А. Зубов выделяет два.

Речь идет об открытиях французских антропологов, которые, во-первых, в Кении нашли гоминида возрастом свыше 6 млн. лет. Автор находки М. Сеню назвала его «оррорин», что на местном диалекте означает «прачеловек». Это было в 2000 г., а в 2002 г. М. Брюне объявил о находке в Чаде гоминида, которого назвал «сахелантроп» (сахельский человек). Сахелантроп оказался даже древнее оррорина, ему около 7 млн. лет.

Таким образом, считает А. Зубов, проблема «хиатуса» оказалась преодолена. Ниша между плиоценовыми «питеками» (рама-, египто-, самбуро... и прочими) и первыми голоценовыми гоминидами начала заполняться. Что сказать по данному поводу?

Во-первых, прблема «хиатуса» — это не последняя и даже не главная проблема симиализма. Гораздо более существенными проблемами «обезьяньей концепции» я считаю невозможность объяснить на ее базе эксклюзивы человеческого организма, нашу специфическую анатомию, начиная с волос и кончая подъемом стопы.

Во-вторых, перед нами типичный случай такого «правдоговорения», когда говорят правду, но не всю правду. Хиатус зияет не только между последними плиоценовыми питеками и первыми людьми. Еще провальнее зияет хиатус между плиоценовыми питеками и современными антропоидами, такими, как шимпанзе. Кто сказал, что это проблема одной только приматологии? Это проблема также и антропологии. Особенно в свете генетического тождества человека и шимпанзе, на котором акцентирует внимание профессор-симиалист.

Второй хиатус, выходящий на современных человекообразных обезьян, — это такая бездонная яма, в которую рискуют скатиться и сахелантроп и оррорин и многие другие африканские гоминиды. Человек при этом, как на заре цивилизации, останется в гордом одиночестве, если не принять за истину изложенную здесь инверсионную теорию антропогенеза.

Лично я уверен в том, что оррорин и сахелантроп (если не вымерли полностью еще в глубокой древности) заполняют хиатус между плиоценовыми питеками и современными обезьянами. Почему?

Обратите внимание: сахелантроп и оррорин названы людьми, а не обезьянами. Они были прямоходящими! Это 7-6 млн. лет назад! Гораздо позже их мы имеем австрало*питеков*, т.е. «южных обезьян», которые считаются гоминидами, жившими 4-2 млн. лет назад. Прямохождение австралопитеков под вопросом (см. раздел «Палеоантропология» об афарском австралопитеке). Более древние гоминиды являются людьми в большей степени, чем позднейшие.

Налицо картина деградации, а не ароморфоза.

Дело идет о пралюдях, уходивших с побережья Средиземного моря волнами.

Большая их часть, спускаясь по Нилу, достигала района Великих африканских озер, где их сейчас массово находят (ныне известно около 500 находок ископаемых гоминид, из которых большая часть — в районе африканских озер, который на этом основании ошибочно считается прародиной человечества). В самой долине Нила останков гоминид не находят, потому что она, являясь районом древнейшего земледелия, перекопана вручную до песчинки и все древности уничтожены еще в древности.

Некоторые гоминиды, идя за птицами, могли добраться в благоприятный сырой год до оз. Чад. Ничего необычного в этом нет. Что от Нила, что от морского побережья всего несколько недель пешего пути через оазисы. Следуя за птицами, этот путь можно было преодолеть вполне.

Теперь — о причинах и механизме деградации.

Основными медико-биологическими причинами утраты первыми поколениями наземных гоминид человеческого (или близкого к тому) облика, скорее всего, были три.

Первая из них уже называлась, это земная сила тяжести, которая потребовала укрепления позвоночника, а это, в свою очередь, привело к частичному заполнению спинномозгового канала вначале соединительной тканью, потом хрящом, потом костью. Это сказалось на некоторых высших функциях, о которых подробнее мы поговорим в главе «Палеоантропология».

Вторая причина – хронический дефицит йода, приводивший к расширенному воспроизводству кретинизма. Роль этого микроэлемента заключается в том, что он необходим для производства гормона щитовидной железы. «Длительный и стойкий недостаток гормонов щитовидной железы вызывает самое распространенное заболевание железы – гипотериоз. Коварство этого недуга заключается в том, что длительное время болезнь имеет стертый накопительный характер, слабо выраженные симптомы, которые зачастую расцениваются, как результат переутомления или осложнения после других заболеваний... Другим проявлением гипотериоза может быть склонность к частым инфекциям, что обусловлено отсутствием стимулирующего влияния тиреоидных гормонов на иммунную систему. Еще одним спутником болезни являются постоянная слабость и усталость даже по утрам» (90, с.96).

Далее автор указанной статьи Е.Романова перечисляет «возрастные» заболевания, определяемые гипотериозом. Особенно опасен он в период эмбриогенеза, вызывая у новорожденных и детей «врожденные аномалии, кретинизм, карликовость». Несмотря на то, что в настоящее время (и уже давно) 80% всей потребляемой соли йодировано, на планете проживают 5 млн. кретинов по причине йододефицита. Диагноз «хронический гипотериоз» имеют 200 млн. человек, еще 1,5 млрд. имеют предзобное состояние.

Причина такого плачевного состояния – в прогрессе техники. В начале 20 в. человечество через рекламу (вот где истинный враг человека!) было приучено фабрикантами к употреблению белой соли, прошедшей такую очистку, что в ней ничего не осталось, кроме NaCl. До этого в ходу была богатая микроэлементами темная соль.

Особо следует обратить внимание на два последствия гипотериоза, которые имели решающее значение в период превращения гоминид в обезьян: недоразвитие костяка, которое могло выражаться как в целом, так и в частном варианте (общая карликовость или недоразвитие одних только ног, или только черепа); а также кретинизм. Не отсюда ли современные карликовые формы человекообразных обезьян: гиббон и бонобо?

Чем, как не атавизмом является йодная зависимость организма человека, которой не страдают животные, сформировавшиеся на земле, а не в море? Общим происхождением всех животных от рыб ее невозможно объяснить именно потому, что йодное голодание является достаточно специфичной особенностью человека. Причем, люди, живущие у моря и питающиеся, в основном, морепродуктами, не испытывают дефицита йода. Согласно данным ЮНЕСКО самое здоровое население на планете проживает не в тех странах, где употребляют много калорийной пищи, и не в тех,

где население круглый год может есть свежие фрукты и овощи в неограниченном количестве, а там, где основным источником продуктов питания является море. Самые здоровые люди планеты живут в Японии, где редкое застолье обходится без морепродуктов. Морская диета, которая не столь богата витаминами, как растительная, но зато содержит много йода и специфических микроэлементов, растворенных в морской воде, является самым важным фактором сохранения и укрепления здоровья.

В 1986 г. произошла Чернобыльская катастрофа. В атмосферу вылетело наряду с ионами цезия и стронция также много радиоактивного йода. Именно он представлял на первых порах главную опасность, потому что человеческий организм повел себя подобно путнику в безводной пустыне, страдающему от многолетней жажды: он, как сумасшедший, начал поглощать смертельно опасный изотоп только потому, что это был йод. «На загрязненных территориях радиойод поступал в щитовидную железу перманентно в течение двух и более месяцев и в результате мы имеем соответствующие последствия, – говорится в книге «Наследие Чернобыля», – Каковы же эти последствия? В настоящее время в 4-х наиболее загрязненных областях России зарегистрировано около 400 случаев рака у лиц, которые на момент аварии были детьми и подростками. На территории Беларуси зарегистрировано более 1000 случаев, в Украине – более 800 случаев. Рост числа случаев рака щитовидной железы среди детей является одним из многочисленных медицинских последствий аварии на ЧАЭС» (99, с.178). К счастью, период полураспада йода краток и основная опасность уже миновала.

Третья причина деградации – недостаток витамина Д. Этот витамин поступает в организм, благодаря потреблению жирной рыбы, либо вырабатывается кожей под воздействием ультрафиолетовых лучей.

Оказавшись вдалеке от спасительного моря, гоминиды нижнего палеолита забрались на деревья. Единственный ландшафт, где они ощущали себя в относительной безопасности, – это тропический многоярусный лес. Однако здесь нет ни солнца, ни рыбы.

Дефицит витамина Д приводит к рахиту. Обратите внимание: по внешнему облику все человекообразные обезьяны с их короткими кривыми ножками, длинными руками, отвисающими животами чрезвычайно похожи на рахитичных людей. Если человек, с младенчества пораженный рахитом, не лечится, его тело во взрослом состоянии будет точь-в-точь как у шимпанзе.

«Когда рахитик начинает ходить, обнаруживается Х-образное или О-образное искривление ног. Изменяется также форма грудной клетки: она выглядит как бы сдавленной с боков» (23, с.518; Похоже на обезьяну? – В.Т.). Кроме того, если верить «Популярной медицинской энциклопедии» под редакцией академика В.И. Покровского, рахит приводит к недоразвитию костей таза (отсюда «обезьяний зад», – В.Т.) и развитию плоскостопия (и стопы всех антропоидов лишены подъема). А если организм матери такого человека во время беременности испытывал существенный дефицит йода, у него и разума будет не более, чем у обезьяны. У нас нет оснований считать немыслимым процесс превращения гоминид в антропоидов.

8. Пример с кроманьонцами и неандертальцами

Костяки палеоантропов, живших около 100-40 тыс. лет назад и являвшихся современниками человека разумного, сохранились лучше, чем костные останки более древних «недочеловеков», – сахелантропа, оррорина, австралопитеков и питекантропов.

Еще недавно кроманьонцев считали «неоантропами» и прямыми потомками неандертальцев. Считалось, что, если кроманьонца одеть в костюм, он ничем не будет отличаться от современного человека разумного.

В пределах *среднего* палеолита симиальная концепция долго выглядела, как соответствующая истинному ходу вещей. У неандертальцев наличествовали черепные гребни, надглазничные валики, грубый костяк и некоторые другие черты, роднившие их с обезьяньими «предками». Считалось, будто у кроманьонцев эти недостатки оказались постепенно изжиты, – и вот вам полное торжество симиализма, его излюбленной логики «мало-помалу».

Смущало только одно: у неандертальцев был непомерно большой объем мозгового черепа, примерно в 1,5 раза больше, чем у современного человека. Это вносило ложку дегтя в бочку меда, во всяком случае, симиализм, как концепция, на этом что-то терял, не мог говорить о прямой логике развития. Ибо для него рост мозга «мало-помалу» – один из краеугольных камней. А тут нат-те вам: какой-то полуживотный неандерталец имеет мозг больше человечьего.

Очень возрадовался ученый мир, когда в пещере Схул в Палестине были найдены останки существа, похожего на неандертальца, но бывшего гораздо прогрессивнее его: довольно изящный костяк, уменьшенный валик, почти нет гребня... Вслед за этим в пещере Кафзех недалеко от Схул нашли стоянку «неоантропов» – кроманьонцев. Картина вырисовывалась великолепной: классические неандертальцы, имеющие обезьяньи черты – прогрессивные неандертальцы со стертыми обезьяньими признаками – кроманьонцы. С точки зрения морфологии, – конфетка, не картина, особенно если учесть, что за классическими неандертальцами тоже не пришлось ходить далеко: их нашли неподалеку в пещерах Амуд и Кебара.

Три морфологических типа на одной территории и при этом явная картина видоизменений. Если б не применялись методы абсолютного датирования, эта картина вошла б в учебники и вопрос о прогрессе в ходе антропогенеза мог бы считаться закрытым. Еще полвека назад это было возможно.

Если бы в 19 в. применялись абсолютные методы датировок, я не уверен, что симиализм дожил бы до наших дней.

Абсолютная хронология дала потрясающий результат. Все оказалось с точностью «до наоборот»!

Люди современного типа проживали в Палестине 110-92 тыс. лет назад. «Прогрессивные» неандертальцы на сорок тысяч лет позже (70-60 тыс. лет назад). Классические неандертальцы с надбровными валиками, головными гребнями и уродливо (это именно уродство, сейчас это признают все) большими головами – 40 тыс. лет назад. Вот вам и Юрьев день, бабушка «Симиальная концепция происхождения человека». Может быть, перекре-

стимся? Более подходящее наименование для симиализма будет: «Антропная концепция происхождения обезьян».

Тщательные лабораторные исследования костей показали, что неандертальцы страдали от дефицита йода и витамина Д. Несмотря на то, что по размерам мозга они превосходили настоящих людей, умственно они отставали. Это были большеголовые дебилы. Кретинизм проявляется также в статичности их приемов обработки камня. В течение всего среднего палеолита не наблюдается никакого прогресса.

Они исчезли бесследно. Насчет причин их исчезновения существует несколько точек зрения, наиболее известны две.

Первая вероятная причина полного исчезновения неандертальцев: они погибли от авитаминоза, причем, основной причиной был рахит. Получая немало, в целом, витаминов с мясом и растительной пищей, неандертальцы не имели в достаточном количестве витамина Д. Живя в эпоху оледенения, когда солнце и без того было в дефиците, палеоантропы прятались в пещерах и скрывали свои тела под шкурами, не подозревая, что следует принимать солнечные ванны, невзирая на мороз. Либо перебираться к морю, переходить на рыбный рацион. К морю их, скорее всего, не допускали более успешные люди, – наши истинные предки.

Если, в самом деле, неандертальцы произошли от кроманьонцев, то причинами деградации (об эволюции, даже обратной, в связи с вымиранием вида говорить не приходится) стали те же факторы, что и в случае с архантропами: расширенное, из поколения в поколение, воспроизводство кретинизма из-за хронического дефицита йода; и физического уродства из-за дефицита витамина Д.

Африканским и азиатским архантропам повезло больше: в их случае процесс деградации в определенный момент прекратился и их морфогенез встал на эволюционные рельсы. В благоприятных условиях тропического леса они превратились в замечательных обезьян-антропоидов. У палеоантропов в условиях ледниковья подобной возможности не было. Только разум мог их спасти, а они утрачивали его от поколения к поколению.

Вторая версия согласуется с первой: окончательно неандертальцы не вымерли, а пошли по пути, общему для всех недолюдей, начали превращаться в северных лесных антропоидов. Они долго бытовали в лесах в виде «ийети», «саскачей», «ийеху», «алмасов», «алмасты», «леших», – этаких промежуточных существ, полулюдей-полуобезьян (100). Процесс превращения палеоантропов в обезьян оказался, видимо, не завершен из-за наступления на их ареал человека.

До сих пор эволюционистами не предложено реальных объяснений, почему у кроманьонцев и, особенно, у неандертальцев, черепа больше по размерам, чем у Homo sapiens sapiens. Но вы посмотрите на те черепа непредвзято и все станет ясно. На рисунке – реконструкция головы мальчика-кроманьонца, сделанная по типичному черепу (стоянка Староселье в Крыму). А вот описание изменений костной системы при хроническом недостатке витамина Д: «Затылок приобретает плоскую форму. Голова увеличивается, появляются лобные и теменные бугры (антропологи эти патологические проявления принимают за прогрессивные, – В. Т.), лоб становится выпуклым» (23, с.518).

Мальчик-палеоантроп

Когда палеонтропов только начали извлекать из недр забвения во второй половине 19 в., крупнейший германский патологоанатом профессор Р.Вирхов сразу сказал, что это патологические костяки людей, а не каких-то наших полуобезьяньих предков. Эволюционисты заклеймили его кличкой «ретроград» и осмеивали более века. Сейчас выясняется, что Вирхов был прав, что не надо бояться говорить, что ты видишь, как специалист, даже если мнение «прогрессивной общественности» настроено против тебя.

Насчет кроманьонцев могут быть сомнения; возможно, они имеют отношение к современному человечеству. Смущает факт, что они имели слишком большие черепа, да и внешний вид этих голов говорит о несомненном наличии патологических процессов по типу авитаминоза Д.

Мне могут задать вопрос, почему у современных человекообразных обезьян, которых я считаю потомками предлюдей, прошедших первую инверсию, головы маленькие? Ведь они, точно так же, как кроманьонцы и неандертальцы, которые уходили с побережья позже, испытывали дефицит витамина Д. Причины этого дефицита были разные, для предков шимпанзе такой причиной стало укрытие в густом тропическом лесу, куда не проникает солнце, а у людей эпохи ледниковья – холод. Но что касается последствий авитаминоза Д, то они были общие: рахит, который вызывает патологический рост черепа.

Отвечаю: предки шимпанзе, горилл, орангутанов, гиббонов в определенный момент сошли с рельсов деградации и встали на путь полноценного эволюционного развития. В тропиках сахелантропы, оррорины, австралопитекки начали формироваться в новые виды под резцом такого умелого скульптора, как эволюция, которой оставалось всего лишь «обтесать» все лишнее. У палеоантропов ледниковой эпохи подобной возможности не было, хотя вполне допустима и мысль, что в случае с ними эволюция просто не успела довершить свою работу и дать планете выносливых северных лесных и горных человекообразных обезьян. Впрочем, Б.Поршнев считал, что эти виды существуют и искал их всю жизнь. Об их существовании и правда собрана тьма свидетельств, но эта тема выходит за пределы данной работы.

9. Тайное общество «триада»

В одном из самых «безвкусных» голливудских фильмов (с их недостоверным суперменством и бутафорскими драками на пустых заводах) с участием Джеки Чана рассказывается о закрытом мафиозном обществе под названием «Триада».

Академическое сообщество антропологов-симиалистов давно уже превратилось в некое подобие закрытого общества, не замечающего, что общественное мнение давно уже отчуждено от них. «Есть предметы, о которых

можно иметь неверное или недостаточное понятие — без прямого ущерба для жизни, — писал В.Соловьев, — Но есть предметы порядка духовного, которых жизненное значение для нас прямо определяется...» (91, с.178).

Можно жить на Земле человеком, не зная внутреннее устройство клопа или звезды и их происхождение. Но происхождение и «устройство» человека, — это «предмет», который не может не волновать всех и значение которого для всех нас определяется прямо.

Спросите своих знакомых: они верят, что человек произошел от обезьяны? Уверен, что большинство ответят: нет. Таков итог полуторавековой работы антропологов-симиалистов, их трудов по внедрению в общественное сознание «научного эволюционного учения». Только варясь в закрытом котле, можно не замечать этого отчуждения, основанного, между прочим, на здравом смысле. Ибо ученые-антропологи до сих пор не знают даже *критериев человечности* и при этом хотят, чтобы мы им верили.

В течение нескольких десятилетий в середине и во второй половине 20 в. наиболее популярным словом среди ученых-симиалистов было понятие «триада». Дело идет о триаде критериев очеловечения, триединой системе признаков.

Вначале, в 1948 г. Кизс предложил в качестве критерия т.н. «мозговой рубикон», согласно которому человеком можно было считать существо с объемом мозга не менее 750 куб. см. Потом пошли дополнения. В качестве второго критерия сапиентности выделили прямохождение, третьего — т.н. «рабочую руку».

Далее пошло наукообразное развитие критериальной базы, при этом главное усматривалось в три*единстве* триады. На первый план вышел принцип *взаимодополнительности.* Бросаясь наукообразными терминами, профессура делала себе громкие имена на «триадической» теории, не имея никакого отношения к практике. В монографиях убедительно доказывалась неразрывность триады, диалектическая связь трех великих критериев. Мол, в процессе труда и благодаря ему, у обезьяны *одновременно* формировалась трудовая рука, рос мозг и развивалось прямохождение. Досконально описывалось, как это происходило в ходе эволюции. Мало-помалу, потихоньку-полегоньку, шаг за шагом.. Эта спекуляция (в философском значении слова: созерцательно-умозрительный метод) называлась «методологически-правильным подходом».

Отсутствие абсолютных методов датирования останков гоминид позволяло как угодно тасовать их, будто колоду карт. Их выстраивали в хронологические ряды по морфологическим признакам на основе критериев триады, вернее, *одного триединого критерия*, — великой, как триединая задача построения коммунизма, — *триады.*

Таким образом, кроманьонцы оказались «наследниками по прямой» неандертальцев, а современные люди (неоантропы) — кроманьонцев. И вдруг выяснилось, что кроманьонцы жили раньше уродов-неандертальцев, а те вообще не имеют отношения к антропогенезу, *имея огромные мозги.* Это обстоятельство, а также многочисленные находки гоминид в Африке в 80-е годы вызвали необходимость отказа от критерия «мозгового рубикона». Выяснилось, что большие мозги могли иметь те, кто никак не вписывал-

ся в род Homo, а те, кто вписывался по другим критериям, те имели мозги меньшие, чем у тех, кто не вписывался.

Отказ от критерия «мозгового рубикона» стал ударом по всей «триаде». Удар по «триаде» стал ударом по трудовой теории. Удар по трудовой теории ударил по симиализму. Ибо симиализм, как таковой, теорией не является, это гипотеза, гласящая, будто человек произошел от обезьяны. Как это было в ретроспективе, — это разъясняла трудовая теория, основанная на симиализме.

Если «рабочая рука» формировалась независимо от мозга и не имела никакого отношения к его прогрессу или регрессу, следовательно, труд не имел того значения, какое ему приписывают. А двуногая локомоция? Считалось, будто наши предки перешли к прямохождению, чтобы высвободить руки для труда. Если формирование рабочей руки никак не связано с переходом к прямохождению, — то с чего *начинать* бедным симиалистам?

Ни к какому результату никогда не придешь, не имея, с чего начать.

Таким образом, триада утратила свое триединство, а с ним и добрую половину смысла. Но «тайное общество» продолжало и *продолжает существовать.*

Фактурно триада и ее сторонники лишились не только «мозгов», но и прямохождения. Этот критерий был «дискриминирован» (данное выражение употребляют симиалисты между собой, чтобы завуалировать потерю, на своих «научных» совещаниях). Надо говорить проще: он абсолютно перестал работать, потому что археологи находят прямоходящих гоминид, которым 7, 6, 5, 4 млн. лет. В то же время, находят брахиаторов (т.е. передвигавшихся с опорой на предние лапы), которым 4, 3, 2 млн. лет. Самых древних *непрямоходящих гоминид нет.*

У симиалистов для различения обезьяны и человека среди останков ископаемых человекообразных существ остался лишь один *оторванный* критерий: рабочая рука.

Знаете, почему он остался у них? Потому что *кистей рук, как правило, не находят.* Их мелкие косточки пропадают за миллионы лет.

В редких случаях, когда их находят, они «свидетельствуют» против симиализма. Конкретный пример я приведу в разделе «Палеоантропология».

Ученые-симиалисты прекрасно понимают, что отказ от критерия триады означает не кризис их «науки», а крах. Поэтому они пытаются сохранить его, идя на переформулировки и компромиссы. О «триединстве» и принципе дополнительности критериев, составляющих триаду, уже речи нет. Вместо триединой триады предлагаются разрозненные «три морфокомплекса»: прямохождение, «трудовая рука», «краниофациальная система».

«Комплекс прямохождения» начинает быть, якобы, с австралопитеков. Появление «точного зажима», связанного с «полным противопоставлением первого пальца» — у неоантропов (т.е. только у людей современного типа, — В.Т.). «Наиболее медленно», как утверждают, складывался «современный тип соотношения мозгового, лицевого и нижнечелюстного отделов черепа (краниофациальный комплекс)» (В.М. Харитонов со ссылкой на Е.Н. Хрисанфову, 22, с.53).

Вначале поговорим о последнем, о самом главном, — о мозге.

Интересно, как понимать фразу о том, что «краниофациальный комплекс» (в который симиалисты стыдливо упрятали мозг, чтобы не акцентировать на нем внимание после краха чисто «мозгового» критерия) формировался «медленней», чем «трудовая рука», которая — в свою очередь — появилась только у неоантропов? Если «трудовая рука» появилась только у современных людей, то когда и у кого, наконец, появятся мозги существ, способных думать? По логике ученых они должны появиться позже, чем «трудовая рука».

Нам остается только терпеливо ждать, когда сапиенсы появятся хотя бы на кафедрах и в научных институтах.

В настоящее время никто достоверно не знает, когда появился человек современного типа. Известно, что еще 40 тыс. лет назад по земле бродили неандертальцы. Они изготавливали довольно интересные орудия труда, используя нуклеотическую технику. Интересно, — чем, если «трудовая рука» появилась только у неоантропов? Что-то не вяжется и не клеится у нашей профессуры. Налицо смешные попытки спасти симиализм нелепыми маневрами.

Что такое «краниофациальный комплекс»? По-русски говоря, это соотношение мозгового и лицевого отделов черепа («кранио» и «фас»). В выделении данного критерия имеется смысл, если отвлечься от истории его появления: после того, как потерпел крах чисто «мозговой» критерий. Это отход, отступление симиалистов с ранее занимаемой позиции, их полупризнание, как бы, что с мозгом они «поторопились» и лучше на вопросе о мозге внимания не заострять.

В выделении данного критерия имеется здравый смысл. Обыкновенный, бытовой, житейский здравый смысл, не имеющий, по сути дела, никакого отношения к предыдущей науке с ее тупым и тяжелым наукообразием. Чем внешне различаются между собой лица людей и обезьяньи морды? Не надо быть доктором наук, чтобы сделать вывод: обезьяньи морды вытянуты вперед клыкастыми челюстями. Лица людей в сравнении с ними, — плоские. Вот вам и весь «краниофациальный комплекс» в общем виде. Остается взять в руки штангенциркуль и манипулировать с черепами.

Современная эволюционная антропология — вообще очень примитивная наука, потому что уже достигла стадии старческого маразма, перемудрила и изжила саму себя. Такое случается и с людьми и с науками. Бывают науки — старые вырожденки, не говорящие и слова «в простоте». Они защищаются от любой критики своим крайним наукообразием, из которого давно испарился здравый смысл. Некогда таким тупым наукообразием отличалась немецкая философия до Канта и Гегеля. Несколько простых вопросов, заданных молодыми людьми, продемонстрировали всему миру наготу ее «королей».

Для современной эволюционной антропологии настало время простых вопросов. Не надо стыдиться задавать простые вопросы. Из них родилась теория относительности и нарисовалась Джоконда, в которой нет никакой запредельной тайны. Это самая обычная земная женщина, которая есть бездна по определению. Мария — не бездна, и Магдалина — не бездна;

обычная женщина – бездна. В ней содержится все, что создал Бог и подрихтовал дьявол. Не зря говорится: кто поймет одну женщину, то поймет весь мир. Попробуем Хрисанфову понять.

Призовем на помощь другую женщину, – М. Лики. На рубеже веков она нашла в Кении на берегу р. Ломекви «череп существа, относящегося к гоминидам и жившего 3,5 млн. лет назад, то есть во время распространения в Африке нескольких видов австралопитеков». «Но это был не австралопитек – он имел очень своеобразное строение черепа, лицевой отдел которого был необычно уплощенным. Отсюда возникло название Кениантроп плосколицый» (18, с.114).

Плосколицый антроп, т.е. человек с нормальными человеческими мелкими зубами (и об этом тоже сообщила М. Лики) жил 3,5 млн. лет назад, а Христанфова уверяет, будто человеческий «краниофациальный комплекс» появился... Мне лично непонятно, когда? Если он формировался «медленнее», чем «трудовая рука», которая появилась, якобы, только у неоантропа? Нет, я ее не понимаю, Хрисанфову.

Еще менее понимаю в связи с рукой. Например, что подразумевать под «точным зажимом», который, якобы, связан с «полным противопоставлением первого пальца». Полное противопоставление первого пальца остальным должно составлять угол 180 градусов. Вот я смотрю на свою ладонь. Лично у меня *не более* 90 градусов. Интересно, а как у Хрисанфовой с Харитоновым? Полное противопоставление? В таком случае они скорее птицы, чем люди.

Словами, господа ученые, надо бросаться осторожно. Иногда складывается впечатление, что некоторые антропологи просто не понимают, о чем пишут.

Отстояние (а не противопоставление!) **большого пальца руки не является эволюционным эксклюзивом человека**. Симиалисты же упорно пытаются представить его таковым, игнорируя настоящие эксклюзивы, например, волосы. Манипулируют выражениями, вроде «точный захват», без которого, якобы ароморфоз был невозможен.

Можно подумать, будто до появления неоантропа в природе не существовалао «точного захвата». А когда кот цапает мышь – у него точный захват или нет? Когда попугай ест морковку, взяв в свою лапу *с полным противопоставление первого пальца остальным* (все 180 градусов без обмана!) у него точный захват, или нет? По данному вопросу можно устроить симпозиум на базе московской школы антропологии, к которой принадлежат Харитонов и Хрисанфова, но, к какому бы выводу не пришли антропологи, попугай свою морковку все равно съест. Он ее из рук не выпустит, в отличие от ученых-симиалистов, давно уже потерявших свою «морковку» и ищущих ее в каком-то тумане, который сами же и напускают наукообразной фразеологией.

В природе т.н. «рабочая рука», наивно числимая многими антропологами специфически человеческим признаком, – отнюдь не редкость. Она не «заработанный» в процессе окультуривания, а очень архаичный орган.

Если отрешиться от вида когтей и ногтей, то человеческая рука чрезвычайно напоминает конечность, скажем, енота-полоскуна или ящерицы.

Природа как бы подсказывает ответ: я сама все сделала без труда. Именно такой конечностью удобно цепляться за тростник, опираться на зыбкую болотную почву; вскрывать мелких моллюсков и выколупывать их мясо; лучше ничего придумать нельзя. Вопрос: зачем в таком случае напрягать мозги? Правило «бритвы Оккама» рекомендует в подобных случаях «экономить мышление», а это означает одно: признать факт, что т.н. «рабочая рука» была у наших предков изначально.

Лемуры и долгопяты – живые свидетели того, что пятипалая конечность, включая т.н. «рабочую руку», не является приобретением «неоантропа», история которого, по данным на настоящий момент, насчитывает *всего лишь* десятки тысяч лет, но никак не миллионы. Ей, руке, как минимум, на три порядка больше лет, ей десятки *миллионов*, а не *тысяч* лет. Она является **самой архаичной конечностью млекопитающих.**

Это элементарно, как Ватсон. Млекопитающие зародились от пресмыкающихся. У последних всегда преобладали и преобладают конечности в виде многопалой кисти. Превращение многопалых конечностей в копыта и лапы с «подушечками» палеобиологи подтверждают; обратного процесса не знает никто.

Эволюционную древность т.н. «рабочей руки» с отстоящим большим пальцем подтверждают конечности птиц, являющихся прямыми потомками динозавров. У них большой палец абсолютно противостоит остальным и поэтому птичья лапа является превосходным хватательным инструментом. Ни у кого на Земле нет более «точного захвата», чем у ястреба, который камнем падает с огромной высоты, чтобы схватить цыпленка и тут же взмыть вверх. Птицам данное эволюционное приспособление досталось от древних ящеров. Первые млекопитающие получили его оттуда же. Все прочие виды конечностей млекопитающих представляют собой поздние усовершенствования трехпалой или пятипалой конечности, украшенной когтями либо ногтями (в зависимости от образа жизни и способа питания). Человек, в предках которого числятся и первые млекопитающие, и пресмыкающиеся, получил свою «рабочую руку» из того же источника, что и попугай, который берет в лапу морковку, не задумываясь: а как это у меня без труда получилась «рабочая лапа»?

Если б у человека была какая-либо другая конечность, над ее происхождением стоило б задуматься. Но зачем тратятся время и деньги на написание «ученых трудов», где пытаются «объяснить» появление «благодаря труду» эволюционного приспособления, которое природа сама создала сотни миллионов лет назад?

Встречая в ученых «трудах» очередной перепев старой сказки Энгельса, будто пятипалая конечность с отстоящим большим пальцем впервые появилась у предков людей *недавно* благодаря упорному труду, невольно вспоминаешь мольеровского героя, «открывшего», что говорит прозой. Да этой конечностью прекрасно орудовали уже сто миллионов лет назад – и тоже предки людей, только очень далекие!

У пресмыкающихся, первых млекопитающих и у птиц большой палец отстоит от основной кисти от 30 до 180 градусов. У человека он отстоит на 90 градусов. Это **средняя величина**, в которой нет абсолютно ничего необычного и уже поэтому никаких объяснений не требуется, если отрешиться от необходимости защищать диссертации и получать «кандидатские» и «докторские» метры жилплощади.

Джонс Вуд еще в 1929 г. высказал предположение о примитивизме ладони. Он предположил, что она была свойственна самым первым, а не самым прогрессивным млекопитающим. Первые появились в царстве грозных динозавров и были преследуемы. Д. Вуд считал, что они жили в болотах, на границе воды и суши, скрываясь в тростниках. (Вероятно, новые виды животных, как правило, появляются именно на границах сред, постольку поскольку первые виды еще недостаточно адаптированы к какой-либо определенной среде и не способны в ней выжить, – В. Т.). Большой палец отстоит на девяносто градусов, чтобы хвататься за тростник, – считал Вуд. Благодаря болотному образу жизни появилась супинаторная подвижность (прогибчивость) ладони, позволяющая удерживаться на зыбкой почве. (Я считаю, что супинаторная подвижность ладони и стопы стала необходима человеку также для успешной охоты на моллюсков, – В. Т.). Вуд сравнивал человеческую ладонь с конечностью черепахи, являющейся, как известно, одним из самых древних животных. Он считал доказательством тот факт, что запястья при их довольно сложном устройстве у черепахи и человека совпадают по количеству и форме костей (86). О. Абель в 1914 г. сравнил кисть человека с кистью ископаемого существа фенаколуса, считая, что они напоминают друг друга (87).

К сожалению, эти идеи оказались не на столбовой дороге познания происхождения человека. Большинство ученых бьются над вопросом, каким образом из обезьяньей лапы антропоида получилась «рабочая рука» человека. И не могут этого объяснить. На самом деле все наоборот: из человечьей руки получилась обезьянья лапа в процессе деградации гоминид и приспособления их к древесному образу жизни. Из стула легко сделать табурет, а вот из табурета сделать стул проблематично.

«Рабочая рука» сформировалась не в процессе труда, а является *самым архаическим* признаком нашего анатомического строения, пригодившимся в процессе антропогенеза.

Неизвестно, что чему предшествовало в эволюционном плане у млекопитающих: когти ногтям, или ногти когтям, но объяснить формирование ногтей затруднительно, если отвлечься от питания моллюсками. Конечность с ногтями гораздо удобнее, чтобы вскрывать панцири небольших двустворчатых и брюхоногих вроде беззубок, мидий, устриц, улиток и выскребать внутренности. Коготь в таком случае – гораздо менее эффективное орудие. Во всех остальных ситуациях, в том числе опасных для жизни, когти гораздо предпочтительней.

Другого объяснения человеческим ногтям (почему не когти?) не существует. «Трудовая» теория не способна дать вразумительный ответ на данный вопрос. Длинные ногти так же препятствуют труду, как и длинные когти. Укороченные – и те, и другие – одинаково бесполезны для трудовых манипуляций. Я затрудняюсь назвать хоть одну трудовую операцию, где исполь-

зуются ногти. Разве что для уничтожения вшей? Но известно, что первобытные народы используют для этого, как и животные, зубы. Моя покойная бабушка, переселенная в Казахстан по столыпинской реформе из Харьковской губернии, рассказывала, как аульные «киргизы» «клацали зубами», выгрызая вшей. «Почему не давили ногтями?» — спрашивал я, не представляя, как можно выгрызать вшей. «А это все равно, что семечки, — не без юмора, но по сути верно объясняла бабушка Устинья, — можно и ногтями, а зубами сподручней. Зубов-то побольше будет. Главное — приспособиться». Вообще удивительно, как много белых пятен в теории антропогенеза в самых неожиданных местах. Происхождение ногтей — одно из них.

В нашей науке идею эволюционной древности человеческой руки давно отстаивает Е.И. Данилова.

Общество «Триада» пора закрывать, как идейно обанкроченное. Три критерия триады «не работают» во взаимосвязи. Это стало ясно уже давно. Они не применимы также и по отдельности. Попытки заменить их какими-то «комплексами» *на их же основе* — это предмет для психоаналитиков, которым, наверное, есть смысл подвергнуть фрейдистскому анализу «комплекс» упертости ученых-симиалистов в торчащий большой палец. Что за либидо проявляется в этом навязчивом образе? Возможно, тогда мы коекого и поймем. Но это, как вы сами понимаете, не имеет отношения к проблематике антропогенеза.

Ни один критерий сапиентации, из предлагавшихся учеными-симиалистами, не выдержал испытания временем. Вместе с ними потерпел полный крах и сам симиализм с его «трудовой теорией» вкупе.

10. Зачем древняя обезьяна «слезла» с дерева?

Феномен «маугли», число которых — людей, выросших среди животных — уже перевалило за сорок, показал, что одичание совершается в первом же поколении. При этом ничто не дается детям человеческим так легко, как отказ от прямохождения.

С другой стороны, мы знаем, как тяжело дается двуногая локомоция животным. Собака, готовая погибнуть для доброго хозяина, не может для него пройти на двух лапах и ста метров. Если б могла, уже б давно прошла, потому что это сделало бы ее хозяина миллионером (и сколько стараний было приложено к этому со стороны собаководов-циркачей!). Со стороны животных бипедия — всегда кратковременное циркачество, потому что все их кости, связки и суставы не приспособлены для этого и болят от подобных трюков.

Заглянем в цирк антропологов-симиалистов: как они объясняют происхождение бипедии «наших четвероногих предков», — обезьян.

Альфа всех реконструкций ученых-симиалистов следующая: «Примерно около ...миллионов лет назад какие-то группы человекообразных обезьян спустились с деревьев на землю, переселились из леса в саванну...». Этот нудный запев не меняется уже сто лет, меняется только дата предполагаемого «переселения». Далее начинается изобретение причин столь радикальной смены ландшафта.

Причина первая. Якобы, имела место **аридизация** (осушение) климата, причем, — был бы человек, а статья найдется, — пресловутая аридизация находится всегда.

Было время, когда уверяли, будто обезьяны перешли в саванны семьсот тысяч лет назад, потом полтора миллиона лет, потом два с половиной, потом три с половиной, сейчас уже четыре миллиона лет назад. Каждый раз при этом всплывает какая-нибудь новая «аридизация климата». Как язвительно пишет археолог Г. Матюшин, «главное в выделении человека из мира животных, по мнению некоторых исследователей, — «похолодание, увеличение засушливости и уменьшение лесистости в местах обитания человекообразных обезьян»... (14, с.72).

Палеоклиматические трактовки, приводимые в качестве объяснения изменения «древними антропоидами» среды обитания, неудовлетворительны по следующей причине.

Невзирая на изменения климата, в течение всего времени обитания обезьян на Земле зона тропических лесов сохранялась неизменно. Причем, она локализовалась именно там, где и сейчас, — по экватору. Обезьянам, от которых антропологи только и могут «выводить» линию гоминид — плиоценовым «питекам» — не более 15 млн. лет. За это время экватор не перемещался. Зона тропических лесов временами увеличивалась, временами уменьшалась, но полностью не исчезала никогда и всегда оставалась достаточно обширной, чтобы обезьяны могли сохраниться до лучших времен. Насущной необходимости радикально менять ландшафт у антропоидов никогда не возникало. Остается допустить совершенно антиэволюционную мысль, будто они сделали это, потому что «захотели». Каприз, понимаете ли. Мало ли чего захочет пьяная обезьяна. Однако хотения в данном случае мало. Надо еще иметь возможность выжить в открытой степи, не имея ни разума, ни надежных средств самозащиты или бегства.

Вообще вопрос о «переселении» обезьян из леса в саванну следует разделить надвое. Первый вопрос: почему антропоиды «захотели» этого? Вопрос второй: имели ли они физическую возможность осуществить свои планы? Это два первокирпичика, фундамент всего здания современной эволюционной антропологии, который до сих пор на месте не находится. Реальных объяснений этого исторического перемещения нет. Получается, что все построения антропологов-симиалистов представляют собой миражи. Ибо реальное строение на земле без фундамента стоять не может. Как долго можно строить замки над ямой? Господа антропологи, завершите вначале нулевой цикл: объясните нам, ничтоже сумняшеся, зачем обезьяне понадобилось слезть с дерева?

Главное — «аридизацию» — мы уже обсудили. Сейчас я приведу прочие объяснения появления бипедии, даваемые симиалистами.

Английский антрополог Р. Фоули выдвинул идею **«кормежки под ветками»**. Вопрос: что мешало обезьянам кормиться, сидя на ветках, как они кормятся испокон века и доныне? Исчезновение лесов из-за аридизации? Но этого не было. Пресловутая «аридизация» — это мифический «рояль в кустах» и не более.

Вторая проблема связана с экологической нишей. В африканской саванне множество видов животных кормятся под ветками: от маленькой анти-

лопы импала до жирафа и слона. Все они вооружены для этого специальными приспособлениями: хобот, длинная шея, мощные челюстные мышцы, твердые, плотные, мозолистые губы. У человека ничего подобного нет, поэтому он не мог вклиниться в данную экологическую нишу.

Далее. Корм, который можно достать, кормясь под ветками снизу, энергетически беден. Это листья, ветки и падалица (для сбора которой, кстати, прямохождение ни к чему). Животные вынуждены потреблять его в огромных количествах, жуя почти без перерыва. Какой «краниофациальный комплекс» мог развиться от этого? Огромные, мощные жевательные челюсти, составляющие большую часть черепа, но не мозг. Вторым следствием стало бы развитие брюха, способного вместить в себя огромное количество грубого корма.

Кто мог получиться в результате миллиона, допустим, лет такого образа жизни? Горилла. Она и получилась. Это антропоид, который кормится под ветками, обитая в нижнем ярусе тропического леса. Горилла — это и есть «человек» Фоули.

Другой известный английский антрополог Тэйлор является автором еще более интересной концепции происхождения бипедии. Он усмотрел в ней, в двуногой локомоции, **«энергетический эффект»**. Основан данный вывод на следующем опытном факте: группа охотников-бушменов гоняла зебру по саванне на максимальной скорости, а ученые зафиксировали факт, что через 780 метров у зебры наступил «коллапс». Зебра пала. А марафонец 49 километров бежит! Вывод: на двух бегать энергетически выгоднее, чем на четырех.

Вам смешно? Но это не я выдумал, это их наука, господ титулованных симиалистов. Это то, что пишут и обсуждают всерьез не дети, а взрослые дяди и тети с учеными званиями. Данные не мои и вычитаны не на потолке. Источник, который я сейчас цитирую — труд М.А. Дерягиной «Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты», раздел «Гипотезы происхождения бипедии», издание 1999 г. Свежее (83).

Интересно, какую зебру гоняли? Может быть, там беременная самка была на сносях или нездоровое животное? За здоровым молодым самцом бушмены бегать не станут, у них имеются свои приемы выбора жертв. Давно уже описано, что их охота представляет собой выбраковку больных и слабых животных.

В молодости я работал в студенческом стройотряде в Казахстане. Там, как известно, водятся сайгаки. А в те времена еще и колосились бескрайние поля пшеницы. Однажды мы ехали на машине по дороге между двух полей и вдруг увидели сайгака. Сейчас мне стыдно за это, но тогда я, как и все орал: «Дави его!». Шофер «газика» дал максимальную скорость. Бедная антилопа летела по прямой между двух колосящихся стен и не видела выхода ни в одну сторону. Километров пять мы гнались за несчастным (до сих пор снится) четвероногим животным по проселку меж хлебов, пока не наступил коллапс... у автомобиля. Интересно, если б перед нами бежал не сайгак, а Тэйлор, который, как я смею надеяться, двуног — у кого бы раньше случился коллапс?

Мой личный опыт и, я уверен, опыт большинства нормальных людей, говорит, что четыре ноги для бега — это лучше, чем две. Будь иначе, не мы

бы ездили на лошадях, а они на нас. Не зря родилась поговорка «для бешеной собаки семь верст не крюк». Для человека, каков бы он не был, семь верст — это крюк. Хотя бы и для Тэйлора.

Следующая причина перехода к бипедии, которую называют симиалисты, — это **«борьба с инсоляцией и перегревом».** Мол, вертикально стоящий человек получает на треть меньше солнечных лучей, чем животное такого же размера. Мол, с этим связана и потеря шерстного покрова.

Выше мы говорили о великом значении инсоляции для нормального развития человека. Кроме того, мы говорили, приводя сравнение с верблюдом, насколько мы, не имея шерсти, которая защищает не только от переохлаждения, но и от перегрева (о чем постоянно забывают симиалисты), проигрываем животным в таком вопросе, как терморегуляция. Поэтому здесь, чтобы не повторяться, не стану обсуждать данную гипотезу, которая исходит из абсолютного непонимания реальных проблем антропогенеза в их неразрывной связи. Абстрактно можно выдумывать и предлагать все, что угодно, любую ересь. Большинство гипотез симиалистов по частным проблемам антропогенеза грешат именно абстрактностью, оторванностью от общей логики всего процесса, они не вырастают из одного «зерна», а представляют собой какую-то беспочвенную маниловщину. Они дискомфортны для логического мышления.

Данная гипотеза происхождения бипедии, например, абсолютно не согласуется с симиалистской же гипотезой первотолчка. Первотолчок-то какой? Почему обезьяны слезли с деревьев, в тени которых для них не существовало проблемы избыточной инсоляции? Деревьев, якобы, не стало. Отчего? Из-за аридизации. Аридизация из-за чего наступила? Из-за общего похолодания на планете, когда вода сконцентрировалась в ледниках.

В этой ситуации, в условиях похолодания, обезьяны теряют шерсть и принимают вертикальную стойку, боясь, как бы им не нагрело спину.

Нигде на свете нет такого солярия, который не выдержала бы спина тропической обезьяны. А уж в ледниковые периоды его тем более не могло быть.

Гипотеза Энгельса, будто переход к бипедии связан с **освобождением передних конечностей для изготовления орудий труда**, сейчас отвергается всеми, включая марксистких ученых-антропологов. Принять ее не позволяет «хиатус» — временной провал между первыми прямоходящими гоминидами и первыми предполагаемыми орудиями труда — олдувайскими гальками. Он составляет уже не 2 миллиона лет, как пишет М. Дерягина, а почти 4, — если верить французским археологам, раскопавшим оррорина и сахелантропа.

Следующая гипотеза более внятна: будто обезьяны встали на две ноги ради **ориентировки в саванне**. Думаю, она основывается на наблюдениях за привычками мангуст, сурков, цуррикат, сусликов, и прочих животных, которые, обитая на открытых пространствах, принимают вертикальную стойку с целью ориентировки.

Возражения. Первое. Ни одно из животных с целью ориентировки никогда не встает полностью на задние конечности. Их «столбики» представляют собой полуприсядку на полусогнутых конечностях. Четвероногому существу, у которого конечности расположены перпендикулярно к телу, невозможно

осматриваться, стоя на них: слишком велико физическое усилие. Для него требуется такая мощная физиологическая доминанта (вспомним Ухтомского), что все остальные функции будут заторможены. Если у вас есть собака (о кошках молчу, с ними такой фокус вообще невозможен) попробуйте поставить ее на две задние лапы, и чтоб стояла. В таком положении невозможно ориентирование: у животного глаза из орбит вылазят от усилия.

Второе: данная гипотеза еще может объяснить *бипедию,* но не *двуногую локомоцию.* Никто из животных, принимающих с целью ориентировки позу столбика, никогда не бегает на двух лапах. Это разные физиологические акты. Более того: противоположные. На бегу ориентация по сторонам света невозможна. Попробуйте совместить ускоренный бег и ориентацию в пространстве. Думаю, вы скоро упадете на ровном месте. Обратите внимание, как тренеры бегают во время соревнований за своими спортсменами и подсказывают: впереди подъем, спуск, зигзаг

Третье: проблема первотолчка. Зачем обезьяны покинули безопасный лес и ушли в саванну? Впрочем, проблему пускового механизма не решает не только эта гипотеза, ее не решает *ни одна гипотеза происхождения двуногой локомоции.* Ни одна из тех, которые могут предложить симиалисты.

В том числе и та, которая ныне пользуется наибольшим признанием. Скажу честно: впервые познакомившись с гипотезой К. Лавджоя, я подумал: какая дикая чушь! Как можно! Но потом, глубже войдя в суть проблем, связанных с прямохождением, понял, почему антропологи всех стран так за нее «уцепились»: на безрыбье и рак — рыба. А это хоть что-то свежее.

Буквально в каждой книге, посвященной антропогенезу (откройте и убедитесь): ах, Лавджой!.. Объяснил, да как умно! Теперь-то симиализм прочно на двух ногах стоит!

Лавджой исходил из т.н. «стратегии размножения». Известно, что одни животные рожают много детей, уход за которыми весьма относителен. Выживают немногие сильнейшие. Другие рожают мало и редко, но посвящают себя полностью уходу за детьми и самоотверженно их защищают. Последнее свойственно как раз высшим млекопитающим, например, человекообразным обезьянам. Самка шимпанзе рожает один раз в пять лет и сохраняет связь со своими детьми на протяжении всей жизни.

Американский антрополог К. Лавджой решил, что причиной перехода обезьян (тех самых, наших якобы предков) к двуногой локомоции стало изменение ими стратегии размножения. *Они решили рожать больше.*

Ну и что? — спросите вы. Что мешало обезьянам рожать ежегодно на деревьях, вернее, на втором ярусе тропического леса, где даже почва имеется? Для шимпанзе второй ярус — как для нас земля с тем преимуществом, что гораздо более безопасно. Зачем спускаться на землю, кишащую хищниками? Сидя наверху, обезьяны представляют собой нелегкую (ввиду того, с каким проворством обезьяны шмыгают по веткам) добычу для очень немногих хищников. На земле они — легкая добыча для всех, кто имеет крепкие клыки и хочет есть.

«К.О. Лавджой считает, — уверяет М. Дерягина, — что на земле легче ухаживать за несколькими детенышами» (83, с.9).

Ну, разумеется! На земле их можно усадить в автомобиль, заработанный трудами праведными, и отвезти в детский сад. Поэтому Лавджой, безусловно, прав, что так считает.

Д. Джохансон, тоже так считающий, сожалеет лишь об одном: у прекрасной гипотезы Лавджоя отсутствует «пусковой механизм» (20, с.242). В самом деле: с чего это вдруг безмозглая обезьяна задумалась о стратегии размножения?

Продолжаем опровергать. Переход к новой стратегии размножения, связанной с ежегодными родами (чаще для антропоидов невозможно), никак не связан с бипедией. Нет корреляции между двумя этими явлениями. На земле многие млекопитающие рожают ежегодно и даже чаще, но не начинают от этого ходить на двух ногах.

Из этого следует, что прямохождение понадобилось обезьянам, чтобы освободить *именно руки именно для детей.* Представьте себе эту самку шимпанзе, которая бродит по открытой саванне с двумя детенышами на руках, — по одному на каждой. Она может бродить, наверно, только в мозгу Лавджоя. В саванне этот фокус у нее не получится. А теоретически отчего бы не бродить? Из книги в книгу, от одного фантазера-антрополога к другому.

Как показывает опыт, когда у людей имеется выбор, они выбирают не ту стратегию размножения, какую выбрал для нас Лавджой. Люди не стремятся плодиться, они предпочитают реже рожать и лучше воспитывать. Подчеркиваю: когда имеется выбор. У Лавджоя речь идет именно о выборе. Некие древние обезъяны, якобы, отказались от традиционной стратегии размножения и выбрали другую. Для того, чтобы стать людьми, им понадобилось чаще рожать и меньше ухаживать. Но исторический опыт показывает, что людям — именно им — это не свойственно.

Последнее. Ни одно наземное животное, включая человека и саванных обезьян, не переносит детей на руках. На земле это самый неэкономичный, энергоемкий и опасный для матери и ребенка способ транспортировки. Люди испокон века приспосабливают все, что угодно, лишь бы не носить детей на руках. Ни в одном бродячем первобытном племени не зафиксирован такой способ переноски детей, как «поза Мадонны». Держа на руках, матери кормят младенцев, а для транспортировки приспосабливают все, что угодно, прежде всего спины и головы.

В этом деле торжествует принцип: ***все, что угодно, лишь бы не руки.*** Ноги — даже они — предпочтительнее. И этому есть подтверждения. Чукчи шили специальные сапоги с широченными голенищами, в которые укладывали детей и таким образом транспортировали.

Современным высоколобым антропологам, таким, как Лавджой, трудно понять, что для людей, которые добывают пропитание себе и детям руками, занимать руки «уходом за детенышами» — непозволительная роскошь.

Обезьяны саванн перемещают детей на спинах. Только шимпанзе и другие древесные обезьяны переносят детей на руках, потому что, если б они прыгали в густом лесу среди веток с младенцами, сидящими у них на спинах, они бы выкололи им глаза ветками и свернули головки. Это вынужденный способ, никогда не применяемый в земных условиях. Видимо, Лавджой

об этом не подумал, когда «переместил» обезьян с деревьев на землю, чтобы они могли носить по ребенку в каждой руке. Вот если б он писал об обратном: о переходе с наземного образа жизни на древесный, — тогда было бы о чем говорить. Способ траспортировки детей на руках — это эксклюзив древесных обезьян, не применяемый более никем на Земле.

Последняя идея происхождения бипедии принадлежит Харди. О ней разговор особый.

11. Мы и водные обезьяны

Английский антрополог Харди в 1960 г. выдвинул гипотезу происхождения человека от водных обезьян (101). Небольшая популяция водных обезьян, принадлежащих не к числу антропоидов, а к отряду низших приматов, дожила до наших дней на острове Калимантан. Этих обитателей мангровых зарослей, отличает от всех других приматов отсутствие водобоязни. Второе, что их отличает, — длинные носы. Оба эти обстоятельства, безусловно, связаны между собой.

Выше я говорил о том, что длинный нос человека является одним из доказательств нашего водного происхождения, что это гидростатистическое приспособление для ныряния. Никакого иного толкования этого анатомического признака человека не существует. Вернее, существует, но ничего не объясняет. Считается, будто длинный нос дан человеку для того, чтобы в нем прогревался холодный воздух. Однако как объяснить тот факт, что в мороз первым страдает именно нос? Как объяснить другой факт: типичные представители народов, живущих в зонах с очень низкой зимней температурой, имеют, наоборот, укороченные носы?

Единственное объяснение — водное происхождение, и калимантанские водные обезьяны подтверждают данную версию своим обликом.

Именно нос, как сближающий анатомический признак, имел в виду Харди, говоря, будто человек появился от водных, а не лесных обезьян. При этом Харди объяснил также и прямохождение: обезьяны питались, стоя в воде, а потом, усвоив бипедию в воде, смогли ходить на двоих уже на суше.

Он, безусловно, прав, с одной поправкой: это были не обезьяны. Длинные носы обезьян не должны сбивать нас с толку. Нос человека и нос водной обезьяны — это два разных инструмента, хотя оба вызваны к жизни контактами с водой.

Я уже просил обратить внимание не только на размер носа, которым мы отличаемся от всех наземных обезьян, но и на его *устройство*.

Внутренняя конструкция носа человека не имеет ничего общего с устройством обезьяньих носов, будь они хоть сухопутные, хоть водные. Наша конструкция представляет собой два «колокола», разделенные перегородкой. Это очень экономичная, можно сказать, идеальная *универсальная* конструкция, позволяющая вести как водный, так и наземный образы жизни.

Носы калимантанских приматов — это безобразно вытянутый пещерообразный обезьяний нос и более ничего. Водные обезьяны Калимантана являются потомками сухопутных обезьян, преодолевших характерную для

всех обезьян водобоязнь. Их носы формировались, в отличие от человеческих, не в воде, а на суше, а потом просто-напросто удлинились до безобразия, что представляет собой морфологическую адаптацию обезьян к новой среде. Это качественно иное явление. Это специализация, эволюционный тупик. С болтающимся носом длиной более десяти сантиметров обезьяна обречена вести только водный образ жизни в мангровых зарослях и не способна возвратиться на землю, в тропический лес. В схватках с другими обезьянами за территорию этот нос стал бы ее самым уязвимым местом, «ахиллесовой пятой».

Природа вынуждена была поступить так жестоко, потому что с переходом обезьян к водному образу жизни перед эволюцией встала задача обеспечить препятствие для затеков воды в мозг, с которым дыхало соединено непосредственно. И она пошла по пути удлинения. Благодаря этому, обезьяна успевает вынырнуть из воды раньше, чем вода протечет через все каверны и щели ее длинного носа.

В отличие от этого, форма носа человека обеспечивает эффект воздушной пробки.

Существуют и иные аргументы, опровергающие возможность нашего происхождения от водных обезьян. Например, секс. Все животные, имеющие наземное происхождение, спариваются в позе «со спины». Водные обезьяны исключением не являются: подходят к самкам сзади. Только у человека общепринят коитус спереди, в позе, которая не случайно называется «классической». У одного только человека из всех наземных животных.

У морских млекопитающих, включая дельфинов, общепринято совокупление спереди. Это очень важное отличие, потому что речь идет об основном инстинкте. Человек ведет себя в данном случае как морское, а не наземное млекопитающее.

По «морскому» типу откладывается у человека жировая ткань. У наземных животных (включая водных обезьян) отложение запасов жира начинается с живота. Подкожный жир для наземных млекопитающих в нормальном активном природном состоянии не характерен, о чем прекрасно знают охотники, находящие сало только на кишках.

Наоборот, у морских млекопитающих, даже у тех, кто испытывает недостаток питания, всегда наличествует подкожный жир. То же самое мы наблюдаем на людях. Природа устроила так, что накопление жировой ткани происходит в нашем организме по «морскому» типу: вначале под кожей, а уж потом в животе. Даже при дефиците питания наш организм, ущемляя жизненно важные органы, откладывает какие-то толики сала под кожей. У танцовщиков и спортсменов с их поджарыми, безжировыми животами, имеется подкожный жир. Иначе их кожа имела бы синий цвет из-за многочисленных капилляров. Говорят, что подкожный жир был даже у истощенных до полусмерти заключенных концлагерей. Это свидетельствует о том, что изначально жировая прослойка являлась не способом аккумуляции энергетических излишков, а жизненной необходимостью.

Организм «умный», в нем ничто не делается зря. Работает древняя программа, отменить которую можно только вмешательством в генотип. Подкожный жир необходим морским животным для терморегуляции. По-

товые железы спасают нас только от перегрева. От переохлаждения человека, как и всех других морских млекопитающих, призвана защищать прослойка сала под кожей. У наземных млекопитающих, «одетых в меха», нет жизненной потребности в слое подкожного жира. Подкожный жир в данном случае — это «излишек» от слишком сытной жизни, энергетический запас, который организм создает в последнюю очередь.

Все наземные животные, издавая звуки, пользуются *вдыхаемой* струей. С выдыхаемой струей воздуха из гортани в атмосферу попали бы запахи, в том числе резкие ароматы гниющей между зубов пищи. Как известно, животные избегают оставлять лишние следы своего пребывания, если только это не связано с самозащитой при помощи запахов, обозначением территории или половым поведением. Не знающие этого обстоятельства люди, пытаясь имитировать голоса разных животных, терпят фиаско, потому что человек использует *выдыхаемую струю*, подобно морским млекопитающим. Профессиональные имитаторы голосов животных меняют поток воздуха на обратный.

Животные моря физиологически не могут пользоваться вдыхаемой струей, потому что рискуют погибнуть, «вдохнув» в состоянии аффекта воду в легкие. Изменение направления потока воздуха при издавании звуков — важное гидростатистическое приспособление, и тот факт, что оно нам досталось «в наследство», доказывает наше морское происхождение.

В дальнейшем эта особенность — способ издавания звуков на выдыхаемой струе — сыграла огромную роль в антропогенезе, так как на вдыхаемой струе воздуха членораздельная речь невозможна. Данное обстоятельство является серьезным доказательством того, что человек не мог произойти ни от каких обезьян, включая водных, ибо речь и мышление представляют собой один нераздельный феномен. В современной науке принято объединять их в одно понятие «мышление-речь».

Слабость нашего скелета для земных условий — одно это обстоятельство категорически опровергает саму возможность происхождения человека непосредственно от сухопутных животных (а водные обезьяны по своей первичной природе, определяемой по среде формирования генотипа, тоже являются таковыми). Наш наземный предок никогда не смог бы перейти к устойчивому прямохождению, ибо для этого у него не было физической возможности. Слабый скелет — абсолютное препятствие для появления двуногой локомоции в земных условиях. Имея ноги, расположенные перпендикулярно по отношению к туловищу, и слабый костяк, которому и без того недостает почти 40% прочности, наш земной антропоидный предок не смог бы поменять четвероногий горизонтальный способ передвижения на вертикальную бипедию.

Водные обезьяны Калимантана не кормятся, стоя в воде. Они хорошо плавают, но кормятся, сидя на ветках. Даже в воде, где сила тяжести минимальна в сравнении с земной, они не могут долго стоять, потому что у них суставы наземных животных, требующие, чтобы ноги располагались перпендикулярно туловищу.

Прямохождение человека можно объяснить, исходя из того, что к моменту начала перехода к чисто наземному образу жизни, человек уже

имел тот тип строения суставов и костей ног, который понуждает к прямохождению. Очевидная истина заключается в том, что прямохождение, как и способная к захвату пятипалая конечность, **было свойственно нашим предкам изначально**. Это две базовые координаты процесса гоминизации, а отнюдь не приобретенные. Процесс очеловечения не вызвал эти явления, он зиждился на них.

Дальнейшая эволюция представляла собой приспособление *прямоходящих* существ к условиям земли. Это заняло при водно-земном образе жизни миллионы лет. Главное — это было возможно, тогда как, имея слабый костяк, и строение скелета, предназначенное для опоры на четыре ноги, перейти к двуногой локомоции непосредственно в условиях земли невозможно в принципе.

12. Эти странные волосы

Волосы скальпа человека обладают странным физиологическим «упорством»: у нормальных людей они, перефразируя Маяковского, «растут всегда, растут везде, до дней последних донца». Обратим внимание на следующий удивительный парадокс: когда животное, например, собака, голодает, ее шерсть тускнеет и выпадает клоками, — а ведь шерсть собаке жизненно необходима. Тем не менее, организм «экономит», обеспечивая питанием внутренние органы, прежде всего на ней. Когда человек страдает от голода и жажды, его организм ни на секунду не перестает «вкладываться» в бесполезное украшение — в волосы.

В истории всех стран бывало много массовых голодовок, и когда люди от недостатка еды теряли подвижность, они прежде всего прекращали заботы о волосах, — сознательно делали то, что забывала делать природа. При этом они обрастали длинными красивыми волосами, а мужчины, в том числе, бородами. Кто знает, если бы природная программа была заложена иначе, не помогли бы те запасы органических веществ, которые организм автоматически вкладывал в рост волос, кому-то из людей дотянуть до лучших времен?

Однажды моя знакомая голодала «по Брэггу» сорок дней. В этот период она не принимала никакой пищи и дошла до крайней степени истощения. Думаю, что только вера помогла ей выжить. Все это время она провела дома с матерью, не выходя никуда, в том числе в парикмахерскую. Когда я навестил ее, она поразила меня даже не своей худобой, а потоком блестящих, густых, ярко окрашенных длинных волос. «Ты еще находила силы для окраски волос?» — спросил я. «Я их не красила. Это мой естественный цвет. Наоборот, я совсем забросила волосы. Даже не срезала», — ответила знакомая.

Ее слова навели меня на мысль почитать литературу по теории лечебного голодания, благо сейчас ее море. Выяснилось, что буквально все авторы уверяют: голодание оказывает длительный и стойкий терапевтический эффект на волосы. Насчет ускорения роста волос указаний нет, скорее всего, просто не проводились подобные исследования, но в смысле окраски и густоты — это вне сомнения. В рост пускаются даже ранее «спав-

шие» луковицы. И это тогда, когда человек не без головокружения осуществляет действия, относящиеся к необходимой жизнедеятельности! Что за безумец — человеческий организм! Почему в отношении волос на голове не действует программа разумного ограничения? Почему она в то же время действует относительно бровей, ресниц, волос в областях паха и подмышек? Причем, именно эти волосы нам нужны, они имеют физиологическое оправдание.

С бровями и ресницами, в принципе, все ясно. Традиционное толкование, будто они являются защитой для глаз, вполне приемлемо. Этого, однако, не скажешь о разъяснениях насчет волос скальпа, подмышек и паха.

Устойчивый фенотип обволосения паховой и подмышечных впадин, — еще одна «мелкая» загадка антропогенеза. В этом пикантном «пунктике» у человека абсолютная «нестыковка» с тем, что является типичным для наземных животных. Гениталии большинства наземных животных, *имеющих густую шерсть* — голые. В подмышках животных волосы, как правило, реже и короче, чем на спине и животе. У человека *все наоборот*.

Данный факт доказывает, что объяснение, даваемое медиками и физиологами, — будто волосы в паху и в подмышках «защищают» от переохлаждения, — неудовлетворительно. В условиях наземного обитания они не имеют никакого физиологического назначения и даже вредны, способствуя распространению инфекционных дерматитов и паразитов. Не случайно в высших классах общества их принято сбривать.

Только тогда, когда мы принимаем во внимание, что по своему генезису человек является водно-земным животным, обитателем прибрежных морских обрывов, — обволосение паха и подмышек обретает смысл.

В самом деле: при хождении по земле подмышки защищены плечами и не нуждаются в обволосении, во всяком случае, нуждаются гораздо менее, чем спина или живот. Именно этот фенотип воплощен у земных зверей, например, собак. Почему же у людей «обратная анатомия»? А вот почему.

Когда мы ныряем, наши подмышки, привычные к постоянной температуре — температуре тела — подвергаются температурной «атаке». Кожа там чрезвычайно нежная, потому что мало контактирует с внешней средой, и холод тотчас проникает в плевральную область. Единственной природной защитой являются волосы, которые «прихватывают» на себе под воду пузырьки воздуха, имеющего температуру тела, т.е. 37,7 градусов. Эта воздушная подушка обеспечивает «мягкий» переход в иную температурную среду.

По такому же типу паук-серебрянка, живущий под водой, запасает воздух в своем подводном жилище. Он доставляет его туда на волосках своего тела.

Подобную роль играют и волосы паха.

Если в паху и в подмышках волосы растут, по крайней мере, до определенной длины, то человеческий тип роста волос скальпа — абсолютная аномалия в мире природы. Речь идет не просто о длинных волосах, а о том, что они не имеют никаких разумных пределов роста, за исключением смерти носителя, но и после смерти — растут еще некоторое время.

В своем неостановимом росте волосы на голове сравнимы с одними лишь ногтями. Мы не знаем безудержно растущих ушей, ног, рук, глаз,

печени или селезенки. Только опухоль того или иного органа дает неостановимый рост измененных, злокачественных клеток.

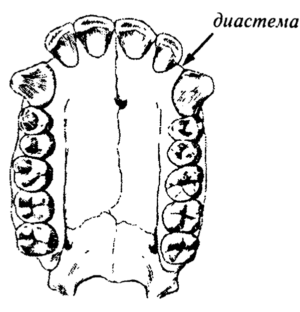
Кроме волос, только ногти растут неостановимо, но их рост можно объяснить стиранием в процессе жизнедеятельности. А какой работой, каким стиранием можно объяснить безудержный рост волос? Зачем они были нужны сухопутным дикарям? Цепляться за ветки и колючки? Разводить паразитов? Ни одно животное на Земле не имеет такой удивительной способности к отращиванию волос. Более того: любое наземное животное вымерло бы, имей оно подобный фенотип. Представьте себе медведя, волка, обезьяну, зайца, корову, кого угодно,- с волосами длиной двадцать восемь метров, как у одной женщины, занесенной в книгу Гиннеса, – смогли бы они жить, добывать себе еду, спасаться от врагов?!

Если в строении тела, размерах конечностей и мозга мы отличаемся от других обитателей планеты количественно и качественно, но в меру, то наши волосы не имеют никакой меры и никаких аналогов в природе. Одно это должно было заинтересовать специалистов в области происхождения человека, однако академическое сообщество обходит эту проблемную сторону человеческой натуры стороной. Просто «не замечает».

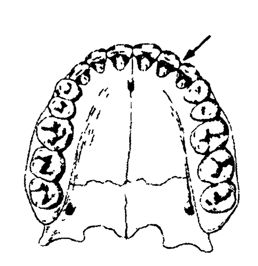
Если исходить из версии о наземном происхождении человека, то волосы необъяснимы. На них можно смотреть исключительно как на эволюционный порок и объяснять мутацией, что по сути дела означает отказ от видения проблемы. В последующих главах будет дано толкование эволюционной необходимости волос скальпа с опорой на конкретные археологические и этнографические материалы.

13. Гребень, валик, диастемы

Одной из загадок теории антропогенеза является отсутствие у человека и гоминид **диастем**, при том, что у обезьян они есть. Наличие диастем наблюдается у всех земных хищников, а также у животных, рацион питания которых универсален. У жвачных животных они отсутствуют. Ни один симиалист не в силах объяснить, почему у обезьян диастемы есть, а у гоминид нет. При этом нет также никаких переходных форм.

Верхняя челюсть шимпанзе

Верхняя челюсть человека

Что такое диастемы? Их функциональное предназначение заключается в том, чтобы служить вместилищами для клыков. Диастема представляет собой паз, куда аккуратно и плотно вставляется клык. При этом весь зубной аппарат оказывается заперт. Обезьяна, закрыв рот, не может двигать челюстями вправо и влево. Это касается всех животных, имеющих диастемы, например, собак. Земные хищники и универсалы (вроде свиней) не способны прожевывать пищу с закрытым ртом. Если б человек имел наземное происхождение, воспитатели не могли б говорить детям «закрывай рот во время еды». Закрывая рот во время еды, дети умерли бы от истощения.

Диастем нет не только у наземных жвачных, происхождение от которых для человека исключено. Они отсутствуют также у дельфинов, каковой факт является еще одним свидетельством нашего родства. У жвачных нет диастем, потому что у них отсутствуют клыки. У людей клыки есть, хотя и переходящие по форме в резцы. Тем не менее, наличие клыков должно подразумевать наличие диастем у наших далеких предков, а их нет ни у одного гоминида.

Причина отсутствия диастем у предков человека объясняется просто: они были вынуждены в далеком своем прошлом жевать не только на поверхности, но и под водой, а для этого надо уметь жевать с закрытым ртом. Отчасти данное обстоятельство объясняет и губы, которые надежно запирают рот от проникновения воды.

Гребни, определившие треугольный абрис черепов массивных австралопитеков, а также неандертальцев, не являются антропологической «загадкой» для ученого мира. С ними очень быстро и решительно «разобрались».

Не помню, к сожалению, кому принадлежит приоритет одной банальности, которая кочует из статьи в статью, из книги в книгу, включая учебники. Некто сказал, будто появление гребней связано с «переходом к грубой растительной пище». Мол, гребни на вершине головы были необходимы в качестве станины, к которой крепились мощные челюстные мышцы наших обезьяньих предков.

До сих пор никто не подвергал сомнению данный тезис с точки зрения физиологии, сравнительной анатомии и здравого смысла.

С точки зрения здравого смысла, основанного на представлении о простейших законах механики, трудно представить себе эффективно работающую нижнюю челюсть, ведомую мышцами, прикрепленными к макушке.

Речь идет о креплении к макушке именно ***нижней челюсти.*** У млекопитающих «работающей» является именно нижняя челюсть. Обезьяны, от которых мы, якобы, произошли, исключением не являются. Верхняя челюсть, как известно, и у них является неотделимой частью черепа и уже по этой причине статична.

Передача при таком креплении получается слишком длинной, большая часть драгоценной энергии пропадет зря.

С точки зрения физиологии наличие при челюсти длинных мышц тоже нерационально. Длинные мышцы в работе гораздо менее эффективны, чем короткие и быстрее устают, а челюсти растительноядных почти всегда находятся в работе.

Сравнительная анатомия человека и животных тоже опровергает тезис о креплении челюстных мышц к гребням. У современных горилл к макушке головы челюстные мышцы не крепятся, а ведь гориллы питаются исключительно грубой растительной пищей. Не наблюдается ничего подобного у коз, коров, кроликов, зайцев, кабанов и других животных, пережевывающих грубые волокна, в том числе питающихся ветками и корой.

Представление о черепном гребне, как месте крепления мощных челюстных мышц, не выдерживает критики, если даже иметь в виду не жвачку, а необходимость разгрызать кости. Собаки договых пород имеют чрезвычайно крепкую хватку, способны перекусить ногу взрослого человека. Их мощные челюстные мышцы не имеют продолжения на макушке. Это может подтвердить даже не специалист, а любой владелец бульдога, дога, боксера, которому приходилось играть со своим питомцем в игры, связанные с захватом и перекусыванием предметов.

Даже гиппопотам, способный перекусить лодку, не имеет гребня на макушке для крепления мышц челюсти.

В случае с гребнем, антропологи предлагают нам еще одну нелепую и непроверенную выдумку в качестве «научно установленного факта». Абсурдность данной версии станет очевидна, если попробовать представить себе животное, у которого находятся на самой вершине черепа мышцы, приводящие в движение нижнюю челюсть. Известно, что, благодаря крепости черепа, человек способен выдержать довольно сильный удар по голове. Если б на макушке находились челюстные мышцы, череп стал бы для них своеобразной наковальней. От одного удара человек потерял бы способность смыкать челюсти, а ведь они были важным оружием в схватке. Я уж не говорю о том, что такой «инвалид» надолго утратил бы способность есть и неминуемо погиб бы от слабости. Ибо растительноядное существо (а именно таковым согласно мнению антропологов являлся гоминид с гребнем) должно жевать непрерывно ввиду низкой калорийности пищи.

На самом деле пирамидальная форма головы с подострым навершием представляет собой периодически выявляющийся рудимент, рекапитуляцию древней формы черепа, доставшейся гоминидам от морских предков. Она является одним из последних по значимости, но очень ярким свидетельством нашего происхождения от древних дельфинид.

Еще абсурднее выглядит в печати обсуждение проблемы т.н. ***надбровных валиков***, т.е. грубых утолщений лобных долей черепа непосредственно над бровями. Они имеются у массивных австралопитеков, у эректусов, у неандертальцев, а также у всех современных обезьян-антропоидов.

Проблема заключается в том, что ученые-эволюционисты не могут дать вразумительный ответ на ехидный вопрос, с которым к ним приступают антиэволюционисты. «Почему они исчезли?» — задает вопрос о валиках один из сторонников концепции инволюции в своей нашумевшей книге (24, с.289).

Очень жаль ученых-эволюционистов, которых ставит в тупик *вопрос, который вообще не имеет права на существование в такой форме.*

Почему? Давайте размышлять. «Плосколицый кенийский человек» жил 3,5 млн. лет назад, имея лицо, похожее на лицо современного человека: ни ва-

лика, ни выступающих челюстей с клыками у него не было. Массивные австралопитеки (робустус, зинджантроп и др.) жили 1-1,5 млн. лет назад. У них были морды с надбровными дугами (валиками) и мощными челюстями.

Кроманьонцы, не имевшие валиков на лбу, жили 110 тысяч лет назад. Классические неандертальцы с их грубыми, непомерно разросшимися черепами и ужасающими надбровными дугами, — 40 тыс. лет назад.

Вопрос о валиках надо ставить так: почему *появились* у отдельных гоминид эти безобразные костные наросты, эти утолщения лобной части черепа, а не почему они *исчезли*.

Современные ученые-эволюционисты не могут озвучивать вопрос о надбровных дугах в правильной формулировке, потому что они — симиалисты, считающие, будто человек произошел от человекообразных обезьян. У современных антропоидов валики есть, поэтому — следует вывод — надо говорить о том, почему они — надбровные дуги — исчезли.

Это как цепная реакция: одно заблуждение порождает другое, еще более дремучее. Неспособность ученых-антропологов нарисовать внятную картину анатомических изменений в процессе антропогенеза порождает глумление толпы, которая начинает городить полную чушь.

Ничем не подтвержденное пред-мнение, *предубеждение*, будто *валики были и исчезли*, идущее от самих ученых, привело к тому, что их самих и загнали в тупик нелепым по форме, но логичным для данного театра абсурда вопросом: почему они исчезли?

Отвечаю, но, разумеется, не на этот нелепый вопрос, а на тот, который единственно имеет право на существование: почему появились валики?

Выше, говоря об авитаминозе Д, как причине деградации гоминид, уходивших с побережья вглубь материка, мы приводили медицинское свидетельство о тех последствиях для костяка человека, которые вызывает хронический дефицит витамина Д. Среди них Х-образное или, наоборот, О-образное искривление ног; недоразвитие таза; патологический рост черепа, *включающий в себя разрастание и утолщение лобной кости.*

Неандерталец

Р. Вирхов в свое время верно определил надбровные дуги неандертальца, как костную патологию. Скелеты неандертальцев, которые сохранились (в силу своей эволюционной «молодости») лучше костяков самых древних гоминид, являют собой идеальную картину далеко зашедшего авитаминоза Д. У них устойчивая, повторяющаяся форма скелета. Сформированный морфологический тип. Далее им оставалось окончательно превращаться в обезьян, но им не дали. Их патологическая человеческая анатомия, которая не успела преформироваться в нормальную анатомию обезьян, сложилась за очень короткий период времени: от 20 до 40 тыс. лет. В масштабах антропогенеза это мизер, который вообще не учитывается, когда речь идет о миллионах лет. К чему я это говорю? У сахелантропа, которому более 6 млн. лет, тоже нашли надбровный валик. Данное обстоятельство может возродить «левый» вопрос об *исчезновении* надбровных дуг в ходе антропогенеза.

Предки сахелантропа, бредя за птицами с побережья Средиземного моря, добрались до оз.Чад за несколько поколений. Мы вообще не можем учитывать такие отрезки времени, как тысяча, две, три тысячи лет. Скелет человека довольно мобилен. Со времени открытия Америки население Европы в среднем выросло почти на 30 см. За один 20в. прибавка составила почти 20 см. Это заметно? Очень. Но невозможно учесть такой короткий период времени в масштабах антропогенеза.

Надбровные дуги, — это патология, которая очень быстро проявляется (думаю, за два-три поколения) и которая именно поэтому дает такую «смазанную» картину в ретроспективе миллионов лет. Одни мигранты моря вымирали; другие эволюционировали в обезьян-антропоидов; третьи, уразумевшие основы здорового питания и образа жизни (морепродукты, соль, солнце) выживали и порождали расы современных людей. Современные антропологи пытаются восстановить картину такого сложного процесса, как антропогенез по ископаемым костям, не учитывая костных патологий. Всерьез учитывать этот фактор они не могут, потому что исключают, невзирая на весь сонм доказательств, морскую стадию существования наших предков. И в этом — их главная ошибка.

Глава 2. ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ

1. «Синдром Дюбуа»

Не стану пересказывать «от себя» много раз уже пересказанную историю открытия первых гоминид, начиная с гипотезы Геккеля, будто нашим предком являлся вымерший гигантский гиббон.

Экспедиция Э. Дюбуа в Индонезию, трагическая история его жизни, познания и самоотречения; открытие гейдельбергского человека и неандертальцев; скучная история пилтдаунской мистификации, кочующая из книги одного антрополога в книгу другого, как будто она вообще имеет какое-либо отношение к антропогенезу; южноафриканские находки австралопитеков Дарта и Тобайаса в начале 20 в; раскопки в пещере Чжоукоудянь... Откройте любую книгу, посвященную проблеме происхождения человека и все там найдете.

Вся история поисков и находок гоминид в официальной, признанной научным сообществом науке, делится на два больших периода: до открытий Лики в Восточной Африке и после них. Однако, есть еще археологические открытия и артефакты, не вписывающиеся в т.н. «научную картину антропогенеза» и поэтому игнорируемые официальной наукой. Впрочем, многие из «признанных» открытий тоже не вписываются в рамки симиальной концепции.

В рамках «научной» проблематики наиболее значимой в последнее тридцатилетие была дискуссия об австралопитеках, а именно: являются ли они предками людей и, если являются, то от кого произошли сами?

Луис Лики, чьи открытия в Олдувайском ущелье перевернули представления о древности человеческой истории, будучи увенчан лавровым

венком первооткрывателя самых древних наших предков, в конце жизни неожиданно «заболел» «синдромом Дюбуа» (определение мое, – В. Т.).

Как известно, Э. Дюбуа, посвятивший всю жизнь доказательству истинности своего открытия на о. Ява, в конце жизни, когда научный мир признал его правоту, категорически отверг свои прежние убеждения и начал бороться против дела всей своей жизни. Питекантроп не имеет никакого отношения к человеку, – заявлял он везде, отказываясь выслушивать возражения антропологов, которые говорили: вы – первооткрыватель предков человека, вам много лет не верили, но теперь вы смело можете грузить лавры на голову. «Нет! – упорствовал Дюбуа, – Не нужны мне фальшивые лавры!»

Тем не менее, именно яванский питекантроп Дюбуа был взят «за основу» в деле реконструкции начала истории. Его датировка – 0,7 млн. лет – стала точкой отсчета. Еще в начале семидесятых годов 20 в., когда я учился в школе, именно эта дата фигурировала в качестве точки альфа. Это говорит о консерватизме антропологов, ибо свое первое великое открытие Л. Лики сделал в 1959 г.

Первым открытием Лики был зинджантроп, иначе называемый «австралопитек бойсов» (по имени спонсора экспедиции Бойса). В общем-то, чудовище. С гребнем на голове, надбровными дугами, массивное, почти не имеющее характерных признаков разумного существа, но в одном слое с ним были обнаружены орудия труда! Древность этого «мастера» потрясала: он был в два раза древнее питекантропа Дюбуа! У Л. Лики и его жены-соратницы Мэри не укладывалось в головах, что столь примитивное существо было способно изготавливать каменные орудия труда. Они начали рыть глубже, благо это было не трудно: Олдувайское ущелье представляет собой уникальный разрез земной коры, где древняя стратиграфия вся как на ладони.

Спустя год, Лики обнаружили в слое древностью 2 млн. лет существо, намного более совершенное. Орудия труда, найденные с зинджантропом, Лики связали с новым австралопитеком. Назвали вновь найденное существо презинджантроп или Homo habilis, – «Человек умелый».

Вместе с этим открытием родилась проблема, которая впоследствии стала системной. Она формулируется так: почему более древние особи гоминид более похожи на людей, более совершенны, чем те, которые по времени ближе к нашему веку? Эта проблема инволюции, как ее называют, является той самой ложкой дегтя в бочке с медом, которая изрядно портит все впечатление от симиализма. Точнее, самой весомой ложкой дегтя, потому что имеются и другие.

Л. Лики умер, убежденно заявив, что австралопитеки, а также синантропы (!) и неандертальцы (!!) не являются предками людей, что прямая линия антропогенеза лежит где-то в совершенно другой плоскости. Это потрясающее по своей самоотверженности и научной честности заявление, к сожалению, было проигнорировано научным сообществом. Осталось неизвестно, имел ли великий антрополог в виду полный отказ от симиализма? По сути дела, получается так, ибо он перечеркнул все звенья между обезьяной и человеком, которые были известны на тот момент. Ведь синантроп – это китайский вариант питекантропа, согласно существующим представлениям.

«Отречение» Лики, столь похожее на трагическое самоотречение Дюбуа, пришлось на тот момент, когда археологи уже суетились насчет выделения т.н. «Олдувайской культуры», как самой древней культуры в истории Земли. В настоящее время она вошла во все учебники.

Между тем, сын Луиса и Мэри Лики Ричард, в свою очередь, удивил ученый мир. В 1972 г. он нашел на восточном берегу озера Туркана самый знаменитый череп в мире, — №1470 по классификации Национального музея Кении, директором которого работает Р.Лики. Этот гоминид оказался на целый миллион лет древнее хабилиса и, как вы уже догадываетесь, прогрессивнее. Он имел мозг объемом 777 куб. мм. (у хабилиса 645-660, почему хабилис и был отнесен к австрало*питекам,* — тогда критерий «мозгового рубикона» еще был в ходу) и рост 160 см. (хабилис — 120-150 см.). Он был, безусловно, прямоходящим, поэтому Р. Лики так и назвал своего гоминида: Homo erectus (человек прямостоящий).

В настоящее время это латинское наименование общепринято для всех питекантропов, среди которых, прежде всего, надо упомянуть собственно эректуса Лики, яванских питекантропов Дюбуа, синантропов и гейдельбергского человека. Их «откроили» от австралопитеков и выделили в отдельный биологический таксон на уровне рода, дав родовое имя, которое по-русски звучит как «эректусы» (второй вариант — питекантропы).

Еще их именуют *архантропами*, отделяя от *палеоантропов* (кроманьонцев и неандертальцев). *Неоантропами* называют только людей современного типа, хотя некоторые все еще причисляют к ним также кроманьонцев,

Древность датировки черепа 1470 стала предметом ожесточенных дискуссий. Р. Лики настаивал на своей дате 3 млн. лет (возраст туфа, под которым был найден 1470), тогда как появились другие мнения. Согласно последним, эректус на 1 млн. лет младше. Однако даже это уточнение не изменило сенсационный характер находки. Судя по высокому, в сравнении с австралопитеками, уровню развития, эректусу не может быть более 1 млн. лет, в то время как его «уточненная датировка» — от 2,5 до 1,9 млн. лет.

2. Громкое открытие... обезьяны

В то время, как ученый мир спорил, появились еще две громкие находки.

Первая была сделана в Хадаре, в земле афаров, давших свое племенное имя всей Африке. Хадар находится в Эфиопии, на Африканском Роге. Именно сюда приехал (перед тем побывав у Лики, которые его доброжелательно приняли и благословили на поиски) молодой американский антрополог Д. Джохансон.

Однажды вечером, отправившись гулять по пустыне, он сделал находку, которая, согласно его мнению, изменила все представления об антропогенезе. Он нашел на поверхности земли около пятидесяти мелких косточек, которые весьма смело посчитал единым скелетом. Возвратившись в лагерь, Джохансон устроил с товарищами пир с танцами под музыку «Битлз» и здесь же родилось имя находки: «Люси» — по имени героини

одной из песен. Далее речь пойдет не о том, как совершаются сенсационные открытия, сколько о том, как делаются сенсации.

«Люси» оказалась женской особью ростом примерно 106 сантиметров. Ее скелет напоминал костяк обезьяны, шимпанзе бонобо, но у нее был человеческий коленный сустав, согласно которому выходило, что Люси была прямоходящей.

Прежде чем говорить о возрасте Люси, процитирую монографию «Палеолитоведение», авторами которой является коллектив известных российских археологов под руководством академика А.П. Деревянко. «Недопустимо длительное время оставлять образец на поверхности, – пишут они о датировке по костям, – поскольку он подвергается действию солнечных лучей, атмосферных осадков, а это может исказить возрастные определения» (19, с.65).

В своих экспедициях, отбирая образцы костей на анализ, мы их тотчас тщательно упаковывали в плотную бумагу, не оставляя лишний день на солнце. Это один из профессиональных навыков, из тех, что являются общими для всех археологов.

Как долго томились кости Люси под знойным солнцем пустыни? Найдя мелкие косточки абсолютно не in situ, на дневной поверхности, переотложенными, Джохансон смело датировал их временем 3,5 млн. лет, – именно по костям, которые до их обнаружения неизвестно сколько подвергались воздействию прямых солнечных лучей и неизвестно в каких агрессивных средах побывали. В связи с отсутствием стратиграфии датировка по геологическим слоям была, разумеется, невозможна.

В контакте с журналистом М. Иди, Джохансон сделал из своей находки блестящий пиар. В своей книге «Люси. Истоки рода человеческого», весьма популярно написанной в соавторстве с Иди и переведенной на множество языков, Джохансон не без самолюбования описал свое триумфальное возвращение из Хадара. В Парижском аэропорту, где была пересадка, его встречала целая толпа, которая пришла взглянуть на антрополога, который нашел, наконец-то, праматерь рода человеческого. Джохансон был тронут таким вниманием самой избалованной публики на свете и выложил все найденные кости на стойку таможенника, а люди вокруг стояли и с замиранием сердец глядели на останки первой женщины планеты Земля (20, с.138).

Кого угодно данная картина могла бы умилить, кроме археолога-специалиста. Профессиональные археологи никогда не «распространяются» о находках на стадии камералки, не прошедших лабораторной стадии исследования. Описанный Джохансоном эпизод в парижском аэропорту разоблачает его, как любителя (а, возможно, делателя) дешевых сенсаций. Думаю, что, уже отправляясь в Хадар, Джохансон имел предварительную договоренность с газетчиками, и те только ждали сигнала, чтобы пустить в ход публикации о сенсационном «открытии». «Открытии», которое, похоже, было спланировано заранее.

Авторитет американской науки настолько высок, что принципиальной критики Джохансон дождался только от англичан Мэри и Ричарда Лики, которые не признали его «открытия» и порвали все отношения с Джохансоном, считая его недобросовестным исследователем. Это не помешало Джохансону выстроить и настойчиво внедрять среди научного сообщества

свою схему происхождения человека, в основании которой стоит Люси, названная им «человек афарский». Далее – по ступени эволюции – гоминиды, открытые Лики. То есть, Джохансон сделал «реверанс» в сторону Лики, но те его не приняли.

Что сказать о т.н. «homo afarensis»? Мне лично Люси напоминает пилтдаунского человека. Уже после растиражирования сенсации от Джохансона и Иди, появились публикации, в которых говорится, что знаменитый коленный сустав был найден не в одном месте с Люси, а в нескольких километрах от нее. Но даже если он был обнаружен вкупе со всеми костями... Почему нельзя предположить, что в этом месте человек боролся с обезьяной и в итоге погибли оба? Что человек ел обезьяну и был в это время убит? Джохансон вообще не имел права лепить единый скелет из кучки переотложенных костей, если речь не идет о находке in situ, когда кости лежат в геологическом слое в анатомическом порядке. Серьезный археолог даже не стал бы заниматься этим.

Что сказать о науке, которая подобные находки считает «научными фактами»? Между тем, «открытие» Джохансона вписано в анналы, оно не подвергается сомнению, и ученый мир всерьез обсуждает его схему антропогенеза. Почему – понятно. Она подтверждает симиализм и этого достаточно. В современной палеоантропологии довлеют догмы. Все археологические открытия должны вписываться в следующие рамки:

а) человек произошел от обезьяны;
б) он появился в Африке;
в) он сформировался постепенно, потихоньку-полегоньку, мало-помалу, шаг за шагом.

Соответственно, все схемы должны подтверждать эту пошлую шагистику. Джохансон угодил вкусам профессуры, он попал, что называется, «в десятку». Тем более, что уже на следующий год он добавил к косточкам Люси огромное количество древних костей людей и обезьян и предъявил их в качестве подтверждения своей теории. Какая разница, что все они найдены переотложенными и могут свидетельствовать только о том, что древние люди ели древних обезьян? Распиаренная Люси позволяет домысливать, дедуцировать, искусственно конструировать «обезьяночеловека афарского», у которого примерно одинаковое количество человеческих и обезьяньих признаков в скелете, уже как массовое явление.

Джохансон считал (надеюсь, искренно), что он нашел «недостающее звено».

На мой взгляд, «открытие» Джохансона и нарисованная им схема антропогенеза не снимают проблему инволюции ввиду своей крайней недостоверности. Если воспринимать его открытие всерьез, исключая момент подтасовки, то его надо трактовать совсем по-другому. Итак, что же на самом деле открыл Джохансон?

Скорее всего, Джохансон нашел предков бонобо, шимпанзюшек ростом до 1 метра включительно. Существует научное подтверждение данного вывода. Цитирую:

«...Приведенные морфологические данные (изогнутость и относительно большая длина фаланг, расширенность примыкающих к ним концов плюс-

невых костей и др.) скорее всего свидетельствуют не об устойчивом прямохождении, а об адаптации к брахиации» (15, с.109).

Это мнение морфолога об афарах, которые, скорее всего, находились на переходном этапе приспособления к брахиации, т.е. к передвижению с опорой на передние конечности. Стремление опираться на пальцы рук при ходьбе приводит к расширению плюсны и изгибу фаланг пальцев. Если учесть, что афары имели при этом колени, свидетельствующие о прямохождении, – то вырисовывается облик не четвероногого животного, не двуногого человека, а переходный тип от человека к обезьяне.

Зинджантроп – предок горилл, как и массивные австралопитеки, открытые в начале 20 в. в Южной Африке. И этому тоже имеется подтверждение.

«...Зинджантроп и, очевидно, другие подобные ему приматы имели признаки выраженной адаптации к брахиации, что, безусловно, уводило их эволюцию в сторону от гоминидного (и, следовательно, ароморфного) направления развития (15, с.113).

Хабилис, с которым связывается олдувайская культура,- предок шимпанзе обыкновенной.

«Президжантроп (Homo habilis) в связи с особенностями строения конечностей развивался не в гоминидном, а понгидном направлении. Ввиду этого отмеченный австралопитек не может претендовать на место первого человека» (15, с.116).

В такой интерпретации все встает на свои законные места. Разрешается загадка предков антропоидов, при этом объясняется проблема инволюции.

В глубине африканского континента на протяжении нескольких миллионов лет происходило одичание пралюдей, вынужденно покинувших побережье. Видовое разнообразие австралопитеков полностью соответствует видовому разнообразию современных человекообразных обезьян Африки. Два вида шимпанзе – обыкновенные и недавно открытые бонобо, которые примерно на полметра мельче обыкновенных, – это потомки двух видов грацильных австралопитеков. Несколько подвидов горилл, которых объединяет массивность и наличие гребня на головах, – это потомки массивных австралопитеков Южной и Центральной Африки.

Продолжим мысль, а именно: не наблюдается ли та же картина в другой «колыбели человечества», – в Азии? Меня всегда удивляло поразительное сходство реконструируемого облика синантропа и облика орангутана. Синантропа ныне «вычеркнули» из числа предков людей, но предки орангутана при этом неизвестны. Случайно ли, что африканские антропоиды имеют черные морды, а оранги – желтые? Почему в Африке нет желтокожих антропоидов, а в Азии – чернокожих? Сдается, что синантроп тоже прачеловек, покинувший побережье и давший дикую азиатскую антропоидную ветвь.

Теория эволюции могла бы на это ответить (если б могла, имея факты в руках, а их нет), что оранги или их предки, точно так же, как антропоиды Африки, являются предками людей соответствующих рас. Но это исключено по генетическим показаниям, которые подтверждают моногенизм. Генетики говорят о «митохондриальной Еве», жившей примерно 300 тыс. лет назад, от которой произошли все люди. Поэтому, учитывая отсут-

ствие других кандидатов на место предков орангутана, его предками следует считать синантропов, которые очень убедительно заполняют вакансию предков современных человекообразных обезьян, если иметь в виду временной фактор. Других кандидатов на место предков орангов в Азии нет.

Если питекантропа Дюбуа представить в качестве предка последней человекообразной обезьяны – гиббона (Дюбуа, кстати, именно на этом и настаивал) – то картина получается полной и, главное, непротиворечивой. Подтверждением этой картины являются находимые в Индонезии кости ископаемого гигантского гиббона ростом около двух метров. Причем, вновь наблюдается общая картина: древнее гигантского гиббона кости похожего на него питекантропа, а других кандидатов на вакансию предка гиббонов нет.

В течение 20 в. ученые-антропологи находили, в основном, предков современных человекообразных обезьян.

Только в таком случае получает разъяснение факт «неотличимости» по ДНК человека и шимпанзе: мы – одной крови. Они – одичавшие люди, потерявшие дар речи и прямохождения, а также «рабочую ладонь». Для хватанья за горизонтальные ветки понадобилась другая рука: без противоупора внутри кисти, но с мощным «крюком», роль которого стали играть усилившиеся (за счет первого луча) четыре длинных пальца.

Не обезьяны спустились с деревьев, чтобы стать людьми, а древние люди взобрались на деревья, когда, покинув берег моря, оказались в непривычной, опасной для них среде, – в тропическом лесу. До сих пор так поступают все люди, оказавшиеся в лесу, полном хищников: лезут на деревья. Утверждать обратное, – будто примат слез с дерева, чтобы выжить и развиваться, – значит опрокидывать здравый смысл.

Нам хватило бы всего два дня для следующего эксперимента. Собрать всех антропологов, которые пишут ученые труды о том, как древняя обезьяна слезла с дерева, чтобы рожать и воспитывать на земле детей и чтобы освободить руки для труда. Раздеть догола и оставить в африканской саванне или в джунглях. И мы б посмотрели, где б они оказались. Держу пари на любую сумму, что антропологи залезли б на деревья.

Употребляя термины «инволюция», «дегенерация» и «деградация», необходимо осознавать их условность и широчайшие временные рамки. Когда существа, имевшие шанс стать разумными и универсальными, встают на стезю узкой специализации и полностью возвращаются в мир дикой природы, – в широком смысле слова это, в общем, инволюция. Но когда конкретно зиндж превращался в один из видов горилл, а австралопитек африканус в один из видов шимпанзе, – следует говорить об эволюции.

Эволюция многолика и многомерна. В свое время академик А.Н. Северцов выделил такие направления эволюции, как арогенез, катагенез и аллогенез. Арогенез представляет собой преобразования, направленные на общее усложнение с переходом на более высокие ступени эволюционной лестницы. Катагенез, наоборот, означает общую дегенерацию, упрощение. Аллогенез представляет собой идеоадаптацию, т.е. системное приспособление к изменившимся условиям обитания, которое нельзя рассматривать, как деградацию, даже если аллогенез сопровождается утратой некоторых сложных фун-

кций и органов. В самом деле, о какой деградации можно говорить, если вид оказался способен освоить совершенно новую среду обитания?

Развитие предков современных антропоидов происходило по типу аллогенеза с элементами как ароморфоза, так и катаморфоза, которые компенсировали друг друга. Например, удлинение передних конечностей и усиление четырех пальцев за счет первого луча имеют чисто адаптационное значение, это алломорфоз. Увеличение мускульной силы (шимпанзе, будучи меньше человека, сильнее нас) — это ароморфоз. В случае с костной основой тела ароморфоз компенсировался катаморфозом. Позвоночник стал более прочным, полностью соответствующим земной силе тяжести. Однако количество нервных волокон, проходящих через его спинномозговой канал, не могло не сократиться из-за сужения калибра.

3. О чем говорят черепа

Кроме исследований ДНК, решающее значение для выводов о ходе эволюции дают исследования мозгов приматов и человека, ибо предметом поиска является исток сознания.

Иногда природа преподносит такой подарок, как окаменелый мозг гоминида. Впрочем, единого мнения насчет возможности использования окаменевшего серого вещества у ученых нет. В.Кочеткова считала, что окаменевшие мозги не годятся из-за сильной деформации и предлагала делать выводы, основываясь на исследованиях эндокранов и очень редко встречающихся природных муляжей (когда сгнивший мозг оказывается еще в древности замещен затвердевшим материалом).

Отцом метода изучения мозгов по эндокранам является любимый ученый Наполеона Ж. Кювье, которому первому пришло в голову сделать слепок с внутренней поверхности черепа. В начале 20 в. исследования по эндокранам начали активно развиваться на Западе, в середине века одна из самых авторитетных школ сформировалась в СССР. Выдающийся советский антрополог В.В. Бунак, в частности, сумел разъяснить, почему, собственно, формируется эндокранный рельеф и каким образом это происходит. Его разъяснения носят настолько детальный характер, что не вызывают сомнений: рисунок эндокрана образуется вследствие давления растущего мозга (13). В настоящее время эта точка зрения общепринята.

Далее — несколько сюрпризов.

«Существенная особенность эндокранов ископаемых гоминид заключается в том, что имеющиеся на них выступы и углубления не соответствуют определенным бороздам и извилинам. Это явление до сих пор не нашло удовлетворительного объяснения» (12, с.201).

Сюрприз второй: «Эндокран шимпанзе гладок и не имеет на наружной поверхности даже следов борозд» (12, с.201).

Честно говоря, я не совсем разумею, что означает выражение «наружная поверхность эндокрана», думаю, что речь идет в данном случае о наружной поверхности отлитого муляжа, на котором отпечаталась внутренняя поверхность черепа. Впрочем, нам вполне достаточно категоричного утверждения известного антрополога, специалиста по палеоневрологии, автора многих научных трудов Ю.Шевченко, что «эндокран шимпанзе гладок».

Налицо еще два существенных научных факта, которые не находят «удовлетворительного объяснения» в рамках симиальной концепции.

Предлагаю объяснения, которые, возможно, будут сочтены «ненаучными», потому что они подразумевают отказ от симиализма в то время, когда приверженность симиализму считается главным критерием истины.

Объяснение гладкости эндокранов шимпанзе лежит на стезе антисимиализма. Рисунок эндокрана формируется под давлением растущего мозга. Когда австралопитеки (хабилисы, африканусы, афары и др.) начали эволюционировать в разные виды шимпанзе, они имели избыточные мозги, удельные массы которых медленно и верно сокращались. Переход на чисто животный, инстинктивно-рефлекторный образ действий сделал большой мозг непозволительной роскошью ввиду того, что рождение детенышей с большими головами очень травматично для самок и новорожденных, и вызывает большую смертность тех и других. Животному с большой головой труднее прыгать по веткам деревьев. Эволюция постепенно все привела в соответствие, нашла и обеспечила нужную пропорцию, свое «золотое сечение». Сокращение мозга опережало уменьшение мозгового черепа, потому что в первом случае речь идет о мягких тканях, во втором – о костных массивах. Вот почему на протяжении миллионов лет отсутствовало давление мозга на эндокран и он, соответственно, «выгладился».

Объяснение другой трудности, – о несоответствии рельефа эндокрана определенным бороздам и извилинам мозгов гоминид, – более сложно, ибо подразумевает более изощренную динамику.

У меня для этого несоответствия имеются два объяснения. Первое связано с эволюционным изменением формы черепа.

У современных дельфинов форма черепа треугольная. При этом совершенно очевидно, что треугольный череп является гидростатистическим приспособлением и сформировался путем вытягивания (переместившегося с передней, лицевой части наверх) дыхала. В онтогенезе дельфинов круглый череп преформируется в треугольно-продолговатый. Это говорит о том, что дельфины произошли от сухопутных животных, имевших круглую голову, таких, как лемуры или долгопяты. Треугольная форма черепа современных дельфинов является эволюционно конечной, тупиковой.

У водно-земных предков людей, представлявших собой неотеническую форму дельфинид, череп имел, скорее всего, не совершенно круглую, как у нас, и не треугольную, как у современных дельфинов, а подокруглоподтреугольную форму. Грамматически данное определение не совсем корректно, но хорошо выражает суть. Подобные определения широко используется археологами при написании отчетов о раскопках, когда требуется охарактеризовать артефакты нестандартных форм («подтреугольный наконечник», «подокруглый сосуд», «подквадратной формы щит»).

Подтреугольная форма черепа свойственна современным гориллам и их предкам, робустным австралопитекам, у которых была явлена, как рекапитуляция. Сохранение этой странной формы у современных антропоидов является косвенным свидетельством того, что предки людей тоже носили на плечах нечто подобное. В процессе эволюции череп под давлением растущего мозга не только рос, но еще и менял форму с подокруглой на круглую, а эта динамика усложняла весь процесс. Если б мозговой че-

реп изначально был круглый, борозды и извилины мозга отпечатывались бы на эндокране один к одному. Объяснить несоответствие отпечатков оригиналу можно воздействием дополнительного динамического фактора, связанного с происходящей перестройкой формы черепа.

Второе объяснение проще: несоответствие эндокранов и поверхности мозгов ископаемых гоминид связано с патологией, вызванной авитаминозом Д.

4. Почему горилла бьет себя в грудь?

Представление о том, сколь развито воображение у антропологов-симиалистов, дает информация Г.М. Виноградова «Наше фамильное древо снова ветвится». Поскольку заметка опубликована в журнале «Природа» (издание АН России) под рубрикой «научные сообщения», она носит обобщающий характер. Надеюсь, автор не обидется на то, что я приведу ее почти без купюр. Заметка представляет собой лаконичное сообщение о состоянии дел в исторической антропологии на данный момент времени. Привожу ее не только для того, чтобы избежать скучных пересказов (с перифразами) того, что уже написано другими, но и с целью уйти от обвинений в произвольной интерпретации фактов, в «подгонке их под свою концепцию». У кандидата биологических наук Г. Виноградова собственной концепции антропогенеза, похоже, нет. Во всяком случае, по заметке этого не видно. Он вполне объективен, излагая общие места.

«История палеоантропологии началась с 1891 г. Тогда Е. Дюбуа нашел на Яве ископаемые остатки первого обезьяночеловека – питекантропа – и не сомневался, что столь необычное существо надо выделить в отдельный род. С той поры благодаря интенсивным поискам число родов древних людей стремительно росло, появились синантроп, плезиантроп, мегантроп, телантроп, парантроп, зинджантроп и т.д. Однако, когда ископаемого материала накопилось довольно много, выяснилось, что неповторимость первых находок была сильно преувеличена, и последующие ревизии сильно убавили разнообразие гоминид. Многочисленные роды ископаемых людей были сведены к современному роду *Homo,* в котором, кроме вида *Homo sapiens* с его вымершим неандертальским подвидом, оказались (по наиболее жестким вариантам системы) только *Homo erectus* (включивший питекантропа, синантропа и некоторых других) и *Homo habilis* из центрально-африканского Олдувэйского ущелья, живший около 2 млн лет назад и получивший почетный титул первого *Homo.* Всех австралопитеков тоже отнесли было к единственному виду *Australopithecus afrikanus*

В 1974 г. Д.Джохансон обнаружил в Хадаре (Эфиопия) остатки австралопитека *A. afarensis* (знаменитую Люси), жившего более 3 млн лет назад и оказавшегося примитивнее, чем *A. afrikanus.* В 1995 г. на берегу оз. Туркан (прежде — оз. Рудольф, Кения) группой М.Лики был найден *A.anamensis,* возраст которого оценили примерно в 4 млн лет. После этого родословное древо человека стало выглядеть, как прямой ствол: *A.anamensis—>A. afarensis—>A.africanus* (возможно, с боковой ветвью, ведущей *к A.robustus* и окончившейся тупиком около 2 млн лет назад*)—>Homo habilis—>H.*

*erectus—> H.sapiens neanderthalensis и H.s.sapiens...*И вот эта почти линейная картина шествия гоминид к прогрессу вдребезги разбилась под натиском новых находок.

Сначала были обнаружены фрагменты австралопитеков еще двух видов — *A.garbi* (Эфиопия) и *A.bahrelghazali* (Чад), — живших во времена позднего *A.afarensis* и раннего *A.africanus.* В результате выстроить австралопитеков в линию стало решительно невозможно. Но это еще полбеды.

Смена веков ознаменовалась важнейшими находками. Одна из них, поражающая своей древностью, сделана в Кении, на холмах Туджен. Парижские антропологи во главе с М. Пикфордом и Б. Сеню обнаружили здесь существо, которое описали под именем *Orrorin tugenensis.* У него были мелкие «человеческие» зубы и, судя по строению фрагментов бедренной кости, он неплохо передвигался на двух ногах. Но, что самое главное, — жил он еще в миоцене, около 6 млн лет назад, т.е. вблизи того рубежа (6,5-5,5 млн лет назад), когда, по данным молекулярной биологии, разошлись эволюционные ветви, ведущие к людям и шимпанзе. Французы сочли мелкозубость и прямохождсние оррорина важнейшими признаками и предложили свою схему филогенетического древа гоминид, которое у самого основания разделяется на два ствола. Люди, по этой схеме, выводятся от оррорина через вновь сконструированный род *Praenthropus,* куда перемещаются наиболее древние виды австралопитеков — *A.anamensis* и некоторые ископаемые, «приписываемые ныне к *A.afarensis*». Все остальные австралопитеки, включая собственно афарского и африканского, с их более мощными зубами считаются тупиковой ветвью. (Отдельных австралопитеков французы объявили предками человекообразных обезьян, − В.Т.).

Вторая находка вновь сделана группой М.Лики в местечке Ломекви на берегах оз.Туркан (его окрестности уже являли миру *A.anamensis)* при раскопках 1998-1999 гг. О такой находке можно было только мечтать: хорошо сохранившийся небольшой череп лежал в датируемой 3.5 млн лет вулканической породе. Мелкие коренные зубы и плоское лицо существа, а также ряд других признаков не позволяли отнести его ни к австралопитекам, ни к ранним *Homo.* Необходимо было или сильно изменять устоявшиеся родовые диагнозы, или учреждать новый род. Лики выбрала второй путь и описала находку под именем *Kenyanthropus platyops* (плосколицый кениец). Сходное сочетание признаков имелось и у ранее известного (и не вполне понятного) *H.rudolfensis* (2 млн. лет назад), так что его тоже причислили к кениантропам в качестве второго, более молодого вида этого же рода.

Появление кениантропов, живших одновременно с большинством австралопитеков, окончательно перепутало средние ветви филогенетического древа гоминид, но Лики с соавторами почти не говорят об этом. Зато Д.Либерман из Университета им. Дж. Вашингтона (США) предлагает схему, по которой кениантропы оказываются лишь боковой тупиковой ветвью эволюции человека, а главная линия каким-то образом проходит через австралопитеков. Интересно, что и Либерман, и французские палеоантропологи отодвигают *A.africanus* в сторону от главной линии развития. *K.rudolfiensis,* который, по французской трактовке, должен бы находиться на основном стволе, теперь перемещается в конец тупика. Больше все-

го не повезло от этих перетрясок *Homo habilis:* его склонны считать не первым человеком, а последним австралопитеком, не покушаясь, правда, на его важнейшую роль в основном стволе эволюции.

И наконец, третья находка. Снова Эфиопия, снова Афар. Американские исследователи обнаружили в долине Аваш остатки ардипитекуса миоценового времени (5,8-5,2 млн лет назад). Кости были описаны как подвид *Ardipithecus ramidus kadabba* («кадабба» на афарском языке значит «основатель рода»). И.Хайле-Селассие из Университета штата Калифорния, автор нового подвида, полагает, что некоторые черты зубов кадаббы — гоминидные, а значит, место ардипитекам — в предках гоминид, а вовсе не человекообразных обезьян, как решили парижские палеоантропологи. «Французского» же орророна Хайле-Селассие как раз и передвигает в основание обезьяньей линии... Интересно, что, по данным американцев, *A.r. kadabba* (как и *O.tugenensis*) жил в лесистой местности, так что на ранних этапах эволюции гоминид великие африканские саванны еще не играли той роли, которую сыграют потом, во времена австралопитеков» (65).

Нет ничего удивительного в том, что гоминиды скрывались в тропических лесах, а не бродили по открытым саваннам. Роль саванн, как прародины человечества, была антропологами сильно преувеличена в 50-х – 70-х годах 20 в. На самом деле (и это, как мы видим, подтверждается находками), пралюди, оказавшись на материке вдали от моря, поспешили забраться на деревья.

Какие выводы следуют из лаконичного текста Виноградова, этой грамотной «объективки»? Во-первых, налицо несколько независимых, но временами пересекающихся линий развития, которые невозможно свести к одному роду «Homo», даже если б человечество включало в себя несколько видов, а не один. Зато очень логично и просто можно вывести все эти чрезвычайно различающиеся между собой останки к нескольким видам горилл, шимпанзе, орангутанов и гиббонов.

Во-вторых, чем дальше вглубь, тем больше необъяснимых явлений.

В доголоценовое время жили, оказывается, прямоходящие существа с мелкими, ровными человеческими зубами (примеры: орророн, которому 6 млн. лет; плосколицый кениец, которому 3,5 млн. лет). В голоцене, полтора-два млн. лет назад, – клыкастые, гориллоподобные («робустные») или, наоборот, измельчавшие «шимпанзюшные» подобия человека. Неужели в итоге подобного процесса могли появиться мы? Я не стану возражать против идеи собственного происхождения даже от таракана, но покажите, как это было в ретроспективе.

Академическая наука далеко продвинулась в изучении ископаемых гоминид. Она легко может показать, как гоминиды трансформировались в антропоидов. Не случайно человекообразные обезьяны, в отличие от низших, не имеют хвоста. Не случайно они столь человекообразны даже в жестах. Вспомним чисто человеческий жест чесания затылка в состоянии стресса у горилл. Когда горилла видит направленное на нее оружие, она совершает странные действия: энергично бьет себя в грудь и воздымает руки к небу (24, с.301). Не есть ли это древний жест отчаянья, оставшийся с тех времен, когда предки антропоидов еще осознавали свое родство с людьми? Некогда осознаваемое действо превратилось в безусловный рефлекс.

В настоящее время имеется множество фактов, позволяющих вывести все многообразие видов человекообразных обезьян от многообразия видов ископаемых гоминид, прежде всего австралопитеков. Однако антропологи избегают мыслить в данном направлении. Только тогда, когда в очередной раз приходится исключать какого-либо «прямого предка» людей из нашей родословной ввиду новой «сенсационной находки», его сбрасывают в своеобразную «мусорную корзину эволюции», именуя предком обезьян или «тупиковой ветвью». Абсолютно все когда-либо открываемые гоминиды (и «окончательно» объявлявшиеся праотцами и праматерями людей) уже побывали в корзине отбросов. Вспомним, например, шумиху вокруг карлицы «Люси», сенсационную встречу костей заурядной обезьяны в Парижском аэропорту, – а сейчас никто не относит ее к гоминидной линии, разве что сам творец «сенсации» Джохансон.

Симиальная концепция заставляет ученых время от времени извлекать из корзины с отбросами какого-нибудь гоминида, отмывать его и вновь представлять предком человека. Вот пример, как ложная теория подгоняет факты «под себя». Исследовательская мысль выглядит, как бьющаяся в замкнутом сосуде химера. Перечитайте объективный текст Виноградова, и вы поймете, что это именно так. Жаль, много умов пропадает.

Хорошо только то, что антропологи, выстраивая свои схемы эволюции, *признают предками обезьян всех архантропов поочередно.*

5. Рудольф и его тайна

Особый разговор – об эректусах.

Если австралопитеки четко делятся на массивных (гориллоподобных, как правильнее было бы их называть ввиду последующей эволюции) и грацильных (подобных шимпанзе), то эректусы имели средний рост человека. Кроме того, внутренний объем их черепа превосходил мозговую капсулу австралопитеков, достигая и превышая 750 куб.см.

Представление о «мозговом Рубиконе» появилось в свое время именно на основе изучения эректусов, среди которых были известны в первой половине 20в. синантроп, питекантроп и гейдельбергский человек. Первый открытый африканский эректус – это знаменитый №1470. В рамки одного биологического таксона на уровне рода все эти существа попали только после открытия Ричардом Лики номера 1470.

Еще одно открытие Р. Лики вносит, на мой взгляд, ясность в понимание происхождения и судьбы эректусов. Речь идет о найденном in situ костяке подростка мужского пола на западном берегу озера Туркана (в некоторых переводах звучит как «Туркан»). В то время, когда была сделана находка, – в шестидесятые годы – озеро Туркана еще называлось старым колониальным именем «Рудольф». Этим именем я и буду называть древнего мальчика, погибшего от сепсиса, вызванного воспалением зуба. В тексте Виноградова он называется «непонятным» Homo rudolfensis (человеком рудольфским).

Берусь разъяснить его «непонятность», но вначале поведаю, в чем «фишка».

Двенадцатилетний Рудольф имел такой рост, что, если бы вырос, достиг бы роста не менее 180 см. и объема мозговой капсулы не менее 800 куб. см. Он был прямоходящим, его мозг имел развитые зоны речи — Брока и Вернике. Судя по облику, это был бесспорный эректус, т.е. существо из рода Homo. Своим возрастом — 1,6 млн. лет — он в два раза превосходил питекантропа Дюбуа, который также отнесен к роду эректусов (ныне большинство антропологов считают эректусов *первыми людьми)*. Тотчас был сделан оптимистический вывод, что мальчик, безусловно, обладал речью, а, следовательно, мышлением и стоит на прямой линии эволюции к неоантропу.

После того, как был сделан бесспорный вывод о том, что Рудольф обладал речью, одному американскому антропологу пришла в голову мысль исследовать его позвонок с точки зрения соответствия этому выводу.

Дело идет о следующем. Способность к членораздельному говорению определяется уровнем развития не только головного мозга, но и спинного, ибо спинной мозг обеспечивает механику этого сложного акта. Через позвоночник проходят пучки нервных волокон, которые позволяют человеку произвольно регулировать потоки вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, без чего мы не могли бы говорить. Поэтому размер спинномозгового канала является не менее важным критерием для вывода о способности к членораздельной речи, чем наличие в головном мозге зон Вернике и Брока.

Калибр отверстия в позвонке Рудольфа оказался настолько мал, что зоны Брока и Вернике никак не могли быть задействованы в процессе жизнедеятельности и представляли собой мертвый капитал. Какое разочарование для антропологов! И новая загадка: от кого в таком случае Рудольф унаследовал мозговые зоны речи? От австралопитеков? Но у тех они отсутствуют.

Разумеется, можно было бы сделать вывод, что Рудольф умел говорить, а, значит, думать. Однако в таком случае выходило, что он не обладал способностями к дыханию, дефекации и при этом дожил до двенадцати лет. Физиологию не обманешь, приходилось выбирать между первичными и высшими функциями. В сравнении с нашими позвонки Рудольфа оказались слишком массивными, а отверстие слишком малым для того, чтобы там могли поместиться нервные волокна, обеспечивающие механику речи.

Перед нами — яркий представитель поколения людей, по какой-либо причине покинувших морское побережье и приспособивших свой скелет к постоянно испытываемой земной тяжести. Скорее всего, они находились на стадии первой инверсии, когда в результате взаимодействия двух полушарий сформировалось мышление-речь в своей первичной форме, — как «свое иное» разума, как безумие. Они ушли на континент слишком рано, когда еще не были способны сохранить искру, из которой потом мог разгореться огонь разума. В дебрях материка животные инстинкты вновь начали преобладать. Плюс к этому постоянное обитание в условиях земной силы тяжести. В своей первичной форме, форме безумия, мышление-речь еще не представляло собой осознаваемой ценности и люди, сами того не понимая, отказались от него, перешли к чисто животному существованию. Позвоночник, согласно законам эволюции, приспособился к земной силе тяжести, а зоны Вернике и Брока сохранились в качестве рудиментов. Дальше все пошло по Дарвину: что способствовало выживанию в условиях тропичес-

кого леса, начало закрепляться, но это был не разум, а шерсть, вытянутая кисть, приспособленная к хватанию за горизонтальные ветки деревьев и т.д.

Откровенный разговор о Рудольфе особенно значим сейчас, потому что наиболее признанной ныне является французская версия родословного древа человека (см. заметку Виноградова выше по тексту), «спрямленная» после открытия М. Лики кениантропа плосколицего. Согласно данной версии, в основании человеческой линии эволюции стоит оррорин, среднее звено представлено плосколицым кенийцем М. Лики, за которым, в свою очередь, следует Хомо рудольфенсис. Все австралопитеки, включая хабилиса («человека умелого») остаются в стороне.

Но и эта версия, как мы видим, не выдерживает критики. В настоящее время попытки антропологов разных стран представить более-менее достоверное родословное древо человека напоминают крыловскую басню «Квартет».

Загадка Homo rudolfensis получает решение только после отказа от симиализма. Рудольф — это факт, а симиализм — концепция. Каждый имеет право выбирать между фактом и концепцией, я выбираю первое.

Глава 3. АРХЕОЛОГИЯ

1. Где серого вещества больше?

Чем разнятся между собой эволюционная антропология и археология палеолита? Антрополог, осуществляющий полевые исследования, — тот же археолог, у которого, как шутят насчет самих себя заядлые археологи-полевики «серого вещества больше под ногтями, чем между ушами». На практике археолог и антрополог часто встречаются в одном лице.

И все же разница существует, она носит методологический характер. В большей степени антропологом, чем археологом, является ученый, специализирующийся на доскональном изучении останков собственно древних людей. Основным методом традиционной эволюционной антропологии является анатомо-морфологический. В большей степени археологом, чем антропологом, является тот, кто осуществляет все реконструкции, опираясь, прежде всего, на ископаемые предметы. Не случайно второе название науки археологии звучит так: «история материальной культуры».

Вердикт о том, являются ли предметы, найденные вместе с останками какого-либо древнего гоминида, артефактами, т.е. искусственными изделиями, или они — творения природы, — выносят именно археологи. Данный вердикт чрезвычайно важен, учитывая, что вся концепция симиализма зиждется на трудовой теории.

В современной эволюционной антропологии, признаваемой академическим миром, кроме симиализма ничего нет. Но ведь симиализм сам по себе теорией не является. Сам по себе он является голой максимой, концептуальным высказыванием, что человек произошел от обезьяны, и бо-

лее ничем. Почему и как это произошло, — насчет этого придумано много гипотез, но ни одна из них не дотягивает до уровня теории, кроме одной: трудовой теории антропогенеза. В качестве гипотезы она высказывалась давно, но системно обосновал ее впервые Ф. Энгельс во второй половине 19 в. (66).

Хорошая теория должна объяснять большинство фактов, а те, которые не вмещаются в ее рамки, должны выглядеть в качестве исключения, подтверждающего правило. Вплоть до середины 20 в. трудовая теория оправдывала свое значение единственной внятной теории антропогенеза. Правда, встречались еретики, вроде Б.Поршнева, которые не считали орудийную деятельность критерием разумности. Однако большинство ученых считали, что именно орудийная деятельность объясняет и 1) прямохождение (цель — высвободить руки) и 2) формирование «трудовой ладони» («точный захват») и 3) рост мозга «мало-помалу» по мере усложнения трудовых операций.

Наверно, мы будем не правы, если скажем, будто эта устоявшаяся теория полетела в тартарары из-за лавины открытий (в 60-х — 90-х годах 20 в.) множества неизвестных ранее гоминид. Она устарела в силу более обширных и значимых причин, из-за научной революции как таковой. Здесь надо учитывать не только новые данные о характере орудийной деятельности или о морфологии гоминид, которые — открытия — сами по себе были революционными. Большую лепту внесла генетика, которая своими митохондриальными разоблачениями создала кризис идентичности для человека. А психология, которой ныне не существует, как единой науки, — и только по одной причине: она «разбилась» о скалу сознания?!.. Пусть земля будет пухом этой самоубийце: своим крахом она доказала, что логика «потихоньку-понемногу» не имеет никакого отношения к вопросу происхождения сознания. «Мало-помалу» оно не возникает в мире дикой природы. Даже если в ней, в природе, «жизнедействуют» высокоразвитые организмы, создающие и использующие орудия труда. Самые сложные формы инстинктивного труда и социального поведения не могут перейти в новое качество: в сознание.

2. Проблема первой культуры

Основываясь на типологии каменных орудий, археологи традиционно подразделяют эпоху палеолита на три больших периода: нижний, средний и верхний. Отношение к процессу антропогенеза имеют первые два. Средний палеолит, или мустье, традиционно связывается с неандертальцами, которые считались предками кроманьонцев, которых, в свою очередь, относили к неоантропам. Ныне большинство антропологов придерживаются точки зрения, что неандертальцы не являлись предками ни кроманьонцев, ни неоантропов. Т.о. даже на уровне среднего палеолита, времени, которое хронологически ближе к нам в десятки раз, чем эпоха, когда начался антропогенез, — даже здесь далеко не все ясно. Непонятно, кто за кем шествует.

Те миллионы лет, которые вмещает в себя нижний палеолит, традиционно подразделялись на шелль и ашель. Основным орудием труда в шелльско-ашельскую эпоху, которая еще недавно признавалась в качестве древнейшей, было ручное рубило.

После открытий Лики в Восточной Африке была выделена т.н. «олдувайская культура», иначе именуемая «галечной», которая ныне считается самой древней археологической культурой. Подразумевается, будто носителями ее являлись Хомо хабилисы («человеки умелые», второе название «презинджантропы»). Нижний палеолит подразделяется теперь на олдувай, шелль и ашель (в иных реконструкциях – олдувай и ашель).

Археологов такое членение пока устраивает, а вот антропологов – нет. Ложку дегтя влил в свое время еще Луис Лики, отказав «своим» хабилисам в праве именоваться предками людей и носителями первой культуры на Земле. Большинство современных антропологов считают хабилисов последними австралопитеками, а не первыми людьми (см. заметку Виноградова выше по тексту). Австралопитеков же исключили из череды наших предков.

Констатируем: между археологами и антропологами существует системное противоречие в оценке создателей первой каменной индустрии. Археологи выделили по камням олдувайскую культуру, как первую в истории человечества. Антропологи отрицают не только факт, что ее носители являлись первыми людьми, но даже тот факт, что хабилисы развивались в направлении очеловечения.

Но ведь сама олдувайская каменная индустрия существует. Это научный факт, мимо которого пройти невозможно. Мы должны честно взглянуть на нее глазами археолога, – с позициями антропологов мы уже знакомы. Мы должны отрешиться от скепсиса в отношении умственных способностей хабилисов, которые основываются на реконструируемой анатомии, и думать исключительно о камнях. Пусть говорят камни.

С точки зрения теоретической, – постольку поскольку никакой иной теории антропогенеза, кроме трудовой, до сих пор не существовало – каменная индустрия является точкой отсчета, альфой и омегой. Правда, одни специалисты считают начало систематической деятельности по изготовлению орудий труда истоком антропогенеза, другие – точкой омега, т.е. завершением этого процесса.

Вторая часть проблемы заключается в вопросе, что считать началом каменной индустрии. Гальки олдувая или гораздо более позднее время, когда появилась техника леваллуа (изготовлению самих орудий предшествовала стадия подготовки нуклеуса, – универсальной «болванки»)?

Леваллуазская техника фиксируется только с конца ашеля, т.е. примерно 0,1 млн. лет назад (ныне все датировки сдвигают в любую сторону почти произвольно, я привел традиционную). У неандертальцев в среднем палеолите, во временах, которые гораздо ближе к нам, имелась развитая техника обработки камня, она была нуклеотическая, – вдруг выяснилось, что авторы мустьерских орудий отнюдь не люди, нашими предками не являются, а наличие у них разума под большим вопросом. Б.Поршнев называл их «троглодитидами» и считал животными. В последнее время стали очень популярны представления об «инстинктивном труде» гоминид (Ю.И. Семенов и др.). Возможен ли вообще рамочный подход?

3. Интернационал иванушек

Анатомо-морфологический метод потерпел фиаско в попытках установить рамки процесса антропогенеза. Антропология лишилась таких обще-

признанных в свое время критериев, как «мозговой рубикон», «триада критериев сапиентности» и оказалась в пустыне без каких-либо вех. Ситуация даже хуже: генетика, наука жестокая, встала перед палеоантропологией, как с ножом убийца. Установлена почти полная тождественность по генам человека и шимпанзе, но общее происхождение от шимпанзеподобных обезьян не прослеживается по морфогенезу. Анатомо-морфологические выводы насчет гоминид все более напоминают разбитое корыто.

Жили-были три брата: два умных, третий — дурак. Чем выше степень точности методов, применяемых той или иной дисциплиной, тем она претенциознее. Генетика — дисциплина биологическая, эволюционная антропология — биологическая и гуманитарная одновременно. Археология — наука гуманитарная, часть истории.

Совсем как в сказке Ершова: у старинушки три сына; старший умный был детина; средний сын и так и сяк; младший вовсе был дурак. «Старинушка» в данном случае — это синтетическая теория эволюции. Гуманитарные науки — наименее «точные» из всех. Это и недостаток, и достоинство одновременно. Многочисленные попытки превратить археологию в позитивную науку (в смысле более-менее точную), внедрить в нее математические методы, не сдвинули ее с гуманитарной основы.

Поведение археологов в какой-то степени фольклорно. Отчасти напоминает поведение Иванушки-дурачка из русских сказок.

Одним из наиболее авторитетных ученых, пытавшихся преобразовать археологию в позитивную науку путем внедрения математических методов, является В.Ф. Генинг. Не случайно именно по его инициативе в 1988 г. вышел сборник «Проблемная ситуация в современной археологии». Нас интересует в ней раздел «Происхождение человека», автором которого является крупнейший палеолитчик С.В. Смирнов.

«За последние десятилетия археология многократно увеличила объем источников по антропогенезу, — одобрительно пишет он, и, в то же время критикует коллег, — современная археология не только не приумножила, но в определенной мере даже утратила те междисциплинарные связи, которые характеризовали археологическое знание в предшествующее время» (17, сс.102-103).

Эта критика справедлива только отчасти. Надо говорить не об «измене» археологов синтетической теории эволюции человека, а о кризисе междисциплинарных связей внутри этой метатеории. Двое «позитивных» (читай: умных) «старших братьев» тоже утратили междисциплинарные связи, «расплевались» друг с другом. Данные генетики человека и данные антропологии (основанные на морфологии) не согласуются друг с другом. А что делать археологам, когда у них налицо каменная индустрия хабилисов, которым позитивные науки отказывают в наличии даже зачатков разума? Эти существа, оказывается, не только не являлись людьми, но даже и не развивались по пути гоминизации!

Вот тут-то и проявился «синдром Иванушки». Современное развитие теории антропогенеза внутри археологии, порвавшей междисциплинарные связи с антропологией, проходит под девизом «не надо нам морочить головы». Другой вариант девиза: «пусть лошадь думает, у нее голова большая». Иначе чем объяснить следующие высказывания?

«*В теоретических реконструкциях многих археологов антропогенез, как длительный эволюционный процесс становления нового социального качества перестал существовать* (!!! – В.Т.). *Он фактически сведен к необъяснимому с позиций историзма акту внезапного возникновения человека, общества и социальных закономерностей уже в самом начале четвертичного периода*» (17, с.96).

Печка пошла по щучьему велению.

Теория антропогенеза подразумевает целостность и переходность этого процесса. Кто-то происходит от кого-то подобного и цепочка при этом должна быть непрерывной. Иначе – о какой теории вообще можно толковать? Однако

«...*Большинство археологов-палеолитчиков отрицают не только принцип целостности, но и принцип переходности*» (17, с.95).

Печка не только сама пошла, но по дороге внезапно превратилась в «мерседес» без каких-либо подспудных морфологических преобразований, а кирпич при этом превратился в пластик.

Человек – существо биосоциальное по природе. Это известный научный догмат, не менее значимый для науки, чем догмат о двуединой сущности Христа для религии. В 1971 г. Д.Крайнов предложил идею о разновременности возникновения биологических и социальных качеств человека. При этом социальное предшествует биологическому, – считает Д.Крайнов. До сих пор о разновременности возникновения социального и биологического начал в человеке могла говорит только церковь. Как известно, религия учит, что Бог создал первого человека, общество появилось потом. А как вам обратный взгляд: вначале общество, потом человек? Абсурд? Ученые думают по-другому.

«Выводы Д.Крайнова, с одобрением принятые археологами, встретили критическую оценку в философской литературе, где, в частности, подчеркивалось, что он не понял специфики философской категории становления. Тем не менее, изложенная им *идея о разновременном возникновении биологических и социальных свойств человека надолго закрепилась среди археологов*» (17, сс.93-94).

Печка, оказывается, топилась, ходила и общалась с Иванушкой до того, как появилась на свет. Не будучи еще никем, она уже была общественницей.

В периоды, когда наука развивается в направлении, соответствующем здравому смыслу, она не нуждается в таком арбитре, как философия. Метафизические помочи нужны тем дисциплинам, которые слегка «сошли с ума». Философия – незаменимая помощница для наук, когда те доходят до абсурда, благодаря ее – философии – способности «находить хорошие основания для чего угодно» (выражение Гегеля), используя метод спекуляции. Кстати, последнее слово еще в 19 в. представляло собой чисто философское понятие, а свой базарный смысл приобрело недавно. Вообще-то «спекуляция» буквально означает «созерцание», как метод познания.

Со стороны антропологов скепсиса в отношении археологических реконструкций не меньше, чем со стороны археологов – в отношении «целостности» и «преемственности» морфогенетических выкладок антропологов. В 1983 г. в Москве состоялось Всесоюзное рабочее совещание по проблеме происхождения человека. Выступивший на нем антрополог М.И.У-

рысон заявил следующее: «*...нарисованная картина взаимосвязи морфогенеза тела и развития труда ныне оказалась неудовлетворительной*» (17, с.103).

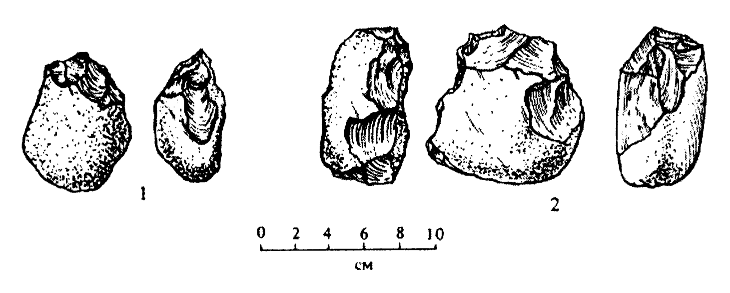
4. Существует ли преемственность первых культур?

Академический мир уже признал в качестве аксиомы, что труд и прямохождение древних гоминид не связаны между собой; что двуногая локомоция на миллионы лет (на 4 миллиона лет!) древнее первых ископаемых орудий труда.

Что касается «трудовой руки», то этот бастион еще стоит. Большинство специалистов по-прежнему считают, что отстояние большого пальца от остальных оформилось в процессе трудовой деятельности по изготовлению орудий. Знания о том, что формула «один против четырех» представляет собой древнейшую формулу конечности первых млекопитающих, живших 70 млн. лет назад, для них как бы не существует, постольку поскольку это знание не имеет отношения к обезьянам. Все, что не от обезьян для ученых-эволюционистов, – от лукавого. Вот здесь и нужен такой свидетель, как археология в смысле истории материальной культуры.

Мы имеем оббитые с одной или с двух сторон гальки. Те, которые оббиты с одной стороны, называются чопперы. Бифасы, – сколотые с двух сторон гальки, – называются чоппинги. Каменюки весьма увесисты: килограмм и более. Можно ли считать их орудиями труда, или они сродни тем камням и палкам, которые хватают и довольно эффективно используют человекообразные обезьяны? Все зависит от преднамеренности сколов, от типологической повторяемости форм, а также от регулярности применения определенных технических приемов обработки камня.

Когда в обработке камня прослеживается традиция, наблюдаются следы в виде однотипных ударных площадок, потому что удар с целью сделать скол совершался под определенным углом. Исследуя древние камни лабораторно, археологи рассматривают их под микроскопом, отдают на трасологический анализ и т.д. В пределах ударной площадки фиксируются настойчивые попытки сделать именно тот скол, какой необходим, чтобы получить определенную типовую форму орудия. С первой попытки нужный скол получался далеко не всегда. Работа с камнем требовала большого терпения со стороны наших предков.

«Орудия» Олдувайской «культуры»

На оббитых гальках Олдувая подобная работа не прослеживается. Поэтому некоторые археологи считают, что орудиями труда являются не сами эти оббитые гальки, а сколы с них, которые, в свою очередь, тоже носят случайный характер и имеют нестандартные формы (77, с.13). Поэтому и данное предположение выше уровня гипотезы, «одной из», поднять невозможно.

Гораздо более обоснованным выглядит мнение о непреднамеренном характере сколов с массивных галек. Являясь поедателями мозгов, гоминиды в определенный момент исторического времени начали использовать тяжелые округлые камни для раскалывания костей. Это позволило добывать калорийную белковую пищу не только из черепов, в которых имеются естественные отверстия, но и из берцовых костей. Отсюда и сколы.

Больше всего нас интересует вопрос, как хабилисы держали эти камни в руках, была ли им необходима для этого именно «трудовая» форма руки? Какую роль играл большой палец? Действительно ли он отошел от остальной ладони на 90 градусов в связи с использованием каменных орудий труда? Или хотя бы начал «отходить» во имя этой цели и в процессе труда?

Реконструкции способов употребления чопперов и чоппингов опровергают подобное предположение. Более того, отстоящий пятый палец был бесполезен даже при употреблении гораздо более позднего ашельского рубила. При использовании таких крупных, грубых и тяжелых орудий эффективен мог быть только двусторонний захват, когда с одной стороны камня нижняя часть ладони, а с другой – все пальцы вкупе. И чем их больше, тем лучше. Выходит, что для пользования ручными рубилами нижнего палеолита больше подходила ладонь с пятью параллельными лучами.

«Ни прямохождение, ни рука не являются привилегией только антропогенеза (это результат эволюции в различных формах)», – говорится в одном из академических изданий (22, с.93).

Итак, археология не подтверждает трудовую теорию. От руки обезьяны к человечьей через упорный труд не было дороги. Наши животные предки смогли стать людьми, потому что имели это (и не только это, но кое-что еще крайне необходимое) от природы. Они унаследовали это, разумеется, не от обезьян, ибо у ископаемых приматов ничего подобного не наблюдается.

Отсюда упорный теоретический нигилизм археологов. Он исходит из интуитивного понимания, что разум пришел в мир другим путем, не через «терпение и труд». И эта точка зрения опирается на факты. В известном смысле, археология является наиболее точной из всех наук, занимающихся антропогенезом. Она одна извлекает на свет божий из земли тяжеловесные факты. Разница между археологом-полевиком и академической «белой костью» такая же, как между сыщиком, работающим «на земле» и преподавателем юридического института, который учит, как ловить бандитов, а сам в жизни ни одного живого преступника не видел.

Психологическая подоплека этих противоречий именно такова. Иному хорошему сыщику тоже приходится прикидываться «Иванушкой», простачком, чтобы ускользнуть от навязчивого контроля вышестоящего начальства, не понимающего, что своими наукообразными «указивками» оно губит все дело. Я не понаслышке знаю, что археологи-практики и не жаждут разбираться в «специфике философской категории становления», ко-

торое – непонимание – им ставят на вид. И если их взгляды, будто сознание и общество появились задолго до того, как появился человек с его «трудовой рукой», представляют собой некое безумие, то не лежит ли безумие в самом истоке антропогенеза?

Чопперами, чоппингами, ручными рубилами могли пользоваться австралопитеки и эректусы, представлявшие собой огрубевших, одичавших, потерявших разум людей, которые в разные времена волнами уходили с побережья на материк. Чем позже уходили, тем больше навыков уносили с собой. Отсюда тот обманчивый «прогресс» в развитии каменной индустрии, который наблюдают археологи и который – именно он – все-таки удерживает их в рамках симиализма и трудовой теории, несмотря на весь их теоретический нигилизм и ернические высказывания.

Прогресс прогрессом, но преемственности-то нет! Целостный процесс развития каменной индустрии не выстраивается вплоть до верхнего палеолита! Материальные «культуры» хабилисов, эректусов и палеоантропов никак не связаны между собой, наблюдается полная дискретность, согласно данным археологии. Принципы целостности и преемственности начинают «работать» только с верхнего палеолита, с послеледниковья. Вот там переносы традиций от палеолита к мезолиту с его микролитической техникой, а от мезолита к неолиту прослеживаются.

Дискретность «трудовых навыков» гоминид нижнего и среднего палеолита, даже если они и были, эти самые трудовые навыки, ясно говорит о том, что это были волны переселенцев, абсолютно не связанные между собой и враждебные друг другу.

Средний палеолит или эпоха мустье – это время палеоантропов. Еще недавно к ним относили одних только неандертальцев, которых подразделяли на «прогрессивных» и «классических». Кроманьонцы считались первыми настоящими людьми и непосредственными предками человечества. Ныне позиции поменялись.

Ситуация с кроманьонцами, которых еще в 80-е годы считали «неоантропами» и выводили от линии «прогрессивных» неандертальцев пещеры Схул в Палестине, ныне мутна. Напомню, что абсолютная хронология палестинских находок дала картину регресса: кроманьонцы – 100-110 тыс. лет; «прогрессивные» неандертальцы с чертами кроманьонского типа – 60-70 тыс. лет; классические неандертальцы – 40 тыс.лет назад (25, с.11; 73, с.88).

Недавно появились новые подтверждения этой последовательности. «В 2002-2003 гг. группа ученых под руководством палеоантрополога М. Шенингер (США) и геохимика Г.Шварца (Канада) провела изотопный анализ зубной ткани найденных в пещерах животных, которые служили пищей древним людям (H. sapiens поедали в основном коз, неандертальцы – газелей)... Оказалось, что козы щипали траву на засушливых пастбищах, и, значит, люди современного типа, потреблявшие их мясо, жили в сухом климате. Газели же, а, следовательно, и неандертальцы, жили в более прохладных и влажных условиях» (73, с.88). Остается добавить, что 100 тыс. лет назад в Палестине был сухой климат, а 40 тыс. лет назад – прохладный и влажный из-за северного оледенения.

Ситуация примерно та же, что и с архантропами: чем древнее, тем умнее и умелей.

На других территориях картина примерно та же. В 1953 г. на окраине Бахчисарая в Крыму в поселке Староселье был обнаружен костяк мальчика, который лежал под 40-сантиметровым слоем с орудиями труда неандертальцев. Малыш – несомненный неоантроп, *с явственными признаками костной патологии* (см. рисунок на стр. 150). В 1953 г. допустить мысль, будто неоантроп мог жить раньше палеоантропа не могли, поэтому был сделан вывод, будто мальчик оказался ниже мустьерского слоя, потому что был «зарыт», похоронен. Однако известно, что захоронения всегда видны по стратиграфии, ибо невозможно вырыть яму, не переместив слои земли. Здесь о стратиграфическом обосновании вывода, будто мальчик был зарыт, нет и речи. Вывод о захоронении был сделан, судя по «хорошей сохранности скелета» (21, с.150). Основание явно недостаточное, а вывод был сделан опять-таки в угоду господствующей концепции.

5. Рубило или клубок?

Крах, который потерпели археологи, пытавшиеся выстроить адекватную модель развития орудий труда нижнего и среднего палеолита, говорит о многом. В 80-х годах я снимал двухкомнатную квартиру на пару с одним коллегой, археологом-палеолитчиком, который был одержим идеей создать новую, адекватную открытиям века, типологию палеолитических индустрий. Он был очень толков (выступал на Международном уровне), эрудирован и чрезвычайно, даже чрезмерно одержим. Своими «сколами», «отщепами», «нуклеусами», «ударными площадками» он бредил даже по ночам. Помню вырвавшийся у него однажды вопль отчаяния по поводу первобытных мастеров: «Да они что, дегенераты были, что ли?!..»

Он бредил каменным веком, а всю остальную археологию считал не заслуживающей внимания суетой. На этой почве мы остро конфликтовали, когда я узнавал, что, руководя комплексной экспедицией, он разнес курган РЖВ (ранний железный век) бульдозером, чтобы извлечь находки и сдать в музей для отчета. Или – что доверил руководство раскопом андроновского поселения студенту иняза, а сам ни разу не появился за все лето на раскопе. На мои внушения, когда я называл его «варваром», он реагировал словами: только палеолит заслуживает внимания. Мы расстались в 1986 г. В 1999 г. я его вновь встретил. Каково ж было мое удивление, когда я узнал, что он копает все подряд, кроме палеолита, даже средневековье! О типологии камней он уже и не заикается.

Абстрагируемся и мы от каменных орудий архантропов и палеоантропов, пусть они «отдыхают», постольку поскольку это орудия труда не наших предков, а различных линий деградантов. Но что мы можем сказать о подлинных орудиях труда настоящих людей?

Было бы нечестно, отринув утвердившиеся мнения, не предложить адекватную замену. Вопрос: где ее взять?

Неужели в материалах раскопок присутствуют какие-то артефакты, которые не вписываются в сложившиеся представления об антропогенезе и потому игнорируются, замалчиваются, «не замечаются» официальной наукой? Неужели имеют место быть подобные не единичные находки?!

Да, они имеются. Еще в 1924 г. первооткрыватель «южной обезьяны африканской», т.е. австралопитека африкануса, первого из череды австралопитеков, которая — череда — оказалась настолько длинной, что конца ей не видно, Раймонд Дарт обратил внимание на одну странность. В пещерах, где обитали австралопитеки Южной Африки, находились черепа бабуинов и других обезьян, а также черепа австралопитеков с дырами, пробитыми еще при жизни.

Странность, разумеется, не в том, что кто-то кому-то проламывал головы в древности, а в форме отверстий. Это были довольно аккуратные круглые дыры, как будто пробитые небольшим круглым предметом. Хищников, которые могли бы нанести подобные раны, не существует. При австралопитеках африканусах, кроме костей, ничего найдено не было, никаких орудий. Даже если предположить, что они использовали тяжелые гальки, как открытые позже австралопитеки Олдувая, — объяснения круглым отверстиям в черепах нет. Чоппером можно было размозжить голову, но не сделать в ней аккуратное круглое отверстие.

В тридцатых годах странные черепа начали попадаться при раскопках в пещере Чжоукоудянь. Здесь же находили тщательно обработанные небольшие круглые камни, нередко с бороздками. Представить себе, что эти камни делали синантропы, было невозможно. Они остались загадкой.

Во второй половине 20 в. в Центральной Африке подобные камни начали находить при сенсационных раскопках архантропов, о которых подробно сказано выше. Теперь, наконец-то, сфероиды получили название: «боло» или «боласы». Так называются небольшие круглые шары, которые использовали индейцы во время охоты на лам. Боласы привязывали к веревке и метали под ноги бегущей ламе. Благодаря инерции камня веревка обвивается вокруг ног животного, и оно падает на бегу. Это довольно сложное орудие и оружие одновременно. Инки успешно применяли его, чтобы валить всадников-испанцев (67; 80).

Изобретение, изготовление и применение боласа требовало ума и сноровки. Грубые рубила архантропов и тщательно обработанные камни боло никак не укладывались в модель единой культуры. Данное обстоятельство стало одной из причин «разжалования» Луисом Лики открытых им австралопитеков (хабилисов и пр.); причиной трагического отказа от лавров открывателя первой человеческой культуры после двадцати лет славы.

В слоях с останками яванских питекантропов тоже находились сфероиды, круглые и блестящие. Они блестели, потому что являлись тектитами, — оплавленным природным стеклом. Тектиты, геологическое происхождение которых до сих пор доподлинно неизвестно, образуют поля рассеяния. Удивляет их концентрация в районе находок костей питекантропов Юго-Восточной Азии.

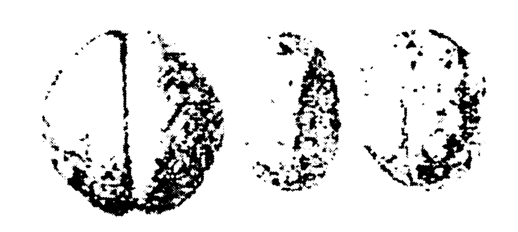
Луис Лики предположил, что круглые камни использовались неизвестными науке людьми в качестве оружия по типу боло, с привязанной веревкой из кожи. Кроме того, что древние хозяева подобного оружия пока неизвестны, существует еще одна трудность: не найдено столь древних предметов, которыми можно было бы распускать кожу на веревки. Начинается какая-то другая, параллельная официальной, наука, чувствуете?

Академической науке, эволюционной антропологии ничего не остается, кроме как игнорировать археологические артефакты, причем, – массовые. Такие потрясающе честные ученые, не способные пройти мимо любого значимого факта, как Эжен Дюбуа и Луис Лики, встречаются не часто.

Мэри Лики заявила: «Хотя и не существует прямых доказательств использования сфероидов в качестве метательных орудий bolas, до сих пор не было представлено какого-либо другого толкования, которое бы объясняло количество этих орудий, а также то, что многие из них были должным образом тщательно обработаны. Если бы они использовались исключительно как метательные снаряды, которые обычно бывает трудно отыскать после того, как их запустили, то на их тщательную обработку вряд ли тратилось бы так много усилий» (26, с.177).

Пусть чопперы отдыхают, хотя с них и удобно начинать отсчет согласно пошлой логике «мало-помалу». Сфероиды, многие из которых «должным образом тщательно обработаны», а другие имеют природную форму шара – вот подлинные орудия настоящих людей. Сейчас я попробую объяснить их происхождение и использование.

Безусловно, ими не бросались, рискуя потерять при каждом броске, тем более, что эффективным оружием боло является только на привязи. Если небольшой камень просто бросить, не убьешь даже человека. Если его хорошо раскрутить на привязи, можно убить даже быка. Виртуозно владеющий подобным оружием человек нападает стремительно, как змея. И даже против змей подобное оружие эффективно. Более того, в схватке с большой змеей любое другое оружие неэффективно. Используя боласы, можно задушить даже большого удава, если нападать коллективно и с разных сторон в тот момент, когда змея поднимает голову для нападения или защиты. Им без больших усилий можно разбить панцирь моллюска и голову врага. При этом оружие компактно и удобно, и незаметно лежит в сжатой руке.

Боло из Мирамара

Изобретение боло в самой глубокой древности было возможно при двух обстоятельствах: наличие природных камней подходящей формы и готовой природной нити. Специально обтачивать камень и нарезать веревки из шкур, держа общий замысел боло в голове, – это было немыслимо для древних гоминид. К счастью для нас, оба элемента самого древнего орудия человека имелись в его распоряжении в готовом виде. Ему оставалось только соединить их. Наши предки имели это благо, потому что жили у моря и в море.

Мелкие гальки часто имеют почти идеальную форму, благодаря тому, что прибой непрерывно перекатывает их и трет друг о друга. Часто они имеют готовое гнездо для привязи. Речь идет о т.н. «курином боге», — обкатанной небольшой гальке со сквозным отверстием, пробитом каплями воды. Пишу «часто», потому что «куриные боги» являются известным сувениром, их во множестве увозят с пляжей отдыхающие. Собирают с этой целью, потому что принято считать, будто они приносят счастье. В 1997 г. на таком людном курорте, как Коктебель, я за 10 дней нашел два «куриных бога», не ставя перед собой такую цель, случайно. А сколько их вывезли оттуда? В древности они, безусловно, попадались гораздо чаще. Вначале, скорее всего, наши предки использовали их, а потом научились выбивать в поверхности круглого камня желобки для крепления волосяной петли. Тщательная обработка, о которой пишет М.Лики, заключается, в основном, в этом.

Существует объяснение, почему тщательно обработаны не все, а некоторые из круглых камней. Боласы, бросаемые под ноги, не требуют тщательной обработки. Инки просто привязывали несколько гладких подокруглых камней, не прошедших никакой обработки, и так использовали. Болас, используемый с целью пробить череп человека или животного, требует тщательной подготовки. Это должен быть почти идеально круглый камень, в природе такие встречаются редко. Именно на них фиксируются следы искусственной обработки и желобки.

Готовая природная нить всегда была с людьми. Это волос. Бог и природа дали человеку не только способный к мышлению мозг, предрасположенную к труду руку, но и первый предмет труда, — крепкую и длинную нить. Найдите другое животное, из тела которого сам собой непрерывно рос бы готовый к использованию без всякой обработки предмет труда. Когда инструмент труда (рука) и предмет труда находятся в одном месте, каждый день много раз соприкасаются и этот контакт длится несколько миллионов лет, — трудно не стать трудящимся. Человеческий волос — это наша нить Ариадны к разуму, к свету, к выходу из лабиринта тупых животных потребностей. Ему надо слагать оды.

«Человеческий волос по прочности вполне может соперничать с самой прочной сталью. При толщине всего лишь в пять сотых миллиметра обычный волос легко выдерживает груз весом до 100 граммов. Попробуем произвести расчеты: плотный пучок волос толщиной один квадратный сантиметр способен выдержать груз весом 5 тонн — столько вмещает кузов среднего самосвала. Обычная женская коса состоит примерно из двухсот тысяч волос, следовательно, она может легко выдержать груз весом 20 тонн!» (27, с.63).

Труд начинался с манипуляций с волосами — своими или умерших сородичей. Соединить два представления, камень и волос, сложнее, чем сплести что-либо из волос методом проб и ошибок. Возможно, первая петля получилась случайно, а это уже и оружие, и орудие. Соединение петель дало сеть. Соединение петли с камнем дало болас. Связывание сети с боласами дало полноценный невод. Связывание крупных костей и жердей дало жилище. Длинный волос плюс наживка на какой-нибудь колючке — это рыболовная снасть. Волос, применяемый, как режущая нить (вспом-

ним, как в магазинах режут сыры) — способ разделки крупного моллюска. И так далее. Здесь логика «мало-помалу» оправдана. Технический прогресс таким образом и осуществляется. Данное явление не заслуживает никакого восхищения, потому что технический прогресс представляет собой самое элементарное, скучное и рутинное, что может происходить от человека. В нем нет никакой тайны. Меня ничто так не удивляет, как восхищение моих современников «чудесами техники».

Если трудовая теория антропогенеза будет исходить из передника мисс Марпл, а не бездарных валунов, то у нее появится больше шансов сохраниться. Кстати сказать, такая тенденция уже наметилась. В связи с низвержением археологами принципов преемственности и целостности в развитии каменной индустрии палеолита, научный статус рубила и отщепа сильно упал, начали появляться альтернативные точки зрения. Никто уже не твердит, как аксиому: «первым орудием древнего человека было ручное рубило». А ведь еще лет двадцать назад усомниться в этой сентенции было все равно, что объявить себя сумасшедшим.

Тенденция заключается в том, что каменная индустрия лишается своей основополагающей роли. По-прежнему считая, будто сознание и тело человека сформировал труд, ученые уже понимают, что каменная индустрия олдувая и ашеля не дает для подобного вывода никаких оснований. Отсюда следующие заявления: «Специалисты считают, что первыми орудиями были осколки костей, острые палки, подносы из коры для сбора листьев» (22, с.42).

Спасительным выходом для сторонников трудовой теории стала несохранность орудий из палок и коры, а осколки костей так обкатаны временем, что по ним ничего определить невозможно. На «нет» и суда нет. Трудовая теория повисла над выгребной ямой истории, ее специалисты ищут аргументы в том, что давно превратилось в перегной. Советую им держаться за волосы.

6. Сходненская крышка и другие феномены

Ирония иронией, но невозможность предъявить волосяную плетенку, сохранившуюся с таких давних времен, когда наши предки находились еще на стадии антропогенеза, представляет собой слабое место излагаемой здесь концепции. Я не могу ее предъявить, точно также, как В.М.Харитонов, автор приведенной выше цитаты, не может предъявить поднос из коры древностью 2 млн. лет.

В.М. Харитонов — доктор наук, один из ведущих мировых специалистов в области теории антропогенеза. Приведя мнение своих коллег (и, скорее всего, свое собственное), что первыми орудиями труда являлись отнюдь не грубо оббитые крупные камни, а нечто другое, он не привел ни одного археологического факта в подтверждение этой точки зрения. Если б я их знал, то непременно привел бы во имя объективности. Но я их тоже не знаю.

Арбитром является археология, неопровержимые свидетельства, извлекаемые из недр. Пока олдувайские валуны отдыхают, мы должны решить вновь поставленный спорный вопрос: что являлось первыми орудиями труда, — изделия из дерева и коры, или из волос? В пользу первого фактов нет, а в пользу второго предположения существуют красноречивые факты.

В 1936 г. при рытье канала Москва-Волга в пойме р.Сходня на глубине 4-х метров была обнаружена черепная коробка. Она лежала в слое водных наносов, в аллювии. В слое выше содержались кости мускусного быка и других представителей мамонтовой фауны. Согласно стратиграфии, находку следует датировать домустьерским временем, т.е. нижним палеолитом. К определению даты смерти древнего человека, безусловно, имеет место еще и следующий факт: «кости животных фоссилизированы слабее, чем череп человека» (21, с.155).

«Одно обстоятельство усложнило датировку черепа, — пишут далее специалисты, среди которых В.М.Харитонов, — на его наружной поверхности обнаружился рисунок, напоминающий ткань частой и тонкой сетки. На ископаемых черепах такой «рисунок» встречен впервые» (21, с.155).

Видимо, данное обстоятельство очень сильно усложнило датировку черепа, если специалисты остановились на том, что «древность черепа определяется позднеледниковьем» (21, с.155).

Это при том, что ледниковая фауна залегает выше, а кости ее представителей по структуре выглядят более молодыми, чем кости человека!

Самое удивительное, что на неандертальца человек, носивший на голове какую-то материю, похож не был. Это был неоантроп, человек разумный, с некоторыми отклонениями в сторону неандертальца (с признаками костной патологии, — В.Т.) (21, с.155).

Перед нами та же картина, которую с полным правом можно называть закономерной: чем глубже, чем древнее, тем совершеннее представители рода человеческого. Неандерталец является современником мускусного быка, а наш сходненец по объективным стратиграфическим данным явно старше.

Официальную датировку черепа позднеледниковьем можно объяснить только боязнью специалистов признать возможность плетения в нижнем палеолите. Во всяком случае, иных оснований, почему надо было идти «против стратиграфии» не существует. Стратиграфия в археологии — царь и Бог. Нельзя идти «против стратиграфии», не приведя оснований, которые всегда кроются либо в геологии, либо в деятельности животных и человека. На Сходне таких оснований нет.

Плюс прогрессивные человеческие черты. Разве антропологи могли допустить, что неоантроп мог жить до неандертальца? Поэтому «сходненца» искусственно «омолодили».

Выходит, что даже в тридцатые годы наличествовали археологические данные, которые заставляли усомниться в общепринятой схеме антропогенеза. Сейчас, когда известны стоянки неоантропов, которым более 100 тыс. лет (книга писалась в Сантьяго; в чилийской газете «Эль Меркурио» в это время было опубликовано сообщение о находке стоянки неоантропов возрастом 195 тыс. лет, — 68) — прогрессивные черты сходненского черепа более не являются препятствием для его ранней датировки: **доледниковый период**, т.е. **нижний палеолит**.

Сходненский череп уникален. Россия обладает бесценным сокровищем, в сравнении с которым знаменитая Люси, посмотреть на которую собралась толпа в Париже, — просто мусор.

Судя по отпечаткам на крышке черепа, материя была изготовлена настолько искусно, что вызвала мысль о ткачестве. Но, с другой стороны, о

каком ткачестве можно говорить хотя бы и в ледниковый период?! Хотя бы в ледниковый период, пойдя, вопреки стратиграфии, на подтасовку даты в сторону омоложения? Ткачество является изобретением цивилизации, которой всего-то 5 тысяч лет. А здесь речь идет о всех пятидесяти, если закрыть глаза на стратиграфию и степень фоссилизации. Если же честно смотреть правде в глаза, то возраст черепа может составлять 100, 200 и более тысяч лет.

Для того, чтобы читатели могли составить себе наглядное представление о степени смятения специалистов, расскажу одну документальную историю.

В начале 70-х годов академик Алексей Петрович Окладников попал по делам в г. Горно-Алтайск. Он прогуливался без какой-либо цели по берегу речки Улалинка, которая протекает через этот город. Смотрел по привычке под ноги. Всем археологам присуща навязчивая привычка ссутулиться, вперяя очи долу. Возвращаясь из экспедиций, я примерно до Нового года «исследовал» «дневную поверхность» даже в троллейбусах. Однажды нашел интересный значок. А.П. Окладников случайно открыл стоянку древнего человека.

Ее возраст согласно абсолютной хронологии (тогда уже применялись С14, калий\аргон и другие методы получения абсолютных дат найденных останков и геологических слоев, в которых они залегают, тогда как раньше археологи уповали только на стратиграфию и типологию) оказался 1,5-2 млн. лет. В то время столь древние датировки считались смелыми даже для Африки. А здесь – Сибирь.

Окладников и вся его мощная школа – Институт археологии Сибирского отделения АН СССР – молчали об Улалинке с ее немыслимо древней датой двадцать лет. В кулуарах археологических совещаний и научных конференций специалисты перешептывались: «Улалинка» Окладникова Слышали? Два миллиона выдала! – «Да ну, не может быть!». Даже академик не решился на публикацию истины в обстановке, когда все считали, что ее «не может быть, потому что не может быть никогда».

«Около 2 миллионов лет назад по Африке бродят австралопитеки: обезьяны, но очень необычные. Они сравнительно малы и слабы, но ищут компенсации, расхаживая на двух ногах, чтобы освободить руки. Руки берут кость, палку, камень...» (28, с.133). Это цитата из популярной книги известного историка Н.Эйдельмана, изданной в 1967 г. Он популярно излагает то, что считалось в то время истиной в последней инстанции. Если даже в Африке, колыбели человечества, 2 млн. лет назад жили всего лишь «необычные обезьяны», откуда взялась в Сибири стоянка человека?!..

Улалинка была открыто предана гласности только в 1984 г., после того, как появились публикации об африканских австралопитеках древностью 3,5-4 млн. лет.

Но вернемся с Улалинки на речку Сходню.

Уверен, что найденную здесь черепную коробку человека тоже следует датировать доледниковьем. Насчет ткачей известный археолог О.Н. Бадер слегка успокоил коллег, сказав: допустить мысль о существовании ткачества мы не можем, но, давайте, допустим мысль о существовании плетения в долед..., простите, позднеледниковый период. С ним вынужден-

но согласились, хотя и подобный допуск вызывал много вопросов. Например, какую нить использовали древние? Использование известных нитей – хлопка, льна, шерсти – берет начало с производящего хозяйства. Невозможно представить себе неандертальца, обернутого в тунику.

Второе: подобное тонкое плетение подразумевает длительную традицию и вообще это не плетение, а вязание, которое было невозможно без применения спиц или крючков. Но это же совершенно не сочетается с грубейшей каменной индустрией! В общем, можно додуматься до абсурда.

Попробуем взглянуть на факты с другой стороны, со стороны изложенной здесь концепции антропогенеза. Группы гоминид, прошедших уже через вторую инверсию и уже обладавших разумом (в отличие от тех, которые бродили по Африке в виде австралопитеков, прошедших только через первую инверсию) уходили с побережья теплого моря на евразийский материк. Это были уже полноценные люди. Вполне вероятно, что данное обстоятельство затруднило для них процесс превращения в обезьян, (что легко получилось у не столь развитых австралопитеков) и обрекло на полное вымирание.

Они уносили с собой навыки и умения, обретенные на родине. В частности, искусное владение техникой обращения с природной нитью, которая всегда была при них: волосом. Почему мы не можем допустить мысль, что древние женщины научились брать в руки две острые длинные колючки с кустов, которые произрастают в изобилии на скалах в жарких странах и вязать? Особенность технического прогресса заключается в том, что стоит только начать, а дальше открытия идут лавинообразно. Стоило предкам один раз посмотреть на волос, как на предмет труда, и способы его применения начали открываться один за другим. Освоение крепкой природной нити дало неисчерпаемые возможности. Воистину человека сделал волос.

Судя по археологическим данным, этот исход имел место 2-3 млн. лет назад. На материке люди столкнулись с проблемами, о которых говорилось выше, и которые они еще не умели решать. Видимо, надо было, чтобы они погибли ради того, чтобы те, кто шел за ними, усвоили их печальный опыт. Началось вырождение в те типы, которые представлены кроманьонцами и неандертальцами. Череп сходненского человека уже нес следы этого вырождения. Он – предшественник неандертальцев, а не их наследник. Соответственно общей деградации утрачивались навыки обращения с нитью. Оставшиеся куски материи берегли, как зеницу ока, передавая от поколения к поколению. Один из кусков упокоился на голове Сходненского человека, которого тоже кто-то любил.

Упомянув имя покойного О.Н. Бадера, следует еще раз припомнить палеолитическую стоянку Сунгирь, раскопанную Отто Николаевичем в 60-х годах 20 в. под Владимиром.

Сунгирь удивил всех не только негроидным обликом носителя этой культуры, но еще и следующим. На этой стоянке нашли «бесконечное количество <u>сверленых</u> – я подчеркиваю – сверленых – бус. Значит, люди овладели сверлением еще в палеолите» (96, с.208; подчеркнуто автором цитаты А.Варшавским).

Традиционно считалось, что сверлением люди овладели не ранее, чем техникой шлифования камня – в неолите. Это очень сложная техника, в

которой, если исходить из традиционных представлений о развитии каменной индустрии палеолита, не было острой необходимости. Ан нет, выходит, что была.

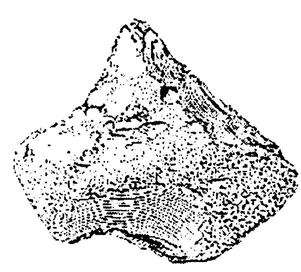
Вопрос: какой фактор стал первотолчком тому, что у наших самых далеких предков возникла необходимость в сверлении? Разве не странно, что эта сложная техника была освоена раньше многих других, более простых способов обработки камня? Шлифовка была освоена только в неолите, а ведь это поверхностный, следовательно, более простой технический прием.

Ответ: наличие такого ресурса, как крепкая природная нить, запасы которой возобновлялись постоянно, благодаря росту волос на головах. Все изобретения определяются потребностями. В свою очередь, потребности исходят из наличия возможностей. Мы можем ездить на автомобилях, если будем добывать нефть. Потребность в нефти рождена возможностью ездить на автомобиле. Возможность иметь такое орудие, как боло, вызвала к жизни потребность в сверлении, потому что запасы природных камней с отверстиями были небезграничны, а нить под рукой имелась всегда. Вдали от моря просверленных водой камней нет вообще, а Сунгирь находится вдали от моря.

Само собой разумеется, что первобытные люди, озабоченные насущным, не стали бы осваивать такую сложную технику, как сверление камней, только ради того, чтобы делать бусы. Первоначально они изготавливали *сверленые орудия труда.* Какими могли быть эти орудия? Это могли быть только орудия на основе прочной природной нити. Мелкое по диаметру отверстие в камне подразумевает, что в него продет нить.

Наличие развитых техник сверления камней и вязания уже в палеолите, доказывает факт, что первыми орудиями труда человека было не рубило и не поднос из коры. Это был камень на плетеной волосяной петле, а также удочка, силки и сеть.

Существуют доказательства, что наши предки освоили сверление уже в нижнем палеолите. «На заседании Королевского антропологического общества Великобритании 8 апреля 1872 г., — говорится в книге М. Кремо и Р. Томпсона «Неизвестная история человечества», — член Геологического общества Э.Чарльзуотер представил многочисленные образцы зубов акулы, причем, каждый зуб имел располагавшуюся прямо по центру дырочку Зубы были обнаружены в восточной части Англии, в формации Красная скала, возраст которой составляет 2-2,5 млн. лет... Доктор Коллиер провел тщательное обследование просверленных акульих зубов с помощью мощной лупы На его взгляд, акульи зубы просверлил человек. В поддержку своей позиции Коллиер приводил такие доводы, как «характерный угол наклона стенок отверстий», «расположение отверстий строго по центру зубов», а также «следы применения инструментов для проделывания отверстий» (26, сс.62-63). М. Кремо и Р. Томпсон написали это, опираясь на официальный протокол заседания.

Бур из-под Красной Скалы

Спустя 40 лет были найдены и орудия сверления. Начиная с 1909 г. Член Королевского института антропологии и президент общества древнейшей истории Дж.Мойр приступил к систематическому исследованию формации Красной скалы, возраст которой 2-2,5 млн лет подтверждают в том числе современные ученые-геологи. Во время раскопок в *подскальных* горизонтах были обнаружены орудия человека, а именно: небольшие каменные буры и небольшие круглые камни, которые были названы «камнями для пращи» (26, сс.88-89).

Эти открытия in situ, сделанные специалистами, остались без внимания, потому что весь мир был увлечен в то время дарвинизмом. Дарвинисты же гораздо более интересовались «гейдельбергским человеком», питекантропом Дюбуа и неандертальцем. Все находимые тогда гоминиды являлись уродливыми полуобезьянами, а возраст их был от 0,4 до 0,7 млн. лет. Несмотря на то, что они жили намного позже людей Красной Скалы, было ясно, что делать мелкие буры и сверлить зубы, они были неспособны. Поэтому Красную Скалу «забыли», «замолчали», а о живших гораздо позже выродженцах раструбили на весь свет, как о наших предках. Совершенно очевидно, что, при малейшей возможности уличить Чарльзуотера и Мойра в подтасовках фактов, — их бы непременно уличили, но это было невозможно из-за репутации этих ученых и документального подтверждения находок. Вот парадокс: Э.Дюбуа не являлся специалистом, он был дилетантом. Гейдельбергский человек и неандерталец были найдены случайно, — и их признали. Находки антрополога и археолога Мойра академическое сообщество до сих пор не признает и замалчивает, в чем можно убедиться, открыв любую книгу по теме.

7. «Параллельная» археология

Подобным образом дело обстоит не только с Мойром. С археологией палеолита, признаваемой научным сообществом, сосуществует другая, непризнанная. Время от времени случались находки, которые никак не вписывались в устоявшуюся систему мнений о времени и месте происхождения человека. Сообщения о подобных находках мелькали в популярных изданиях, а академический мир только разводил руками и продолжал стоять на своем: человек произошел от обезьяны в Африке, благодаря труду; первым орудием труда было ручное рубило; в Европе первые настоящие люди появились только в верхнем палеолите не ранее 40 тыс. лет назад; в Америке — не ранее 20 тыс. лет назад через Берингов перешеек... Почти целый век находки, противоречившие этой доктрине, либо осмеивались, либо замалчивались. Осмеивались, если авторами их были непрофессионалы; замалчивались, если авторами являлись профессионалы.

В отдельных случаях можно говорить даже о преследовании упрямцев, стоявших на другой позиции; о своеобразной «научной инквизиции», которая запускала, в свою очередь, механизм самоцензуры исследователей. Чем, как не самоцензурой является «молчание ягнят» в чинах академиков и докторов наук из Новосибирска насчет «невероятно древней» даты Улалинки Окладникова? Искусственно завышенные датировки мальчика из

Староселья и сходненской черепной крышки? Я не знаю, может быть, там все правильно атрибутировано, но, в таком случае, объясните, на каком основании «опрокидывается» стратиграфия? Могут быть основания, но вы их приведите: почему находки, лежащие ниже неандертальских слоев следует датировать концом неандертальской эпохи? По принципу «иначе не может быть, потому что не может быть никогда»? Уверен, что здесь фигурирует только малая часть всех подтасовок, сделанных учеными из-за жесткой самоцензуры, из боязни быть осмеянными. С концептуальной точки зрения необходимо пересматривать всю археологию палеолита.

В 1920 г. в местечке Мирамар, что в Аргентине, были найдены каменные шары типа болас с бороздками посередине. «Образец настолько крепко сидел в породе, что нужно было применить достаточно большое усилие, чтобы даже с помощью специальных инструментов его удалось постепенно вытащить» (26, с.171). Это цитата из отчета археолога Бомана, который лично в присутствии еще трех приглашенных специалистов, историков и антрополога, извлекал боло из породы, датируемой... Мирамарским боло более миллиона лет по самым скромным оценкам.

В 1951-55 гг. антрополог Национального музея Канады Томас Ли провел раскопки стоянки Шегайанда на оз. Гурон. Найденные им орудия труда, прекрасно обработанные, датировались от 70 до 125 тыс. лет. Эти данные настолько расходились с существовавшими представлениями о времени появления первобытных людей в Америке, что Т. Ли был уволен с работы. Потерял должность и директор музея, не понимавший, почему он должен расставаться с честным сотрудником. Т. Ли был вынужден публиковать научный отчет о Шегайанде в специально основанном им для этого «Антропологическом журнале Канады», в официальные издания его и на порог не пускали.

В 1960-х годах разразился скандал со стоянкой Уэйатлако в Мексике. Группа специалистов из Геологической инспекции США и Вашингтонского университета, применившие независимо друг от друга 4 метода абсолютного датирования, дружно выдали дату: 250 тыс. лет. Началась бурная полемика. «С точки зрения официальной науки, человеческие существа, способные делать сложные орудия, подобные тем, которые были найдены в Уэйатлако, просто не могли появиться раньше чем 100 тыс. лет назад, и то это могло произойти лишь в Африке» (26, с.186). Публикация отчета о раскопках была искусственно задержана и появилась только спустя 15 лет, благодаря упорству археолога В. Стин-Макинтайр, которую академическое сообщество объявило «оппортунисткой».

Это далеко не все примеры научной инквизиции, доказывающей своими действиями, что вопрос о происхождении человека – далеко не безразличный вопрос.

Появление первобытного человека в Англии и Америке миллионы лет назад не должно вызывать удивления. В период антропогенеза уровень Мирового океана несколько раз понижался и повышался относительно современного уровня. Колебания были довольно значительны: более чем на 100 метров. При понижении уровня воды из океана восставала не только Берингия, но и «Северная Атлантида». Великобритания переставала быть

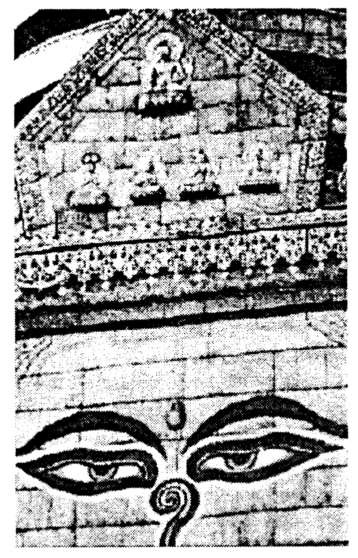
островом и соединялась перешейком с Исландией, а Исландия соединялась с Америкой.

Возможно, миграцией через «Северную Атлантиду» и следует объяснять европеоидный облик некоторых индейцев, в частности, правящей верхушки майя?

Глава 4. ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1. Визионерские свидетельства и наука

Еще в 15 веке Мишель Нострадамус утверждал, что первые люди жили на многочисленных островах и имели не надводные, а подводные плантации, где выращивали необходимые продукты питания. Следовательно, они должны были быть амфибиями, ведущими полуводный образ жизни.

«Визитная карточка» буддийского храма

Неожиданное подтверждение данного визионерского свидетельства нашел директор Всероссийского центра глазной и пластической хирургии профессор Э. Мулдашев.

Еще до своей экспедиции на Тибет Э. Мулдашев попросил одного коллегу, который собирался в Непал, посмотреть, не встретятся ли ему там какие-нибудь древние изображения глаз. Вернувшись, коллега буквально ошарашил Э. Мулдашева вестью: оказывается, все тибетские храмы имеют изображения глаз, которые являются как бы их «визитной карточкой», такой, как крест на христианском храме и полумесяц на мусульманском. Но глаза эти необычные.

«Если верхние веки глаз современного человека имеют форму четкой дуги, то указанные глаза имеют на верхних веках центральное выпячивание вниз, как бы нависающее над роговицей», – пишет Э. Мулдашев. Кроме того, они имеют «длинные и вытянутые внутрь и вниз углы глазной щели» (42, с.54-55).

Благодаря выпячиванию верхнего века вниз, глаза закрывались не полностью, они прикрывали легко травмируемую роговицу, но сохраняли «ориентировочное зрение» (термин Э. Мулдашева). Зачем?

«Мы не нашли никакого другого объяснения этому, кроме как защита нежной роговицы при быстром плавании под водой» – пишет Э. Мулдашев (42, с.55). Добавим от себя: и при погружении на большие глубины, такие, где современный человек может глядеть только в защитных очках в

связи с большим давлением на глазное яблоко. «Наличие такого приспособления глаз должно свидетельствовать о том, что эти люди вели полуводный образ жизни», – утверждает Э. Мулдашев (42, с.55).

Еще одно прозрение Нострадамуса подтверждается, если, конечно, на тибетских храмах изображены глаза древних людей.

Как пишет Э. Мулдашев, на вопрос, чьи это глаза, ламы низших разрядов отвечают: «Будды». Ламы высших разрядов загадочно молчат, но среди них – горцев, никогда не видевших большой воды, – есть такие, которые говорят: человек вышел из моря. Кроме того, авторитетные ламы приходили в большое волнение, когда Э.Мулдашев демонстрировал им реконструированный им портрет древнего человека, – атланта или лемура.

Названия древних людей Э. Мулдашев дает по Е. Блаватской, которая, будучи едва ли не самым известным визионером, разработала целую классификацию древних цивилизаций и древних людей.

Согласно визионерскому свидетельству Е. Блаватской, предшественниками человека на Земле были лемуры и атланты, жившие в море на побережье. Именно они являются нашими генетическими предками, а не человекообразные обезьяны.

Можно представить себе (в свете изложенной здесь концепции), что лемурами являются те наши предки, которые прошли через первую инверсию, а атлантами – те, которые прошли уже и вторую инверсию.

2. Возможность переселения обезьян в саванну в свете исторических данных

Огромные плодороднейшие просторы североамериканских саванн не были заселены человеком вплоть до 17 века.

Это в то время, когда многочисленные племена индейцев вели войны на взаимное уничтожение по окраинам этих степей, – вспомним хотя бы ацтеков, убивавших сотни тысяч пленников в течение одного жертвоприношения. Даже в качестве рабов пленники были не нужны, потому что свободной земли не имелось.

Юкатанские майя бросали свои города с великолепными постройками, потому что экстенсивная система земледелия истощала почвы, и шли брат на брата, – за землей. Ацтеки-теночки пришли в долину Мехико с севера, они жили на границе прерий. Чем объяснить их экспансию на юг в густонаселенные области, причем, полупустынные, когда к северу от их первичного места обитания простирались черноземные лесостепи и степи с тучными травами по пояс, по которым не ступала нога человека? Те самые земли, которые в настоящее время являются базой самого высокопродуктивного сельского хозяйства на планете?

Одно препятствие, – миллионные стада бизонов, которые сметали все на своем пути, – мешало заселению целого континента. В то время, когда десятки миллионов тонн мяса бесполезно бегали по прерии, перегнивали на кладбищах бизонов, самые «цивилизованные» (и неплохо вооруженные) индейцы жались к Атлантическому (майя) и Тихому (инки) океанам; ели пустой маис, да и тот не вволю. У ацтеков, например, единственным источником белковой пищи были собаки, которых круглый год мог есть один только царь, а прочим дозволялось лишь по праздникам.

Только тогда, когда индейцы освоили верховую езду на лошади, завезенной европейцами, – только тогда началась разумная со всех точек зрения миграция на север. Знаменитые команчи и апачи пришли с тесного юга, самые многочисленные племена прерий – сиу – с не менее тесного Востока, и только в прериях развернулись во всю ширь своей дикой и вольной натуры.

Команчи, апачи, криу («черноногие») сидели в полупустынной Мексике не оттого, что были полностью счастливы и не смотрели жадными глазами на богатства прерий.

Надо ли говорить, что бизоньи стада – это ничто в сравнении с теми опасностями, которым подвергались самые древние люди на суше. Первые люди могли выжить лишь на узкой границе двух стихий, ища и находя надежные убежища в отвесных скалах. Только там они могли спрятаться от морских и наземных чудовищ. В то же время это «пограничное бытие» давало возможность быстрой эвакуации во время землетрясения или вулканического извержения.

Палеоантропологам было бы не лишне взглянуть с этой точки зрения на саму возможность переселения древесных *человекообразных* обезьян (читай: плохо вооруженных от природы) на открытые пространства саванн.

Мне могут возразить: мол, существуют ведь обезьяны саванн?

Обезьяны саванн, такие, как бабуины – это прекрасно вооруженные клыкастые звери, сильные и ловкие. На взрослого бабуина опасается нападать даже леопард. Отсутствие диастем у человека и у всех без исключения ископаемых гоминид свидетельствует о том, что наши предки грозных клыков не имели никогда. Равнять их с таким зверьем, как бабуины или павианы – это все равно, что ставить друг против друга невооруженного и вооруженного двумя клинками человека. Угадайте с одного раза кто кого зарежет, если силы равны?

С точки зрения вооружения саванным обезьянам более подходит сравнение не с людьми, а с собаками. Они не только имеют огромные, выдвинутые вперед пасти, превосходящие собачьи, но и соответствующее строение тел, в частности, толстые, мускулистые шеи, сливающиеся с торсами. Их вытянутые морды позволяют им широко распахнуть пасть. Настолько широко, что они способны перекусить шею леопарда. Ни человеку, ни его предкам ничего подобного было не дано. Наш рот и наши зубы могут служить орудием нападения только лишь в голливудских сказках о вампирах, да и там требуется предварительно приделать бутафорские клыки, иначе любой укус будет иметь смешные последствия. В лучшем случае человек способен откусить ухо.

Кроме того, даже и столь хорошо вооруженные звери, как павианы и бабуины, никогда не жили и не живут на открытых пространствах. Их экологическая ниша – это граница леса и саванн. Излюбленные места обитания – скопления скал с невысокими деревьями и крепкими кустарниками. И они отнюдь не рискуют бродить отсюда в степь, предпочитая забираться повыше. При таком образе жизни прямохождение совершенно ни к чему и позыв к нему невозможен.

3. Волосы и стихия воды

Море предъявляет жесткие условия своим обитателям-животным: шерсть должна быть либо настолько густой, чтобы не пропускать воду, либо ее не должно быть вообще.

Животное с жидкой, намокаемой шерстью эволюционно неконкурентноспособно в условиях водной стихии. В воде такая шерсть мешает плавать, на суше долго сохнет, охлаждая тело.

Если шерсть густая, то ареал морского животного ограничивается полярными сферами. Обитающие в теплых морях морские млекопитающие шерсти не имеют.

Некоторые из них настолько грациозны, что стали источниками легенд о морских девах – русалках. Это морские сирены. В настоящее время их сохранилось два вида: дюгони и ламантины. Однако, в отличие от дюгоней и ламантинов, мифические морские сирены всегда изображались с длинными, до пят волосами. Почему?

Почему в русских народных сказках и суевериях леший, то есть мифологическое лесное существо, изображается похожим на обезьяну: с длинными руками, короткими ногами, с каким-то сбитым колтуном на голове и густым волосом на теле, а водяной – с голым телом и длинными-длинными волосами исключительно на голове? Откуда взялся Черномор с его бородой длиннее самого Черномора? Почему цари подводного царства в сказках буквально всех народов всегда поражают воображение прическами длиной до земли, простите, до дна? Почему, наконец, в греко-римском пантеоне все боги носят волосы общепринятой тогда длины, то есть до плеч, и не имеют бород и только один изображается с длиннющей бородой, и волосами до пят? Вы уже поняли, о ком речь. О Нептуне-Посейдоне, боге морской стихии.

Мифология – первоначальная история человечества. Согласно многочисленным этнографическим данным человеческие волосы, растущие на голове (именно они, а не любые волосяные покровы животных и человека) прочно ассоциируются в сознании народов, находящихся на ранней стадии развития, с водной стихией. В последнем случае подсказкой нам являются сохраняющиеся суеверия.

В австрийском Тироле в не столь далекие времена люди были убеждены, что ведьмы вызывают грозу расчесыванием волос. Если брат ушел в море, сестра не должна даже прикасаться к расческе, – таково убеждение шотландцев. Желая предотвратить грозу, новозеландские маори при стрижке волос произносят специальное заклинание.

Жившие на тихоокеанском побережье Канады и США индейцы-тлинкиты однажды чрезвычайно обиделись на некую девушку, которая опрометчиво расчесала волосы, чем вызвала проливные грозовые дожди, – весть об этом достойном осуждения поступке сохранилась в легендах.

Представьте себе удивление христианских миссионеров в Африке, когда к ним явились представители племени макоко с требованием отрезать и отдать им бороды, чтобы макоко могли вызвать дождь.

Когда умирал член племени мани, у его трупа возникала свалка: люди выдирали волосы, чтобы с их помощью вызывать дождь, который, соглас-

но поверьям мани, никогда не выпадает сам, без этих заклинаний, поэтому хороший запас волос в доме просто необходим (78, с.223-228).

Сказания о длинноволосых морских сиренах, бытующие почти у всех народов (вспомним хотя бы сказку Андерсена «Русалка»), — это ничто иное, как «воспоминание» о тех временах, когда Землю населяли «морские плантаторы» Нострадамуса с голыми телами и длинными волосами на головах.

4. Волосы и древняя магия

Люди времен палеолита, жившие на суше, наверняка, имели с волосами массу проблем. Каковы могли быть способы ухода за волосами в то время, когда не существовало мыла, а горячая вода представляла собой роскошь? Каковы могли быть способы их удаления, когда не существовало ножниц? Волосы могли перетирать камнями, отбивать, наконец, вытравливать и выдергивать. Все это — процедуры не для слабонервных. Однако это было необходимо, потому что ни охотиться, ни заниматься собирательством на земле с волосами, достигающими земли, невозможно.

Масаи, одно из самых многолюдных негритянских племен, всегда выщипывали волосы. Обряд этот настолько древний, что пришел, похоже, из тех времен, когда и масаев, как таковых, еще не было. Только колдуны не имели права выщипывать волос, потому что это привело бы к потере ими способности вызывать дождь (лыко в строку о связи волос с водной стихией).

«Как вы думаете, почему растут волосы на головах людей?» — задавал я вопрос разным людям, в том числе археологам, биологам, врачам. «Предохраняют головной мозг от холода и зноя», — как правило, звучал уверенный ответ. «Хорошо, тогда и росли бы до ушей, но почему до земли и дальше, — пятки защищают?».

Собеседник вставал в тупик. В век, когда функционируют космические войска, люди еще не знают, почему у них на голове волосы растут, как это эволюционно предопределено и почему это целесообразно, а мы хотим чего-то от первобытных варваров и дикарей! Естественно, это непонятное явление внушало им страх и порождало массу суеверий.

Большинство суеверий, тянущихся с глубокой древности, говорят о том, что люди видели в волосах вместилище души. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические данные.

В странах Юго-Восточной Азии еще недавно, постригая ребенка, всегда оставляли пучок волос на голове, — чтобы душе было где спрятаться.

В русской патриархальной семье могли жестоко избить девочку одиннадцати-тринадцати лет, если она вымела по забывчивости из избы чьи-то срезанные волосы. Их полагалось аккуратно собрать и сжечь, или закопать в тайном месте. Если это не сделать, душа будет «маяться», человек может заболеть и даже умереть.

Карпатские гуцулы считают, что, если мышь завладеет чьими-то волосами и совьет из них гнездо, человек будет страдать.

Подобные суеверия, придающие волосам такое значение, что их можно объяснить только связью волос с душой, есть и у немцев и у англичан, и у других вполне культурных народов.

14 Зак. 89

Через краденые локоны делали любовный приворот и энвольтование на смерть.

Потрясающий факт приводит в своей известной книге «Золотая ветвь» американский этнолог Дж. Фрэзер: вождь племени навоси на острове Фиджи перед тем, как постричь кого-нибудь, обязательно съедал человека. Объяснение этому вынужденному каннибализму может быть такое: если ты выстриг человеку душу, то должен же посеять другую душу взамен, а где взять лишнюю душу? Взять ее можно, съев другого человека.

Связывание души и волос сознанием древнего человека психологически вполне объяснимо. Душа – это что-то загадочное, непонятное. Волосы – тоже что-то непонятное, загадочное. Рука, ухо, любой другой орган, – все функционально понятны. Душа нематериальна, волосы материальны – где еще жить душе, кроме как в таинственных волосах? И здесь мы вспомним библейскую притчу о волосах Самсона, как вместилище его духовной силы, придающей мощь мускулам. Вслед за этим, – легенду о франкских королях Меровингах, которые обретали благодать Божью, благодаря волосам. Остричь франкского короля означало лишить его трона – и короли в выборе между казнью и стрижкой предпочитали первое.

А что означает христианский постриг в монахи, кроме как: ты оставляешь свою старую мирскую душу вместе с волосами и обретаешь новую? Из чина людского переходишь в чин ангельский,- совершенно другой разряд существ земных. Может быть, данное сравнение кощунственно, но сдирание скальпа с волосами у индейцев имело тот же смысл: лишение человека его души. Если индеец, лишенный скальпа, выживал, он считался мертвецом, и племя его не принимало.

«Загадочность» волос порождает суеверия до сего дня. Недавно в одном маститом журнале я прочитал буквально следующее: волосы – это некие «антенны», благодаря которым человек соединен с Единым космическим информационным полем. В этом, якобы, заключается их изначальный смысл и назначение. Как недалеко мы ушли от франкских королей Меровингов и дикарей с острова Фиджи! Изменилась одна только терминология.

5. Волосы в истории, или история волос

Душа-душой, но сознание, как известно, определяется бытием. В обычной хозяйственной деятельности земледельца, охотника и скотовода длинные волосы – большая обуза. Поэтому, как только у людей появилась возможность, они начали с этим даром природы бороться.

Первыми на выходе из первобытности стоят древние египтяне. Они брили головы наголо всем, включая женщин. Знаменитая Нефертити – лысая красавица. Эхнатон, ее муж – лысый урод.

Древние китайцы изобрели эпиляцию, избавлявшую от волос раз и навсегда.

Только в минойской культуре на Крите **впервые** появилось представление о волосах, как об украшении. На критских сосудах мы впервые встречаем изображения дам в прическах. Как долго волосы на голове являлись для людей необъяснимой и несносной обузой!

Современный человек, не задумываясь, считает волосы необходимостью и даже тот, кто предпочитает «лысую» прическу, был бы огорчен, если б вместо точек на голове, свидетельствующих о том, что наш панк или скинхед потенциально волосат, была бы хрущевская идеальная лысина! Лечиться, наверное, начал бы... Вылечился бы, чтоб стричься. Ибо отсутствие волос – это физический недостаток, согласно общественному мнению. Выделяясь, надо быть, как все. А ведь на самом деле аномалией является, наоборот, присутствие волос на голове.

Сам факт, что волосы имеют значение исключительно в качестве украшения, причем, настолько, что украшением является даже их красноречивое отсутствие, то есть в значении украшения, доведенном до абсурда, говорит об их функциональной бессмысленности и бесполезности.

Ни на что практическое в условиях земного насельничества они не годятся, разве что для изготовления ткани (кстати сказать, потрясающе красивой), производство которой наладили гитлеровцы в концлагерях. Впрочем, даже эксцентричная фрау Геббельс не оказалась настолько цинична, чтобы обряжаться в ткани из волос евреек и коммунисток. Зачем ткать человеческие волосы, когда на земле большой выбор великолепных волокнистых материалов растительного и животного происхождения? Правда, использовать их научились лишь в период цивилизации, тогда как волосы были под рукой изначально.

Бесполезность – необходимый атрибут любого украшения. Мощный и надежный мотор не является украшением автомобиля, а олень на капоте является. Худые, жилистые, но крепкие ноги носильщика жены китайского мандарина никогда не являлись украшением, а вот ее миниатюрные, мягкие конечности, которые с детства бинтовались так, что женщина утратила способность самостоятельно передвигаться, – они прекрасны! Так считали люди. Это абсурд, но в нем истина.

Как только люди поняли, что волосы могут служить украшением, развитие этого дела приняло абсурдистский характер именно в вышеупомянутом смысле. За прически в стиле рококо французские дамы времен Людовика XV рассчитывались целыми деревнями. Сделав прическу, месяцами спали сидя, чтобы не помять. В волосах свивали гнезда мыши и выводили мышат. Дамы ходили, не наклоняясь, держа голову в одном вертикальном положении. На балах не могли танцевать, – скажите, а зачем тогда ездить на бал?!.. Не зря родилась пословица: волос длинный – ум короткий. Она одна полностью опрокидывает гипотезу о том, что волосы являются антенной для связи с Высшим информационным полем, выдумку новоявленных магов.

Если в украшении принципиальный разрыв с полезностью вещи только намечен, то в предмете роскоши полезность вещи убита окончательно. Именно поэтому, как утверждает в своей «Теории религии» известный французский философ Жорж Батай, предметы роскоши никогда не используются в качестве сакральной жертвы: жертвовать можно лишь то, что полезно (43, с.51)

В известном смысле волосы на голове являются предметом роскоши и поныне, если учесть, сколько средств вкладывают люди в услуги модных

парикмахеров и специальную косметику. В последнее десятилетие прошлого века появилась еще одна расходная статья, и уж эти волосы являются роскошью «на все сто пудов». Речь идет о пересадке волос в специальных клиниках по доллару за волосок.

Резюмируем. Человеческий тип роста волос на голове в условиях земного насельничества не имеет никакого физиологического оправдания. «Оправдание» для него появилось лишь тогда, когда цивилизация, основанная на излишествах, сделала волосы украшением человека и предметом роскоши.

6. «Комплекс Агапита»

Продолжим разговор о волосах скальпа и их эволюционном предназначении.

Можно, разумеется, принимать за истину «антенную» гипотезу о связи через волосы с Единым информационным полем. Тогда главными контактерами нам придется объявить ветренную Марию-Антуанетту с ее трианонскими дамами, у которых на головах возвышались самые большие «антенны» в истории; и запорожских казаков с их усами до пояса.

Возможно, наш организм и не властен над волосами? Может быть, это что-то сверх программы, заложенной в нас? Какой-то дар Божий? Но мы, видимо, плохо понимаем этот дар, если при всем «уважительном» отношении к волосам подспудно в нас живет «комплекс Агапита», – если этот термин кому-то не нравится, заранее прошу прощения. Что я имею в виду?

С тех пор, как люди начали интересоваться НЛО, десятки людей якобы видели представителей «высшего разума» воочию. Пишу «высшего», потому что наши очевидцы характеризуют их как существ, стоящих на гораздо более высокой ступени развития, чем земная цивилизация. Кто-то видел невысоких и большеголовых, кто-то – высоких, длинных, с вытянутыми шеями. Разных «наблюдали». Объединяет все свидетельства одно: никто не видел «энлонавтов» с прическами. У них вообще волос не бывает.

Учитывая, что большинство данных «свидетельств» относятся к чисто психической сфере, этот факт характеризует бытующий в подсознании большинства людей стереотип: высокоразвитый человек волос на голове иметь не может. Умным людям такие излишества не нужны, они не нуждаются в украшениях подобного рода. Это и есть то, что я называю «комплекс лысости» или, если образно, «комплекс Агапита», – по имени героя-инопланетянина из детского фильма «Москва-Кассиопея». Ибо речь в большинстве подобных «свидетельств» идет не о чем ином, как экстраполяции современного человека в будущее.

Еще недавно инопланетян «достоверно изображали» (всякого рода «очевидцы») с огромными антеннами, торчащими из голов. Как только земная электроника продвинулась вперед настолько, что торчащая антенна стала анахронизмом, исчезли и «свидетели» таких «пришельцев».

В «свидетельствах очевидцев», как и в случае с создателями фильма «Москва-Кассиопея» (и многих других фильмов), показавших высокоразумных инопланетян лысыми, проявился «комплекс Агапита», характеризу-

ющий подспудное отношение к волосам, как к нелепой и недостойной умных людей обузе. Не может высокоразвитый человек, хозяин своего тела, иметь волосы на голове, ни к чему они ему, эти бесполезные украшения – и все тут!

В прокрустово ложе эволюционной теории происхождения человека на суше, в глубине тропического материка, примерно там, где вырвавшиеся первыми из первобытности египтяне тотчас начали бриться наголо, – мы никак не укладываемся. Мы длиннее на целые волосы.

7. Об эволюционной необходимости и полезности волос

Выходит так: то, что нужно, подчиняется законам меры; то, что жизненно необходимым не является – растет не в меру. Но бывает ли так в природе? Нет, не бывает нигде и никогда. Исключение одно: человеческие волосы на голове. И мы должны найти им нормальное физиологическое, эволюционное объяснение.

Если вдуматься, у длинных волос, выросших на голове,- масса полезных свойств. Они так хорошо «придуманы» и «сделаны», что не промокают и не тонут в воде, помогая поддерживать голову над поверхностью моря.

Их можно сушить отдельно от всего тела и при этом, благодаря своей гигроскопичности и «сыпучести», они сохнут быстрее обычной животной шерсти. Высушив, их можно подложить под себя и спокойно отдыхать на песке и даже на менее удобном ложе, – скале, гальке; при этом у вас будут относительно защищены самые «простудные» места: области легких и почек. В медицине известен симптом: если при пальпации верх спины болезнен, значит, легкие не в порядке. Это говорит о том, что именно здесь расположены главные точки легких. Длинные волосы не случайно защищают прежде всего область предплечий, а потом и среднюю часть спины с выходящими на нее точками почек. У амфибий, чей образ жизни был связан с постоянными переходами из одной среды в другую, резко отличающуюся температурными условиями, легкие и почки должны были страдать в первую очередь.

А теперь вопрос на засыпку: где и когда длинные волосы на голове являются не просто украшением, а жизненной необходимостью, настолько настоятельной, что без них можно погибнуть? Правильно, – в воде! Особенно если вы плохо плаваете. В таком случае вам надо брать с собой либо спасательный круг, либо отращивать длинные волосы. Без них вас могут не спасти даже профессиональные спасатели. Все руководства по спасению на воде гласят, что утопающего надо вытягивать из воды за волосы, иначе он может погубить и себя и спасателя. Разумеется, это знали и наши предки – древние амфибии.

Если сухопутным первобытным людям уход за волосами доставлял много хлопот, то у амфибий не было с ними никаких проблем: волосы всегда были чисты и уложены стекающей водой.

В сухие длинные волосы можно было завернуть озябшего младенца. Обрезав часть длинных волос, можно было сплести ему что-то вроде теп-

лого гнезда в скальном убежище на берегу моря, – немаловажное обстоятельство при освоении новых прибрежных пространств, когда прибрежная земля еще была каменистой пустыней. Приложив немного старания и фантазии, из волос можно было сплести колыбельку.

Борода и усы давали возможность длительно отдыхать на акватории, защищая органы дыхания от попадания в них воды. При преодолении больших водных расстояний, это очень значимый физиологический плюс. Видимо, не случайно природа дала это преимущество мужчинам с тем, чтобы они были мобильнее женщин и чтобы именно они выступали в качестве первопроходцев.

Впрочем, еще неизвестно, когда слабая половина человечества лишилась бороды и усов. Возможно, это произошло в историческое время, когда уже сформировались общепринятые стереотипы красоты, благодаря массовой эпиляции. Во всяком случае, царицу Древнего Царства Египта Хатшепсут изображали с бородой. Атавистическая растительность на передней части головы доставляет очень много неприятностей многим современным женщинам. Это говорит о том, что прекрасный пол в глубокой древности не был совсем уж лишен этого дара Божьего, хотя, возможно, обладал им в меньшей степени, чем сильный пол, и это было оправдано в плане полового разделения труда. Мужчинам – покорение новых пространств, женщинам – очаг и дети.

За длинные волосы родителей могли хвататься дети, когда отец и мать учили их плавать и добывать себе еду в воде. Аборигены Огненной земли транспортировали детей в воде за волосы (44, с.231).

Благодаря волосам, первобытная семья могла преодолевать недоступные детям расстояния в море. Чем длиннее волосы взрослого, сильного человека, тем свободнее он в движениях, когда транспортирует, как на тросе, ребенка или слабого, больного, старого человека. Очень длинные волосы позволяли обвязывать влекомого за корпус, чтобы он мог помогать общему движению не только ногами, но и руками.

Особую ценность представляли собой излишки отросших волос, а также волосы умерших соплеменников. Они являлись отличным сырьем для плетения веревок, канатов, сумок, гамаков и, главное, рыболовных сетей и лесок. Других волокнистых материалов люди тогда не имели, потому что на каменистых берегах не растут ни лен, ни хлопок, а в море нет растений, подобных льну, и животных, подобных барану. Все морские растения, как правило, непрочны на разрыв (о животных мы уже говорили).

Обычай племени макоко вырывать волосы умерших, – не является ли он свидетельством генетической памяти о тех временах, когда волосы являлись крайне необходимой вещью?

Первыми орудиями труда древнейших людей на планете Земля являлись не ручные рубила, а веревки из человеческих волос. Чем гуще и быстрее росли волосы на голове, тем больше шансов на выживание и продолжение рода имелось у их обладателя. То, что на суше мешало, в море являлось истинным даром Божьим, который – Создатель – выделил человека таким способом и дал ему шанс.

В мифах всех народов Земли, даже тех, что издавна обитают на территориях, где огромные удавы никогда не водились, тем не менее, име-

ются легенды об огромных Змеях, являющихся главными врагами человечества. Причем, мифы о Змеях принадлежат к числу самых древних. Не является ли это архетипом коллективного бессознательного, сложившимся в те времена, когда все человечество обитало на границе земли и воды, где огромные змеи водились во множестве и наносили самый большой урон человеческому стаду? А легенды о шапке-невидимке, — не идет ли речь о шапке из человеческих волос, делавшей человека невидимым для Змея?

Даже в Библии Враг рода человеческого явлен в виде огромного Змея. А ведь в той полупустыне, где жили древние евреи, они не водились. В подобных ландшафтах опасность представляют мелкие ядовитые змеи, но они сами избегают людей, поскольку в качестве объекта охоты люди их не интересуют. Змеи не рвут, а глотают свои жертвы целиком. Мелкой змее, даже очень ядовитой, человек не «по зубам». Она нападает, если только человек сам представляет опасность для нее. Библейский миф о Змее вырос не на этом материале, а на более древнем. Он — концентрат древнейшего архетипа.

8. О-Номмо и Кон-Тики

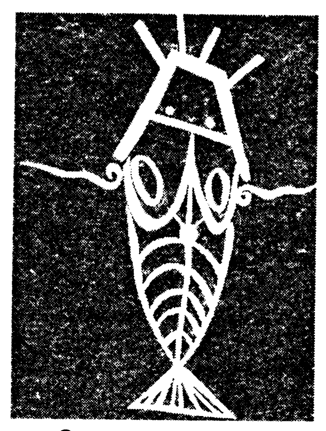
...В мифологии африканского племени догонов, о происхождении которой — мифологии — уже два десятилетия не умолкают споры, Бог-прародитель людей изображается в виде морского животного (45, с.414).

О Номмо имеет рыбий хвост, но при этом — две передние конечности, изогнутые, как руки. В передней части головы догоны рисуют два глаза. Череп четко делится на переднюю, лицевую часть и заднюю, мозговую. В мозговой части догоны схематически изображают два больших овала, которые можно было бы принять за изображения огромных глаз, если бы глаза не были уже прорисованы на лицевой части черепа. А что, если это схематическое изображение двух мозгов в одной черепной коробке?

Голову О-Номмо всегда венчают длинные, четко прорисованные линии. Именно они дали многочисленным исследователям загадочного изображения заявлять, будто в образе О-Номмо догоны изобразили инопланетянина, а многочисленные линии представляют собой антенны.

Подобное предположение, возможно, было правдоподобно в начале семидесятых годов 20 в., когда мифология догонов стала предметом обсуждения для ученых и сенсацией для широкой публики. Предположения о палеоконтакте с внеземной цивилизацией, от которого остались космические знания догонов и изображения инопланетян с «антеннами», начали звучать все чаще и чаще и, в конце концов, утвердились. Зря.

Сомнительно, чтобы представители высокоразвитой цивилизации ходили по чужой планете с огромными, неудобными антеннами на головах. Не могут ведь они, посещая другие планеты, находиться на стадии производства первых радиоприемников и радиотелефонов, отличавшихся огромными антеннами? История электроники показывает, что по мере усовершенствования приемно-передающих устройств, надобность в больших антеннах отпадает.

Изображение подобного рода не является единственным. Авторы нашумевшего фильма «Воспоминание о будущем» воспроизвели в своей картине существо с круглой головой и отходящими от нее линиями, — плод фантазии древних жителей Мезоамерики. Интерпретация, разумеется, по тому же типу: это антенны! А что еще может быть?

Отвечаю: все, что угодно, кроме антенн. Версия об антеннах — детская. Это дети младшего школьного возраста могут рисовать космонавтов такими: с торчащими из головы во все стороны длинными металлическими прутами. Сколько мы их перерисовали в детстве! На самом деле антенн много не бывает.

Откуда у догонов знания о небесных светилах, превышающие их нынешние возможности дикарей? «Космическая версия» происхождения мифологии догонов могла бы выдержать критику, если б мы не находили возможных источников их знаний на Земле. В настоящее время выяснено, что они не превышают уровня знаний египтян и шумеров.

Скорее всего, следует говорить о палеоконтакте предков догонов с развитой земной, а не внеземной цивилизацией. При этом догоны, возможно, сохранили то, что цивилизации, как более динамичные социальные системы, утратили. Первобытные народы в своей духовной сфере чрезвычайно консервативны. Однажды усвоенное они не забывают никогда, передавая из поколения в поколение, ибо у них отсутствует приток новых знаний. Цивилизация отличается тем, что она вынуждена «включать» «механизм забывания». Только тогда, когда зародилась письменность, старые знания начали сохраняться, но рукописи, к сожалению, горят. Нет более надежного хранилища для информации, чем устная традиция дикарей. Возможно, в глубокой древности кто-то использовал фольклор племени африканских дикарей в качестве «консервной банки»?

Нас не должны удивлять знания догонов о небесных светилах: у них вполне мог быть земной источник.

В свете инверсионной теории антропогенеза изображение прародителя О-Номмо в виде морского животного с руками вполне понятно. На голове у него растут, разумеется, не антенны, а волосы. Они длинные и их много. Это волосы, великое значение которых для первозданного человека было известно тем древним мудрецам, которые передали свои знания догонам.

Кон-Тики, прародитель человечества согласно мифологии индейцев Южной Америки, также изображается с длинными волосами. Изображение Кон-Тики в пустыне Наска вызвало споры тем, что его посередине пересекает толстая полоса. Кто-то видел в этом длинный фаллос и длинный хвост, а я предлагаю более простое толкование: Кон-Тики изображен плывущим на бревне. Это более подходящее толкование, потому что в мифах Кон-Тики — заморское существо. А, может быть, — морское? ●

ПЕРВЫЙ ТАНЕЦ ЧЕЛОВЕКА

Многолетние усилия археологов и палеоантрапологов по поиску предков вида Homo sapiens на земле привели к дурной бесконечности. Будучи археологом по базовой университетской специальности, имея за плечами не один полевой сезон, автор этих строк достаточно подробно посвящен в драматическую историю поисков останков древнейших гоминид и в споры вокруг них.

Еще в конце 70-х годов казалось, что цепь вот-вот сомкнется, остался последний натиск. Археологи-полевики с энтузиазмом бороздили Африку, их романтизм напоминал неистовство золотоискателей. Они проделали огромную работу, «удревняя» человека примерно на миллион лет в пятилетку, однако заветное колечко найти так и не удалось. Оно остается недоступным, как волшебная чаша Грааля, из своего трансцендентного далека навевая мысль, что открытие **истока** станет одновременно и открытием **цели**, а к этому лучше и не стремиться, во всяком случае, методами позитивной науки. О том, что происходит, когда знание о Начале совмещается со знанием о Конце, показано в романе Маркеса «Век одиночества».

Научный поиск превратился в погоню за мифом. Он постепенно переходит из области позитивного знания в некое окололитературное творчество (пример: Д.Джохансон и М.Иди с их приснопамятной книгой о Люси).

Благодаря антропологам, движение в сторону, противоположную эволюционному учению, приняло характер ad absurdum. Тупиковость ситуации породила научный радикализм.

Исходя из того, что в процессе антропогенеза часто наблюдается деградация, а не прогресс; что прямая линия развития от животного к человеку нигде, ни в одной части света не выстраивается; что принципы целостности и преемственности оказались неприложимы к теории происхождения человека, — начали нападать на фундаментальную теорию эволюции.

Резкой критике подвергаются эволюционная теория Дарвина и биогенетический закон Геккеля. Основы научного мировоззрения трещат. Быть дарвинистом в наше время считается дурным тоном. И только ученые в своих лабораториях упорно не замечают, что они наделали. Ибо виноваты, безусловно, они, — эволюционисты, дарвинисты, симиалисты... Дарвину было бы лучше иметь много врагов, чем много таких сторонников.

Ярким примером того, как трудности, нелогичности и нестыковки теории антропогенеза породили отказ от принципов глобальной эволюции, является — нет, не сальтационизм разных мастей, — это еще полбеды. Появилась концепция инволюции, представляющая собой глобальный антиэволюционизм.

Вкратце ее суть в следующем: развития форм жизни на Земле от простого к сложному, от низшего к высшему не было. Происходили прямо

противоположные процессы. Не простейшие микроогранизмы стоят в начале, а человек, от которого все виды и произошли по нисходящей вплоть до вируса СПИДА и возбудителя дизентерии.

Обоснование этой концепции целиком и полностью зиждется на критике господствующей теории происхождения человека от обезьяны. Именно она дала повод для нападок на Дарвина и дарвинизм. Эволюционная антропология, не сумевшая объяснить, каким образом из обезьяны получился человек, вызвала кризис всего комплекса наук, основанных на эволюционном учении.

Что сказать по этому поводу? Автором гипотезы происхождения человека от обезьяны является философствующий вульгарный материалист Фохт, который не имел никакого отношения к биологии и разъезжал по Германии с публичными лекциями, в которых много что говорил. Например, будто мозг выделяет мысли точно так же, как печень выделяет желчь. Человека от обезьяны он «произвел», основываясь на внешнем сходстве. Это очень опасная и распространенная ловушка для всех эволюционистов. Наверное, это и настораживало Дарвина, который был едва ли не последним европейским ученым, который поверил в симиализм.

Далее надо сказать, что, какой бы важной персоной не был на Земле человек, его вопрос — это частный вопрос глобальной эволюции. Если при конструировании крыши допущены ошибки, это еще не основание, чтобы рушить все здание. Глобальная теория эволюции, благодаря работе палеонтологов и биологов, представляет собой достаточно прочно стоящее здание.

Единство современной биоты планеты Земля и преемственность форм жизни неоспоримы. Можно спорить насчет «вертикальности» и «горизонтальности» переноса генов, но единство биоты неоспоримо. О способах смены биот говорить не будем, это слишком далекий от нашей темы вопрос. На уровне макроэволюции, когда речь идет о смене биот, дарвинизм, возможно, не «работает», работают какие-то внешние факторы.

Охотно допускаю, что Бог. Но если проект «человек» принадлежит Богу, то он основательно поработал над ним, начав с бактерии. Высший разум создал биоту, начав с сине-зеленой водоросли, и завершив ее видом Homo sapiens sapiens.

Он создал человечество, как хороший мастер-живописец пишет портрет. На холстах Тициана до двадцати слоев лессировок, поэтому они живы и вечны. Современные халтурщики пишут *а ля прима*, их картины просвечивают насквозь и сползают с холстов через несколько лет. Бог — он Тициан, а не Вася Пупкин из Строгановки, дизайнер, малюющий маслом на оргалите и называющий свой продукт громким словом «живопись». Представления о том, что конечный колорит произведения живописи и близко даже не должен угадываться в первых мазках (а иначе живого цвета не получишь, получишь раскраску), у него нет.

Великое дело уже то, что теория эволюции работает на уровне одной биоты, внутри нее. Я имею в виду здесь не столько мысль Дарвина о естественном отборе, как движущей силе эволюции, сколько его общую идею происхождения видов друг от друга, воплощенную в образе эволюционной лестницы.

Сейчас стало ясно, что естественный отбор не являлся единственной движущей силой; возможно, он даже не был основной причиной образо-

вания новых видов; он проявлял себя в качестве тенденции, а не прораба эволюции.

Когда Б.Ф. Поршнев впервые заявил, что непосредственным предшественником человека разумного являлся вид «человек безумный», — это естественный отбор или противоестественный? Когда отбрасывается нормальный животный инстинкт и формируется зачаток сознания в форме безумия — это как называется? А ведь без этого преломления, без этой революции с ее хаосом, пути к выходу из животного царства необходимости в царство человеческой свободы не было.

Вторжение новых методов в биологию, прежде всего молекулярно-генетических, не взорвало учение о глобальной эволюции. Появились новые гипотезы, ломающие некоторые представления о преемственности, но в целом эволюционная лестница устояла (см. о новых тенденциях в эволюционном учении, — 33). Этого не скажешь, к сожалению, о теории антропогенеза, этой завершающей надстройки глобальной теории эволюции. Здесь применение «генетической мерки» обескуражило ученых, выявило кривизну в расчетах стропил и гнилость заложенных матиц.

Спасти теорию антропогенеза может только одно: отказ от симиализма, который представляет собой проявление вульгарного эволюционизма, основанного исключительно на внешнем сходстве. Фохт, одним словом, который, похоже, выделял мысли печенью.

Наконец, следует сказать, что утверждение, будто антропологический материал, относящийся к доистории, демонстрирует *общую* картину деградации и одичания, — это ложь. Нельзя говорить такое и о типологических формах предметов материальной культуры.

Дегенеративные тенденции выявляются в рамках **отдельных** групп гоминид и их орудий труда. Например, внутри группы австралопитековых; внутри группы эректусов (питекантропов); внутри группы палеоантропов (кроманьонцев и неандертальцев). Если брать в целом, то эректусы, безусловно, прогрессивней австралопитеков и стоят на гораздо более высокой ступени эволюционной лестницы. Палеоантропы далеко превосходят всех архантропов, включая эректусов.

Если брать в целом, то морфологический и материальный прогрессы налицо. Именно это обстоятельство и тормозит полный крах симиализма, заставляет ученых держаться за эту отжившую концепцию, несмотря на ее нестыковки. Здесь есть некая бесспорность, очевидность, с которой трудно бороться, но которую надо преодолеть, чтобы докопаться до истины.

В самом деле, разве можно оспаривать тезис, что австралопитек похож на обезьяну, но стоит выше на эволюционной лестнице?! Бесспорно и то, что питекантроп похож на австралопитека, но превосходит его; что неандерталец похож на питекантропа, но при этом умней его. Если мыслить такими блоками, то из цепей симиализма не вырвешься.

Современным ученым-симиалистам свойственно именно блочное мышление. Что касается способа мышления тех, кто отвергает принципы эволюции вообще, я назвал бы его атомарным. Эти исследователи на основе некой частности делают глобальные выводы, не видя за деревьями леса. Беря частный факт, что среди австралопитеков более древние особи превосходят менее древних, они возводят его в ранг закономерности, со-

вершая типичную логическую ошибку недостаточности основания (пример подобных размышлений, – 24).

Не правы ни те, ни другие. Ни «атомарники», ни «блочники». Прогресс разных групп гоминид относительно друг друга и явная деградация внутри групп не противоречат друг другу. Этот феномен объясняется просто: в связи с мессинским кризисом, в Средиземноморье происходили экологические катастрофы. Разные группы гоминид, стоящие на разных уровнях развития, уходили с побережья и деградировали в глубине материка независимо друг от друга. Всего прослеживаются 3-5 больших волн переселенцев, которых постигла, в основном, печальная судьба.

Возможно, я ошибаюсь, но в настоящий момент времени я не вижу путей и способов опровержения инверсионной теории антропогенеза со стороны ученых-эволюционистов. При этом все равно, с каким знаком их эволюционизм: с положительным или отрицательным. Верят они в глобальный прогресс или верят в глобальный регресс. А вот сальтационистам есть что сказать против. Остался один весомый аргумент в пользу (как может показаться) тезиса о внезапном и немотивированном возникновении сознания.

Речь идет о непомерно больших потенциях человеческого мозга, который, как известно, используется людьми не более, чем на 10%.

Эволюция не создает таких запасов. Об этом говорят прежде всего сами эволюционисты. Цитирую: «В эволюции имеет значение только решение задач текущего момента, ни один эволюционный аспект не имеет промежуточного значения» (22, с.95).

Инверсионная теория является теорией эволюции, поэтому я обязан внести ясность насчет мозга, и я не заставлю ждать.

Разгадка заключается в том, что у нас не один, а два мозга, активно сотрудничающие между собой. В процессе эволюции определилась их специализация: левое полушарие отвечает за логическое мышление, правое – за образное. Не стану приводить расчетов, они будут выглядеть профанацией идеи, потому что произвести расчеты эффекта разделения труда двух органов мышления можно только на базе хорошо оборудованной лаборатории. Но мы знаем из истории, что разделение труда дает эффект кратный. Благодаря ему, ту работу, которую в мануфактуре выполняли тысячи, начинают делать на общем производстве сотни.

Мозг – это информационная система, имеющая сейчас аналоги в виде компьютеров. Когда в компьютере возможности материнской платы увеличиваются вдвое, вы можете устанавливать вместо старых программ новые, которые в десятки раз совершенней бывших. Допустим, компьютер позволяет установить операционную систему DOS, а WINDOWS – нет. Для того, чтобы установить более совершенную операционную систему, требуется всего-то в полтора-два раза увеличить память. А эффект – в десятки и даже сотни раз.

Примерно то же самое произошло и с нашими предками. Один мозг был достаточен для животной жизни, для жизни самого умного из животных. Система из двух мозгов, основанная на гармоничном разделении операций, дала возможность перейти на другую операционную систему, которая стала основой разума. Это типичный случай перехода количественных изменений в качественные (кроме эволюционизма, я еще и тем грешен, что диалектик). Эффект нового качества не поддается арифметике. Суммирование здесь невозможно, надо мыслить интегрально.

В прошлом веке с целью излечения буйных сумасшедших широко применялась операция по расчленению связки двух полушарий. Пациент при этом терял не только «безумие», но и большую часть способности к мышлению и творчеству. Он становился тихим, послушным и способным только на элементарную жизнедеятельность. Это доказывает, во-первых, неразрывную связь безумия и ума и их общее происхождение у наших предков из контакта двух автономных мозгов. Во-вторых, доказывает, что сознание человека в своей основе дуально и именно эта двойственность обеспечивает его потрясающую эффективность.

Выше говорилось только о том эффекте, который сказался на «компьютерных» возможностях мозга, на возможностях логического мышления, но и он огромен. Нормальная человеческая психика отличается от психики животных не только этим, и главным образом не этим.

Благодаря такой великолепной комиссуре, как мозолистое тело, состоящее из 300 млн. проводящих волокон (!), правое и левое полушария мозга человека настолько активно обмениваются информацией, что родился неизвестный до сих пор природе феномен – интуиция. Ее роль в познании огромна, переоценить ее невозможно. Возможности мышления выросли, благодаря интуиции, неизмеримо. Источником интуиции является стереоскопичность мышления, проистекающая из дуальности органа мышления.

Эволюция не создавала ничего лишнего. Она всего лишь соединила два автономных мозга, чтобы наши предки, вышедшие из моря на сушу, могли здесь жить с нераздираемой надвое психикой. Кто мог знать, что эта связка даст такой потрясающий эффект? На порядок выросли возможности мышления от разделения функций. Еще один порядок роста обеспечила интуиция. Но и это еще не все.

Давно доказано, что художественное творчество – этот высший взлет человеческого духа – является плодом контакта двух полушарий, из которых одно отвечает за логическое, а другое за образное мышление. В художественном творчестве преодолевается ограниченность логического мышления и достигается такой уровень познания действительности, Бога, Универсума, что логика меркнет и отступает вместе с научной интуицией. Как измерить в процентах этот взлет?

...Жил на берегу великого Океана человек, поэт Пабло Неруда, Нобелевский лауреат. Несколько дней назад я побывал в его доме в Исла-Негро недалеко от Вальпараисо (благодарю торгпреда РФ в Чили Галину Кузнецову за любезное приглашение и предоставленную возможность). Хочу завершить свою книгу, которую считаю не только научным исследованием, но и гимном Морю и Человеку, его словами, которые он написал, глядя из окна своего дома:

«Едва наступает лето, девушки уже на пляже, а мужчины и дети опасливо входят в воду и тут же выскакивают на берег, спасаясь от быстрой волны. Вот так воскресает древний, зародившийся в глубине веков, танец человека у моря, быть может, самый первый танец человека» (92 с.332) ●

Март 2004, Москва –
март 2005, Сантьяго.

СЛОВАРЬ

Ad ovo (лат.) – «от яйца», с самого начала;

In situ («в ситуации», – лат.) – надежно атрибутированная находка, когда какой-либо ископаемый предмет обнаружен в хорошо датируемом слое и не подлежит сомнению, что он искусственно не перемещался;

Австралопитеки (дословно «южные обезьяны) – человекоподобные существа нижнего палеолита, жившие раньше и одновременно с эректусами; вопрос о нашем родстве с ними проблематичен;

Акродельфиды – один из трех известных родов ископаемых зубатых археоцет;

Аллогенез – направление эволюционных преобразований в «одной плоскости»; идеоадаптация; приспособление;

Алломорфоз – преобразования анатомии и физиологии, когда развитие приняло направление аллогенеза;

Аллювий – отложения речных потоков;

Антропогенез – становление человечества;

Антропоиды – высшие обезьяны; человекообразные приматы; все виды шимпанзе, горилл, орангутанов и гиббонов; в настоящее время их близкое родство с низшими (хвостатыми) обезьянами подвергается сомнению (особенно это касается шимпанзе, в наименьшей степени – гиббона);

Аридизация (от латинского aridus – сухой) – смена влажного климата сухим;

Арогенез – прогрессивное направление эволюции; подъем по эволюционной лестнице;

Ароморфоз – анатомо-физиологические преобразования в направлении арогенеза; в разрезе происхождения человека синонимами ароморфоза являются понятия «гоминизация» и «сапиентация»;

Архантропы – самые древние из гоминид, жившие во времена нижнего палеолита; в настоящее время архантропами именуют разные виды эректусов; автор причисляет к архантропам также всех австралопитеков;

Археоцеты – древние киты;

Ассоциативные зоны неокортекса, – часть серого вещества мозга, выполняющая самые сложные функции; на раздражения органов чувств не отвечает;

Бентос (греч. «глубина») – совокупность организмов, обитающих на грунте и в грунте дна водоемов;

Биота – совокупность проявлений жизни, сущая на планете в данную геологическую эпоху;

Бифасы – двустороннеобработанные орудия;

Бихевиоризм (от английского «behaviour» – поведение) – научное направление психологии 20 в.; бихевиористы считали основным предметом психологии не сознание, а поведение;

Генотип – наследственная конституция организма, его четко сформулированный природой «основной закон», состоящий из совокупности всех его генов и определяющий фенотип организма;

Геосинклиналь (геосинклинальный пояс) – обширный, линейно вытянутый, подвижный участок земной коры, отличающийся высокой активностью; область превращения океанической земной коры в континентальную; на начальных этапах развития представляет собой глубокий прогиб, в котором накапливаются отложения; на т.н. «главном геосинклинальном этапе» происходит интенсивное горообразование, причиной которого является «вспучивание» под воздействием внутренней энергии Земли всего того, что накопилось в прогибе;

Гетеродонты (гетеродонтные животные) – животные, имеющие зубы разных типов (например, человек, имеющий резцы, клыки и зубы с плоскими поверхностями);

Гоминиды – ископаемые человекоподобные существа;

Гоминизация – процесс преобразования животных в человека;

Гомодонты (гомодонтные животные), – животные, имеющие только один какой-либо тип зубов (например, резцы);

Гуманоиды – представители инопланетных цивилизаций;

Дендриты – ветвящиеся отростки нервных клеток, проводящие импульсы;

Дериват (от латинского derivatio - отведение) – эпифеномен; вторичное явление какого-либо феномена в измененном виде; например, путем деривации образуются новые слова от корней по существующим в языке моделям;

Диастема – промежуток на верхней челюсти между резцом и клыком, соответственно на нижней челюсти между клыком и четвертым зубом;

Дифилетическое происхождение, – происхождение двух каких-либо таксонов от разных предков;

Дихотомия (от греческого «дихотомиа» – разделение надвое) – пара соподчиненных элементов;

Инверсия (от латинского inverto – переворачиваю, изменяю) – на русский язык наиболее адекватно переводится словом «преображение»;

Инсайт – непосредственное постижение, озарение; в гештальтпсихологии момент решения задачи как внезапного «замыкания»;

Интроспекционизм – в психологии – субъективный метод; способ изучения актов сознания и поведенческих реакций, основанный на исследовании собственных ощущений исследователя; в самом общем виде – самонаблюдение;

Катагенез – в теории эволюции синоним регресса, деградации; направление развития от высшего к низшему; скатывание с эволюционной лестницы в эволюционный тупик;

Катаморфоз – изменения анатомии и физиологии организмов, происходящие вследствие катагенеза;

Когерентность – согласованное протекание во времени нескольких процессов;

Креацианизм – термин, используемый для обозначения всех концепций, религиозных и нерелигиозных, которые уверяют, что человек был создан из ничего некими высшими силами; концепции творения в самом широком смысле слова;

Леваллуа – технический прием, характерный тщательной предварительной обработкой нуклеуса, что обеспечивало получение отщепов и пластин правильной формы;

Малакофаги – поедатели моллюсков;

Малакофауна – фауна моллюсков;

Метаболизм – обмен веществ;

Микроцефалия – малая величина черепа и мозга при относительно нормальных размерах всего тела;

Мимикрия (от греческого «мимикос» - подражательный) – вид покровительственной окраски, когда животное похоже на предметы окружающей среды;

Митохондрии – внутриклеточные образования, в которых протекают окислительно-восстановительные реакции, обеспечивающие клетки энергией; своеобразные клеточные химические «батарейки»; генетический материал митохондрий широко используется для построения схем эволюции на основе генетических методов («клеточные часы»); это связано с тем, что митохондрии представляют собой самую консервативную и малоизменяемую часть клетки (точно так же, как батарейки одного типа подходят к разным электронным приборам);

Мозолистое тело – тяж нервных волокон, соединяющий левое и правое полушария головного мозга; главная комиссура (средство связи) мозга; у человека развито несравнимо сильнее, чем у всех млекопитающих; если по другим показателям развития мозга сравнение человека с животными возможно, то в данном случае ни одно животное и близко не приближается к нам; на этом основании сейчас принято считать, что процесс сапиентации представлял собой главным образом развитие мозолистого тела;

Моногенизм – гипотеза происхождения человеческих рас от одной предковой формы;

Монофилетическое происхождение – происхождение разных таксонов от одного общего предка;

Морфология – наука о форме и строении организмов; морфология человека – раздел антропологии, изучающий изменчивость организма человека;

Мустье – средний палеолит, большая часть которого совпала с периодом оледенения; время жизни неандертальцев (100-40 тыс. лет назад);

Неоантропы – ископаемые люди современного типа;

Неокортекс – новая кора головного мозга;

Неотения (от греческого «неос» - юный, незрелый и «тейньо» – растягиваю, удлиняю) – способность организмов размножаться на ранних стадиях развития, до достижения состояния взрослости; согласно современным представлениям – один из самых значимых факторов эволюции;

Нозологическая форма – определенное заболевание, выделяемое на основе установленной причины (этиология); особенностей развития (патогенез); типичных внешних проявлений и характерного поражения органов и тканей;

Ноумен – понятие, впервые введенное Платоном и представляющее собой логическую противоположность феномена (того, что явлено в органах чувств); неявленное, внутри-себя-достаточное бытие, непостигаемое чувствами;

Нуклеус – специально подготовленный камень, с которого гоминиды и первобытные люди производили снятие отщепов и пластин;

Одонтоцеты – зубатые киты; в древности – акродельфиды, дельфиниды, сквалодонтиды; в современности – дельфины, косатки, кашалоты;

Ойкумена – освоенная человеком часть Земли;

Онтогенез – индивидуальное развитие организма;

Орогенный процесс – совокупность вертикальных тектонических движений на геосинклинали; в широком смысле – горообразование;

Палеоантропы – гоминиды среднего и, отчасти, нижнего палеолита; до недавнего времени к палеоантропам причисляли только неандертальцев; ныне выяснено, что кроманьонцы (которых ранее считали неоантропами и наследниками неандертальцев) жили раньше неандертальцев, т.е. раньше, чем 100 тыс. лет назад; таким образом, согласно последним данным, палеоантропами следует считать кроманьонцев и неандертальцев, отделяя их от архантропов и неоантропов;

Палеокортекс – «древняя» кора головного мозга;

Патогенез – развитие патологии от отдельных отклонений от нормы до устойчивого патологического состояния;

Педоморфоз – совокупность преобразований, происходящих с растущими организмами, появляющимися на свет в результате неотении; развитие по «детскому типу»;

Полигенизм – гипотеза происхождения человеческих рас от разных предков;

Полипноэ – учащенное дыхание;

Понгиды. – в узком смысле слова – крупные человекообразные обезьяны, а именно гориллы, орангутаны и шимпанзе; в палеоантропологии принято расширительное значение в смысле «обезьяноподобные существа» в отличие от гоминид;

Пресапиенс – предчеловек; гоминид, являвшийся непосредственным предшественником Homo sapiens;

Регрессия – отступление моря от суши;

Рекапитуляция – повторение признаков далеких предков в развитии организмов после продолжительного периода отсутствия этих признаков;

Ретардация – задержка развития;

Рострум (от латинского «rostrum» – нос корабля) – вытянутые вперед части морд морских животных;

Сальтационизм (от «сальто» – прыжок) – концепции эволюции, исходящие из идеи внезапного возникновения новых видов без механизма естественного отбора; научный антидарвинизм; различие между концепциями сальтационизма заключается в причинах сальтаций (мутации, «горизонтальный» перенос генов, космический «посев», космическая голограмма и т.д.).

Сапиентация – процесс становления человека, как существа, обладающего разумом; синоним слова антропогенез с несколько более узким звучанием, подчеркивающим первостепенное значение развития мышления-речи;

Сенсорные центры мозга – зоны мозга, управляющие органами чувств и, соответственно, реагирующие на раздражения органов чувств; имеют четкую локализацию в коре мозга; в отличие от ассоциативных зон не обладают качеством взаимозаменяемости и взаимодополнительности;

Симиализм (от латинского – simia – обезьяна) – эволюционная гипотеза, согласно которой человек произошел от обезьяны;

Сингулярность – производное от романского «син» – «без»; в широком смысле – понятие, противоположное понятию «регулярность»; широко используется в естественных науках, а в последнее время и в гуманитарных, для обозначения исходных и переходных состояний, когда развитие идет «от противоположного»; сингулярность – это хаос, но хаос со знаком плюс; это потенциальная регулярность; это состояние, чреватое чем-то новым;

Синдром – сочетание нескольких симптомов какого-либо заболевания; симптомокомплекс;

Сома (от греческого «сома» – тело) – все клетки организма за исключением половых; соматическими заболеваниями в медицине считаются телесные заболевания, причины которых коренятся в соме, а не во внешнем факторе (инфекции, инвазии и т.д.);

Стратиграфия («описание слоев») – раздел геологии, изучающий последовательность, взаимоотношения и происхождение слоев («страт»); в археологической практике «стратиграфией» принято называть последовательность слоев, как таковую, что полностью соответствует изначальному смыслу слова;

Суггестия – внушение;

Таксон – самое широкое понятие биологической классификации; подвид, вид, род, семейство, класс, тип, царство организмов – все эти ранги суть таксоны; понятие широко употребляется, когда неясен уровень биологической классификации; например, человек разными исследователями «таксируется» от подвида (в составе одного вида с антропоидами) до выделения в отдельное царство (микробы, грибы, растения, животные и человек).

Трансгрессия – наступление моря на сушу;

Трансфер – буквально «перенос»;

Фенотип – проявление генотипа в определенных условиях существования организма; совокупность всех признаков и свойств организма, сформировавшихся в определенной среде; один и тот же генотип может проявляться в разных фенотипах (самый яркий пример – домашние животные, особенно собаки, которые все имеют один генотип);

Филогенез – процесс исторического развития таксонов; если онтогенез – это индивидуальное развитие, то филогенез – родовое;

Фоссилизация – окаменение;

Хиатус (лат.) – дословно «зияние»; перерыв, провал, пустота;

Цитология – наука о клетке;

Эректусы – общее наименование для различных видов архантропов, более поздних и совершенных, чем австралопитеки; второе название – питекантропы;

Этология – наука, изучающая поведение животных в естественных условиях;

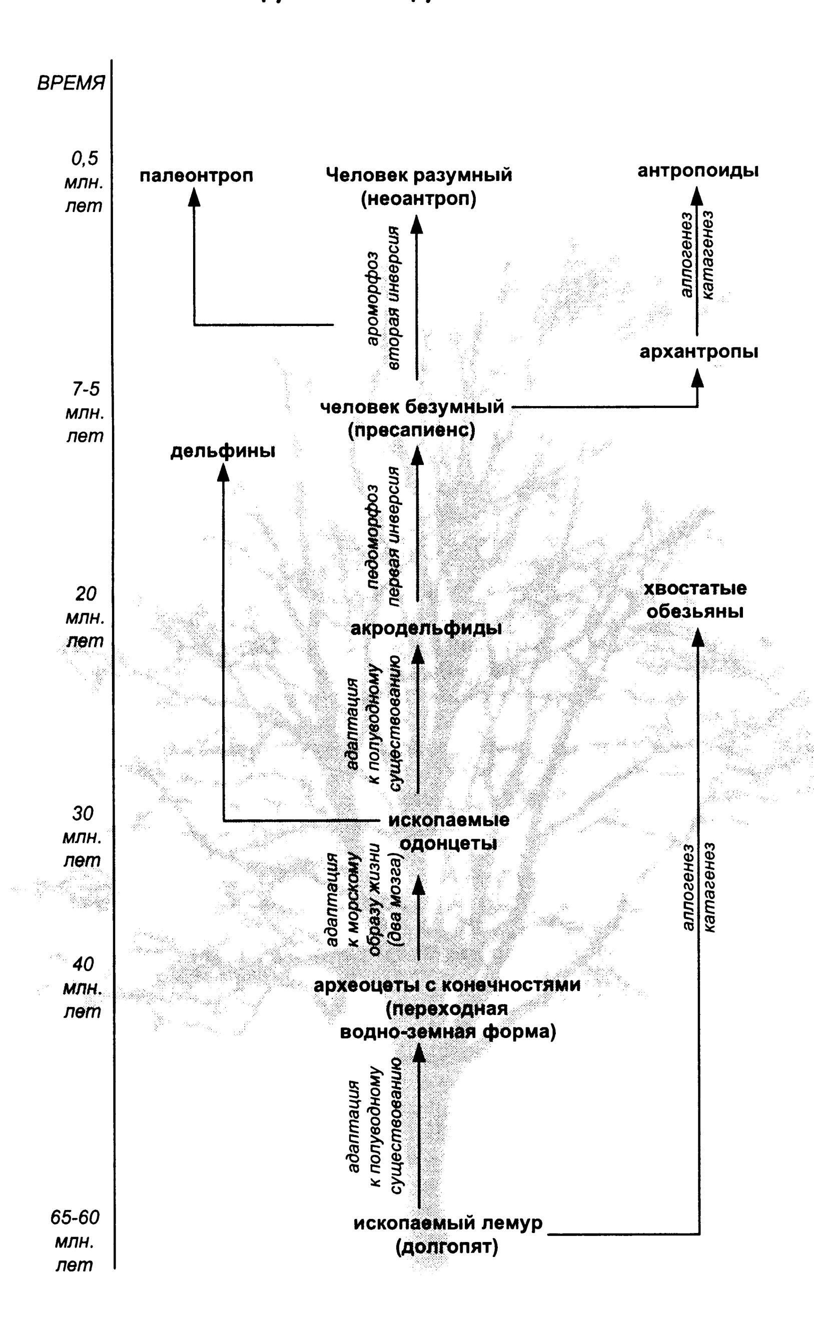
Геохронологическая шкала

Эра	Длительность в млн. лет	Период	Длительность в млн. лет	Эпоха	Длительность в млн. лет
Кайнозойская	67,5	Антропогеновый (четвертичный	1–2	Современная IV Позднечетвертичная III } плейстоцен Среднечетвертичная II } плейстоцен Древнечетвертичная I } плейстоцен	
		Неогеновый	24,5–25,5	Плиоцен Миоцен	10,5–11,5 14
		Палеогеновый	41	Олигоцен Эоцен Палеоцен	11 23 7
Мезозойская	173	Меловой	70	Позднемеловая Раннемеловая	38 32
		Юрский	58	Позднеюрская Среднеюрская Раннеюрская	
		Триасовый	45	Позднетриасовая Среднетриасовая Раннетриасовая	

Приблизительная археологическая периодизация

Время	Название периода	Антропологические типы населения
40–10 тыс. лет назад	верхний палеолит	неоантропы
100–40 тыс. лет назад	мустье (средний палеолит)	палеонтропы (неандертальцы и кроманьонцы)
0,5–0,1 млн. лет назад	ашель шелль } нижний палеолит олдувай	архантропы австралопитеки
2,5–0,5 млн. лет назад		

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ЧЕЛОВЕКА

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.П. Бехтерева. Здоровый и больной мозг человека. Л., 1988
2. М.И. Буянов. Беседы о детской психиатрии. М., 1986
3. Г.Л. Билич, Л.В. Назарова. Основы валеологии. СПб., 2000
4. Б.В. Зейгарник. Патопсихология. М., 1986
5. З.В. Дашкевич. Палеогеография. Л., 1969
6. Р. Чорный. Кризис в сфере душевного здоровья. СПб., 2004
7. Ф.Н. Макаров. Анатомическая организация межполушарных связей у млекопитающих. В кн.: «Материалы 4-й Международной конференции по интегративной антропологии». СПб, 2002
8. М.С. Войно. Возможные направления преобразования мозга в антропогенезе. В кн.: «Макроэволюция. Материалы 1-й Всесоюзной конференции по проблемам эволюции». М.,1984
9. А.М. Кондратов. Атлантиды моря Тэтис. Л., 1986
10. В.И. Кочеткова. Палеоневрология. М., 1973
11. Макроэволюция. Материалы 1-й Международной конференции по проблемам эволюции. М., 1984
12. Ю.Г. Шевченко. Эволюция коры мозга приматов и человека. М., 1971
13. В.В. Бунак. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980
14. Г.Н. Матюшин. У истоков человечества. М., 1982
15. Е.И. Данилова. Элементы гоминизации и дегоминизации в конечностях ископаемых и современных высших приматов. В кн.: «Биологическая эволюция и человек». М., 1989
16. К.Ю. Попадьин, Л.А. Амирова. История одинокой хромосомы. «Природа», №9, 2004
17. Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988
18. А. Зубов. Наследники по прямой. «Вокруг света», №5, 2003
19. А.П. Деревянко, С.В. Маркин, С.А. Васильев. «Палеолитоведение». Новосибирск, 1984
20. Д. Джохансон, М. Иди. Люси. Истоки рода человеческого. М., 1984
21. Г.И. Лазуков, М.Д. Гвоздовер, Я.Я. Рогинский, М.И. Урысон, В.М. Харитонов, В.П. Якимов. Природа и древний человек. М., 1981
22. В.М. Харитонов. Введение в теорию антропогенеза и археологию палеолита. М.,1988
23. Популярная медицинская энциклопедия. П\р В.И. Покровского. М., 1991
24. А. Белов. Антропологический детектив. Люди, боги, обезьяны. М., 2002
25. Ю.П. Гук. Происхождение человека. М., 1995
26. М. Кремо, Р. Томпсон. Неизвестная история человечества. М., 2001
27. «Наш следопыт», №4, 2003
28. Н. Эйдельман. Ищу предка. М., 1967
29. Р. Бертон. Чувства животных. М., 1972
30. Г. Рид, Дж. Уотсон. История Земли. Поздние стадии. Л., 1981
31. E. Morgan. The descent of woman. New York, 1972
32. Л.В. Долгов. Реализация пола прикрепленных двустворчатых моллюсков. Автореферат диссертации. Владивосток, 1987
33. Л.П. Татаринов. Палеонтология и эволюционное учение. М., 1985
34. Д. Уайдер. Бодибилдинг. Фундаментальный курс. М., 1992
35. М.Д. Парфенова. Историческая геология с элементами палеонтологии. М., 1980
36. Г.И. Немков. Историческая геология с элементами палеонтологии. М.,1980
37. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т.3
38. М. Кавардин. Дельфины и киты. Энциклопедия. М., 2002

39. Е.И. Данилова. Эволюция руки человека в связи с вопросами антропогенеза. Киев, 1965
40. К.Ф. Оглоблин. Закономерности распространения урана и тория в раковинах современных и ископаемых моллюсков. Автореферат диссертации. Баку, 1975
41. Человеческое тело. М., 1998
42. Э. Мулдашев. От кого мы произошли. Сенсационные результаты научной гималайской экспедиции. М., 2000
43. Ж. Батай. Теория религий. Минск, 2000
44. Я. Линдблад. Человек – ты, я и первозданный. М., 1991
45. В. Рубцов, Ю. Морозов. Пришедшие на плато Бандиагара. В кн.: «На суше и на море» М., 1978
46. М. Ярошевский. История психологии. М., 1985
47. Л. Выготский. Соч., т.1, М., 1982
48. К. Юнг. Сознание и бессознательное. СПб.-М., 1997
49. Л. Шерток. Непознанное в психике человека. М., 1982
50. Б. Поршнев. О начале человеческой истории. М., 1974
51. А.А. Ухтомский. Собрание сочинений, т.1, Учение о доминанте. Л., 1950
52. Б.Г. Хоменко. К вопросу о происхождении китообразных. В кн.: «Макроэволюция», М., 1984
53. Г.А. Мчедлидзе. Основные черты палеобиологической истории китообразных. Тбилиси, 1976
54. А.А. Кузьмин. Строение и формирование костного черепа китообразных в онтогенезе. Автореферат диссертации. Владивосток, 1976.
55. Г.И. Василевская. Грудная конечность современных дельфинов в эволюционном освещении. В кн.: «Макроэволюция». М., 1984
56. М. Домба. Учение о микроцефалии в филогенетическом аспекте. Орджоникидзе, 1935
57. Э.П. Фридман. Приматы. Современные полуобезьяны, обезьяны и человек. М., 1979
58. Е.А. Дыскин. Главнейшие направления в эволюции морфологических преобразований организма в процессе антропогенеза. М., 1979
59. М.И. Урысон. К проблеме выделения гоминидной ветви эволюции. В кн.: «Биологическая эволюция и человек». М., 1989
60. Н.Л. Крушинская, Т.Ю. Лисицына. Поведение морских млекопитающих. М., 1983
61. Л.С. Богословская, Г.И. Поляков. Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных. М., 1981
62. Л.М. Мухаметов, А.Я. Супин. Сон и бодрствование у дельфинов. В кн.: «Морские млекопитающие. Результаты и методы исследований». М., 1978
63. А. Зайченко, В. Николенко, О. Алешкина, Е. Анисимова. Фило-онтогенетическая типология мозгового черепа человека. В кн.: «Материалы 4 Международного конгресса по интегративной антропологии». СПб., 2002
64. В.В. Тен. Собственность, как она есть. Малоярославец, 1993
65. «Природа», 2002, №3
66. Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Любое издание.
67. O.S. Galdames, J.L.Schroeder Gutierrez. Historia de Chile ilustrada. Santiago.
68. El Mercurio, 17.02.2005
69. Ф.Г. Вуд. Морские млекопитающие и человек. Л., 1979
70. Э. Олперс. Дельфины. Л., 1971
71. В.А. Спицын. Современные представления об эволюции отряда приматов в свете данных молекулярной биологии. В кн.: «Биологическая эволюция и человек», М., 1989
72. К.П. Иванов, О.П. Минут-Сирохтина, Е.В. Майстрах и др. Физиология терморегуляции. Л., 1989
73. Неандертальцы нам не предки. «Природа», 2004, №10

74. М.С. Козлова. Концептуальный анализ теорий антропогенеза. В кн.: В.М. Харитонов. Введение в теорию антропогенеза и археологию палеолита. М., 1998
75. Н.А. Юрина, А.И. Радостина. Кожа и ее производные. Развитие, строение, функции. М., 1996
76. Б.А. Никитюк. Интеграция знаний в науках о человеке. М., 2000
77. Д. Ламберт. Доисторический человек. Л., 1991
78. Д. Фрэзер. Золотая ветвь. М., 1983
79. Справочник по систематике ископаемых организмов. М., 1984
80. В.В. фон Хаген. Инкское государство. М., 2002
81. В.А. Кордюм. Эволюция биосферы. Киев, 1982
82. А.М. Зотин, А.А. Зотин. Направление, скорость и механизмы прогрессивной эволюции. М., 1999
83. М.А. Дерягина. Эволюционная антропология. Биологические и культурные аспекты. М., 1989
84. Л. Клейн. Другая любовь. СПб., 2000
85. Л.В. Долгов. Реализация пола прикрепленных двустворчатых моллюсков. Автореферат диссертации. Владивосток, 1987
86. J. Wood. Mens place among the mammals. London, 1929
87. O.Abel. Die vorzeitlichen Saugetiere. Jena, 1914
88. М. Алексеев. Становление человечества. М., 1984
89. Л. Выготский. Соч., т.2, М., 1982
90. Е. Романова. По чайной ложке. «Вокруг света». №12, 2002
91. В.В. Соловьев. Жизнь Пушкина. В кн.: В. Соловьев. Литературная критика. М., 1990
92. П. Неруда. Признаюсь, я жил. М., 2004
93. П.О. Каплин, О.К. Леонтьев, С.А. Лукьянова, Л.К. Никифоров. Берега. М., 1991
94. Д. Леони, Р. Берте. Анатомия и физиология человека в цифрах. М., 1995
95. С.И. Бараш. Космический дирижер климата на Земле. СПб., 1994
96. А.С. Варшавский. В поисках предков. М.,1982
97. Земная кора и история развития Средиземного моря. Результаты исследований по международным геофизическим проектам. М., 1982
98. Н. Ясаманов. Популярная палеогеография. М., 1982
99. Наследие Чернобыля. Материалы научно-практической конференции «Медико-психодогические и социально-экономические аспекты ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в Калужской области». Калуга-Обнинск, 2001
100. Снежный человек. Миф и действительность. Алма-Ата, 1991
101. A. Hardi. Was Man More Aguatic in the Past? «The New Scientist», 7, 1960

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ II. НАУЧНЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИНВЕРСИОННОЙ ТЕОРИИ

Виктор Викторович Тен

...Из пены морской

инверсионная теория антропогенеза

Редактор (корректор) *Н.М. Белый*
Компьютерная верстка *О.Е. Тихонов*
Сдано в печать 05.05.2005 г.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 14,5. Тираж 2000 экз. Заказ №89
Отпечатано в ГП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый торг, 5
Санкт-Петербург. Издательство В. Тена
197372, г. Санкт-Петербург, ул. Стародеревенская 33/10-142.
Адрес электронной почты: insight_spb@list.ru

тайна МЕССИНИЯ

Первотолчком к появлению человека разумного стала экологическая катастрофа в Средиземноморье более 6 миллионов лет назад

